

**ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ**

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 6 / 2017

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
департамента культуры
и национальной политики
Кемеровской области

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА,
Александр КАТКОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Ирина ТЮНИНА,
Марина ЧЕРТОГОВА,
Евгений ЧИРИКОВ

Адрес редакции:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40.
Тел. 8 (3842) 36-85-14

12+

Содержание

ПОЭЗИЯ

Светлана Кекова. Крестный ход	3
Тайана Тудегешева. О чём бубны Шории строго молчат.....	50
Виктор Коврижных. Ангел труда	81
Сергей Чернопятков. И весна в ручьях звенела	91
Татьяна Попова. Она спешила жить	93
Александр Паксиваткин. Ольховая серёжка. Публикация В. Тихомирова-Тихвинского	99

ПРОЗА

Татьяна Ильдимирова. Замри! Повесть	6
Евгения Борисова. Пять чувств. Цикл рассказов	53
Борис Дюкин. Ностальгия. Рассказ	68
Игорь Фролов. Ант. Рассказ	84

ЭССЕ

Руслана Ляшева. Борьба за наследие Николая Гумилёва. Почти военное эссе	95
--	----

ПУБЛИЦИСТИКА

Зоя Естамонова. «Беспощадное понимание»	101
Александр Фокин. К 100-летию заповедной системы России	104
Марина Цыпкайкина. Есть ли жизнь в Пустом? (Тайны уникального озера Кузнецкого Алатау)..	105

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Николай Коняев. Кочевые империи	17
--	----

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Владимир Сухацкий. Геннадий Юров. Каким я его знал	151
Ирина Вербицкая. Рыцарь пятого океана	155

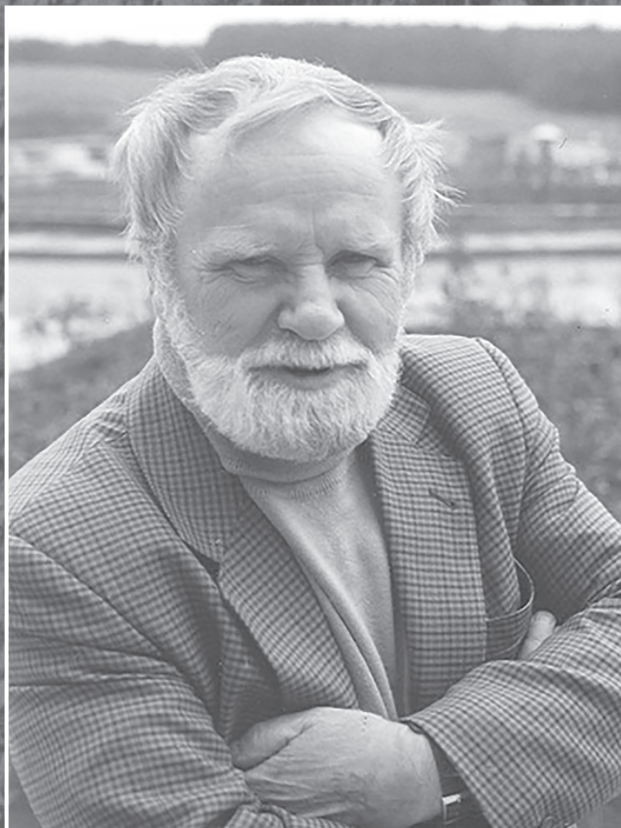
КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Николай Ничик. «Я – дочь, я – ветвь абинского народа». К юбилею Тайаны Тудегешевой.....	158
Валерий Плющев. Литературная «солянка», достойная пробы	161
Юлия Сычёва. Поэт из Темиртау.....	162

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Д. Мурзин	67, 164
Содержание журнала «Огни Кузбасса» за 2017 год. Подготовил Д. Мурзин	170

Василию Ивановичу Белову –85 лет

(1932–2012)

Перечитывая книги Василия Ивановича Белова, всякий раз чувствую, как он своим могучим духом побивал легионы врагов России, русского человека, русской земли!

Вся его жизнь – сопротивление враждебному духу!

Василий Иванович никогда не шёл в ногу с духом времени. Напротив, являясь плотью от плоти русского крестьянства, он вставал поперёк всем противным ветрам безвременья. Это было и в советский период нашей истории, и в столь же трагический век нынешний, чему свидетельство его книги «Плотницкие рассказы», «Лад», «Кануны», «Всё впереди»...

В. ГАНИЧЕВ

Светлана
КЕКОВА

КРЕСТНЫЙ ХОД

НЕЗАБУДКИ НА КРОВИ

1

Миску с красною чечевицею
снова жадно схватил Исаа –
и Россия с её столицею
Богом взвешена на весах.

И бесстыжие, безобразные
бесы вновь сорвались с цепи –
кони рыжие, кони красные,
кони мечутся по степи.

Сердце сделалось белой птицею
и, рыдая, летит на юг...
Убивают Царя с Царицею,
и Детей их, и верных Слуг.

В дни июльские, в дни январские
стала красной, как кровь, заря.
Если б были мы слуги царские,
мы б спасли своего Царя.

Штык наточен, и ямы вырыты,
спит Россия во власти тьмы,
и её убивают Ироды,
а в убийстве виновны мы.

Мы заплатим за всё сторицею,
чтоб душа не была пуста...
Как нам жить без Царя с Царицею,
без молитвы и без креста?

2

Небо вечером в звёздном инее,
спит Россия в туманной мгле...
Расцветают, как звёзды синие,
незабудки по всей земле.

Церкви Божии обезглавлены,
навсегда осквернён алтарь...
Но уже в небесах прославлены
Слуги, Дети, Царица, Царь.

О, какие страдания вынесли
вы во имя святой любви!
И небесные храмы выросли
незабудками на крови.

КРЕСТНЫЙ ХОД

1

В Саратове по улице Советской
я шла в толпе, орех сжимая грецкий

КЕКОВА (Кондрашина) Светлана Васильевна родилась в семье военнослужащего. В детстве и юности жила в Тамбове. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета (1973). Защитила кандидатскую, посвящённую поэтическому языку Николая Заболоцкого (1987), и докторскую («Метаморфозы христианского кода в поэзии Н. Заболоцкого и А. Тарковского», 2009) диссертации. Преподавала на филологическом факультете Саратовского университета (1975–1988), в Саратовском педагогическом институте (с 1988). Лауреат малой премии им. А. Григорьева (1999), Новой Пушкинской премии (2014) и Международного Волошинского фестиваля (2017). Член Союза писателей России. Живёт в Саратове.

в своей руке, и думала о том,
что вот – вокруг меня – чужие люди
и если кто-то голову на блюде
несёт Иродиаде, я крестом
себя смогу спасти от поруганья.
Я шла в толпе и слышала рыдания,
и смех, и брань у входа в магазин,
где прятались раввин и муэдзин.

2

По улице, как новые арийцы,
шли блудники, лжецы, детоубийцы,
в нарядных платьях, стильных пиджаках,
с цветами и айфонами в руках,
и я среди них – не лучше их, а хуже –
шла под зонтом и отражалась в луже.
Стежками дождь пространство дня прошил.
И я смешалась с теми, кто грешил,
кто грех любил, как шоколад и кофе,
кто помогал убийцам на Голгофе.

3

Но вот вопрос: куда спешат они?
Туда ли, где рекламные огни
неистовым мельканьем и свеченьем
всех призывают к новым развлечениям?
Блестят витрины, огоньки машин...
На перекрёстке тополь, как кувшин,
стоит один со светофором рядом,
следит за нашим призрачным парадом.

4

И вдруг навстречу тем, кто любит грех,
кто разгрызает время, как орех,
в Саратове, по улице Соборной,
смиренники идут и простецы,
святые жёны, матери, отцы,
и с ними образ – Спас Нерукотворный.
Они идут – не час идут, не год,
и каждый видит этот крестный ход,
и возле Липок – там, на стадионе,
встал из руин нерукотворный храм,
и ангелы видны на небе нам
и апокалиптические кони.

5

А Бог дождит на грешных и смиренных,
на гениальных и обыкновенных,
промокли гордецы и мудрецы,
глупцы, ленивцы, нищие, купцы
и все потомки Евы и Адама
от океана и до океана.

* * *

А. Л. Казину

Снег лежит на деревьях, не тая.
Огоньками мигают такси...
И мерещится Русь Золотая
нам, зачатым в Железной Руси.

Мы теперь не Обломовы – Штольцы,
Но крещёные наши отцы –
богомольцы тире комсомольцы,
комиссары тире чернецы –

спят в земле, словно в братской могиле,
под покровом сияющей тьмы
и не ведают, как их любили
и как их ненавидели мы.

Мы – наследники тьмы и сиянья –
купола различаем вдали
и целуем в слезах покаянья
антиминс драгоценной земли...

ДОМ У ОВРАГА

1

Девочка с плетёною корзинкою
в гору поднимается с трудом
там, вдали, за речкой Верхозимкою,
где стоит один знакомый дом.

Этот постаревший дом заброшенный
никого не пустит на постой,
даже если некий гость непрошенный
выкосит траву и сухостой.

Образа давно из дома вынесли,
красный угол превратился в прах,
умерла хозяйка, дети выросли,
как трава весной на пустырях.

– Вы о прошлом ничего не знаете
или, может, не хотите знать...

Дом похож на остров в море памяти.
Как найти его и как назвать?

2

...и весь в черёмухе овраг.

В. Набоков

Не перешибёшь ты плетью обуха
и того, что было, не вернёшь...
Жизнь прошла, и отцвела черёмуха,
и в полях заколосилась рожь.

Все, кто жил меж Брянском и Одессою,
между Сталинградом и Москвой,
каждый год платили подать кесарю
хлебом, мёдом, рыбою морской,

или словом, со слезами смешанным,
или ложью малой и большой,
пряным духом вишенно-черешенным
и своей бессмертною душой.

Отдадим же, милый, Богу богово,
чтобы душу не похитил враг...
Видишь, как цитатой из Набокова
светится черёмухой овраг? <...>

4

Смерти просты законы.
Взгляд у неё безгневный.
Смотрит на нас с иконы
Лазарь Четверодневный.

Сердце больное ноет:
нет ему в мире места...
Мама тарелки моет,
бабушка месит тесто.

Ставим на стол бутылки –
в сером пальто из драпа
в дом из бессрочной ссылки
нынче вернулся папа.

Руки и ноги целы,
снова он вместе с нами,
только повито тело
белыми пеленами.

Он головой качает,
спрашивает: «Не ждали?».
Бабушка отвечает:
«Где же твои медали?»

Видишь, как покосился,
высох и сполз к оврагу
дом твой, пока ты бился
за Сталинарад и Прагу?»

«Смерть не моя забота,
Есть от неё спасенье –
Лазарева суббота,
Вербное воскресенье...»

5

Как бы мне остаться незамеченной,
не сорваться, не попасть в беду?
Снится мне, что я июльским вечером
молча мимо кладбища иду.

Я иду и никого не трогаю,
я тоскую по иным мирам...
И плывёт над пыльною дорогою
облако, похожее на храм.

Бабочка – иного мира вестница –
облаку летит наперерез.
Мне видна верёвочная лестница,
брошенная ангелом с небес.

Все ли мы виновны одинаково
иль своя у каждого вина?
Неужели лестница Иакова
между небом и землёй видна?

6

Ласточка щебечет: «Где мой суженый?» –
и зовёт его что было сил.
На пригорке храм стоит разрушенный,
в нём живёт Архангел Михаил.

Ходят молча мимо храма жители
с детским чувством страха и вины.
Знаю я, что и мои родители
в этом храме были крещены.

Здесь венчались и встречали праздники,
отпевали родичей, как встарь,
а сегодня воробьи-проказники
залетают с улицы в алтарь.

Но в пространстве, где светло и ветрено,
вдруг возник Нерукотворный Лик,
а между Богдановкой и Жедрино
чудотворный стал журчать родник.

Да и мы, уставшие, как водится,
видим в небе как бы сквозь туман
Рождество Пречистой Богородицы
и Её Введение во храм.

Татьяна
ИЛЬДИМИРОВА

ЗАМРИ!

Повесть*

Я ЗДЕСЬ!

Надя лежит в темноте, завернувшись в старый колючий плед, и ждёт, когда все в доме заснут. Сбитые колени прижаты к груди. По комнате гуляют сквозняки: Надя не чувствует их, но слышит. Плоская подушка пахнет сухой травой.

Наде не впервой прикидываться спящей. Однажды она прочитала, что треть жизни человек проводит во сне, подсчитала лично – убедилась, и настолько ей стало жалко этих впустую заспанных часов, что с той поры Надя засыпает последней, в самом позднем часу, когда сон оказывается сильнее и голова делается каменной. Она не спит, даже если её угрозами и наказаниями загоняют в постель. Тогда она лежит в кровати с открытыми глазами и борется за своё время.

Бабушка ложится рано, но засыпает поздно: у неё бессонница. Она и рада бы заснуть, но не получается, по утрам глаза у неё ещё спящие, лицо опухшее, а на щеках красные следы от подушки. Но встаёт она спозаранку, никто другой не приготовит для семьи нормальный завтрак. И девочек она будит рано даже на каникулах – нечего лодырничать, у детей должен быть режим. Как только по утрам бабушка заходит в комнату,

так у Нади всё нутро вопит протестом, но спорить с бабушкой она ещё не научилась.

Сквозь стенку Надя слышит, как бабушка ворочается в кровати, постанывает и покряхтывает, словно её матрас и одеяло набиты камнями. Точно так скулила и кряхтела во сне бабушкина старая собака Лиза, которая в начале лета совсем потерялась в лесу.

Иногда бабушка кашляет всем своим телом и никак не может перестать. Иногда начинает тяжело дышать и шептать на выдохе: «Господи, Боже мой! Господи, Боже мой!», хотя она не ходит в церковь и не носит крестик. Кровать её громко скрипит, и пол скрипит тоже, и тапочки шаркают, это означает, что бабушка встаёт и бесполезно кружит по комнате. Наде хочется заткнуть пальцами уши, не для того чтобы квакать ими из баловства, а так и заснуть, слушая только гул в ушах, подобный шуму моря в большой ракушке.

На соседнем матрасе – сестра Рита. Во сне ей всегда жарко, она сбросила с себя одеяло и развалилась, раскинула по простыне загорелые руки и ноги. Надя приподнимается и рассматривает её лицо – спит ли? Ещё как спит. У Риты отросшая чёлка, длинные ресницы, красные обгорелые щёки со свежей царапиной на левой скуле и приоткрытый рот, будто Рита уснула на полуслове. Спящая Рита вся лохматая и похожа

* Глава «Пиковая Дама» опубликована в № 6 за 2016 год журнала «Огни Кузбасса».

ИЛЬДИМИРОВА Татьяна Никоноровна родилась в 1981 году в Кемерове. Работает главным юрисконсультантом в ПАО «Бинбанк». Повести и рассказы публиковались в журналах «После 12», «Литературный Кузбасс», «Огни Кузбасса» (Кемерово), «День и ночь» (Красноярск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Молодой Петербург» (Санкт-Петербург). Автор книги прозы «Солнце». Участвовала в Форумах молодых писателей России (Москва). Лауреат конкурса «Новая кузбасская книга» за 2017 год. Живёт в Кемерове.

на дурочку. Надо запомнить и при случае ей об этом сказать.

Наде хочется потрогать её серёжки. Рите недавно исполнилось девять, в подарок на день рождения ей прокололи уши пистолетом. Обещали, что будет не больно, но Рита всё-таки плакала, второе ухо долго не давала, и мама в награду за смелость повела её одну в кафе-мороженое «Холодок». «Чтобы быть красивой, надо страдать», – гордо повторяла тогда Рита и едва ли не каждую минуту легонько прикасалась пальцами к серебряным капелькам в замученных ушах. У Нади есть подруга Варя, которой вообще уши прокололи девочки в лагере, швейной иглой, и теперь у неё по две дырки в каждом ухе.

Этой ночью мама в городе, там у неё своя, личная жизнь. Случайно сегодня услышали: она отпрашивалась у бабушки, как девчонка. Надя с Ритой так же ноют, когда им хочется погулять ещё хотя бы пять минут. Мама, издёрганная и злая, уехала в город на последнем автобусе; девочки проводили её до остановки и после того, как автобус скрылся за поворотом, назад не спешили, грызли семечки, сидя под остановочным навесом, и смотрели, как сварливая тётя Даша гонит домой нашкодивших сыновей, угрожая им крапивным стеблем.

Без мамы на даче становится пусто и скучно. Девочки обожают маму, особенно когда бабушки нет рядом: тогда она весёлая, смешливая, прыгает со скакалкой и в резиночку, часто после ужина она включает музыку и вместе с дочками танцует и быстрые, и медленные танцы. Она разрешает Рите брать её косметику, учит её краситься и обеих девочек водит на маникюр, потому что с детства надо привыкать думать о красе ногтей. Её не любят в школе: она всегда и во всём встаёт на защиту дочек и, если нужно, спорит с учительницей. В юности мама прыгала с парашютом! Кажется, она боится одну только бабушку.

И Рита, и Надя бабушку сторонятся, остерегаются: та не злая, но им чужая. Девочкам приходится общаться с ней с перерывами из-за взрослых ссор, иногда не разговаривая месяцами. Им сложно уяснить, как нужно вести себя с бабушкой, чтобы ненароком не угодить под горячую руку, о чём говорить можно, а какие слова могут стать поводом для большого скандала. Кстати, ни в коем случае не следует вслух называть её бабушкой. Она ещё молодая, у неё есть имя и отчество – Тамара Ивановна. А бабушки –

это те пожухлые старушки, что на лавочках сидят или цветами у остановки торгуют. Тамара Ивановна – и никак иначе. В таких мелочах проявляется уважение к человеку.

Бабушка – натура вспыльчивая, быстро загорается, остывает не сразу. Каждому новому занятию она предаётся неумно. В последние годы её хобби стала политика, а точнее – каждый вечер сидеть перед телевизором и спорить с политиками. Их она зовёт Алкаш, Дурак, Хрюша, Рыжая Морда и Наш (все, кроме Нашего, разворовали страну и скоро ответят за это перед народом). Она на них прямо-таки кричит, а когда передача прерывается рекламой, то ещё сильнее закипает. В такие минуты к ней лучше не подходить. Из-за политики бабушка часто ругается с мамой, которой это вообще неинтересно, и заканчивается всё тем, что мама одна сидит на кухне, прикрывшись книжкой, и потихоньку ладошкой утирает слёзы. Когда бабушка в особом ударе, она идёт к подъезду спорить с соседками и перед ними ретиво митингует, размахивая руками, как дирижёр. Даже когда её не слышно, то по рукам видно, насколько она взволнованна и зла.

Прежнее бабушкино увлечение было куда безобиднее – работа, а до этого, в юности, – лыжные гонки. Надя не может представить бабушку на лыжне, и ей показались ненастоящими все вымпелы и медали, которые та показывала ей однажды, а особенно выцветшие грамоты. К тому же на грамотах и вовсе была другая, не бабушкина, фамилия.

У девочек на даче своя комната. Они ночуют на матрасах, брошенных прямо на пол. Неделю назад они играли в конец света, спасались как могли, прыгали с кровати на стул и дальше, на стол – с камня на камень, убегая от огненной лавы, заливающей пол, – и, разбесившись, разломали старую кровать. Дно проломилось, Надя рухнула прямо в лаву, едва спаслась, ушибла коленку и несколько дней ходила прихрамывая. Первые два дня спать на матрасах было интересно, как приключение, а потом просто жёстко. Матрасы пыльные, как их ни выбивай, и утром просыпаешься с сухим вкусом во рту и с недышащим носом. Зато удобно (вместо сна или просто разобидевшись на человечество) воображать себя сироткой, рабыней на плантациях или юной принцессой в изгнании, ожидающей своего благодетеля.

В комнате уютно – как в библиотеке. Прошлым летом из бабушкиной квартиры, в которую удалось достать новую стенку, на дачу привезли три старых этажерки с книгами, журналами, газетами, тетрадами, ксерокопиями в папках на зажимах – похоже, бабушка за всю жизнь не смогла выбросить ничего из того, что можно прочесть. Мамаины школьные прописи и институтские конспекты, тетради с рецептами (записанными от руки и вырезанными из газет), инструкции от давным-давно погибшей техники – всё плотно утрамбовано на полках.

Когда на даче удаётся улизнуть от сельскохозяйственных работ, Надя вынимает стопку книг, садится по-турецки рядом со шкафом и шелестит страницами. Много скучного и пыльного – всякая математика вперемешку с Карлом Марксом, но попадаются и книжки, которые можно читать взахлёб. Например, был такой писатель – Вересаев, он писал о том, как работал врачом, местами страшно, но интересно – не оторваться. В некоторых книгах можно найти забытые следы прошлого: из одной выпали три старые тысячерублёвые купюры, с портретом Ленина, из другой – фото неизвестных тёток за новогодним столом, на фоне богатого настенного ковра, и ещё одно, чёрно-белое, где бабушка молодая, с задором в глазах, как у героини советского кино, а на оборотной стороне надпись: «Петру от Тамары, для интереса».

Занавесок нет, в окно смотрит летняя ночь. Темнота в комнате синяя, нестрашная, в углах она клубится и чернеет. В самом дальнем углу стоит узкий шкаф, в котором живёт привидение. Так говорила Рита, и Надя уверена, что сочинила, но вот в чём дело: всё волшебство, выдуманное Ритой, незаметно превращается в правду. Если в тишине приложить ухо к дверце шкафа, то можно услышать, как там, внутри, кто-то глубоко и сонно дышит. Однажды дверцы шкафа сами отворились, и оттуда у всех на глазах сам собой выпал, разлетевшись по комнате, целый ворох старых простыней и полотенец. Надя несколько дней боялась ночевать в одной комнате с этим шкафом и ложилась так, чтобы даже случайно на него не посмотреть.

Над Ритиным матрасом стена разукрашена розовыми наклейками с Барби, Синди и Кеном, а выше висит портрет мужчины, сделанный карандашом: это певец Высоцкий, которого мама очень любит и часто ставит его пластинки. Нарисовала его сама мама в возрасте семнадцати

лет. Надя плакала, когда узнала, что на самом деле Высоцкий давно умер, и мама тогда сказала, что когда-нибудь вместе с Надей поедет к нему на Ваганьковское кладбище в Москву.

Надя плотнее заворачивается в плед: зудит комар. Непонятно, где он летает: кажется, что над самым ухом, совсем рядом, вот он, приземляется ей на висок – Надя шлёпает ладонью – комар затихает, но нет – снова поёт, как издевается, и Надя с головой заползает под плед. Ей душно, колко и неудобно, она боится уснуть и всё пропустить, и тогда она садится на матрасе, подложив подушку под спину, и слушает звуки дома. Рита сопит заложенным носом, бабушка пьёт на кухне воду, настенные часы из поеденного жуками дерева тикают неритмично, как больное сердце, и ежеминутно врут о времени. Где-то в комнате – комар, даже и не один, под полом – мыши, в шкафу – привидение, а снаружи – уже вовсю ночь, и дом обступили чужие тени, они ступают по крыше – или это птицы, или призраки, или ветер? – и заглядывают в окно; скрипя кривыми ставнями, ветер скользит по стеклу.

«Не спать, не спать. Ни в коем случае не спать», – повторяет себе Надя. Она старается думать о приятном. Мысленно перечисляет все книжки, которые всегда ищет на полках библиотеки (Надя из тех, кто может с прежним удовольствием перечитывать полюбившуюся книгу в двадцатый раз), составляет список стран, куда когда-нибудь обязательно поедет, и список песен, которые она хочет переписать на кассету. Она вздрагивает от внезапно нахлынувшего сна, будто поскользнувшись, саму себя ловит за шкуру, быстро-быстро моргает и думает: «Ночью будет дождь. Это очень плохо». Если пойдёт дождь, она может не разглядеть их за тучами.

Дожди могут зарядить до самой осени, затопить последние тёплые дни, и тогда до слёз жалко остатков лета. Каждый август начинается с того, что при первых симптомах непогоды думаешь: неужели в этом году больше не искупаться в речке? Бежишь к реке и бродишь босиком у самого берега, вода кажется тёплой, но глубже заходить не надо: Ильин день прошёл, Илья написал в речку, окунаются только самые отважные. Всё меньше машин приезжает на берег с музыкой и шашлыками, детьми и собаками; на речке остаются одни рыбаки. В августе главная радость – арбузы и дыни на уличных лотках, обожраться бы хоть раз в жизни, но мама не разре-

шает есть много, в них нитраты. С весёлыми полосатыми арбузами стремительно заканчивается лето, за ним идёт сентябрь. Заранее надоевшая школа. Лужи. Серые пасмурные утра. Из носа вечно течёт. Промозглый ветер, выворачивающий зонт. День за днём, день за днём отрываешь листки календаря на кухне, читаешь за завтраком народные приметы и несмешные анекдоты на обороте каждого из дней, и вот уже бредёшь на уроки в темноте, как слепая лошадь, увязая в бурой лиственной слякоти. Ноги до задницы забрызганы грязью. Забудешь дома сменку – дежурные не пропустят в холл: что хочешь, то и делай. Всё время хочется спать.

Надя на цыпочках подходит к окну: стекло сухое. Дождя пока нет. Показалось из-за мутной синевы.

Ветер свистит, в окно бьётся, прижмёшь ладонь к оконной раме – обдувает руку. Окна давно не мыли, и потому, если присмотреться, стекло всё в мелкую крапинку, как февральский снег. С форточки свисает липкая лента, западня для мошканы: смотреть на мёртвых насекомых Наде неприятно.

С подоконника смотрят на неё игрушки. Две растрёпанные куклы, Анжелика и Марианна. Глаза у обеих голубые, густо подведены шариковой ручкой, веки раскрашены синим фломастером, чтобы глаза казались больше, а ногти на пухлых пальчиках покрыты настоящим розовым лаком. У Марианны подстрижены волосы: Рита когда-то мечтала стать парикмахером. Характером они совсем разные: Анжелика – красавица и двоечница, Марианна – скучная отличница и никогда не хулиганит, но всё равно они лучшие подруги. За мальчиков – медведь, утёнок, одноглазый заяц (второй его глаз болтается на нитке). Надя с ними почти не играет, но каждый раз берёт их с собой. Не для того они здесь, чтобы играть, а чтобы они побывали на даче, на речке, в лесу.

Раньше был ещё Кузя, серый друг, то ли волчонок, то ли пёс, весь патлатый, в свалявшейся шерсти, в потасканных шортах, сшитых мамой из лоскутков, с тысячу раз подшитыми ушами и задорными глазами. Надя любила его беспричинно и безмерно, во всех её играх он был пакостником, лодырем и двоечником, она хотела оставить его себе навсегда и каждую ночь спала с ним под боком, будто с ещё одной подушкой. Он так смотрел на неё, словно у них была с На-

дей одна на двоих тайна. На Риту он никогда так не смотрел, да та и не любила с ним играть: Рита всегда только кукол любила.

В прошлом году с Кузей на даче приключилась большая беда. На день все уехали в город, на обратном пути девочки с мамой зашли в магазин и очутились в очереди. В общем, бабушка вернулась в дом первой и обнаружила в доме незваного гостя. На Надиной кровати мертвецки пьяным сном спал худой заросший мужик, на пузе, в крепком объятии зажав бедного забытого, всё равно что мёртвого, Кузю. За год история о том, как бабушка кричала во всю ивановскую «Вор, вор!» и как бегом гнала его со двора, размахивая пустым ведром и метко швыряясь в его спину зелёными помидорами и картошкой, превратилась в семейную байку. Наде сказали, что вор утащил Кузю с собой, и она сделала вид, что не слышала разговор взрослых – от Кузи избавилась бабушка. «Чесотка или туберкулёз, не надо в доме этой грязи».

«Сама она чесотка», – думала Надя, заливаясь горячими слезами и крепко сжатым кулаком отталкивая мамину руку.

Чтобы выйти во двор, нужно сначала по самому скрипучему полу пройти через маленькую комнату, в которой спит бабушка, затем через кухню, не включая свет, в тёмный предбанник – все зовут так прихожую, заваленную старой одеждой, непонятно какой утварью, садовым инвентарём и дарами природы, собранными в тазы и ведра. Потом – ногами нашарить первые попавшиеся шлёпки, на плечи набросить любую куртку, какая под руку попадётся, сбросить с двери цепочку и двумя руками потянуть тугую щеколду. Если бабушка проснётся – я в туалет! – и это будет провал, потому что бабушка непременно выйдет на крыльцо вслед за Надей и будет ждать её возвращения из дощатой кабинки, чтобы перестраховаться и закрыть дверь как следует.

Прежде чем выйти из детской, Надя прислушивается. Тишина. Ей кажется, что она не спит уже очень-очень долго, не меньше половины ночи. Наверное, скоро рассветёт, всколыхнётся во дворе серый туман. Мелькает испуг – всё напрасно, всё пропустила. Стараясь не дышать, Надя подходит к спящей Рите, опускается на пол рядом с ней и всматривается в часы на Ритиной руке. Рита – у неё, в отличие от Нади, папа был не реже раза в месяц – гордилась недавно подаренными часами больше, чем серёжками,

никому их в руки не давала и снимала только для купания. Часы электронные, на сиреневом браслете, цифры в темноте едва различимы: оказывается, всего 23:45. Ночь на даче гуще, чем в городе.

В прошлый раз, говорила Рита, они прилетали около полуночи. Значит, пора.

Надя крадётся к двери. Стоит ей повернуться к Рите спиной, как она понимает: Рита тоже не спит, а украдкой смотрит ей вслед. Надя чувствует на спине насмешливый взгляд сестры: под лопатками немедленно начинает чесаться.

Наде стыдно, страшно, хочется вернуться и лечь спать, как будто так и собиралась.

«Я иду в туалет, – думает Надя, – туда и обратно».

«Имею я право в туалет выйти?» – мысленно спорит она с Ритой.

«Туда и обратно, – говорит сама себе Надя, – посмотрю на небо и вернусь. Я тоже хочу их увидеть, Рита видела, Антон видел, и я хочу... Я напишу потом письмо в газету, – продолжает Надя, – обо всём, что видела. Там будет моё имя, и каждый, кто откроет газету, узнает, что это – я. И учителя прочитают, и вообще все-все, и даже папа. Ещё там будет моя фотография».

Всё дрожит внутри, как в ночь перед днём рождения. Покалывает в пальцах, мурашки бегут по плечам, в ушах шумит, во рту кисло. Даже если и захочешь – не заснёшь до самого утра, пока неожиданно не поймёшь, что на самом-то деле спала и уже проснулась.

Надя глубоко вдыхает, бесшумно пробегает на цыпочках мимо спящей бабушки, не глядя и не дыша в её сторону, выскакивает в предбанник, натягивает мамину осеннюю куртку с капюшоном и свои спортивные брюки, босиком шагает в шлёпанцы и – наружу. Щеколда поддаётся ей легко. Дверь почти не скрипит.

Ночь сразу обхватывает ноги холодными ладонями.

Надя стоит посреди двора, поджав на ногах мокрые окоченевшие пальцы. Она панически боится идти в туалет – на нём висит старый скворечник, в котором вместо птиц устроили гнездо шершни. Бабушка отказывается извести шершней, потому что они живые твари. По крайней мере, до осени. Её саму пока не трогали, и Наде с мамой тоже повезло, а вот Риту ужалили целых два раза, очень больно, а главное – ни за

что: она просто шла мимо. Надя старается в дощатый домик лишней раз не ходить, она терпит, пока совсем не припрёт, и тогда, набравшись мужества, стремглав бежит к туалету, с головой укутавшись в длинную куртку. Но когда её точно никто не видит, Надя не геройствует, а позорно присаживается под кустом смородины.

Ночью живые твари спят, скворечник выглядит безобидно, но мало ли что.

Сегодня вечером бабушка забыла занести в дом старые матрасы, на которых девочки валяются под берёзой, когда есть время бездельничать. Трава сырая. Матрасы до ниточки пропитались влажным ночным холодом и запахом болота. Надя присаживается на край полосатого матраса, натянув куртку на попу, и растирает замёрзшие ступни. Сложно сдержаться и не отодрать кожу с пузыристых мозолей.

Под берёзой с прошлого лета спит хомячок Гаврюша. Он прожил у девочек всего несколько месяцев и успел им поднадоесть, когда Рита забыла на ночь убрать клетку с балкона. Пару дней хомячок хворал: кашлял, скучал, не хотел бегать в колесе, отсиживался в своём домике, весь в опилках, и, наконец, мама утром нашла его мёртвым. Надя не плакала, но когда мама ушла с Ритой по делам, она забралась в кладовку, достала пятилитровую банку со святой водой, завёрнутую в старую наволочку, вылила пару стаканов целебной воды в таз и положила туда хомяка, а чтобы было незаметно, долила в банку воды из-под крана и поставила на место. Она сидела с тазом на холодном полу ванной и долго смотрела на Гаврюшу, безучастно лежащего на дне таза, но он так и не очнулся; она попыталась помолиться, но забыла, как это делается; она, плача, сушила его маминым феном, чтобы никто не спрашивал, почему он насквозь мокрый и почему она насквозь глупая, в одной руке держала Гаврюшу, в другой – фен и всё ещё ждала, что вот-вот стукнет ей в ладонь крохотное хомячье сердечко. В сад его привезли, завязав в носовой платок, и, несмотря на протесты бабушки, похоронили.

Надина ладонь до сих пор помнит, каково это: держать существо, которое совсем недавно было шустрим и весёлым и вдруг почему-то стало неживым. Это было совершенно противоположное ощущение.

Наде нравится думать, что у животных есть свой рай далеко за радугой, а вот насчёт людей она ещё сомневается.

От земли пахнет землёй, от травы – травой, от ночи – ночью, Надя – маленькая и живая, ночь – огромная и повсюду. Влажный ветер путает волосы, задувает их на лицо: наверное, завтра всё-таки начнутся дожди, небо именно такое: тёмно-взбитое, клочковатое, какое бывает перед дождливым днём. Надя обхватывает себя за плечи, замирает, запрокинув голову, и вслушивается в ночную тишину, которая на самом деле не тишина, а шёпот тысяч голосов. От каждого листочка, от каждой травинки – свой шёпот.

Наде слышится, что по соседнему участку, вдоль забора, кто-то ходит. Там живёт человек, которого боятся Надя и Рита. Он старик, у него большая квадратная голова, как у ротвейлера, белёсые глаза и тело, наглухо запрятанное в нескольких слоях одежды не по размеру. Кажется, будто чужую голову приставили к ветхому, непонятно почему живому телу. Он всегда в куртке, даже в самую жару. Он горбится и ходит, загребая ногами. По вечерам он странно гудит с закрытым ртом, бабушка говорит, он так поёт, и ещё она говорит – он нормальный, только старый. Девочки не верят ей: такой, как он, просто не может быть нормальным, вот бабушка – старая, но совсем другая.

Ещё в прошлом году Рита по секрету рассказала Наде историю соседа, которую она подслушала у других соседей. Давным-давно он вместе с молодой женой выступал в цирке: был фокусником. Иллюзионистом, говорила Рита. Жена ассистировала ему – ей приходилось быть той, которую ежедневно распиливают надвое и заставляют исчезать в чёрном ящике. Наверное, она очень его любила, раз изо дня в день решалась на такое. И вот однажды... «Нет, я не буду сегодня рассказывать, я передумала!» – «Ну Рита! Я отдам тебе мою трубочку с кремом». И вот однажды... посреди представления с его женой случилось несчастье. «По правде распилил?» – «Нет, она просто пропала». Фокус был такой: девушка заходила в ящик и исчезала, артист показывал публике опустевший ящик, а затем – чудо! – под барабанную дробь девушка оказывалась на трапедии под куполом цирка. И... однажды фокус не удался, жена пропала, на глазах у сотен зрителей растворилась в волшебных флюидах, ящик был пуст, но на трапедии никого не оказалось. Никто с тех пор не знает, где она и что с ней. Фокусника судили и оправдали, потому что ничего не смогли доказать.

Надя не знает, что из этого правда, но смотреть на соседа ей жутко, и он, словно чувствуя, всегда оборачивается на её взгляд. Однажды, играя в бадминтон, девочки забросили волан в кусты на соседском участке так далеко, что палкой не дотянуться. Волан был последний, но никто не осмелился лезть через забор в злые малиново-крапивные заросли, тем более, идти к соседу и просить его о помощи.

«Скоро. Скоро они прилетят», – думает Надя.

Рита и Антон, любимый двоюродный брат, в ночь с субботы на воскресенье засиделись во дворе, а утром рассказали Наде, что видели НЛО. Рита та ещё фантазёрка, но Антон никогда не врёт, он отличник и серьёзный человек, будущий большой начальник. Рита с Антоном наперебой рассказывали, как прямо над огородом возник сияющий шар размером с баскетбольный мяч, как он остановился вон там, над грядкой с кабачками, повисел минут пять и исчез, будто и не было его никогда. Как назло, у Антона не было с собой фотоаппарата, сокрушался он и снова, и снова говорил о том, какой свет исходил от шара – даже сравнить ни с чем нельзя, не бывает такого света на Земле, и о том, что надо обязательно караулить: а вдруг приземлится? Но страшно: снизу не понять, какого размера шар, может быть, он больше дома! Может быть, он приземлится и раздавит половину садов?

– Почему, почему вы не позвали меня? – кричала обиженная Надя.

Антон ответил:

– Да мы же ни с места сдвинуться, ни кричать не могли. Меня вот заморозило как будто. До сих пор ног ниже коленок почти не чувствую.

– А как же ты ходишь?

– По памяти, наверное, – он сделал шаг и упал как подкошенный на траву.

Рассказы Риты и Антона были похожи на истории, привезённые из лагеря дворовой подругой Варей: все в лагере знали, что неподалёку, над озером, по ночам вспыхивает неземной свет и виден парящий в небе золотистый шар. Он словно и не висит, и не летит, а существует в воздухе, говорила Варя, которая шар сама не видела, потому что ночью идти к озеру забоялась. Рассказывали, что вскоре после того, как появляется шар, в округе происходят всякие странные вещи, например, посреди обычного летнего дождика по округе рассыпается крупный град, или во всём лагере пропадает свет, или в радио-

рубке посреди ночи сама собой включается пластинка с бодрой песней (хотя внутри никого нет). Или вот однажды дети, которые в тихий час сбегали к озеру, до самой ночи плутали в лесу, потому что всем известная, не одним поколением пионеров протоптанная тропинка вдруг пропала, как и не было её никогда. Вышли они к деревне совсем в другой стороне от лагеря. А один мальчик вообще из лагеря исчез. Вроде бы он заболел коклюшем и его увезли в город, но наверняка это сказали просто, чтобы никто не боялся.

Вдруг они вернутся сегодня? А вдруг именно она, Надя, станет первым человеком, который увидит пришельцев? Наверное, они похожи на людей, только очень высокие, прозрачные и с лёгким свечением по краям. «У них большие голубые глаза, – думает Надя, – и крылья есть, обязательно должны быть крылья, но едва заметные, не как у птиц или насекомых. Наверное, они умеют читать мысли и заглядывать в будущее. Наверное, у них есть лекарства от всех болезней.

Мне бы хоть краем глаза посмотреть, – думает Надя. – Даже на секундочку. Хотя бы шар, хотя бы след от шара в небе. Чтобы больше не хвасталась Рита. Чтобы не считала она себя особенной. Она же, Рита, и некрасивая даже».

Надя ложится на сырой матрас, на спину, руки за головой, и смотрит вверх. Звёзд не видно; небо фиолетовое, густое, как чифирь. Облака рваные, плывут пунктиром. Всё вокруг шепчет, шелестит, шуршит. Тихо, прохладно и очень нежно. Хочется, чтобы никогда не заканчивалось лето.

Наде так хорошо, словно её качают невидимые руки. Она вглядывается в небо, замирает и ждёт, и ждёт, всем телом вытягиваясь в струну нетерпения. Ей щекотно в животе и кажется, что совсем скоро с ней должно случиться что-нибудь совершенно невероятное и, разумеется, вся её жизнь будет необычной, не такой, как у всех.

Надя не спит. Надя ждёт.

– Я здесь! – шепчет Надя в августовское ночное небо. – Где вы? Смотрите, я здесь!

ВЕДЬМЫ

Варя была президентом тайного общества.

Её несколько не смущало, что участников её тайного общества было всего двое и вторая девочка, Надя, её власть не признавала. На последних демократических выборах обе набрали

ровно по половине голосов, обе сочли выборы несправедливыми, разругались навсегда, неделю друг друга бойкотировали, тайком плакали, тосковали и неохотно пришли к тому, что все важные вопросы они решают вместе, а собрания проводит Варя как хранитель книги.

Помимо главной книги, Варя раздобыла и другие атрибуты тайного общества: карты таро мадам Ленорман, обыкновенные игральные карты (на которых следовало посидеть перед гаданием), набор юного химика, используемый для составления зелий, театральный бинокль – просто потому что он был красивый, и старую фетровую шляпу, которая делала лицо Нади утончённым, как у актрисы из прошлого, а Варю предательски превращала в коровницу. Шляпу целую неделю проветривали на балконе от нафталинового духа, но всё равно тот, кто её надевал, принимался морщиться и чихать.

Надя старалась не отставать от Вари и всё таскала и таскала в общее гнездо пустые пузырьки от бабушкиных лекарств, блестящие стёклышки, золотинки от фантиков, рваные бусы и прочую девичье-сорочью ерунду, а однажды она откопала на даче в книжном шкафу небольшой, с ладонь, томик без обложки и на необычном языке: её мама сказала, что это арабская вязь. Эта книга была, и правда, без дураков, ведьминской, и девочки немного боялись брать её в руки – казалось, ладони сразу начинало загадочно припекать, словно сама книга хотела вырваться из них.

Все сокровища хранили в нижнем ящике Вариного стола, который надёжно запирался на ключ, а куда Варя прятала ключ, она не говорила никому. Она жила с мамой, а та могла в любую минуту зайти в комнату и молча, с отвращением вытрясти на пол пыльное и замусоренное содержимое двух незапертых ящиков. Что уж говорить о старшей сестре Вари, Галине, девице вредоносной – на зависть любой ядовитой змее и, как считали Варя с Надей, дурной (и лицом, и телом и так далее).

Собрания всегда проводили у Вари: Надя жила в одной комнате с сестрой Маргаритой. Между Варей и Ритой была давняя и беспричинная неприязнь.

Два человека в обществе – конечно, смешно, но Варя и не хотела по-другому: ни с кем, кроме Нади, Варя не собиралась делить игру. Чем меньше людей знают секрет – тем лучше, и не

только потому, что другие могут его растрепать, но и для того, чтобы не потерялось, в болтовне не выдохлось главное: чувство тайны, сладкое и тягучее, как свежий мёд, уютное, как домик под одеялом. И в то же время Варе нравилось, что они с Надей не просто две подруги, а самое настоящее тайное общество.

Варя отпирала ящик стола, чтобы достать книгу или иную драгоценность, и обеих охватывало радостное волнение. В животе было тепло, в подреберье – тоже тепло и немного колко, потому что всякий раз они боялись обнаружить, что кто-то чужой подобрал ключ и разорил тайник.

Едва ли не в каждую встречу Надя приносила Вару рисунки. На тетрадных листах разноцветными ручками изображены были две девочки-ведьмы, две сестры, разлучённые в младенчестве, – Надин и Эстер (Варя ненавидела своё имя). Обе с огромными глазами, тонкими талиями и миниатюрными ладонями и ступнями, себя Надя рисовала кудрявой брюнеткой, Эстер – блондинкой, и это воспринималось как должное, хотя и Надя, и Варя обладали вполне себе обыкновенными невзрачно-русыми волосами: у Нади покороче и потемнее, у Вари посветлее и в вечном хвосте. На рисунках волосы разлетались красиво, будто на них всегда дул лёгкий ветер. Дольше всего Надя рисовала длиннющие пушистые ресницы и ещё – во всех подробностях – платья и туфли.

Они всамделишные колдуньи, говорила Надя, потомственные, их родная мать пропала много лет назад, и с тех пор они живут вдвоём. Однажды Надя видела сон о них, потому что так надо было – чтобы она обо всём вспомнила. «Именно то, что во сне, было настоящим, а реальность – да ведь нам только кажется, что это реальность, мы никогда не знаем, где правда, разве не так, Эстер? Я сразу поняла, что это ты, когда увидела тебя, – говорила Надя, – я сразу поняла, кто мы настоящие. Этот сон был не простым сном, а посланием из параллельного мира, из той самой подлинной жизни, где Надин и Эстер живут в старинном замке с двумя высокими башнями, учатся в колдовской школе, дружат с мальчиками, путешествуют по миру, между делом сражаются со злом». В Надиных историях всё было понятно и предсказуемо, обе девочки спасались от всех возможных опасностей, добро побеждало зло, которое хоронилось в пещерах и подвалах до следующей ночи, смерти не существовало, любовь, конечно же, была, и, кстати,

куда интереснее сражений с нечистью – ежедневный выбор платьев и невозможность решить, с каким мальчиком пойти на бал.

– Сегодня у меня будет платье зелёное, – говорила Эстер. – Такого, знаешь, изумрудного цвета, как мои глаза.

Варя, разумеется, была сероглазой.

– На рукавах, вот тут, кружево, на юбке вышивка. Наверное, цветы. Но не просто цветы, как вот на наволочке, а красивые всякие. Орхидеи, вот какие. А под юбкой ещё одна юбка, шёлковая, и колготки капроновые.

Надя несколько раз начинала писать книгу об Эстер и Надин, но ей не хватало терпения закончить ни одну из историй. Она вырывала из тетради исписанные листы и снова принималась рисовать. Потом приносила рисунок Вару или подбрасывала ей в почтовый ящик и спрашивала: «Ну как тебе?» – и в паузе между своим вопросом и Вариным ответом успевала сквозь землю провалиться от стыда за бездарные каракули. Варя рисовала в десять тысяч раз лучше Нади, они обе это знали, но всегда Варя говорила: «Здорово», потому что ответить иначе было бы не по-дружески.

13

Игра оказалась увлекательной, Варя охотно её подхватила. В ближайшее воскресенье на книжном рыночном развале, куда Варя, скопив деньги, пришла за киноманом «Богатые тоже плачут», она увидела у лысеющего насмешливого торговца, зовущего её «барышня», белую книжку, чуть толще школьного дневника – «Практическая магия. Заговоры на каждый день». А у Нади ещё в прошлом году завёлся альбом, куда она наклеивала вырезки о нумерологии, астрологии, хиромантии, гаданиях, о пришельцах, тунгусском метеорите, привидениях и другие секретные материалы.

Так они и сдружились: «Можно взять альбом домой почитать? Я завтра отдам».

Школа, Надин кружок «Маленькая леди», Варин музыкалка с художкой, дворовая беготня с соседскими девочками, прыжки в резиночку и козла, лагерные смены, поездки на дачу – оставаться вдвоём было не так уж легко, и секретное «колдование» случалось до обидного нечасто.

Между тем Варя всю свою девятилетнюю жизнь мечтала о настоящей подруге, чтобы всегда – пусть мысленно – вместе, до самой смерти, чтобы друг за друга горой и любые секреты можно было ей открыть. Предыдущая её подруга

на всю жизнь, смуглая смешливая одноклассница Ева, переехала в новый район. Варя неделю рыдала так, словно у неё кто-то умер, в школу ходила с опухшими глазами. Мама сказала: «Конечно, жалко, но в гости не поедет, далеко». Было вовсе не далеко, полчаса на автобусе, который останавливался у самого дома, но у взрослых, как известно, странное понимание времени и расстояния. Сначала девочки созванивались каждый день, примерно через полгода Ева звонить перестала, через пару месяцев прекратила звонить и Варя. Позже до Вари дошли слухи, что Ева с родителями уехала в Израиль. Варя не знала, где это. На карте мира нашла, и в атласе тоже, но маленькую точку на карте не могла соединить с воображаемым домом, куда забегает Ева после школы, стаскивая ногами кроссовки и бросая на пол ранец – тот самый, красный, с гоночной машиной: хотя и девочка Ева, а ранец выпросила именно такой.

И – ковёр! Варя всегда думала про Еву, когда пылесосила ковёр. Когда-то Ева в Вариной комнате придумала игру – девочки ползали по полу, водили пальцами по узорам ковра, и пальцы были как будто герои (принц, принцесса и говорящий пёс), а узоры были улицами старинного города с крепостными стенами, башнями, подвалами, лабиринтами и секретным домом, в котором жил колдун-аптекарь, способный схимичить лекарство от любой болезни. Варя до сих пор иногда играла на ковре, но только одна. Это была Евина игра. С Надей была другая – колдование.

Колдование было смесью коллективного чтения гороскопов, гадания на картах и безобидной магии, похожей на то, что много лет спустя будут называть позитивным мышлением и трансёрфингом реальности.

Соседка Оля, прознав об игре в волшебниц, внесла свой вклад и тайком притащила из дома красную велюровую занавеску. Эту занавеску её бабушка когда-то вешала на дверь ванной, затыкая щели так, чтобы внутрь не проникал губительный для фотографий дневной свет. Бабушка умер, занавеску спрятали в глубине шифоньера, а теперь, на старости лет, она превратилась в мантию. Девочки во время игры поочерёдно набрасывали её на плечи для придания действу большего правдоподобия, в ней даже дырку для головы хотели прорезать, но Оля не разрешила.

Иногда Оля незаметно утыкалась в занавеску лицом: ей казалось, что от неё всё ещё пахло проявителем, закрепителем и куревом. Деду разрешалось курить только на балконе, но все его вещи насквозь продымились табаком.

Бывало, что и Оля играла вместе со всеми, но в тайное общество Варя и Надя принимать её не спешили. Конечно, она принесла занавеску и умела выдумывать занимательные и страшные истории не хуже Нади, но всё же Оля им не подходила: она была на полтора года младше и до сих пор играла в куклы, ей запрещали гулять дальше двора и ходить за гаражи, и Оля не решалась послушаться, но самое главное – Оля дружила крепко с девочкой, по всеобщему мнению, конченной. Варя с Надей понимали, что сохранить тайное общество в секрете Оля не сумеет и наверняка будет над ними смеяться. К тому же Оля ещё не прошла испытание: придумать экзамен для вступления в тайное общество Варя не успела.

По картам и по книгам Оля гадала со всеми, читала про руны, нумерологию и гороскопы, но истинную цель тайного общества от неё скрывали. Цель была такая – научиться колдовать. Поэтому заклинания читались и обряды совершались, когда Эстер и Надин оставались вдвоём.

Вдвоём они пили воду, предварительно заряженную взглядами на любовь, красоту и пятёрки по математике. В сумраке зажигали свечу и смотрели на неё, загадывая желания. Призывали дождь, солнце или, наоборот, морозы (чтобы отменили уроки). Пытались взглядами заставить предметы летать по комнате. Добавляли в Галинины диетические котлеты засушенные листья из гербария, растёртые в труху, – чтобы уменьшить её, Галкину, врождённую вредность (Гальяничего не заметила и не только не стала безвреднее, но даже и животом не страдала.)

– Надин, знаешь, кто ты по цветочному гороскопу? Тюльпан.

– И что там написано? – с интересом спросила Надя.

– Женщина энергичная, у неё большое самонаименование. И много сил надо положить, чтобы добиться её признания. В брак вступают поздно или вообще его игнорируют. У таких женщин, как правило, несчастные мужья. Тюльпаны – любители адю...а-дюль-тера. Слушай, а чего это вообще такое?

– Не знаю. Может быть, тоже цветок?

Варя вспомнила:

– О, я читала! Это когда у женщины есть любовники!

– Фу-у-у... – с недоверием протянула Надя.

– Так и написано, смотри.

Надя брезгливо откинула газету.

– Эстер, я же совсем не такая, я обязательно хочу по любви замуж выйти. Детей хочу. Мальчика и девочку, только мальчика первым, чтобы девочку всегда защищал. Слушай, а давай у тебя тоже будут мальчик и девочка, они тогда смогут все между собой пожениться. Мы тогда всё равно что сестры будем, давай, а, здорово же я придумала?

– Погоди-погоди. – Эстер продолжала читать. – В молодости хотят испытать всё, даже запретное. Это манит их больше всего. Смелы и энергичны. Видишь, Надь, смелы и энергичны! А ты с гаража на гараж прыгать боишься!

– Не боюсь я, не хочу просто. Лучше прочитай, что про тебя пишут.

– Про меня тоже не похоже. Королева цветов Роза привыкла быть первой во всём. Очень часто её просто не понимают. Тот, кому она достанется, будет счастлив всё время пребывания рядом с ней, так как она щедро дарит свою любовь близким людям, – с удовольствием прочитала Эстер. – Правда ведь, это не я?

Надя чихнула в ладони (что по примете предвещало долгожданное свидание – была пятница).

– Ну и кому ты хочешь подарить свою любовь? – с любопытством спросила она.

– Хитрая ты, Надечкина, всё-то тебе расскажи.

– Подожди, мне – несчастный муж и любовник...

– Мужья, а не муж. Тут написано: «Мужья». Множественное число.

– Я не хочу множественное. Я хочу единственное.... Ну а ты, значит, первая во всём?

Варя пожала плечами.

– А я тут при чём, если в газете так написано? Посмотри сама. Это ты виновата, надо было в другой день родиться. Теперь уже всё: судьбу не изменить.

Бывало, что Варя с Надей на улице или в магазине выбирали себе жертву и дружно сверлили человека взглядами, мысленно передавая ему приказ сделать что-нибудь этакое – почесать ухо, перепрыгнуть через лужу, купить шоколадку, прокричать петухом. Получалось редко: то ли способностей не хватало, то ли трениров-

ки. Однажды сутулый человечек в грязно-зелёном плаще, которого они преследовали до самого рынка, чтобы вынудить покрутиться вокруг своей оси, подпустил их ближе, развернулся и закричал на них громким, но неожиданно бабским голосом; девочки бежали домой со всех ног. До самого подъезда им казалось, что он гонится за ними. Надя клялась: глаза у него были разного цвета: один зелёный, а второй и вовсе – ярко-красный.

В самом начале лета, в наступление которого после снежного мая ещё не верилось, Варя и Надя обещали дать друг другу клятву верности. Все правила они знали из книг, и дело это казалось им одновременно и очень простым, и очень важным. Порезать ладони, крепко взяться за руки, кровь к крови, – и после этого дружить всю жизнь, что бы ни случилось, куда бы судьба ни забросила, не терять друг друга. Не просто подругами, кровными сёстрами стать.

Двор был просторный, зелёный, заросший кустами, но все укромные места – например, у эстрады – занимали старшие девочки. Наде и Варе приходилось уходить за дом и за гаражи. Там, у здорового карагача, было место, которое считалось их собственным, и они могли прогнать каждого, кто придёт туда играть. Раньше им нравилось стаскивать туда большие картонные коробки, которые валялись около задней двери мебельного магазина, куски пенопласта и поролона и вообще всё, пригодное для обустройства собственного дома. Дом строили долго, а поиграть в нём уже не успевали – дом редко переживал ночь, бывало, что и после обеда уже был разломан. Но теперь они были слишком взрослые для этой игры.

Нетронутые островки травы между гаражами были жёлтыми от одуванчиков. Ветер, ещё зябкий, но уже летний, скользил по голым ногам и пах свежеевыстиранным постельным бельём. Вокруг кружились белые капустницы и садились на траву, на гаражи, обклеенные полусорванными предвыборными плакатами, прямо на девочек: это было неприятно.

– Принесла? – спросила Надя.

– А то как же! – ответила Варя.

Она, как и планировала, забралась сегодня в шкафчик со всяким барахлом и утащила лезвие, которым Галина брила ноги и подмышки.

– Острая, – сказала Надя, потрогав бритву.

Варя кивнула:

– Галка постоянно режется.

Она набрала в лёгкие побольше воздуха и весело спросила:

– Кто первый: ты или я?

– Давай ты.

– Почему я? Давай лучше ты.

– Это же ты придумала. Ты у нас главная.

– Ты что, боишься?

Надя энергично помотала головой:

– Нет. Но первой я не хочу.

– Чего это вдруг не хочешь?

– Просто не хочу, – упрямо повторила Надя. – Я сразу после тебя.

Варя ещё раз потрогала лезвие кончиком пальца.

– Я не буду, если ты не будешь, – предупредила она.

Обе, разглядывая маленькую опасную бритву на Вариной ладони, замолчали.

– Варь, – окликнула Надя. – Ты что, серьёзно? Зачем мы это, а? Глупо же, ведь глупо, признай. Больно ведь и вообще... Мы и так ведь вроде дружим, и ссориться не собираемся, и никуда мы не уезжаем. Зачем тогда...

– Так мы же договаривались! – рассердилась Варя. – Договаривались, договаривались! А ты так легко от своего обещания отступаешься! Какой же ты мне друг после этого? Если даже такую ерунду сделать не можешь?

Она чуть не плакала от разочарования. Надино лицо тоже порозовело от близости слёз.

– Друг я, – сказала упрямо Надя. – Вот чем хочешь могу поклясться.

Варя равнодушно пожала плечами.

– Я же вижу, что не друг. Трындишь только. Ни в чём на тебя положиться нельзя.

– Честное слово, друг!

– Да что твоё слово значит? Говоришь «честное слово», а сама?

– А вот и значит, – почти заплакала Надя.

– Тогда где будем? – спросила Варя. – Палец или ладонь?

– Я не знаю, – выдохнула Надя. – Палец больно. Когда кровь в поликлинике берут, ещё как больно бывает.

– Нам же совсем чуть-чуть надо. По одной капельке крови.

Надя задумалась.

– Бритва грязная, наверное, – предупредила она. – Тогда заражение крови может случиться или столбняк. У нас в саду прошлым летом один

мужик на огороде порезался и умер, весь скрюченный.

Варя поплевала на бритву и протерла её пальцами.

– Ничего, – сказала она. – Подорожник приложим.

– Здесь нет подорожников.

– Трусиха.

Сквозь бледную листву карагача брызгалось первое летнее солнце, но без ветровки пока ещё было зябко. Обе девочки, конечно, вышли гулять в футболках, как полагалось по календарю. Надя растирала руками замёрзшие плечи, её ладони были влажными и липкими. Когда она волновалась, то всегда начинала гладить себя по плечам и бёдрам, медленно расчёсывать пальцами волосы, обхватывать себя ладонями за талию – будто любясь собой. Бабушка, увидев такое, ругалась: хорош красоваться.

Облака плыли друг за другом вдогонку. Неподалёку стучали мячом, с балкона кричали неизвестную Аню, под окнами кто-то хором звал маму.

– Как думаешь, аттракционы в горсаду уже работают? – спросила Варя.

– Сходим сегодня, посмотрим?

– Мне всё равно денег не дадут. У мамы полчка десятого. А я на «Весёлые горки» и на цепочную карусель хочу, – сказала Варя и почувствовала во рту приторный вкус сладкой ваты.

– Варя, ну что ты, карусель же ещё в прошлом году убрали. Она сломалась, там разбились мальчик и девочка. Девочка насмерть, а мальчик покалечился.

Варя, прислонясь к прохладной шершавой коре, рассматривала свои кеды. Они ей были самую чуточку, но малы, и прошлое дворовое лето потрепало их и истерзало. Прежде белые, они не отстирывались и приобрели пыльный серый цвет. Мама обещала купить новые, но Варя старые кеды уже заранее жалела. Вчера она нарисовала на них фломастером красные звёзды, как у одной известной фирмы, и ей казалось, что вышло здорово.

Надя поймала её взгляд и поняла, что страшно хочет взять и наступить Вале на ногу – как бы нечаянно, но больно.

– Ну так и что? – нетерпеливо спросила она, встряхнув волосами. – Куда идём? До парка догуляем? Тебя отпустят?

Варя посмотрела на неё и стремительно полоснула лезвием по кончику большого пальца.

Лезвие выронила, засунула палец в рот, зажмурившись, затопала ногами. Из всех сил старалась не закричать. И не закричала.

– Всё, – сказала Варя, смахивая слёзы и показывая палец Наде. – Я всё. Теперь твоя очередь.

Сама она старалась не смотреть на порез и снова зажала его ладонью.

Надя растерялась:

– Варь, ты чего... Мы уже передумали.

– Трусиха, – сказала Варя.

– Нет, ты...

– Слабачка.

– Я – нет! – закричала Надя. – Мне просто подготовиться надо! Мне настроиться надо!

Варя смотрела на неё с нарастающим презрением. В эту минуту ей казалось, что она ошиблась в Наде и та не подруга ей вовсе, а так – незнамо что.

– Не так уж это и больно! Трусиха! Видела же, я не закричала даже!

Надино лицо наливалось краской, чёлка прилипла ко лбу. Её брови, вчера следом за сестрой подщипанные по картинке из журнала, придавали её лицу слегка удивлённое, глупое выражение. Прикрыв ладонью рот, она не то хихикнула, не то всхлипнула, и, не глядя на Варю, опростелась бросилась во двор.

Прежде чем возвращаться домой, она у подъезда умылась и отсморкалась в холодную струю воды, текущую из ржавого подвального крана. И в самом подъезде постояла, заглядывая через дырочки в чужие почтовые ящики, пока не унялась дрожь в ногах. В окно она не смотрела: знала, что Варя за ней не пойдёт.

Следующим вечером Надя пришла к ней сама. Дома у Вари была мать, и Варя вышла к Наде в карман, заставленный соседской мебелью, мешками с картошкой и тремя грязными велосипедами. В кармане резко пахло рыбой – так, словно рыбу чистили прямо у тебя под носом. От этого запаха начинали слезиться глаза. С хромого комода смотрела не моргая желтоглазая округлая кошка.

– Как дела? – спросила равнодушно Надя. – Почему гулять не выходишь?

– Неохота.

– А завтра выйдешь?

– Ну не знаю я. Дела всякие есть кое с кем.

– Понятно... А я, смотри, вчера вечером картошку чистила и большой палец порезала.

Она доверчиво протянула Варе руку.

Варя взяла Надю за ладонь и кисло улыбнулась:

– Больно было?

– Ага.

– Мне тоже.

Варя выключила в комнате свет, принесла из кухни стакан с водой, бросила туда щепотку соли и, поставив стакан на окно, задёрнула шторы. Было ещё светло, и луна на бледно-сиреновом небе только угадывалась. Даже с задвинутыми занавесками темноты в комнате не получилось.

Девочки сели рядом на диван, крепко взяли друг друга за руки и зашептали, заглядывая в книгу на Вариних коленях:

– Лунная вода, что девичья слеза, пусть я буду молода, белолица, беспечальна, пусть меня полюбит тот, кого я люблю, за мою красу, за покладистость!

Обе замолчали. Варя перевернула страницу:

– Заговор на возвращение страсти в отношениях, заговор, чтобы вернуть любовь жены...

– Это для взрослых.

– Во, смотри: три красивых красных яблока принесут в ваш дом богатство, если произнести три раза заговор: «Помяните мою нищету за упокой, а богатство и здоровье всегда со мной». Волшебные яблоки нужно отнести на кладбище и положить на старую безымянную могилу. Нет уж, спасибо, не дождётесь! – Варя отбросила книгу в сторону. – Может, лучше видик посмотрим?

– А ты кого-нибудь пробовала приворожить? – спросила Надя.

– Нет, а тебе надо?

– Я просто так спросила.

Варя засмеялась:

– Серьёзно, ты кого-то приворожить хочешь?

– Не хочу! Для тренировки только. Разве тебе неинтересно попробовать?

Принялись листать книжку.

– У тебя есть прядь его волос?

– Откуда?

– Ладно, а фотография?

– Нет.

– Тогда встань на колени, лицом на восток.

– А где восток?

– Наверное, там, – Варя наугад махнула рукой. – Вот тебе книга, читай.

– Я просто на пол сяду, – сказала Надя и начала читать: – Как небо зарей засияло, так бы и нам в любви засиять с добрым молодцем... А про себя читать можно? Я вслух не хочу.

– Тут про это ничего не написано.

Надя неохотно начала сначала:

– Как небо зарей засияло, так бы и нам в любви засиять с добрым молодцем... – Она завалилась на ковер и расхохоталась, спрятав лицо в ладонях.

Варя засмеялась тоже, и, как назло, в дверь заглянула Варина мама и недовольно спросила, не пора ли Наде домой.

Варя вызвалась её проводить до квартиры. Идти было недалеко: подняться по лестнице на два этажа. Варя и Надя шли наверх, сцепив руки в замок; Надя держалась за перила и вела за собой Варю. Надина рука была горячей и влажной, Варина – напротив, неожиданно маленькой, но твёрдой и прохладной. Расставаться не хотелось. Казалось, что никогда в жизни они не успеют наболтаться. И намолчатся. И снова наболтаться.

– Я тебе завтра кассету новую принесу – «Король Лев», – сказала Надя, добравшись до своей квартиры.

– Я смотрела! – ответила Варя и сразу поправилась: – Только давно и не полностью.

Галя сидела на ковре в Вариной комнате, потурецки скрестив ноги, и бесцеремонно листала «Практическую магию».

– Где ты достала эту ерунду?

– Твоё-то какое дело? – огрызнулась Варя.

– И как, много парней приворожила? – фыркнула Галина. – Может, ещё и порчу на кого-нибудь навела? Или, как это называется, присуху? А? Скоро будем объявление в газеты подавать: «Потомственная ведьма Варвара предскажет будущее, вернёт любимого». И фотографию твою, знаешь, чтоб ты на ней вся в чёрном и руки над магическим шаром.

– Лучше по-хорошему отдай, – прошептала Варя.

Галина спрятала книжку за спину.

– Не отдам.

– Отдай! – со злостью сказала Варя. – Это моё.

– Не отдам. Сама читать буду. Это же анекдот сплошной, ты послушай: «Любовь в сердце призываю, огонь страсти в его душе разжигаю...»

– Галя, я всё расскажу маме.

– Я ей сама расскажу, какую гадость, какую пошлость, какую поразительную мерзость ты в дом приносишь. Бесстыжая! Мама отберёт, не сомневайся. Не отдам, Варвара, даже не проси.

– Отдай, Галя, это не моё! – вырвалось у Вари. – Мне вернуть надо! Я на время взяла!

– А чьё?

– Надя дала почитать.

– Отвянь. Я же сказала – нет.

Галина подхватила книгу и, оттолкнув Варину руку, направилась к двери. Варя прыжком догнала её и ударила кулаком в плечо и коленом в бедро. Галя привычным движением заломила ей руку за спину и толчком в спину отправила в сторону дивана. Спорить было бесполезно. Варя захлопнула дверь и, пристроившись в уголке дивана, вытирая слёзы о подушку, стала ругать Галину. Она перебирала все известные ей ругательства и твердила их беззвучно, одними губами, и ещё, и ещё, и ещё. «Чтоб тебе всё лицо прыщами обсыпало, – думала она, – чтоб ты следующую сессию завалила, чтоб на тебя парни больше никогда не посмотрели, чтоб ты никогда не вышла замуж».

Чуть успокоившись, она села на ковер и долго водила пальцами по его узорам: принц убежал из темницы, чтобы вызволить принцессу из логова гигантского змея. Галя с мамой смотрели в зале КВН. Варя слышала, как они смеются, и оттого ей делалось всё горче, и ныл порезанный палец, в горле стоял тугой комок, а от проглоченной обиды и внезапного стыда словно кожа на животе скукожилась. Она чувствовала себя изгоем в семье, объектом колкостей, глупой девочкой, вынужденной всегда быть готовой к защите, не имеющей никакого права на своё – сокровенное, смешное, но своё. Не было в её жизни ни одного дня, в котором бы не существовало старшей сестры. Всем было понятно, что Галина – любимая дочь, они с мамой были похожи своим умением произвольно найти насмешливое словечко, жест, смешок на любое Вариное увлечение, на каждую её подругу, поделку, похвальную грамоту.

Галина смеялась как ни в чём не бывало. Варя рванула в Галькину комнату, забрала книжку, засунутую сестрой под подушку, и, спрятав её под футболкой, кинулась в туалет, где разорвала каждый лист на мелкие кусочки и смыла их в унитаз.

– Ужинать будешь? – спросила мама.

– Нет, – угрюмо ответила Варя.

– Ну, как хочешь, уговаривать не буду. Ходи голодная.

Спала Варя плохо, будто бы между двумя снами: одним – про опустевшую школу летом,

в ремонт, в запахах краски и сырой штукатурки, в остром чувстве стыда, так как Варю надо отнести сварливой библиотекарше книжку, которую она потеряла, и другим – ночным, про разрушенный, отравленный город, где было необходимо срочно кого-то найти. Оба сна друг на друга наслаивались, перекликались, звенел школьный звонок, на Варю кричала огромная ворона, из зарослей выползали ядовитые змеи, Варя спешила, кружила и петляла то по улицам, заросшим колючими растениями, то по школьным этажам с провалами между лестничными клетками, а когда она проснулась на влажной простыне с мокрым лицом и саднящим, безголовым горлом, то выяснилось, что у неё температура. Врач сказал: «Ангина».

Варя болела неделю, и ещё неделю её не выпускали гулять, потому что небо дважды трясло остатками снежной крупы и трижды – дождём, а Варя хоть и не температурила, но кашляла. Мама работала в больнице, но признавала только народную медицину. Варя грела ноги в горчишной ванне, дышала над горячей картошкой, терпела банки на спине, но продолжала кашлять и хрипеть.

В домашней маяте проходили бесценные дни каникул. Надя позвонила один раз и передала через Варину маму – дальше порога её не пустили – обещанную кассету. Варя смотреть её не захотела.

Во дворе покрасили скамейки, и свежий запах голубой долго сохнущей краски смешивался с долгожданным июньским теплом. У соседнего подъезда незнакомые девчонки прыгали в резиночку, и до Вари доносился летний звук подошв, шлепающих об асфальт, и старательный счёт: «Пешеходы, пешеходы, молния, точка». Со второго этажа подвывал худой доberman, которого хозяева на весь день привязывали на балконе, чтобы уберечь квартиру от разрушений.

Надя шла к подъезду с бидоном в руке и с Олей под руку, словно они были лучшими подружками. Обе смеялись и не заметили Варю, которая шла им навстречу. Колючий ком в горле вернулся, как и не было недельных полосканий горьким травяным отваром. Они смеялись так, словно над кем-то, и больше не над кем им было смеяться, кроме как над Варей.

– Привет, – хрипло сказала Варя им вслед. Девочки обернулись.

– Привет! – обрадовалась Надя. – Поправились?

– Почти.

– А что с тобой было?

– Ангина. – Варя откашлялась: горло всё ещё саднило.

– Ладно, – сказала Надя, словно они виделись только вчера. – Мы сейчас квас домой занесём и в горсад поедем, ты же с нами, да?

Варя, помедлив, кивнула и взяла Надю под руку, заняв место, где только что шла Оля. Впереди было почти всё лето – бесконечное, бездельное, разнеженное.

БАХЧИСАРАЙ

– Я уеду в Крым. Возьму и уеду, навсегда уеду. Я уже немного денег накопила, и ещё я возьму у них, я знаю, где они деньги прячут – вот там, в Джеке Лондоне. Куплю билет на поезд. Или на самолёт. Так получится быстрее. Нет, слушай, а если без родителей меня не пустят в самолёт? А знаешь, ещё машины можно останавливать. Я в кино недавно видела: парень и девушка за город ловили попутные машины и ехали, куда им было надо. Даже на грузовиках, в кабине, прикинь? Вот и я так буду. Когда машина остановится, я зареву и скажу, что родители уехали на автобусе, а я отстала. Меня тогда пожалеют и отвезут сначала в один город, потом в другой, и так я буду всё время ехать, ехать, ехать, и в конце концов я доберусь до самого моря.

Ленка говорила без остановки, чтобы не начать плакать. Голову запрокидывала, сглатывала слёзы и продолжала тараторить.

– Неужели ты совсем не боишься? – спросила Оля. – А ночевать ты где будешь? А еду покупать?

– Оля, я всё продумала. Я денег возьму побольше, чтобы хватило на всю дорогу. Буду пирожки на вокзалах есть и спать тоже на вокзалах. Я была, я видела, люди ложатся и спят прямо в одежде. Никто их не трогает. Там, знаешь, стулья есть специальные, в ряд поставлены.

– Лен, ну ты чего сочиняешь, твои сразу же пойдут в милицию. Тебя поймают и насильно отправят домой.

– Не поймают. А когда я до Крыма доберусь, меня уже папка никому не отдаст. Он ведь мой папа, он меня родил, если бы не он, то меня бы на свете не было.

– Лена! Не плачь! Слышишь, не надо плакать! Ну ты что, в первый раз, что ли?

– Я всё равно уеду, я уеду, ты поняла? Я же решила! Я копить начала, я уже вторую неделю булочки на большой перемене не покупаю. Ещё мне мама на Новый год денег подарила. Она, правда, сразу их забрала и спрятала, чтобы я не потратила на что попало, но я знаю, где они лежат.

– А если тебя по дороге поймут?

– Мне нельзя, чтобы меня поймали. Они же меня убьют тогда.

Так говорила Лена, сидя на корточках в кладовке, уткнувшись мокрым лицом в подол старой каракулевой шубы. В тот день она узнала, что матери позвонили из музыкальной школы. Лена прогуливала второй месяц, надвигалась катастрофа. Оля сидела рядом с ней, неумело гладила по плечу и не знала, какие слова придумать в утешение.

– Хоть бы мне заболеть сегодня, – говорила Ленка. – Что можно такое сделать, чтобы у меня взаправду температура поднялась, а? Вот бы было здорово: они с работы придут, а я тут лежу больная.

Оля представила себе, как через полчаса придёт с работы Ленкина мама, как Ленка, заранее зарёванная, осторожно выйдет ей на встречу, надеясь на снисхождение, и как Оля, уже сидя в своей комнате этажом выше, врубит музыку погромче, чтобы не слышать их крики. Её скрючило от жалости.

– Лена, я тебя не брошу, я с тобой поеду! – вырывалось у неё.

Оле было пять лет, когда она призналась дома, что сильнее всех на свете, больше мамы и папы, она любит Лену, и хлёстко получила по губам влажным кухонным полотенцем.

Оля с Леной постоянно играли, словно они сестры. Их любимые одинаковые куклы были сёстрами-двойняшками, и медвежата тоже были сёстрами. Обе они в детский сад не ходили, а дни проводили дома у Лены под присмотром Лениной бабушки. Обе попали в первый «А» и мечтали, как будут вместе ходить в школу, держась за руки, и сидеть за одной партой. Велико же было горе, когда первого сентября выяснилось, что по дурацкому правилу девочка должна сидеть с мальчиком, а когда Оля с Ленкой стали болтать через проход – их рассадил по разным углам класса. Близорукую Ленку усадили за первую парту, и Оля со своей галёрки видела только её коротко стриженный затылок и худые сутулова-

тые плечики. Если Ленка не могла решить задачу, Оле казалось, что она тихонько плачет.

Ленку редко отпускали гулять во двор, даже летом, и постепенно у Оли появились другие подружки, соратницы по играм, Варя и Надя. Ленка ревновала страшно, но напрасно: настоящий друг только один, думала Оля.

После школы Оля по-прежнему рвалась к Лене домой. Не отпустить к Лене – хуже наказания не придумаешь. Ленка возвращалась из музыкалки, сразу звонила ей, и Оля скорее бежала вниз по лестнице. Они вместе учили уроки. Ленка за Олю рисовала и клеила, Оля потихоньку давала Ленке списывать математику: подругу бранили даже за четвёрки, она панически боялась сделать в тетради ошибку. Потом возвращалась Ленкина мама и отправляла Олю домой, Ленка должна была поужинать и минимум час играть под маминым неусыпным надзором. Ни разу Ленкина мама не предложила Оле сесть с ними за стол, а той хотелось очень: дома у подруги на ужин подавали такие блюда, которые Олина мама не готовила никогда. Магазинные пельмени, сардельки или макароны, обжаренные на сковородке.

Пианино, огромная чёрная бандура, занимало половину Лениной комнаты, и при взгляде на него каждому становилось понятно, что оноечно и неизбежно. Ибо – гармоничное развитие ребёнка, избавление от тлетворного влияния улицы и «ты мне ещё спасибо скажешь».

Лена всем сердцем ненавидела музыкальную школу, музыку, пианино и всех мёртвых композиторов. Она мечтала сломать инструмент, но никак не могла придумать такой способ, чтобы поломка выглядела случайностью, а не продуманной диверсией. Едва ли не каждый вечер Оля слышала, как она пытается играть, а потом сдавленно рыдает над клавишами, и как кричит на неё мать: «Купили пианино! За бешеные деньги купили! Всё для Лены, всё для тебя, играй, Леночка, сколько душе угодно! Пёрли его на пятый этаж, чуть грыжи не заработали!».

Олина мама пыталась поговорить с мамой Ленки, но безуспешно. «Математика и музыка – два кита, на которых строится личность» – так сказала Ленкина мама, и если она права, то Оля в лучшем случае могла стать только половиной личности.

Олю музыкальная каторга обошла стороной. Она знала про себя, что лишена хотя бы зачатка музыкальных или спортивных способностей,

неуклюжая, косорукая, непонятно, в кого такая уродилась. Оля не умела рисовать, её выгнали из танцевального кружка, её поделки на уроках труда выставляли на всеобщее посмеище. По рисованию, труду и физкультуре у Оли стояли хилые натянутые четвёрочки. Правда, по пению была пятёрка, но это не считается: пятёрки по пению стояли у всего класса. Учитель находился попеременно в двух состояниях тела: запой и похмелье. На каждом уроке он проникновенно исполнял две любимые песни: про сурка и «Ах, зачем я на свет появился?», потом оглядывал класс красными благодарными глазами, ставил какую-нибудь бесконечно скучную пластинку, возвращался за стол, клал голову на скрещенные руки и крепко засыпал до самого звонка. Однажды пластинку заело, но, хотя все смеялись, он не просыпался до тех пор, пока его не разбудила завуч.

Лену били ремнём по ногам. Как говорились – воспитывали. Хотели сделать из неё человека. После такого воспитания Оля часто видела на её ногах сине-зелёные полосы. Физрук по прозвищу Саня-Ваня требовал от девочек надевать в спортзал короткие шорты, похожие на трусы, многие отказывались: стеснялись, и получали двойки за неготовность к уроку. Лена упорно приходила в спортивных штанах, чтобы скрыть разукрашенные ноги, и Саня-Ваня не пускал её в таком виде в зал. Если у Оли была очередная справка об освобождении (она вечно болела), то они с Ленкой вместе сидели в раздевалке в ожидании звонка.

Когда они оставались в раздевалке вдвоём, им никогда не бывало скучно. Они тренировались читать задом наперёд и писать левой рукой. Играли в виселицу, морской бой. Составляли из одного большого слова множество маленьких, как в передаче «Звёздный час», куда они обе писали письма. Листали учебник природоведения, и при виде изображения какого-то страшного, противного или смешного животного, было нужно успеть сказать «Это ты!» или «Это твой муж!».

Иногда они делали мелкие пакости одноклассникам: рисовали в чужих тетрадях страшные рожи, девчоночьи сумки закидывали в мужской туалет, плевали в них – всё вот такое, не со зла, от скуки. Ни разу никто их не заподозрил: и Оля, и Лена в классе считались тихонями, а Ленка ещё и знатной плаксой.

Ленка часто говорила о своём отце. Её настоящий папа, Виктор, жил в Крыму, в Бахчисарае. У него были свой дом, фруктовый сад вокруг дома, много книг, рыжая собака и рыжий кот, маленькая комната на чердаке, в которой Лена будет жить и куда не поместится пианино. Папа – очень добрый и спокойный человек, лицом похожий на писателя Чехова. Отчим тоже спокойный и кажется добрым, но на самом деле он ко всему равнодушный, как осенняя муха, а папа – нет! Он тоже ненавидит музыку, он разрешит Лене гулять допоздна и не будет ругать её за двойки, он научит её плавать, кататься на велосипеде, возьмёт в настоящий поход, у него есть машина, и по выходным они будут ездить к морю и жить в палатках на берегу. Велосипед был несбыточной Лениной мечтой: для него не было места в квартире, а ещё одной несбыточной мечтой – море: в семье вечно не хватало денег. «Другое, отдельное южное счастье, – с воодушевлением говорила Ленка, – не носить толстую плюшевую шубу и меховую шапку, от которой потеет чёлка и мнутся волосы, не натягивать на себя колючие рейтузы и носки из собачьей шерсти. Там нет физры на лыжах и не надо таскать с собой в школу лыжи и палки».

27

Но главное – папа. Ленка, большая, ни разу с ним не встречалась. Даже фотографий его в доме не держали. Когда она последний раз видела отца, родители давно расстались. Ленке тогда не исполнилось и трёх лет, но она уверяла, что помнит, как сидела у него на плечах и держалась за уши. На нём была бандана, у маленькой Ленки руки ко всему прилипали, вымазанные арбузным соком, а коленки её то и дело прикасались к его небритым щекам, и ей было щекотно и радостно.

Ленка часто писала отцу на адрес, найденный в маминой старой записной книжке. Кроме этого адреса, никаких следов отца дома не нашлось, и сколько ни пыталась Ленка, она не смогла отыскать своё свидетельство о рождении. Впрочем, она звалась Елена Викторовна, и этого было для неё достаточно.

Ленка писала отцу каждый раз, когда нужно было чем-то поделиться, поздравляла его со всеми праздниками, но ни разу не получила ответа: его письма наверняка рвали или мама, или отчим. Ленка прочитала в Большой советской энциклопедии всё про Бахчисарай и нарисовала рядом с ним красную звёздочку на карте несуществующего Советского Союза, висящей над её

кроватку с малолетства. Она всё считала, через сколько лет она будет достаточно взрослой, чтобы отправиться туда без маминого разрешения. Получалось – шестнадцать минус девять – ждать ещё семь лет. Можно начинать копить деньги. Она и копила. Оставляла себе сдачу, потихоньку таскала мелочь из маминой сумки, всегда на улице внимательно смотрела под ноги.

Однажды Ленка показала Оле старую фотографию с обломанными уголками. С чёрно-белого снимка, улыбаясь во весь рот, смотрела Ленкина мама. Она стояла во дворике то ли храма, то ли крепости, явно какой-то местной достопримечательности с высокими острыми башенками. На обороте фотографии было напечатано: «Ханский дворец. Бахчисарай» и дописано размашистым почерком: «Виктору на память от Анюты. 14.07.1984».

Ленка сказала мне тогда: «Это она на него смотрит. Вон как радуется!»

Оля не могла себе представить, что Ленкина мать, высокая, поджарая женщина, с очень прямой спиной и в будто бы затуманенных очках, когда-то ласково звалась Анюткой.

Всякий раз, когда Оле доставался счастливый билет, или же она оказывалась между девочками с одинаковыми именами, или видела автомобиль с двумя нулями в номере, она, зажмурившись, сжимая кулаки, твердила про себя: «Пусть мне купят «Денди», собаку и настоящую Барби, а Ленку пусть заберут из музыкалки».

Летом девочки похоронили Ленину училку по фортепиано. Оля видела её всего однажды, в гастрономе. Ленка словно вдвое уменьшилась и, прикрывая лицо батонком, тонким минорным голосом пропищала: «Здрасьте, Вера Борисовна!». Училка оказалась самой обычной тёткой, толстой, с лицом, заранее выражающим недовольство, одетой в вязаную кофту, несмотря на жару. Она Ленку не расслышала, даже на неё не взглянула и, расталкивая всех локтями, устремилась в рыбный отдел. Для таких тёток у Олиной мамы всегда было наготове оправдание: «Она злая, потому что у неё мужика нет».

А похоронили Веру Борисовну так: взяли самую старую и некрасивую Ленкину куклу, которую девочки и стригли, и подводили ей глаза шариковой ручкой, и остатки её волос пытались обесцветить «Белизной», чтобы превратить в блондинку. Куклу положили в обувную коробку,

на крышке написали: «Вера Борисовна», и Ленка долго и старательно втыкала в резиновую грудь все иглы, которые нашла в мамином швейном наборе. И в живот ещё, и в голову, пока кукла не стала похожа на дикобраза. Её даже сделало немножко жалко. В молодости это была красивая кукла.

– Это, – сказала Ленка, – называется вуду. Так всякие дикие племена поступают со своими врагами.

– И что должно случиться?

Ленка закрыла глаза и, обхватив себя за живот, быстро-быстро зашептала:

– Пусть она из школы уйдёт вместе со своим пианино и пусть там нового учителя не найдут, и больше никогда в жизни я её не увижу и в музыкалку больше не пойду, а мама пианино продаст совсем-присовсем навсегда.

Оля изо всех сил представила себе, что Вера Борисовна заболела, уехала в другой город, бросила неблагодарную работу и ушла торговать сникерсами в ларёк (как их бывшая завуч), да всё что угодно, лишь бы Ленке больше не приходилось реветь над ненавистными чёрными и белыми клавишами под мамины крики: «Что ты опять рыдаешь? Лентяйка! В ноты смотри!».

Коробку закопали за гаражами, вырыв небольшую могилу рядом с захоронением хомячков и попугайчика, почивших в бозе прошлым летом.

Неизвестно, как там у диких племён, но на Веру Борисовну колдовство не действовало. Стремительно промчалось лето, а больше ничего не произошло.

Одно из сильных детских воспоминаний – страх. Когда торчишь в соседнем подъезде, изнывая от скуки, но домой идти боишься. Потому что там мама, а ты за диктанта, без единой ошибки написанный, получила въедливые четыре с минусом, с примечанием: «За грязь». Или неслась, не глядя под ноги, упала в лужу, испачкала новое пальто, порвала бесценные колготки. Или на уроке переслала Ленке по рядам записку со смешным стишком про маленького мальчишка, остроумно вставив туда имя одноклассника, а учительница отобрала, прочитала и раздулась от ярости, будто королевская кобра.

Или вот – в тот самый день. Оля на большой перемене вышла из школы за беляшами без шапки и в расстёгнутом пальто, отдельный грех, что за беляшами, и – невезуха – сразу же наткну-

лась на маму, которая должна быть на работе. «Дома поговорим», – сказала мама особым, даже ласковым, голосом. И белый свет померк.

Оля знала: дома её ждал долгий и нудный разговор, обидный тем, что родители её считают маленькой, глупой, всегда и во всём неправой. Ей не было холодно без шапки, но кого это интересует? Наоборот, в кроличьей ушанке в любую погоду, кроме лютых морозов, голова потела и чесался лоб. Мама скажет одно из своих особенных слов, от которых сразу бросает в жар, как от большой неправды, и почему-то в третьем лице: «Фасонит». Враньё, но спорить – себе дороже. Нужно молчать. Горло станет каменным, голос – тяжёлым: «Я всё поняла, я больше так не буду». Мама скажет: «Ну поплачь, поплачь, поссышь поменьше». Посреди выговора никто не позволит уйти, но когда всё закончится, Оля запрётся в туалете, сядет на кафельный пол, уши заткнёт пальцами, запрокинет голову, чтобы слёзы стекли вовнутрь, и станет изо всех сил мечтать о своей собственной квартире в какой-нибудь далёкой стране, где она будет жить совсем одна.

Сколько раз она представляла себе свой настоящий дом, например, такой: маленькая квартирка в центре Парижа, в мансарде с треугольным потолком. Из окна – вид на Эйфелеву башню. Книжные полки. Гардеробная – как в кино. Просторная ванна, в которой можно валяться в любой позе. Туалетный столик. Всякие-разные флаконы духов. Никаких дурацких ковров, ежедневно требующих пылесоса. Джо Дассен в магнитофоне. Встречи с друзьями в кафе. Круассаны, горячий шоколад – не пробовала ни разу, но названия завораживали. Конечно же, зверьё, Оля заведёт рыжего кота, рыжего хомяка и рыжую собаку.

«Уеду, – думала Оля, закусив губу. – Вырасту, выучу язык. Пускай все остаются прозябать здесь, а я уеду, я не хочу такой жизни, бессмысленной, уродской. Никто меня не любит, – кусала губы Оля, – никому я тут не нужна. Уеду, не вернусь. Всем будет только лучше».

«Хочу домой, хочу домой, хочу домой», – думала Оля, спиной прижимаясь к стене туалета. Слёзы на вкус были горькими, а животу от них – твёрдо.

Следующим вечером Ленка ждала Олю в сквере за домом. За её спиной болтался настоящий туристский рюкзак, истрёпанный и подпаленный в нескольких местах. «Нашла в кладов-

ке, – сказала она. – Мама в молодости в походы любила ходить». Одета она была в лыжные штаны и старую тёплую куртку с капюшоном, скрывавшим лицо.

– Ремнём? – неловко спросила Оля.

– Да всем подряд! Ты же её знаешь! Я ей должна в субботу три этюда сыграть без запинки. Ну уж нет, хватит. Она мне вечно говорит, что я ей такая не нужна, что она возьмёт из детдома девочку, которая будет послушной и благодарной. Вот и пускай берёт себе на радость. Пускай эта девочка играет ей и гаммы, и этюды, и сонатину фа мажор.

Оля и представить себе не могла, что Ленка взаправду уезжает. «Всё просто, – думала Оля, – мы играем в побег из дома, шутим, чтобы заставить родителей волноваться, вечером мы уже будем дома, все испугаются, нам не попадёт». Но Ленка шла к автовокзалу и перечисляла, что она взяла с собой: купальник, шорты, две футболки, зубную щётку, зеркальце, тёплую кофту, дневник, чтобы показать его в новой школе, три пирожка с ливером на сегодняшний ужин, свою фотографию с котёнком, которого притащил отчим в подарок на день рождения и унёс обратно после того, как Ленка не выучила очередной этюд. Она говорила, что нужно доехать на автобусе до соседнего города, запутать следы и там выйти на трассу и останавливать попутные машины. «Выйти на трассу» – звучало как настоящее приключение. Оля всё пыталась заглянуть в её лицо и понять, когда закончится игра, но Ленка пряталась в капюшоне и отвечала так, будто Оля, увязавшись следом, ей мешала и нужно было под любым предлогом от неё избавиться. Оля уже передумала уезжать, но бросить Ленку одну она не могла.

Девочки добрались до автовокзала и долго стояли то на перроне, то внутри. Было промозгло и ветрено. Они смотрели, как сменяют друг друга грязно-оранжевые автобусы, буксуя в грязном снегу, и почему-то не спешили покупать билеты. Через час не утерпели и съели пирожки. Люди торопились, или, наоборот, стояли в очереди, переминаясь с ноги на ногу, или сидели в зале ожидания рядами, почти как в театре, и смотрели на Ленку и Олю с осуждением и подозрением. По залу прогуливался милиционер, и Ленка скорее потянула Олю к выходу.

Снаружи пахло бензином и куревом, воздух был мутным от холода и газа. Вокруг были закутанные люди, они толкались сумками, локтями,

ругались, жевали на ходу, кого-то искали в толпе, кто-то друг на друга кричал. Нужно было делать всё то же самое, что и остальные: протискиваться сквозь толпу, покупать билеты в кассе, дожидаться автобуса, садиться в него, закидывать рюкзак на верхнюю полку, а потом в окно смотреть, как убегают назад улицы города, в котором Ленка и Оля родились и прожили без малого по десять лет.

Оля сказала:

– Лена, я не поеду, наверное.

Подруга отвернулась и ответила:

– Тогда пока.

Она не смотрела на Олю, пока та уходила. Оля не обернулась, но спиной почувствовала, что Ленка попрощалась с нею навсегда.

Поздним вечером, когда Оля пыталась уснуть, в дверь позвонили: пришли Ленкина мама и отчим. Олю подняли из постели и вынудили рассказать всё, что она знала.

Ленку привезли домой под утро.

С той поры они перестали быть подругами, хотя этого никто не понял. Они по-прежнему учились в одном классе, часто ходили вместе в школу и домой, иногда Оля на перемене давала Ленке списать математику или сверить дневник погоды. Но если по правде, то Оля и Лена стали друг для друга чужими: как если бы Ленка уехала в свой намечтанный Бахчисарай, а в её квартире поселилась новая девочка, одноклассница, но не больше.

Видеть Лену ещё долго было неуютно, хорошо хоть, что гулять та не выходила: то ли ей было некогда, то ли её не выпускали, то ли сама она не хотела проводить время во дворе с Олей и её новыми подругами.

Потери детских дружб давались Оле тяжело. Теперь ей за тридцать, и ни одно расставание с мужчиной Оля не оплакивала так, как в детстве рыдала из-за своих подружек.

Всё было хорошо, но вот в груди пищало. Сжималось всё и пищало, как детская резиновая игрушка. Плачь не плачь, думать не думай, а домой идёшь и видишь: в Ленкином окне свет, и снова хочется в дверь её позвонить, чтобы хоть на лестничной площадке поболтать пять минут. Она, быть может, и выйдет, и поговорит, но та дружба уже не вернётся. Хоть волком вой, ничего не исправить.

Конечно, прошло. К лету почти забылось.

В последней четверти седьмого класса классы расформировали и согнали заново, перемешав и разбив по специализациям. Ленке, видимо, по материнскому велению предстояло осенью пойти в математический класс, а Оля сдала экзамены в гуманитарную гимназию. Апрель с маем пролетели незаметно. Оля о гимназии давно мечтала, два года готовилась, жила в предвкушении, а поступив, утратила всякий интерес к любым событиям в классе. У неё теперь было будущее, а все прежние одноклассницы из простой школы остались позади. Ленка сидела за соседней партой, но Оле не было до неё никакого дела.

Однажды в апреле по дороге домой Оля увидела, как одноклассницы бьют Ленку за школой, четверо на одну, мутузят, повалив её на остатки почерневшего, размякшего снега, таскают за волосы, и как та пытается не то отбиться, не то от них отползти, закрывая лицо своей шапкой. Или это была не Ленка, просто куртка похожа? Конечно, не Ленка. Её в классе не любили, смеялись и за спиной, и в лицо, пакости делали, вещи портили, но ещё ни разу не били. Оля отвернулась, поправила шарф и накинула на голову капюшон.

Она шла домой медленно, осторожно, балансируя, чтобы не растянуться на ледяных колдобинах, держась подальше от хлопьев дорожной грязи, летящей из-под колёс, и думала о скорой поездке в Крым, обещанной родителями за поступление в гимназию. Смотрела на себя в витрины, виделась себе изящной и хрупкой, как мамины любимые хрустальные вазочки в серванте, и, кажется, была довольно-таки красивой. Какой-то незнакомый парень приветливо ей улыбнулся.

Конечно, там была не Ленка. Она ведь отпросилась с последнего урока и вечером, как обычно, занималась на пианино, рассыпая по этажам бойкие весёлые нотки.

Ольга не видела Лену двадцать с лишним лет, но сразу узнала её. Это случилось в филармонии, после концерта. Приезжал известный пианист. Ольга была на работе, представляя спонсора.

Лена окликнула её в толпе детским прозвищем и, словно крейсер, бросилась навстречу, раздвигая неорганизованную толпу в гардеробе и волоча за собой на буксире сонного, вусмерть окультуренного мальчика младшего школьного возраста.

– Оля, дорогая! Ты совсем не изменилась! – Ленкино лицо светилось радостью. – Ты как вообще?

– Нормально, Лен, всё хорошо.

«Ну и ну, как же она запустила себя», – подумала Ольга, а вслух машинально сказала:

– Лена, ты прекрасно выглядишь. Такая свежая!

Ленка пригласила её к себе на чашку кофе.

Ольга сначала идти не хотела и по дороге к Ленкиному дому, к своему бывшему дому, жалея, что согласилась. Она не была склонна к ностальгии, она даже не зарегистрировалась на «Одноклассниках»: ей прекрасно жилось без лишней информации о людях, с которыми у Ольги давно не было ничего общего.

Беседовали по-светски: о детях, о работе. Посмотрели фотографии из последних Ленкиных поездок в Турцию и Египет. Зачем-то обменялись телефонами.

– Кто-нибудь из наших здесь ещё живёт? – спросила Ольга.

– Нет. Кстати, ты в курсе, что Санька умер в прошлом году? Помнишь, из соседнего подъезда, бегал ещё за тобой постоянно.

– Во-первых, он за мной не бегал, – рассердилась Ольга. – Во-вторых, для наркомана он прожил долгую жизнь, ты не находишь? Ты извини, но я к таким людям плохо отношусь. Он сам свою судьбу выбрал, никто в него насильно шприц не втыкал. У него и семья такая хорошая была, родители дружные, бабушку я его помню, всё к моему в гости ходил, в шахматы играли у нас на кухне, даже со мной иногда партию-другую.

– Да, конечно, – Ленка стушеввалась. – Мать его жалко. Старая совсем, едва ходит, слепая как курица. Мы с Игорем приносим ей продукты. Помолчали.

– Оля, а у меня мама в прошлом году умерла. Ольга кивнула:

– Сочувствую. Я тоже своих не так давно похоронила...

Она посмотрела на часы – пора было собираться.

– Кстати, – снова заговорила Ленка, – ты помнишь, как мы моего папу на вокзале встречали? Как я с цветами пришла, которые я на газоне надёрнула у нашего подъезда, бабки ругались потом? Я тогда ещё плакала очень сильно, что он не приехал, обещал, маме позвонил, а сам не приехал? Поезд приехал, все вышли, я на каж-

дого мужчину на перроне смотрела – не он ли? А его не было.

– Конечно помню.

– Ты же поняла, что я придумала всё?

– В смысле? Он, что ли, не обещал приехать?

– Ну его вообще не было, – просто сказала Лена, разглядывая, как поднимается в турке кофейная пена. – То есть был, конечно, у меня отец, я же на свет появилась. Но вот того, о ком я всё время рассказывала, что из Бахчисарая, – не было такого. Я всё про него выдумала, в деталях, дом его, собаку, машину, так хорошо придумала, словно своими глазами всё видела. Кот рыжего, Кешу. Всё-всё-всё.

–Ма-ам! – заглянул в кухню толстый мальчик Игорь. – Можно мне телефон назад?

– Зачем?

– Посмотреть надо, что мне наши написали.

– Только и знаешь! – родительским голосом прикрикнула Ленка. – Сначала уроки, потом поговорим!

Она разлила по чашкам коричневую зернистую горечь и добавила, не глядя на Ольгу:

– Хотелось вот мне очень, чтобы так всё было. Я и сама себе верила. Был же там какой-то Виктор. И адрес ведь, и фотка. Кто такой? Мамин приятель или бывший любовник, а вдруг он мой отец? Я всё-таки Викторевна, а не какая-нибудь Анатольевна. Ты не подумай, я же по правде тогда плакала. Когда я поехала на вокзал, я прямо-таки верила, что он там есть, что я приеду, а он меня встретит, настоящий, невыдуманный. Из плоти и крови. А его не было. Ух, как я ревела. Ну ты же должна помнить. Шли пешком от вокзала до дома, и всю дорогу я ревела, вся в соплях, чуть под машину не попала.

Ольга, смущённая, почему-то не удивилась.

– Игорь на пианино играет? – спросила она, чтобы и не молчать, и не вытаскивать на белый свет, поддавшись порыву, события своей личной жизни, которые лучше бы не помнить.

Она знала, что после откровенных излияний наступает чувство, подобное похмелью.

– Ну да, играет, – неохотно ответила Лена.

– Нравится ему?

– Это лучше, чем в телефоне сидеть.

– А я своей через два года занятий разрешила бросить. Вспомнила тебя и подумала, зачем оно нужно, если не в радость.

– Затем и нужно, чтобы не как Санька.

– Слушай, Лена, я не хочу с тобой спорить.

– Ладно-ладно, проехали.

Ленка села рядом на кухонном диване, плечи вперёд, и замолчала, разглядывая свои ладони. Как пена в турке, в Ольгиной душе поднималась жалость. Ей хотелось обхватить Ленку и посадить себе на колени, и не вот эту взрослую Ленку, а ту самую маленькую девочку, которую никто из взрослых не попытался понять.

На улице было темно, мокрый снег лепился к рамам, Ольга с Ленкой отражались в оконном стекле – взрослые тётки, с образованием, с какой-никакой карьерой и айфонами, в маленьких чёрных платьях и макияже. Но в этой квартире, где сотни раз они играли в прятки, ползая под диванами и залезая в шкафы и кладовки, в квартире, не знавшей серьёзного ремонта со времён детства, в квартире, где навсегда остался кусочек Ольгиного сердца, Ольга почувствовала себя девятилетней, желающей скорее вырасти, чтобы всё, что только можно, исправить.

– У тебя ресница выпала, – сказала Ольга. – Помнишь приметку?

– Помню. Из левого глаза, да?

– Верно, – ответила Ольга. – Значит, счастье у тебя будет.

Всем девочкам известно, как исполняются мечты: надо накрепко зажмуриться, что есть сил представить себе желаемое и резко открыть глаза. Если не получится с первого раза, то ещё, ещё и ещё, и тогда всё сбудется: Ленка и Оля окажутся на юге и будут, обгоревшие, беззаботные, девятилетние, лежать в прохладной бирюзовой воде, раскинув руки и ноги, как две морские звезды.

КИС-БРЫСЬ-МЯУ

Тёплым летним вечером самое главное – не заходить домой ни за чем: ни попить, ни в туалет, ни за мячом. Загонят. Родители видят темноту другими глазами: как нечто, таящее опасность, словно они родились уже взрослыми и никогда не знали парную, сливочную, обволакивающую ласку летних сумерек и общность с теми, кто гуляет вместе с тобой. Даже если это люди из другого дома, чужой компании, если они старше или младше, даже если они вообще мальчишки, мимо которых днём проходишь, задрав нос, вечерами все становятся друзьями, объединёнными игрой, разговорами, лёгкими подколками, кулком жареных семечек, коллективным желанием как можно дольше не идти до-

мой. «Нет, я не замёрзла и не голодна». «Ещё пять минут». «Ещё десять минут». «Мам, ну пожалуйста». «Сейчас, сейчас, мы только доиграем, мы же тут, у подъезда, все здесь, никто не ушёл». А если вдруг загнали, то остаток вечера маешься, пока со двора в форточку ещё влетают голоса тех, кто остался, и понимаешь, что сегодня пропустила всё самое интересное.

Окно Олиной комнаты – с другой стороны, смотрит на дорогу, а окна кухни, зала и родительской спальни выходят на двор. Олю обычно рано не загоняют и сегодня её не кричали ещё ни разу, но на балкон она глядит с опаской. На кухне и в зале темно, а окно спальни задёрнуто шторами, и оттуда рвётся наружу тусклый телевизионный свет. Оля знает: её позовут, когда закончится фильм, и надеется, что он длинный и очень интересный.

Время летит быстро до неприличия. Всё кажется, что ещё светло и впереди целый вечер, а вдруг раз – и заползает темнота. Бегут-спешат минуты, вечер близится к ночи, лето – к середине. Андрея кричали трижды, за Варей спускалась мама. Уйти невозможно, двор ловит в свои сети, каждые выторгованные у родителей пять минут кажутся жизненно важными. Ведь если рано уходить домой по вечерам, то и само лето закончится быстрее. А это несправедливо: и без того лето гораздо короче зимы, пролетает легко и невесомо, как пушинки одуванчика, и не остановишь его никак, хоть каждый день играй в «море волнуется», хоть листы календаря на всякий случай не срывай.

– Я знаю окно, где женщина голая по вечерам ходит. Показать вам? – спрашивает Рита.

Все хохочут, никто же не осмелится сказать: «Да, конечно!».

– Она даже на балконе курила один раз голая! – уверяет Рита.

Кто-то интересуется:

– Совсем прямо голая?

– Нет, в трусах и лифчике, а волосы такие, как у ведьмы, – до самой попы. Стояла и курила долго и пепел вниз стряхивала.

– Скажешь тоже, голая. Сама, наверное, дома такая же ходишь, – говорит Санька.

– Я – нет, – краснеет Рита. – Я дома в спортивном костюме хожу.

Двор тонет в темноте. Небо спускается ниже, ложится на крыши. Звёзды яркие наперечёт,

а вокруг мелкой россыпью мерцает звёздная пыль, как осколки вдребезги разбитого бокала.

Ноги приятно гудят. Сегодня все напрыгались в резиночку, даже Рита, которая уже большая. Оля скакала, как и все, до четвёртых, но горела реже других и, поймав кураж, чувствовала, что прыгает она просто замечательно. В такие минуты она любила, нет, обожала своё крепкое загорелое тело за то, как оно здорово умеет скакать в резиночку или через скакалку, бегать в салочки и казаки-разбойники, гоняться за воланом. Прыгала Оля и зимой, она натягивала резинку между стульями и упорно тренировалась дома; соседи снизу при встрече выговаривали ей за постоянный топот.

А ещё днём была внезапная радость – в соседнем дворе обнаружили остов железной пружинистой кровати и тоже, конечно же, скакали, и по одному, и по двое, за руки держась, – кровать сама подбрасывала вверх.

Вокруг уютный, надёжный полумрак. Шёпот крон, издалека, как из другого мира, – приглашённая музыка, обрывки слов, детское «уа-уа». В одном из незашторенных окон женщина на кухне то ли готовит, то ли убирается, и одновременно танцует, кружась и плавно взмахивая руками. Такими вечерами Оле нравится думать о том, что где-то рядом есть зазор, через который можно проникнуть в другой мир: например, прыгнув с качелей и улетев прямо туда, или неожиданно распахнув дверь подъезда, или заглянув в разбитое зеркало, поставленное около мусорных баков. Не то чтобы ей туда хотелось, но почему-то было важно знать, что существует другой мир, параллельный, глазу невидимый.

Над подъездом загорается свет, и видно, что под светильником роится мелкая насекомая жизнь. Комары, конечно, надоедают, и от них отмахиваются бесплатными газетами с объявлениями. Эти газеты каждый день кладут в почтовые ящики.

Оля открывает газету и читает с выражением:

– Мужчина, сорок пять лет, обеспеченный, порядочный, без вэпэ, Козерог, познакомится состройной девушкой, для серьёзных отношений. Люблю природу, рыбалку, лес.

– Хочешь позвонить?

– Ты чего, перегрелась?

– Так я ведь просто поугорать предлагаю. Ты как будто его будущая невеста, вся такая милая и романтичная, и мечтаешь о свидании

в сосновом бору. Знаешь, как будет весело, мы с Варей однажды так звонили. Варь, скажи, круто было, да?

Варя кивает и заглядывает в газету через плечо:

– Смотри, а вот у этого указан пейджер. Лучше давай что-нибудь надиктуем. Например: «Моя голова кружится от возможности скорой встречи, жду тебя завтра у фонтана в четырнадцать ноль-ноль». А завтра все вместе пойдём смотреть, кто припрётся.

– Ну и откуда ты собралась звонить? К автомату лично я тащиться не хочу. Из дома если, так у всех там родители. Давай лучше завтра днём.

Оля читает дальше:

– Слушайте: «Отвечу по всем жизненно важным вопросам, да или нет».

– Это же за деньги, да?

– Конечно.

– Я тебе бесплатно скажу: да.

– Что «да»?

– Просто «да», и всё.

– Оля, – спрашивает Варя, – а вы покупали «СПИД-инфо» на этой неделе?

– Нет ещё.

– А почитать дашь?

– Может быть, и дам.

Вчера день был весёлый – седьмое июля, Иван Купала – обливай кого попало! Когда идёшь гулять, будь готова к тому, что тебя с ног до головы окатят из ведра прямо с балкона или побегут за тобой с бутылками с холодной водой, брызгалками или другими орудиями для обливания – фантазия безгранична. В общем, если есть желание куда-то дойти красивой, то с этой мыслью можно распрощаться. Варя, например, струсила и целый день просидела дома, присочинив про больное горло.

Иван Купала хорош в жару, а тут утро пришло прохладное, приправленное моросящим дождём, воздух прогрелся только к обеду, и вода ледяная была совсем некстати. Пока Оля бегала в магазин и обратно, её облили трижды, причём один раз – на пороге гастронома. Домой она вернулась, дрожа от холода как цуцик, и притащила обгрызенный с концов мокрый батон.

Последним, кто облил её, был Санька: налетел со спины, как придурочный, схватил за плечо, вылил ей на макушку воду из бутылки и удерживал силой, пока не закончилась вода. Оля,

опешив, даже вырываться забыла, фыркала, хлюпала и булькала бесполезно.

После обеда Оля вышла, вооружённая бутылкой, и сразу увидела Риту. Та, облитая, бежала к подъезду, чуть не плача. Волосы её мокрые пошли кудряшками, а белая футболка облепила тело и стала прозрачной. Санька и Витёк мчались за ней вприпрыжку, скандируя: «Сиськи! Сиськи! Сиськи!»

Однако Рита – молодец: уже вечером она гуляла как ни в чём не бывало. Её выдержке можно позавидовать. Если бы Олю дразнили сиськами, она бы, наверное, неделю не появлялась во дворе.

– Кто-нибудь уже на американских горках катался?

Несколько дней назад в город приехал чешский луна-парк. Расположился он в двух останках от дома, на пустыре между грязными общежитиями и гостиницей, которую строить начали, а потом почему-то остановились. Там выселились карусели, которые привозили и раньше, – цепочная и с лебедями, а в этом году появились самые настоящие американские горки.

В луна-парке побывали уже все, мнимые ветром тёплым, карамельным, кукурузным, обещающим всяческие удовольствия: от комнаты страха и беспроигрышной лотереи, в которой можно было выиграть колечко с камушком или жвачку «Педро», до пресловутых американских горок.

– Я страшно хочу покататься, – говорит Надя. – Я раньше только в кино такие видела.

– А я туда не сяду, – признаётся Оля. – Люди, вы чего, там разбиться можно, насмерть даже.

– Никто же не разбился ещё, – отвечает Надя.

– А ты откуда знаешь, может, и разбился!

– Тогда бы в газетах написали.

– Ты думаешь, в газетах правду пишут?

– А что, разве нет?

– Мама говорит, газеты врут, а особенно телевизор. Всё, что в телевизоре показывают, это враньё.

Американские горки, и правда, выглядели непрочными, словно собранными из огромного металлического конструктора. По рельсам с дикой скоростью гоняли открытые вагончики. Люди визжали так, что их было слышно на другой стороне улицы. Одновременно страшно было и завидно.

– Там держалка есть специальная, – растолковывает Надя. – Если и захочешь упасть, и то не упадёшь. Я вообще без рук собираюсь кататься.

– Да ты там со страху обоссешься! – смеётся кто-то из пацанов.

– Дурак!

– Ты это, ты подгузники не забудь, если вдруг решишься! «Либеро» – лучший друг малышей!

– А ты прямо сейчас у меня, понял! – говорит Рита, старшая сестра Нади. Все знают, что у неё тяжёлая рука и острый язык.

– Я же пошутил!

Неожиданно Санька сильно хлопает Олю между лопаток. Она вздрагивает.

– У тебя там комар большой сидел и присосался уже!

Оля строптиво дёргает плечами, Санька уже давно её раздражает.

– Ты чего на меня зыришь, в штаны напузыришь! – огрызается она.

– Хочу и смотрю. Могла бы, между прочим, и спасибо сказать.

– А я, может, не хочу, чтобы ты на меня смотрел.

– Мало ли что ты не хочешь. Ты же не государственная тайна, чтобы на тебя и посмотреть было нельзя.

Оля снова дёргает плечами и спрашивает:

– Ходили сегодня на стройку?

– Ну а как же! Мы на последний этаж поднялись и, ты прикинь, на самом краю сидели. Ноги перекинули вот так наружу и сидели.

– Страшно было?

– Лично мне – нет, главное, вниз не смотреть. Если вниз посмотреть, то тоже, в общем-то, ничего такого, но голова закружиться может. И Андрюха вот поднывал, только настроение всем портил своими соплями.

– Вы дураки совсем, что ли, и не лечитесь?! Ещё и маленького с собой потащили! Вот дураки-то, а!

– Да брось ты! Представь, как повезёт тем, кто будет там жить. Вот бы мне! Высота такая, выше, чем на колесе обозрения! Весь центр виден!

Стройка второй год разрасталась на берегу городской речки-вонючки. Будущие дома во дворе называли небоскрёбами, хотя в каждом из них было всего-то по двенадцать этажей. Ходили разговоры, что строить там нельзя, что почва зыбкая,

будет вонять болотом, дома могут съехать в реку, да много чего ещё говорили. Ходить на стройку, разумеется, не разрешалось, но разве мальчишек это когда-нибудь останавливало? У каждого из них была наготове страшная история о знакомом мальчишке, который на стройке разбился насмерть, но от этого стройка становилась ещё приятнее. Существовал незримый пацанский кодекс, требующий нехитрых, всем знакомых подвигов: на стройке сесть, свесив ноги с двенадцатого этажа, пройти через реку по конструкции под мостом, забраться в разрушенный дом, о котором говорили плохое, украсть жвачку из магазина, дразнить злых собак. Санька недавно прошёл инициацию соседским бультерьером, и его едва спасли в последнюю секунду.

Каково это, смотреть вниз с двенадцатого этажа, даже представить было невозможно.

Надя из всех девочек жила выше всех, на пятом. Однажды, когда больше никого не было дома, Оля и Надя сидели на подоконнике, свесив ноги на улицу, и орал во всё горло, подпевая магнитофону: «Стоп кипятильник, стоп холодильник, стоп будильник. Итс! Май! Лайф!», а потом «Художник, что рисует дождь» и гимн Советского Союза. Оля словно раздвоилась, и пока первая Оля купала босые ноги в потоке ветра, глаза не могла открыть из-за близости неба и весь свой страх истошно орала в песню, пугая голубей, вторая Оля любовалась собой и балдела, ловила кайф от того, какая же она всё-таки бесстрашная, свободная и прекрасная и как это здорово – жить.

– Оля, ты мою жвачку будешь? – спрашивает Надя.

– Да ты же её уже долго жуешь.

– Но она ещё вкусная.

– Если клубничная, тогда буду.

– Нет, со вкусом колы.

– О, давай. Мне мама никогда колу не покупает, говорит, что это гадость, которая разъедает желудок. Такая вкуснятина – и вдруг гадость. Я б её хоть каждый день пила.

– Может быть, в карты? – кто-то предлагает. – У меня с собой.

– Я не хочу, – отвечает Оля.

– А я хочу, – говорит Надя.

– Кто ещё будет?

Оля в карты играть не умеет, сколько ни пыталась вникнуть – не удалось, словно это была очень сложная наука. Все умели, а она никак. Она даже масти запомнить не могла.

– Варя, а ты погадать мне можешь? – спрашивает Оля.

– Это же карты для игры, а не для гадания. Они врать будут, лучше даже не пробовать.

– А те, что у тебя дома, не врут?

– Нет, те обычно правду говорят. Вот, неделю назад одна девочка из художки, вы её не знаете, просила погадать на мальчика, карты сказали, что он тоже её любит, она тогда ему первая позвонила, и они уже в кино успели сходить.

– А потом ты мне погадаешь?

– Можно подумать, тебе есть на кого гадать, – усмехается Рита.

– А вот и есть.

– На кого же, очень интересно!

– Это пока секрет.

– Ну чего врать-то?

Оля покраснела, нагнулась к лодыжке и принялась расчёсывать какую-то болячку.

– Комары – звери какие-то в этом году, прямо убийцы, – сказала она никому.

– Ты язва, Ритуза, – заявила Надя.

– Я? Нет, я просто очень открытая, что думаю, то и говорю. Вот ты мне сказала, что я язва, и я нормально тебе ответила. А Оля ничего не сказала, проглотила и сидит себе, как дохлая селёдка. Неправильно это, я так считаю, ей так очень сложно придётся в жизни. И вообще, хватит уже разговоров этих, давайте хотя бы в кис-брысь-мяу поиграем, пока мальчишки здесь.

– Я лучше домой пойду, – сказала Оля.

– Брось, время ещё детское.

– Чур, я первая спиной встану, – говорит Рита. – Давайте только по-взрослому играть, а не только в щёчку целоваться, как в первом классе.

Кис-брысь-мяу не любит никто, но играют в неё все. Игра глупая и чуточку стыдная, подходящая только для сумерек, при свете пока невозможная. Когда тебе одиннадцать и в кис-брысь-мяу выпадает чёрный цвет, то есть пинок, а попросту подсрачник, это неприятно, но не так позорно, как если вдруг розовый – поцелуй в щёку, а особенно красный – поцелуй в губы. Ладно, если с девочкой – привычно, только смешно: губы мягкие, тёплые, у всех пахнут одной и то же жвачкой. Если вдруг выпадает мальчишка, то все остальные смеются с интересом и облегчением: хорошо, что не я. Хорошо, что я могу смотреть и смеяться, а не подставлять губы, зажмурившись и скривившись от стыда. Особая хохма, если выпало целоваться двум мальчишкам – впро-

чем, они всегда ржут и отказываются, обмениваясь дружескими пинками и тычками.

С мальчишками никогда не угадаешь, как будет. Кто-то клюется натвёрдо сжатыми губами, кто-то вытирает губы перед поцелуем, но всё равно они мокрые, как дождевые червяки. От некоторых противно пахнет первыми попытками курить, у кого-то немытые волосы и пыльная майка, кто-то наглеет и руки кладёт на попу. Самое неприятное – после исполнения игровой повинности они тоже смеются. Нет мальчика, который бы не смеялся. Некоторые и плюются потом демонстративно, и тогда кажется, что уродливее и противнее тебя нет никого на свете. Обида неусветная.

Ещё страшно представить, что до конца лета будут гулять сплетни о том, кто и с кем целовался в кис-брысь-мяу. Сплетни, как известно, разлетаются по двору, словно в детской игре «испорченный телефон». В сплетне безобидные поцелуи могут превратиться в страстные, с языком, а равнодушная девочка обернётся влюблённой короной на потеху пацанам. Это всё пустые, неоправданные страхи: что происходит в игре – то остаётся в игре. Можно за вечер несколько раз целоваться с мальчиком, а утром он пройдёт мимо и даже не поздоровается, делая вид, что не узнаёт.

Стали играть, и все подряд, как назло, выбирали то розовый цвет, то белый, то, разыгравшись, красный. И вот уже Варя в третий раз отправилась с Юркой в подъезд на «пять минут наедине», а вернулись они не через пять минут, а через десять, когда уже все поочередно пытались за ними подглядеть. Вышли они из подъезда, друг на друга не глядя, и сели на разные концы скамейки. Вот Надю поцеловал в щёку Витёк и, как водится, сплюнул на землю. В другой раз Наде снова достался Витёк, он вместо поцелуя шлёпнул её по попе, засмеялся и дал деру, Надя завопила: «Поймаю – убью гада!», а когда он вернулся, она с размаху треснула его по затылку ракеткой для бадминтона. И не жалко ей было ракетку.

Оля выбирала розовый – цвет самый безопасный. Поцелуй в щёку, пусть и у всех на глазах, вытерпеть было легче всего. И всё-таки это был поцелуй, не детское хождение за ручку, не увливание от игры. Розовый – цвет сдержанности, гордости, нежелания целоваться в губы с кем попало на потеху публике. Настоящая женщина не целуется без любви. Но, поддавшись общему куражу, Оля назвала-таки красный и

чмокнула в губы Надю, пока пацаны хором кричали им: «Взасос! Взасос!».

Все разгорячились, всем стало истошно весело.

Посреди общей радости за Витьком явилась бабушка и, несмотря на протестные вопли, увела его домой, вцепившись в руку, как бультерьер. Его всегда загоняют первым: родителей у Витьки нет, бабушка над ним трясётся. Вместе они смотряются уморительно, Витёк – на две головы выше тощенькой, седой, подслеповатой бабушки. Всем его так жалко, что даже смеются над ним неохотно и честно соблюдают правило – если бабушка ищет Витьку, а он на стройке, значит, он в библиотеке.

– Мяу! – говорит Оля на втором круге.

– Какой цвет? – спрашивает Рита, и голос её искрится от предстоящего удовольствия.

«Санька», – догадывается Оля.

– Белый, – говорит она, чтобы не целоваться.

– Оля, тьфу на тебя, договаривались же по-взрослому играть.

– А что, это не по-взрослому?

– Нет, это как в детском садике. Давайте, раз уж играем, то по-настоящему.

«Варя тоже выбирала белый», – думает Оля и молчит.

– Ну так что же, белый или передумаешь?

– Белый, – упрямо говорит Оля и зачем-то добавляет: – И красный.

– Сразу два нельзя! – говорит кто-то из пацанов.

– Отчего же, – лукаво заявляет Рита.

– Так нечестно, они уйдут в подъезд, и мы не узнаем, целовались они или нет.

– Да у неё же на лице всё будет написано! – смеётся довольная Рита.

– Хватит, – говорит Оля и поворачивается. – Я больше с вами не играю. Я серьёзно говорю!

– Ну хорошо, уговорила. Вот сейчас сходишь в подъезд с нашим Александром и можешь больше не играть.

«Дура!» – громко думает Оля. Про себя ли, про Риту – сама не знает. Она смотрит на свои окна и надеется, что прямо сейчас её загонят домой.

– Я с ней не пойду, – неожиданно говорит Санька, и Оля до бровей вспыхивает багряной обидой.

– Эй, народ, да вы что?! – кричит Рита. – Есть же правила!

Оля и Санька поднимаются на площадку между четвертым и пятым этажами. Там сложнее за ними подглядывать и подслушивать, если желающие найдутся.

Свет перестаёт гореть на третьем: на этажах выше выкручены лампочки. Темнота в подъезде, как и во дворе, мягкая, привычная, нестрашная, здесь каждый сантиметр Оле знаком, она может подниматься с закрытыми глазами. Санька идёт первым, он протягивает ей руку и сжимает ладонь, Оля вскрикивает и от неожиданности, и от боли и отдёргивает руку.

– Я сегодня занозу посадила, большая такая, – говорит Оля. – Вот тут она, в мякоти. Не вытаскивается никак.

– У меня булавка есть, хочешь, вытащим? – предлагает Санька.

Когда они остаются одни, оба ведут себя как нормальные.

– Нет, нет, не надо, – отвечает Оля. – Я лучше дома, сама. Не трогай только руку.

На лестничной площадке подоконник низкий. Оля садится на него, сложив руки на колени, будто на уроке. Санькиного лица в темноте почти не видно: только фигуру его у перил. Он не смотрит на Олю, отвернулся. Стены облупленные, исписанные, изрисованные. Все надписи Оля знает наизусть. Одна из надписей процарапана по побелке ключом: раньше было написано: «О + С», ерунда какая-то, Оля пыталась стереть – не получилось, и тогда она исправила надпись на «О + О».

Пахнет краской, сырой штукатуркой: у соседей ремонт, а ещё – кошачьим туалетом и жареными пирожками. Рука ноет, и Оля впицается зубами в ладонь, пытаюсь высосать занозу. Она замечает, что из её кольца, выигранного в луна-парке в кегельбане, выпал зелёный камушек. Оля так радовалась, когда заполучила кольцо, что три дня носила его, не снимая, а теперь смотрит на него и видит дешёвую безделушку.

Оля снимает кольцо и незаметно роняет его на пол.

– Ну и сколько нам тут сидеть? – спрашивает она.

– Пять минут, если мы играем.

– Я не играю больше.

– И я не играю.

– Дурацкая игра, правда ведь? Я сейчас вообще домой пойду. Потом скажу: «Загнали». У тебя есть что новое посмотреть?

– Ты «Кладбище домашних животных» смотрела?

– Нет, это про что?

– Это страшное кино, такое страшное, умереть со страху можно! Там про оживление мёртвых. Принести?

– Не знаю. Я не хочу ужастик, я не засну потом. А «Леон» у тебя есть?

– Что ещё за «Леон»?

– Там про киллера и девочку. Надя смотрела. Интересное, говорит, не оторваться, она полфильма проревела.

– Я девчачье кино не люблю.

– Да оно не девчачье, говорю же – про киллера. Только грустное.

– У нас в классе у пацана одного киллер в хату залез, уборщицу застрелил, вот это грустно.

– Богатый, наверное, пацан.

– Да, ничего такой.

– А что же он в твоём классе делает, такой богатый?

– Ты что, у нас, знаешь, какой математик сильный! К нему многие хотят попасть.

– Я математику не люблю, – говорит Оля.

«Мы здесь уже давно сидим, все подумают, что мы целовались, – с тревогой думает она. – Я же совсем не хочу с ним целоваться. Он, наверное, и не умеет. Хорошо всё-таки, что он тоже целоваться не хочет. Я бы тогда умерла прямо тут».

Санька садится рядом, и Оля отодвигается так, как только позволяет подоконник. Не получается сесть так, чтобы совсем не касаться Саньки, и она просто на него не смотрит и снова кусает себя за ладонь. Потом облизывает губы, отчего-то сладкие, будто Оля объелась сладкой ваты.

– Дома достану занозу, – говорит она. Волосы падают ей на лицо.

Оле кажется, что за ними подглядывают. Ей мерещатся то шёпот, то шаги, то сдавленный смех, она подходит к перилам и заглядывает в узкую щель, в которой пробивается краешек жидкого света.

– Эй!

– Да нету там никого. Кошка, наверное, пробежала.

– Кис-кис-ксс...

Тишина.

Санька спрашивает:

– Ну что, я пошёл, да?

– Иди-иди!

– А ты?

– И я пойду. Всем привет передавай, – говорит Оля.

Она бежит домой первая, обгоняя Саньку, перепрыгивая сразу через несколько ступенек.

Дома она запирается в ванной, коротко плачет, вытирает глаза пальцами и впервые в жизни бреет ноги лезвием «Балтика», уничтожая лёгкий золотистый пушок.

БЕЛАЯ ПТИЦА

Вот что случилось с Галиной: она залетела.

– Пузо к носу! – бурчала мама, в три погибели согнувшись над ванной и бултыхая в тазу, полном мыльной водой, пакеты, в которых носила продукты из магазина. – Кто же теперь на такой женится? Мать её бьётся как рыба об лёд... ради дочек любимых... неблагодарных. Говорила же: не пускай девчонок гулять. И ведь вроде эта сидела, как ты, всё книжки читала. А девятнадцать лет стукнуло – и понеслась кобыла в щавель.

Оля, съёжившись, словно бранили её, чистила картошку, неуклюже и с отвращением скребя ножом бугристые клубни. Занятие было ненавистное: мама непременно скажет, что она слишком толсто срезает кожуру. Кухонный пол был тёплым от яркого июльского света и липким там, где Оля утром рассыпала сахар. Она открыла форточку, и теперь по спине её, по шее, по локтям, по волосам, заколотым золотистым крабом, скользило солнце. Руку на макушку положишь – а там горячо, и так хорошо: лето, и сразу так тоскливо, что гулять не отпускают.

Дома противно и безнадежно пахло уборкой – мокрыми половыми тряпками, стиральным порошком, средством для унитаза, царил бардак, стулья вверх ножками лежали на кровати, колбасой был скатан толстый ковёр, а всё из ящиков Олиного стола было вывернуто на пол, чтобы наверняка не забыла убрать в столе – «а то в нём скоро змеи заведутся», будут ползать среди старых тетрадок, записок, сломанных карандашей, высохших фломастеров, заколок, значков, вкладышей «Элен и ребята».

Близилось время обеда, в кастрюле закипало мясо для супа, ещё рано было спускаться во двор, но Оля беспокойно вглядывалась сквозь листву, не вышел ли уже кто. «Вырасту и никогда не буду есть суп, а особенно с луком», – думала Оля и слушала дворовые звуки так жадно, всей собой, как будто, вслушавшись, могла бы по настоящему очутиться там. Ей мерещилось, что

все уже, кроме неё, собрались на их обычном месте, в театре, а никто за ней не пришёл, не позвонили по телефону, не покричали под окнами. Пусть её и выпустят не сразу, только когда убежится и пообедает, но об этом же никто не знает. Стало быть, про неё просто забыли, всем без неё хорошо.

Место, где обычно встречались девочки, называлось летний театр или эстрада: прямо во дворе, под дырявым навесом стояла самая настоящая сцена, а перед ней – два ряда низких деревянных скамеек. Таких дворов Оля никогда в жизни больше не видела. На её памяти однажды тётка из детской поликлиники читала там для населения лекцию о паразитах, а ещё помнились народные танцы детского ансамбля, но было ли это настоящим воспоминанием или увиденным в каком-нибудь старом кино, Оля не знала. Всё происходило очень давно. Теперь же площадка пребывала в запустении – давно некрашенная, заросшая сорной травой, с гнилыми провалами в сцене, под которую, в три погибели согнувшись, лазили пацаны, со скамейками раскуроченными, подпаленными и сплошь исписанными похабщиной.

Театр был местом для встреч удачным, окружённым густыми кустами, отгороженным от остального двора. Несколько скамеек сгорели, когда в прошлом году пацаны разожгли здесь костёр, жарили сосиски и бросили в огонь баллончики от дезодорантов. Даже пожарная машина приезжала! На оставшихся скамейках девочкам нравилось секретничать и сплетничать. Когда они были моложе, то играли здесь в театр: друг перед другом разыгрывали сценки из сериалов. Утром смотрели – и уже следующим вечером играли. Оля, например, лучше всех изображала Хосе Игнасио, выпячивая губу так, что все покатывались со смеху, а Наде удавались фразы наподобие «Ты разбил моё сердце!».

Мама, вытирая мокрые руки о халат, вышла на кухню, сняла пену с бульона, попутно глянула в окно и сказала:

– Вот и она. Расселась. Будто так и надо.

На скамейке у подъезда сидела Галина, сутуло обнимая свою сумку. На голове её была какая-то дурацкая пацанская бейсболка, чтобы не напекло. У ног валялась чёрная бульдожка Марта, смиренная жарой, и тяжело дышала всем щенячьим, но уже неуклюжим телом.

Оля не могла себя заставить отойти от окна: на Галину хотелось смотреть и смотреть. Хотя –

если не знать – выглядела она обыкновенно. Только вот была уставшей и такой бледной, словно с начала лета ещё ни разу не ходила на речку.

После обеда во дворе никого не оказалось. Оля побродила по округе, без особого удовольствия покачалась на качелях, поболталась на турнике, покричала Надю, но из окна выглянула Надина бабушка и мотнула головой: нету её, не ори.

Увидев Олю, со своими куклами выбежала соседка Аня, годом младше. Почему-то она считала Олю своей подругой. Оля кукол уже забросила, но обижать Аню не хотелось, и они недолго поиграли в беседке в Анину любимую игру, которую прошлым летом придумала Оля: про Барби, её Кена и ещё одну старую замученную куклу Лауру, она была будто бы служанка в богатом доме. Кен со служанкой под управлением Ани прятались под лавкой, целовались, раздевались, ложились друг на друга и снова целовались с идиотскими улыбками на пластиковых лицах, Барби находила их и, рыдая, убегала в кусты сирени, где находил её Кен, тыкался губами в Барбины щёки и губы, и наступало примирение и семейное счастье.

Вскоре крёстная подарит Ане диво невиданное – беременную Барби, но мать Ани выбросит её на помойку как американскую мерзость, а сама продаст квартиру и вместе с детьми уедет жить в далёкую общину в лесах, чтобы участвовать в строительстве прекрасного нового мира.

Впадать в детство, играя в куклы, было стыдно, подружки бы за это Олю засмеяли. Она надеялась, что её никто не видит, но ошибалась. Оказывается, все торчали на Варином балконе.

– Иди к нам! – крикнула ей Варя, и Оля бросилась в соседний подъезд, немедленно забыв про Аню.

Варин балкон был обычным местом светских встреч в дождливую погоду или когда Вариных родителей не было дома, а гулять никому не хотелось. Варя на правах хозяйки сидела в старом, молью покусанном кресле, забравшись в него с ногами, а Надя с Олей теснились на порожке. В детстве Варя и Надя пускали в полёт самолётики, водяные бомбочки и огрызки кислых ранеток, кидались яйцами в прохожих, а однажды вылили пузырёк зелёнки на необъятные панталоны вредной бабки из квартиры снизу, раскинутые аж на двух бельевых верёвках.

Оля хотела дружить с Варей, а та, кажется, не очень. Варя чаще ходила гулять только с На-

дей, и они случайно забывали позвать Олю. Если же они гуляли втроём, то все могли непонятно почему так посмотреть на Олю, что та заливалась краской, хотя она, кажется, не делала ничего стыдного или забавного.

Не иначе как на прошлой неделе Варя и Надя тайком съели напополам подаренный Варе сникерс, хотя каждую шоколадку они договорились делить на три части. А недавно отец привёз Наде бананы и киви. Никто из девочек никогда не ел киви, всем хотелось попробовать странный волосатый фрукт, но Олю снова обошли стороной.

У Вари с Надей даже фенечки были одинаковые. Фенечки плела Варя, из бисера. Получалось очень красиво, Варя не зря ходила в кружок «Маленькая принцесса», где девочек учили всему подряд, от дефиле до макраме. Оля фенечку тоже хотела, но попросить отчего-то не решалась.

Оля мечтала о большом наборе косметики Ruby Rose – двухэтажном глянцево футляре с мелкими квадратами теней. Такой был в соседнем магазине, стоил очень дорого, и девочки ходили на него просто посмотреть, стесняясь под высокомерным взглядом продавщицы. В наборе было тридцать разных цветов блестящих теней: пересчитывали не раз. Оля надеялась, что этот набор подарят ей на день рождения. Тогда она нарисует глаза, как нарисовано в журнале, и под руку с Варей пойдёт гулять по набережной, и с Олей будут знакомиться, а с Варей – никто. Потому что Варя не очень-то красивая на самом деле, просто она приподнимает чёлку, брызгая на расчёску сахарным раствором, и ещё умеет стрелять глазами и так встряхивать волосами, как девушки из рекламы шампуня. Оля тоже пыталась – получалось глупо: только волосы по лицу неприятно хлещут.

Кстати, в Центре был магазин «Европа де Люкс», куда и вовсе заходить было страшно. Там очень приятно пахло духами и продавалась такая косметика, казалось, на неё даже дышать нельзя. Косметику от посторонних глаз оберегали поджарые стройные дамы, при одном только взгляде на которых до тебя доходило, что ты не просто никто, а и вовсе ничто. В магазин заходили только большой компанией, вдыхали флёр духов, смешанный с особым воздухом магазина не для всех, и спешили на улицу, пока не прогнали продавцы. Выгнать они, между прочим, могли не только девчонок: однажды на порог не пустили Ндину маму, одетую в дачную куртку.

Сегодня настал Варин звёздный час: беременная Галина была её старшей сестрой.

— Мама сказала: «Дура, пропустила срок!», — увлечённо рассказывала Варя, изображая в лицах всех героев этой сцены.

— Как она узнала?

— Галя сама рассказала. Я тогда с вами гуляла, зашла воды попить, а тут крик такой, я ещё в подъезде, с первого этажа услышала: «Потаскуха, собирай манатки!». Я даже испугалась. Мама редко когда так кричит, не своим голосом — только если её кто-нибудь совсем доведёт.

— А в обморок Галя падала? — с любопытством спросила Оля.

По вечерам все семьи смотрели увлекательный сериал про любовь, героини которого одна за другой теряли сознание, что свидетельствовало или о беременности, или о тонкой душевной организации. Оля весной тайком училась падать в обморок, тренируясь над кроватью: ей ужасно хотелось лишиться чувств перед одним мальчиком из восьмого класса, имени его она пока не знала, но представляла себе: она такая — ах! и на пол. Он возьмет её на руки, прижмёт к себе и поймёт, что без Оли ему не жить.

— Не знаю. Кажется, ещё не падала. Но её одно время тошнило каждое утро, вот!

— А парень её что, на ней не женится? Он знает? — спросила Надя.

— Что ты такое говоришь? Конечно женится, скоро свадьба будет! Родители его вчера приходили к нам знакомиться. Такие стрёмные конфеты принесли — вишня в коньяке!

— Фуу! — хором протянули девочки.

— Хотите попробовать?

— Да!

Варя притащила коробку с конфетами и продолжила:

— Его зовут Серёжа. Они с Галей в одной группе учатся. Осенью вместе ездили на картошку, там всё и началось. Он её до дома каждый день провожал, помните, я вам рассказывала, что Галка с мальчиком дружит. Я один раз сама видела, как они в подъезде целовались. Представляете, я мимо них прошла, а они меня даже не заметили. Потому что с закрытыми глазами целовались.

— Я читала, что когда с закрытыми глазами целуются, значит, любят, — заметила Оля.

Надя спросила:

— Тогда чего твоя мама такая злая? Любовь же, здорово, радоваться надо!

— Ну а хорошего-то что? — по-взрослому сказала Варя. — Рано ещё. И Серёжа простой такой. Ну обыкновенный, понимаете? Разве нормальный парень будет учиться на филфаке, кем он потом работать пойдёт — учителем в школе? Нет бы Гале посмотреть в сторону юристов или экономистов. Мама об одном ей говорит: «Ты, с твоей внешностью, с твоими мозгами, могла выйти за олигарха, а теперь всю жизнь проведёшь в нищете». «Потаскуха!» — вот как она кричала.

Было видно, как нравится Вале повторять это сочное, перезревшее слово.

— И вещи её все из шкафа выкинула и ещё Галю в спину толкала, чтобы собирала шмотьё и валила к своему хахалю, а та всё за дверь цеплялась. Потом сидели и ревели все, как дуры, честное слово.

— А платье-то будет белое? — с надеждой спросила Оля, нагнувшись к Вале.

— Будет платье. И банкет тоже будет, говорят, если денег хватит.

— В «Мечте»?

— Конечно.

Кафе «Мечта», недавно открытое в пристройке к соседнему дому, за плотными шторами цвета борща скрывало загадочную жизнь. Тут отмечали свадьбы и проводили поминки, а в пятницу и субботу были ночные дискотеки. По вечерам у входа толкались, хохотали, курили и порою дрались длинноногие девушки с начёсанными волосами или мужики, похожие на криво сколоченные табуретки, густо пахло смесью разных духов и табаком, часто вызывали милицию. Надя однажды нашла у входа настоящий золотой перстень. Оля на крыльце «Мечты» видела мужчину, у которого все руки до шеи были покрыты татуировками, он на неё посмотрел, и Оля бегом бежала до самого подъезда.

Когда кафе снимали для свадьбы, то на следующее утро и крыльцо, и дорога у входа были усеяны конфетти, лепестками роз, а если внимательно смотреть под ноги, можно было насобирать монеток себе на мороженое или жвачку. Некоторые свадьбы гуляли погромче дискотек. Девочки тогда вились неподалёку от кафе, чтобы увидеть невесту, обсудить её платье и просто послушать музыку, рвущуюся наружу из всех щелей. В то время почему-то часто ставили песню «Чужая свадьба», под которую хотелось с упоением плакать и думать о своей несбывшейся любви.

Варя, однако, сказала, что Галина странная – хочет просто расписаться и даже платье ей не нужно, хотя вчера всей семьёй ездили на рынок и по свадебным салонам. Варя с упоением рассказывала, какие они видели платья – и в розочках, и со шлейфом, и с рукавами-фонариками, и с юбкой такой, как хвост у русалки, а одно платье даже ярко-красное, но Галя упёрлась: нет, и всё. Никто из девчонок не понимал, как такое вообще возможно – не хотеть праздновать собственную свадьбу. Ладно не желать всей мишуре с катанием на машинах через семь мостов, возложением цветов к обелиску на Аллее героев, плясками в ресторане, караваем, похищением невесты и бросанием букета, но отказываться от того момента, когда в свадебном платье подходишь к зеркалу смотришь на себя – принцессу... Это просто не укладывалось в голове.

О свадьбе мечтали все. Свадьба казалась девочкам триумфом женской красоты, апофеозом любви, самым счастливым днём в жизни каждой.

– Если платье купят, я его обязательно примерю потихоньку, – сказала Варя.

Повернулся ключ в двери: пришла Галина. Оля и Варя встали и поздоровались, чтобышний раз на неё поглазеть. Галина, одетая в сарафан на тонких бретельках, была красная и мокрая от жары. Обычно худенькая, она почти не поправилась, но всё равно казалось, что живот её мягкий, словно тесто. Плечи её с виду тоже были рыхлыми, сдобными, и даже ладони стали какими-то другими. Волосы, саморучно крашенные в пшеничный, отросли и темнели у корней родным каштановым оттенком.

Девочки старались не смотреть на её живот, но Галина инстинктивно прикрыла его обеими руками, словно кто-то мог её ударить. Там, внутри Галины, ютилось существо в палец длиной, ещё не похожее на ребёнка, но всё-таки – наверняка – ребёнок.

«Женщина», – подумала Оля.

Галька-гадючка, с которой Варя ещё совсем недавно толкалась, дралась и ссорилась из-за косметики, оказалась женщиной.

– Что такое? – спросила Галина.

Оля посмотрела на бульдога.

– Галя, а почему Марта дышит так странно? Как будто храпит. Она заболела?

– Потому что порода у неё такая. Видишь же, какое у неё лицо сплющенное. Если бы у тебя

было такое лицо, ты бы тоже храпела в жару, – хмуро ответила Галина и ушла в свою комнату.

Оля присела и погладила Марту, та лизнула ей руку. Ресницы и усы у собаки были седыми, словно испачканные мелом.

Оле недавно исполнилось одиннадцать. Книжки и фильмы не про любовь были для неё напрасной тратой времени. Она таскала мелодрамы из видеопроката, а в библиотеке искала только такие книги, на обложке которых изображены мальчик и девочка. Она по очереди была влюблена во всех отличников из своего класса, потом в Антона – Надиного двоюродного брата, а теперь ей нравился один восьмиклассник. Весной она на каждой перемене искала его в школьных коридорах, чтобы издали на него посмотреть. Она мечтала гулять с ним, держась за руки, грезилась, как он будет подавать ей пальто, повязывать шарф, водить в кино, дарить цветы, угощать мороженым, переносить через лужи, а главное, Оля будет знать, что он её любит. Даже о поцелуе ей пока не думалось, а всё, что случилось с Галиной, казалось Оле огромной – в пору руки на себя наложить – бедой.

Дома у Оли где-то валялась книжка, прочитанная ещё в первом классе, в которой будущим женщинам рассказывалось о том, как мыть полы, пришивать пуговицы, жарить картошку и ухаживать за собой, а заодно и о том, откуда берутся дети. Оля прочла, не отрываясь, главу о семейной жизни и заклеила её, чтобышний раз не наткнуться взглядом на изображения мужских и женских тел, так непохожих на окружающих её людей. Она пыталась уяснить: и я так родилась, и мама, и бабушка, и Варя, и Надя, и дворник, и учительница, и продавец в магазине, и водитель автобуса. Оле было не то чтобы противно, но так, словно пальцы, пролиставшие те страницы, теперь навязчиво, несмываемо пахли сырой рыбой.

Галина делалась другой, новым телом она входила в новую жизнь, далёкую от девчоночьего незамысловатого существования. Если верить маме, то в другой жизни с женщинами не происходит ничего хорошего: они постоянно кому-то чего-то должны, они крутятся как белки в колесе: вкалывают на работе и вкалывают дома, готовят, стирают, убирают – все эти занятия были Оле глубоко ненавистны. Любовь не оправдывала такого превращения: для Оли любовь означала череду испытаний, которые заканчива-

лись свадьбой, медовым месяцем, а дальше начиналась неизвестность, не позволяющая распознать, в какой момент взрослая жизнь оборачивается сплошной тоской, когда именно лёгкое, звонкое, вечно бегущее девчачье тело превращается в квашню.

— Мама сказала, что порча на Галине, — шепнула Варя, когда Галя закрылась в детской. — Наслал на неё кто-то, позавидовал. Говорит, к бабке ей надо, а то неизвестно кого родит. Галя кричит, скандалит, мол, отстаньте все от меня. Представляете, стакан в стенку швырнула. Каждый вечер они ругаются. То из-за свадьбы, то вот из-за порчи.... Как будто помешались все. Скорей бы уже ушла она к своему Серёже. Они ведь у него решили жить, с его родителями. Жду не дождусь, когда она свалит.

— Люди, как вы думаете, рожать так же больно, как все говорят? — спросила Надя.

— Очень больно, — убеждённо сказала Варя. — Я в кино видела, там все кричат, некоторые умирают даже. Я никогда не буду рожать.

— Как так?

— А вот так. Я вообще думаю, что я феминистка.

Девочки переглянулись.

— А ты живот её трогала? — тихо спросила Оля.

Варя ответила:

— Нет.

Помолчала, крепко зажмурилась и замотала головой:

— Нет, я и сама не хочу, и Галя точно не разрешит.

— Интересно же, какой он на ощупь, её живот. Твёрдый, наверное, как мяч. Или вовсе как подушка?

— Хватит уже говорить ерунду! — засмеялась Варя. — Ну ты даёшь! Сама ты как подушка!

Оля украдкой ковыряла корочку на локте, разбитом неделю назад: прыгала с качелей, упала в гравий. Локоть приятно саднило. Галина врубила во всю мощь Modern Talking, заполняя квартиру музыкальным счастьем. По деревянному полу балкона растекалось солнце. Оле сквозь музыку показалось, что Галина там, в своей комнате, плачет.

Через две недели подросла свадьба. Всё было готово по правилам, как у людей. Варя каждый день рассказывала о свадебных хлопотах.

Похоже, проще космический корабль запустить, чем достойно справить свадьбу — так, чтобы никто ничего плохого не подумал. Для того чтобы оплатить свадьбу, Варина мама набрала долгов и на всякий случай сообщила всем приглашенным о том, что самый лучший подарок — это доллары в конвертах.

Ранним утром Надя с Олей прибежали к подъезду посмотреть на жениха и невесту. Обе они поставили с вечера будильник, боясь проспать.

Утро настало прохладное, колкое, как лимонад из холодильника. Всю ночь лил дождь, на асфальте блестели лужи, с листьев рябин от малейшего дуновения ветерка срывались искристые капли. Ноги в шортах и сандалиях быстро озябли, плечи покрылись гусиной кожей, но никто не ушёл переодеваться.

Скамейка у подъезда оказалась мокрой. Девочки стояли под козырьком подъезда и, возбуждённые важностью события, молчали. Тихо было во дворе. Негромко курлыкали голуби, почти как кошки мурчат. Пахло помытым асфальтом и газоном — свежей зеленью, мокрой землёй, цветочной сладостью. На небе ни облачка. Начался долгий жаркий день.

Оля посмотрела на окна Вариной квартиры. На балконе стояла Галина, по-домашнему одетая в простые серые трикошки и пижамную футболку. Слово сегодня был не долгожданный день её свадьбы, а что ни на есть обычное пятое августа.

Ждали ещё долго, не меньше часа. Вскоре торчать у подъезда надоело. Мама скинула Оле из окна мяч, чтобы прыгать в козла. Согрелись быстро, ноги забрызгали грязью, мяч упруго прыгал то об трансформаторную будку, то по асфальту, Наде попал в лицо, все поочередно побывали козлом. Бегали пить к фонтанчику в глубине двора, губами ловили холодную, ржавчиной отдающую запретную струю. Тем временем у подъезда собирались гости, галдели, смеялись, надували шарики. Когда во двор заехал белый «опель», разукрашенный лентами, Оля с Надей, как были — с мокрыми чёлками, чумазые, с мячом, подбежали к подъезду. Чтобы всё увидеть, они встали на скамейку.

И вот, наконец, все вышли.

Впереди — мама невесты в розовом брючном костюме с отливом, за ней — Варя в бирюзовом шифоновом сарафане и, девочки переглянулись, в Галиных босоножках на каблуках. Сле-

дом шли ещё какие-то шумные и разодетые люди с воздушными шариками, как на детском дне рождения, и только потом — Галина и Сергей. Оля с Надей от восторга прямо на скамейке запрыгали, завизжали и захлопали в ладоши.

Галина, глядя под ноги, шла в белом многослойном платье-безде, шуршащем при ходьбе, купленном за баснословные деньги. Платье ей было тесно в талии, а туфли, знала Оля, наоборот — велики, другие найти не удалось, но это всё неважно: Оля никогда не видела Галину такой красивой. Её можно было фотографировать для обложки журнала.

Сергей, тощий, невысокий, свежесостриженный, вёл невесту к машине и с каждым шагом всё сильнее краснел ушами.

«Наверное, девочка у неё будет, — сказал кто-то в толпе. — Девочки, те всегда красоту материнскую пьют. Глянь, как она подурнела!»

Секунду спустя Галина уже бежала через двор, некрасиво семеня в слетающих с ног туфлях. Бежала и не оглядывалась.

Эта картина осталась в Олиной памяти надолго: нежное, вуальное, звенящее утро, нарядная толпа у подъезда, шарики, цветы, отчаянная голубизна неба, злая бабка из первого подъезда, с мусорным ведром и пуделем на коротком поводке, Сергей, с бордовыми ушами, и спина Галины, бегущей куда глаза глядят. И вдруг Оле показалось, что Галя вовсе и не бежит, а летит низко над землёй, как испуганная взъерошенная белая птица, и что вот-вот она вырвется отсюда и исчезнет, умчится туда, где не будет вокруг неё взглядов любопытных, осуждающих, сочувствующих, где вообще не будет никого, кто её, Галину, знает.

Оле запомнилось, будто Галина бежала очень долго, хотя следующим в её воспоминаниях застыл такой кадр: Галя и Сергей в двадцати шагах от машины схватились, как борцы на ринге, впечатались друг в дружку накрепко; Сергей держит её обеими руками, Галя, дрожа, прячет лицо у него на плече и лупит кулаком, куда может дотянуться, и брыкается; она босая, туфли валяются в луже. Тишина стояла — словно отключили звук, хотя, конечно, это шутки памяти: наверняка сами они кричали друг на друга, и уж точно что-то им кричали гости. Но в памяти осталась тишина, в которой пришло осознание: всё правильно. Два человека вместе. Скоро появятся третий. Всё ровно так, как и должно быть.

Оля присмотрелась и поняла, что Сергей, оказывается, выше Галины на целую голову.

КОНЕЦ СВЕТА

В пятницу вечером, дождавшись маму с рабoты, все вместе поехали в сад.

Весь день, с утра и до вечера, Надя с Ритой с удивлением наблюдали, как бабушка собирает в дорогу баулы, набивая хозяйственные сумки консервными банками, спичками, лекарствами из аптечки, пакетами с крупами, мукой, сахаром и солью. Несмотря на жаркий июль и большую спину, она распотрошила антресоли и сложила в багажник куртки, туго скрученные в рулоны, зимние боты, шапки, шарфы и рукавицы всей семьи. Всё это она делала с определённым умыслом: на даче было нужно не только полить огород и работать на нём, сколько хватит сил, но и переждать конец света, назначенный на завтрашнюю ночь телевизором и статьёй из аляпистой газеты. Даже в Библии, которую бабушка, недавняя яростная атеистка, взяла почитать у соседки, тоже было написано что-то похожее.

Наверное, вы подумали, что бабушка сошла с ума, сбрендилa, съехала с катушек. Что вы, всё совсем не так! Это была обычная предусмотрительность хорошей хозяйки: спрятаться и своими силами, не надеясь на государство, пережить конец света. Всё равно что достать дефицитные продукты к празднику, перелицевать старое платье, починить шубу, порезанную в школьной раздевалке, забить летними заготовками два холодильника и кладовку, и «нечего их открывать по осени, это на Новый год».

Всю дорогу бабушка, погружённая в свои мысли, молчала и крепко держала в руках банку с чайным грибом Гошей, питомцем, обречённым встретить последний день земной жизни со всей своей семьёй.

Третью неделю стояла унылая тягучая жара, и даже купаться уже не хотелось. Надя с Ритой каждое утро ездили на городской пляж. Там они долго ходили по берегу, пытаясь найти место по-свободнее, расстилали старое одеяло на гальке, поближе к тени кустов, и красиво скучали. Поделав наушники, они слушали музыку, пока в плере не сядились батарейки, листали журналы, смотрели, как мужики играют в пляжный волейбол, слегка пугаясь стремительного мяча. Конечно, и купались. Рита плавала, шлёпая ладонями по воде и задрав голову так, чтобы не замочить волосы, потом шла мимо мужиков к одеялу странной вихляющей походкой. Надя не умела плавать и просто болталась в воде, ни о чём

не думая; по ногам скользили водоросли, пахло болотом; однажды её ужалил в шею слепень. Солнце обжигало кожу немилосердно, по вечерам приходилось мазаться кефиром или сметаной, но плечи всё равно шелушились.

Рядом с фазендой не было речки, да и лес был далеко на горизонте. Со всех сторон фазенду окружали чужие участки: косые заборы и редкие постройки, такие же хлипкие, как и летний домик, не знавший мужской руки, с трудом выносящий традиционную женскую семью. В нём не то что конец света переждать, в нём даже зимовать было нельзя, а когда доводилось ночевать на даче в плохую погоду, Наде казалось, что домик не выдержит порывов ветра и разлетится на дощечки. Дом пропах сыростью, обои отходили от стен, крыша протекала, и если хлестал ливень, то кровать приходилось отодвигать от стены, чтобы не спать в луже.

С каждым новым летом домик становился всё более приземистым и косорылым. Земля, однако, поддавалась бабушкиным усилиям, плодоносила, и каждый новый урожай оказывался богаче предыдущего. Ежегодно большую часть урожая уносили воры, и бабушка, обнаружив кражу, горько плакала от обиды и грозилась расставить волчьи капканы. Сосед Фёдор Иванович однажды выстрелил в воришку из ружья, желая его попугать, и теперь отбывал срок за непредумышленное убийство тринадцатилетнего Димки Власова.

В этом году бабушка отказалась выращивать цветы: всё что можно было засажено полезными растениями. Потом они должны были превратиться в запасы вкусной и здоровой пищи благодаря бабушке, которая всё лето горбатится, наживает грыжу и гнёт свою больную спину ради неблагодарных родственников.

Настала скучная семейная суббота.

Девочки достигли того возраста, когда дача не радует. Обе они предпочли бы остаться на выходные в городе, вечером выйти на набережную, в красивых сарафанах, с маленькими сумочками, распустив волосы, и медленно дефилировать из одного конца в другой под руку каждая со своей любимой подругой, рассматривая мальчиков, и вообще находиться в гуще жизни, а не в дачной ссылке. На даче даже не было телевизора, и постоянно случалось так, что все во дворе видели какое-нибудь клёвое кино, а Надя и Рита все выходные проторчали вдали от цивилизации.

Как обычно, Рита надолго ушла в ларёк за хлебом, а на самом деле к автобусной остановке, где собирался весь местный молодежь старше четырнадцати. Обе девочки в местной иерархии считались малолетками, но красивую Риту не прогоняли, и при первой же возможности она бежала туда, будто радостный щенок. Однажды её даже покатали на мопеде, и Рита была счастлива, хотя с непривычки обожгла ноги.

Надя торчала на участке и, как младшая дочь в сказках, покорно исполняла бабушкины поручения, неизменно получая втык: «Лентяйка, неумеха, замуж никто не возьмёт, кому ты такая нужна, лучше не делать ничего, чем делать плохо». Ничего не делать, к сожалению, было нельзя.

В доме мама мыла полы под группу «Любэ». Мыла, по мнению бабушки, филоны, то есть ползая на коленках: понятно, почему снова не вышла замуж. «Любэ» Надя терпеть не могла, и на то была причина. Шесть лет назад мама сказала, что ей нравится Расторгуев. Надя написала ему письмо, в котором предложила приехать познакомиться с мамой и на ней жениться, и вложила мамину фотографию, вырезанную из паспорта. Горе Надино было двойным: во-первых, ей крепко прилетело из-за паспорта, во-вторых, Расторгуев не приехал и ничего не написал в ответ. Хотя наверняка получил письмо, Надя же ясно написала на конверте: «В Москву, Николаю Расторгуеву». Повзрослев, она всё поняла, история превратилась в смешную, однако неприязнь к группе «Любэ» никуда не делась.

Вся семья никак не могла отойти от последней ссоры. Бабушка, мама и Рита старались друг с другом не разговаривать. Ругались молча. Всё началось, когда Рита с подругой решили немного заработать. С утра вместо школы они у подружки дома напекли два противня пирожков с яйцом и луком, косых, кривых и слегка подгоревших, и отнесли продавать на ближайший рынок. Торговля, как ни удивительно, шла бойко, и к тому моменту, когда на рынке нехоти появилась бабушка, удалось распродать почти всех уродцев. Унижение Ритино было велико: прилюдно досталось и по шее, и крепким словом. Мама не одобрила прогул, но в остальном защищала Риту и, как решила бабушка, перешла на сторону зла — торгашей и поганных спекулянтов. Таких же, как Ритин папаша. Благодаря ему всю страну разворовали. Видимо, без его участия разворовали бы не до конца. «Совсем совесть потерял: в двух семьях детей настрогал, бывшей жене —

Надиной маме – подарил машину и отправил учиться на права, а она водит как слепая курица, лево от права отличить не может, кое-как выучила дорогу от дома до дачи, скоро всех угробит. И так далее, и тому подобное».

В семейной истории похожая ссора однажды превратилась в холодную войну: когда мама проговорила, что на самом деле она проголосовала за Ельцина, бабушка несколько месяцев с ней не разговаривала. Они жили тогда в одном подъезде, но ещё в разных квартирах, и при встречах на лестнице или в лифте бабушка демонстративно отворачивалась от любой, будь то Надя, Рита или их мама. Она втягивала голову в плечи и становилась похожей в своём плаще на потрепанную ворону. Надя снова боялась её, как в дошкольном детстве, когда страшили бабушкин строгий взгляд, нарисованные дугой брови, золотой зуб, украдкой мелькающий в глубине улыбки и особенно пальто – потому что ради воронника убили рыженькую лисичку.

Также была страшная взрослая история про ваучер, в которой девочки мало что поняли. И ещё более страшная история – как Надя наотрез отказалась вступать в пионеры: в день, когда бабушка об этом узнала, ей вызывали скорую. «Но ведь у нас в классе все сказали, что не хотят!» – плакала Надя. «А если все решат с крыши прыгнуть, ты тоже пойдёшь?» Из-за подобных историй мама просила Риту и Надю ни за что не говорить бабушке о том, что прошлым летом они все трое покрестились в церкви.

Солнце не двигалось, словно стрелки полуманных часов. Жарило изрядно, пахло горячей пылью, всё тело казалось резиновым. Надя бродила по участку, делала, что поручали, передёлавала, если снова ругали, носила туда и обратно «скажи ей» и чувствовала, будто оказалась в каком-то совершенно чужом семействе. Когда становилось невмоготу, Надя пряталась ото всех в летнем душе, вставала под хилую едва тёплую струю, выключала её, едва сполоснувшись – чтобы не привлекать внимание шумом воды, и просто стояла с закрытыми глазами, ощущая, как сползают по телу капли. Вначале она представляла себе, что её семья на самом деле не её, а потом – что у неё есть мальчик Алёша, сероглазый блондин с чёлкой набок, Надин собственный мальчик, ласковый и умный, и вот они сидят рядышком на безлюдном пляже и смотрят, как садится солнце, и обнимаются под одним на двоих полотенцем. Надя целовала себя в плечо,

влажное и обгоревшее в летнем зное и повторяла шёпотом сама себе: «Девочка моя хорошая. Солнышко моё родное. Моя самая любимая девочка на свете». Мокрые волосы падали на лицо, сквозь щели сквозило солнце и чужие напряжённые разговоры, все эти «Ты, наверное, даже не заплачешь, когда я умру!» и «Ну ты-то тут, конечно, самая умная, а мать твоя дура душой, мать ничего не понимает».

Если верить семейным байкам, то бабушка не всегда обходилась только словами: когда мама созналась в своей первой беременности – позор-то какой – от женатого мужчины, бабушка отлупила её по хребтине дипломатом, в котором носила на работу проверенные тетрадки.

Вечером бабушка заставила Риту мыть посуду, скопившуюся за день, та мыла, и ныла, и мыла, и ныла, жалуясь на холодную воду, жирные тарелки и свою тяжёлую судьбу. Бабушка надзидала за ней с табуретки, на которой сидела, широко расставив ноги, как мужики в автобусе, и её взгляд не предвещал ничего хорошего.

У всех болела спина, руки были исколоты сорняками, обожжены крапивой, в ладонях сидели занозы, маникюр был непоправимо испорчен, и почему-то всё это называлось «хорошо отдохнули». Рита к тому же впервые в жизни выпила абрикосовый коктейль в жестяной банке и теперь старалась скрыть, что её тошнит.

В доме были две комнаты и кухня, разделённые фанерными стенками, изрисованными фломастерами и усыпанными наклейками – вкладышами от жвачки. Надя с Ритой спали в той комнате, что поменьше, на широком раскладном диване, который однажды заклинило, и его никто не сумел сложить.

Когда-то перед сном они любили вместе бояться. Точнее, Надя – бояться, а Рита – пугать. Была у Нади такая особенная ночная радость: слушать Ритин голос, сжимаясь под одеялом: чудилось, что только высунешься наружу, как из комнатного полумрака зыркнет на неё незнакомое нечеловечье лицо. Рита рассказывала всякие занимательные истории. Были у неё в запасе и популярные страшилки – про гроб на колёсиках или красную руку, и другие рассказы, то ли вычитанные, то ли придуманные: про маньяка, который нападает на людей в подъездах, если там выкручены лампочки, про бабушку, нашедшую в лесу тело инопланетянина, про самого настоящего людоеда из Новокузнецка, про извест-

ный в городе ночной клуб – что там включают специальные лампы, в свете которых все посетители выглядят голыми, и тогда их фотографируют и продают на открытках. Рита рассказывала увлечённо, с подробностями, которые не давали усомниться в том, что всё это было на самом деле.

Однажды Рита притащила вырезку из дурацкой газеты о СПИДе и его симптомах, и девочки искали у себя эти признаки, измеряли температуру и пытались найти у себя лимфоузлы, чтобы прощупать, не увеличены ли они. В другой раз Рита, первоклассница, серьёзно сказала, что если к власти вернутся коммунисты, то маму расстреляют – так говорила в её классе учительница – и обе тайком плакали от страха несколько ночей.

Сегодня Рита дрыхла у стенки, разметавшись по дивану и сложив на Надю немытые ноги. От неё густо пахло кокосовым дезодорантом. Наде хотелось поговорить с ней о чём угодно, и она окликнула: «Ритуза!», но та не отзывалась. Рита не проснулась и когда затрещало небо – а звук был такой, словно небосвод раскололся на две половины аккуратно над самым домом, и когда сплошной завесой хлынул ливень.

Дождь лил взахлёб, прямо-таки с удовольствием, и Надя, сама того не замечая, погружалась в водяной сон, где они с Ритой плыли то ли на лодке, то ли на плоту по серому озеру. Надя слышала сквозь сон, как вода стекает с подоконника на пол, как взрослые гремят в соседней комнате тазами и кастрюлями, расставляя их под прорехами в крыше. Потом всё затихло, но через некоторое время – всё ещё во сне или уже нет – натужно зашипел, разогреваясь, чайник.

Наде захотелось пить. Она, сонная, вышла на кухню в трусах и майке и шлёпнулась на колченогий стул. Мама спала, а бабушка сидела за кухонным столом одна, над чашкой с отколотой ручкой, широко расставив ноги и сжимая ладонями виски, и не сразу заметила Надю.

Подтянув ногу к груди, Надя почесала комариные укусы и плеснула себе в чашку заварки со смородиновыми листьями.

– Спать мне не хочется что-то, – сказала она. Бабушка кивнула.

О чём говорили потом? Надя не запомнила. О погоде ли, о школе, о том, что Надя видела на заборе бурундука, о соседских детях, о планах на завтрашний день – с пятого на десятое? О чём-то другом, повседневном, сразу же стёртом

из памяти за неважностью? Надя грызла вафли своим излюбленным способом: снимая слой за слоем. Разглядывала выцветшую клеёнку в ромашках и проплешинах, чайный гриб Гошу в банке. Из всех сил Надя старалась не смотреть на старую женщину, сидящую напротив, и не могла просто уйти спать. Хотя, кажется, даже мешала её одиночеству. Но всё равно не уходила.

Иногда, разобидевшись, Надя мстительно думала о ней: «Старуха», хоть та, несмотря на свои шестьдесят, была крепкой и сильной, не похожей на бабушек-соседок, которые с трудом ходили дальше скамейки у крыльца. Но впервые Надя увидела её не просто усталой или приболевшей, а именно старой. Бабушкино лицо, подпертое ладонями, было похоже на курагу, сквозь непрокрашенные корни волос проглядывала розовая кожа, тонкие брови, изведённые в юности, выцвели, и это было до того невыносимо и не по-человечески, что хотелось зажмуриться до боли в висках.

И ещё одна детская эгоистичная мысль не отпускала Надю: «Я не хочу, не хочу, не хочу быть старой, пожалуйста, только не старой, только не я».

Утро воскресенья было свежим и прозрачным. Девочки встали поздно – в десятом часу. Рита вышла босиком и по пути к дощатой будке завизжала: ей показалось, что на ногу приземлилась в прыжке лягушка.

Пахло влажной землёй, смородиной и клопами. В малиннике солидно гудели пчёлы.

О конце света никто не вспоминал.

Бабушка молча занималась обычными делами, никого не припрягая и не ругая. Пока она перемывала за Ритой посуду и перебирала тряпки из комода – старую одежду, постельное бельё, полотенца, покрывала, Надя с Ритой доели вафли и вместе с мамой немного поиграли в бадминтон, прыгая по мокрой траве, то и дело вытаскивая из кустов малины упущенный волан.

К обеду уехали в город.

В те дни все они ещё были живы.

ВОРОВКА

Один-единственный раз в жизни Оля влюбилась в женщину. У неё было южное лицо, кудлатые чёрные волосы до плеч, жёсткие, как собачья шерсть, и редкой красоты имя – Мадина.

Мадина была высокой, худощавой, одевалась странно – в просторные рубахи с подвёрну-

тыми рукавами, бесконечной длины юбки, мужские пиджаки. Оле казалось это очень красивым, и всякий раз, когда Мадина приходила в гости, Оля пыталась, как могла, зарисовать, во что она была одета, чтобы не забыть когда-нибудь купить себе в точности такие же вещи.

Много позже Оля пыталась вспомнить Мадинино лицо во всех подробностях, но не получалось – она помнила только фотографии, которые не только ни на микрон не передавали обаяния Мадины, но и действовали как кривое зеркало. Со снимков смотрела грубая, густо накрашенная женщина с волосами грязными и лицом злым, даже если она улыбалась, хотя в жизни, знала Оля, была она совсем другой. А вот какой именно – не воспроизвести: лицо Мадины выскользнуло из памяти, как единожды увиденная фотография постороннего человека.

Как ни странно, запомнились украшения. Старое, почерневшее серебро: серьги в форме неровных монет и монета с такой же чеканкой, но в два раза больше – кулон, ныряющий в глубокий треугольник не до конца застёгнутой рубашки, откуда виднелись ключицы, краешек чёрного кружевного белья и две выпуклые родинки.

Ногти длинные, цвета гнилой вишни. Тёмные брови вразлёт. Лёгкая картавость: если говорила быстро, то не выговаривала эр.

Ещё силуэт Мадины остался в памяти – как шла она через двор, становясь всё меньше и меньше. Одним из Олиных любимых занятий в ту пору перед сном да и просто со скуки было смотреть в голове придуманные клипы на любимые песни, и это был один из частых сюжетов: красивая женщина уходит по пустынной дороге, уходит, не оглядываясь, уходит навсегда – под долгий гитарный проигрыш, на разрыв аорты.

И запах, самое главное! Пахло от Мадины странно: щекотливо, радостно и терпко. Праздником от неё пахло, вот как.

Мадина была подругой Олиной мамы, её бывшей одноклассницей. После окончания школы они долго не общались. Мадина уехала учиться в Питер. В школе она успевала неважно, все думали, что она скоро вернётся, а она взяла и поступила. На втором курсе она бросила учёбу и – с мужчиной – переехала в Москву, оттуда – разумеется, с другим мужчиной – в Сочи, город её мечты. Прожив там семь лет, она встретила отдыхающего Павла, и за одну неделю резко изменила свою жизнь: ушла от мужа и с Павлом вернулась в давно оставленный город.

Обычно Олина мама вела себя так, словно Мадина была намного моложе её, и годы спустя Оля поняла, в чём дело: в снисхождении женщины с правильной семьёй и рано родившей к женщине без детей, без штампа в паспорте, но с сожителем творческой профессии. Когда мама пыталась учить Олю жизни, то на примере Мадины она рассказывала, как не надо. Оля с ней не спорила, но, разумеется, и не слушала. Жизнь Мадины виделась ей намного интереснее, чем выйти замуж в восемнадцать лет, а в девятнадцать – родить. Оля намеревалась уехать из дома, как только настанет время поступать в университет, она представляла себя сидящей на краю стеклянного стола в стильном офисе. Ещё в седьмом классе она в подробностях сочинила всю свою будущую жизнь, на страницах дневника составляя список городов, в которых ей хотелось бы пожить: Москва, Париж, Нью-Йорк, Лиссабон. Интересная работа, путешествия, красивые и умные мужчины. Ни капельки Оля не сомневалась в том, что всё в её жизни зависит только от неё самой.

Оле было двенадцать. Она любила Мадину целую вечность, никак не меньше года. Оля обожала её, словно институтка Чарской. Ничего плотского не было, никакого телесного желания, даже и такого – вот бы она Олю обняла и поцеловала, просто, по-родному, как мама или как прошлым летом в лагере целовались в губы с подружками. Одно только желание – видеть, видеть! Во все глаза.

Мадина забегала несколько раз в месяц. Обычно они с мамой болтали на кухне час-другой, но иногда, быстро переговорив в прихожей, они шли в ресторан, отца оставив дома. В такие вечера Оля засыпала задолго до мамино-го возвращения. На следующий день мама до вечера лежала в спальне, не разрешая раздвигать шторы, и жаловалась на сильную мигрень. Бывало, они, нарядившись и начесав волосы, ходили на ночные дискотеки, и вовсе было непонятно, зачем взрослым, тридцатилетним женщинам нужны эти дурацкие танцуйки.

Оля не понимала, почему отцу не нравилась Мадина. Он называл её странно и красиво: роковая женщина, но у него это звучало как насмешка. А иногда говорил: «Демоническая женщина», и тогда мама выходила из себя.

Когда Мадина заходила в квартиру, Оля теряла дар речи. Она делалась восхищённой, придурочной, немой, неподвижной, с дрожащим

кроличьим сердцем, балансирующей на краю кроличьей норы. С появлением Мдины наступало счастье. Нет, не наступало – счастье вспоминалось всем телом, словно было самым естественным, понятным человеческим состоянием.

– Ольга, привет! Как в школе?

– Нормально!

– Ты же у нас отличница?

– Да, разумеется.

Отец, поздоровавшись, хмурился и сразу уходил к себе, Оля тоже. Мама с Мдиной уходили на кухню и плотно закрывали дверь. Оля уютилась с книгой в углу раскладного дивана, пытаясь вслушаться в их разговоры, говорили они тихо, только смеялись звонко, но над чем именно, было не расслышать. Порой Оля ставила кассету из своей коллекции, «Энигму», погромче, чтобы Мдина понимала, что Оля не как все, Оля любит вовсе не дурацкую попсу, а музыку редкую и утончённую.

Иногда Оля выходила в прихожую и украдкой зарывалась лицом в чёрный блестящий мех. Мдина носила шубу и в марте, и в холодном апреле, пока жаркая весна не заставляла её перелезть в плащ. Однажды Оля увидела, что шуба свалилась с вешалки. Тогда, стараясь не дышать, она её примерила, торопливо накинула перед зеркалом: высокой Мдине шуба была до середины бедра, Оле – ниже колена и сидела она на Оле, конечно, словно доха, рукава болтались, Оля могла в этой шубе спрятаться с головой. От меха пахло лимонадом и перезрелыми персиками. Это был запах духов Мдины, которые назывались «Дольче вита» – «Сладкая жизнь».

С тех самых пор Олин идеал женской красоты – стремительная взлохмаченная брюнетка, полная противоположность нежной светловолосой Оле, обладательнице гладкого прямого пробора и лица, которому безоговорочно не идёт яркая косметика.

Тянулось лето перед седьмым классом. Оля предпочитала проводить его одна.

Была у Оли в школе компания девчонок, каждое утро и на переменах они собирались на одном из подоконников в фойе, вместе ходили в буфет за пирожками и газировкой, болтали о разном и ржали над всем подряд. Но никого из одноклассниц ей видеть не хотелось, и когда кто-нибудь из них звонил, Оля просила родителей отвечать, что её нет дома.

Дворовых подруг у неё не осталось. Жизнь вокруг напоминала вихрь, внезапно подхватывающий людей и раскидывающий их по всему свету.

Варя с родителями переехала в другой район города, поближе к семье её старшей сестры, чтобы мама помогала с внуками-погодками.

В семье Нади стряслась настоящая беда: её сестра Рита прошлой осенью ушла на ночную дискотеку, а нашли её только весной, в карьере за городом, разумеется, уже неживой. Вскоре после этого Надя с мамой уехали к родственникам в Германию. Надина бабушка, ненавидящая капиталистов, осталась на старом месте. Высокая, худая, бесцветная, как сухой камыш, она стала старшей по дому. С девочками она никогда не здоровалась, смотрела сквозь них, и Оля чувствовала, как она всеми фибрами души ненавидит бывших дворовых подружек Риты.

С Ленкой, любимой детской подружкой, Оля едва обменивалась кивками: их больше ничего не связывало.

Единственной, о ком жалела Оля, была Надя. По мере взросления Оле всё больше казалось, что они с Надей друг на друга похожи. Надя не была яркой и общительной, как Варя, или доверчивой и откровенной, как Ленка, и Оля не сразу разглядела в ней человека, с которым хочется поговорить по душам. Увы, так и не подвернулось случая, чтобы начать дружить по-настоящему, а ведь нарочно это не подстроить. После того как Надя столкнулась с бедой, все дружить с ней почти перестали, а точнее, это Наде больше никто не был нужен. Всё произошедшее моментально, как природная катастрофа, стёрло детскую дружбу, все девчачьи «выходи гулять», «приходи посмотреть видик» и «я купила новый альбом Сташевского».

За несколько дней до её отъезда, о котором никто во дворе не знал, Надя позвонила Оле и позвала гулять. Оля не знала, как с ней разговаривать, будет ли она плакать, – невозможно же делать вид, будто ничего не случилось, и по-прежнему болтать о пустяках. Она прочитала множество книг, в которых кто-то умирал, знала, какие нужно говорить слова, но все эти слова, похожие на реверансы, не имели ничего общего с тем ужасом, что произошёл в Надиной семье.

Обе они были слишком маленькие для такого большого горя. Оля ответила, что очень занята. Больше Надя не появлялась.

Через два месяца пришла от неё открытка с новым адресом, выведенным крупными печат-

ными буквами, и с припиской: «Передай Рите, когда она вернётся».

Оле нравилось чувствовать себя одинокой.

Едва ли не каждый день Оля с утра пораньше уезжала гулять в город. Она садилась на первый попавшийся автобус, ехала до конечной и бесцельно шаталась по неизвестным дворам, если хватало денег на батарейки для плеера – то с музыкой в ушах, если нет, то сама по себе. Оле нравилось уцепиться за какую-нибудь мысль, обычно про любовь и смерть, и гулять, размышляя, ощущая себя умной девушкой.

Только одного из прежде любимых мест она избегала – сквера, в глубине которого скрывался Дом культуры, где по выходным проходили ночные дискотеки. Именно на ту дискотеку без разрешения отправилась однажды Рита и не вернулась домой. Оля не понимала, что Рита там была: дискотека была бесплатная, для гопников, ходить туда было позором. Оля в том сквере больше не гуляла и, когда проезжала мимо, зажимивалась и несколько остановок ехала с закрытыми глазами.

Иногда Оле никуда не хотелось ехать, и тогда она выходила во двор. Она любила читать, сидя на качелях, или висеть на турнике вниз головой, зацепившись только ногами, без рук, и смотреть на перевернутое всё, пока голове не делалось горячо и мутно.

Раз в неделю Оля шла в городскую библиотеку и проводила там полдня. Она долго сидела в прохладе читального зала с модными журналами, цветными ручками перерисовывая в тетрадку понравившиеся наряды. Журналы всё время были одни и те же и, кажется, попали в маленькую районную библиотеку не по подписке, а случайно; с их потрёпанных, помятых, утративших былой глянец страниц на Олю смотрели женщины с небывалыми лицами: она ни разу не встречала таких женщин на улицах города. Даже Мадина была другой. Потом Оля шла во взрослый отдел и тихо бродила среди стеллажей в поисках интересного; наконец вытягивала за корешок заманчивую книгу, садилась на корточки и читала сколько успевала, пока её не согнали. Мама ругалась, когда Оля приносила такие книги в дом – называла их мусором и говорила, что у неё дурной вкус. Больше всего Оле нравились романы, в конце которых героиня умирала от неизлечимой болезни, а герой долго и с упоением страдал.

Понимаете ли, Оля – дитя девяностых, забывшее год в пионерии и ленинские идеалы, воспитанное на любовных романах, Ремарке, Франсуазе Саган, подшивке «Бурда Моден» и первых выпусках «Космополитена».

После шести вечера возвращались домой родители и садились ужинать перед телевизором, неохотно, будто по инерции застарелой обиды поругивая эту страну. Порой доставалось Оле, и каждый раз – непредсказуемо: она никогда не могла угадать, за что её станут бранить. За то, что забыла пропылесосить, или что много читает, или что до сих пор играет в куклы. Хотя Оля не играла в них вовсе, а её единственная выстрадавшая настоящая Барби, купленная на скопленные за два года карманные деньги, безвылазно жила на пыльной полке книжного шкафа. Куплена она была ради сбывшейся мечты, а не чтобы с ней играть.

Однажды случилось невозможно больное. Когда мама с Мاديной болтали на кухне за чаем, Оля зашла попить воды. Мадина по своему обыкновению спросила, как дела в школе.

Оля ответила:

– Хорошо, всего одна четвёрка за последнюю четверть.

– А с мальчиками дружишь? – спросила Мадина.

Оля ответила:

– Нет, потому что они глупые, говорят только про приставку, и вообще.

Она спросила, куда Оля собирается поступать и кем хочет быть. Оля объяснила, что вначале в гимназию, потом на экономический, а потом мечтает открыть свою небольшую фирму.

Мадина спросила, сколько Оля хочет иметь детей. Оля ответила, что в ближайшие двадцать лет не планирует думать ни о замужестве, ни, тем более, о детях.

Оля никогда не могла смотреть Мадине в глаза. Опускала взгляд, стоило Мадине с ней заговорить. А в тот самый день Оля, потянувшись за чашкой, вдруг заметила, что Мадина с мамой переглядываются, едва сдерживая смех. К лицу Олиному подступил жар, ещё чуть-чуть – и до слёз, как если бы она глотнула чересчур горячего чаю. Они, конечно, думали, что смеются по доброду, как над котиком, как над ребёнком, который читает с табуретки непонятный взрослый стих, а Оля-то ребёнком себя не считала: ей уже было двенадцать, какое же это детство? Оля, несомненно, была девушкой, юной девушкой,

кажется, красивой и уж точно умной и целеустремлённой. Весь мир открывался перед ней, до прекрасной жизни оставалось совсем немного времени, а они смеялись, над ней смеялись!

Оля стояла перед двумя взрослыми женщинами, любимыми ею до костного мозга, стояла перед ними – как голая на медосмотре перед незнакомыми медицинскими тётками с холодными пальцами. Дышать не дышала и, ссутулившись, бестолково прикрывалась руками. Они смотрели на Олю так, будто всё-всё знали о ней наперёд. Хотя не знали о ней совсем ничего, ничегошеньки. И самого главного не знали, не понимали – нельзя поступать так с людьми.

Оля долго пыталась забыть самый стыдный момент в этой дурацкой истории. Никто ни о чём не узнал. Но – так и было, так и есть: Оля оказалась воровкой.

Мадина с мужем уехали к морю, потому что им деньги было некуда девать. Мама взяла ключи, чтобы присматривать за квартирой и поливать цветы. Потом её на два дня отправили в командировку, и она оставила Оле с папой кастрюлю щей, сковородку котлет, ценные указания, как варить утреннюю кашу, ключи от Мадениной квартиры и её адрес, второпях написанный на листке отрывного календаря над народным рецептом борьбы с бородавками. Следующим же утром Оля, едва позавтракав, поехала туда.

Мадина жила в тесной двушке с маленькой кухней, окна которой выходили на цирк. Оля ожидала чего-нибудь эдакого, но квартира оказалась самой обычной. Одна комната – спальня, в другой – длинный и приземистый, будто такса, диван, стенка с хрусталём и книгами во всю комнату, собрания сочинений Чейза и Кристи – как дома, знакомые по урокам литературы Паустовский, Куприн и Толстой, пять серо-голубых томов какого-то Леонида Леонова и пара медицинских справочников. На серванте – чёрные чугунные часы с героями из «Хозяйки медной горы». Узорчатый ковёр на стене, шершавый палас под ногами, в углу – телевизор с пыльным экраном и на нём – видеомагнитофон, прикрытый вязаной кружевной салфеткой.

Воздух в квартире был спёртый, с кислинкой – возможно, что-то испортилось, и Оля первым делом открыла все окна. Только что закончился дождь, и купол цирка блестел, как рыба чешуя. За стеной, у соседей, кто-то неумело играл на пианино, всё время одну и ту же мело-

дию, видимо, разучивая заданное на лето. Оля вспомнила свою бывшую подругу Ленку, ненавидящую пианино, но вынужденную заниматься по часу в день, и ей сделалось грустно.

Оля провела пальцем по экрану телевизора и вывела в пыли: «Мадина». Стёрла и ниже написала: «Любовь». Стёрла и ещё раз написала: «Любовь». Потом вымыла руки, намочила под краном свой носовой платок – тряпки не нашла, и впервые в жизни не из-под палки вытерла с мебели пыль. А на следующий день на два раза помыла полы, тщательно елозя под столами и кроватями сырой тряпкой, в прошлой жизни бывшей мужским трико.

Два дня подряд Оля ездила к ней. В первый день ей было в квартире страшно. Ей казалось, что вот-вот откроется входная дверь и на пороге появится Мадина или, что хуже, её муж, который вообще не знает, кто такая Оля. И обязательно окажется, что Оля сделала что-нибудь неправильное, как в сказке, – сидела на стуле и сдвинула его с места, лежала на кровати и помяла её. О кровати и не думала, но на диване лежала, прижимаясь щекой к вышитой подушке, чтобы хотя бы вот так соприкоснуться с жизнью Мадены: через чистые полы, через отпечаток подушки на щеке. Через отражение в зеркале. Старое яблоко, найденное в холодильнике. Комнатные растения, ради жизни которых Оле доверили ключи. Вид из окна. Взятый с тумбочки у кровати выпуск «Иностранной литературы» с непонятным романом «Невыносимая лёгкость бытия» (там у мужчины волосы пахли женским лоном, и читать о таком было стыдно и интересно одновременно).

В спальне Оля видела свадебную фотографию, но рассматривать её не стала. Взглянула мельком и положила рамку вниз лицом. Слева от Мадены на фото стоял муж – да кому он интересен, этот муж, серенький стареющий господин, на пятнадцать лет старше Мадены.

Оле хотелось принять в её доме ванну, но на подобную наглость она не решилась. Зато на второй день Оля открыла шифоньер Мадены и чуть было не забралась туда вся, с головой. В глубине висела шуба, и Оля ласково погладила её по рукаву, словно здороваясь со знакомой собакой.

Оля хорошо помнила, как Мадина купила свою шубу. В городе было невозможно найти что-нибудь приличное, и несколько раз в год приходилось ездить в Новосибирск на ночной вещевой рынок, когда на специальном автобусе для челноков, когда несколькими семьями на

машине. Выезжали туда поздно вечером, чтобы добраться до рынка к рассвету. По узким торговым рядам бродили в потёмках, все вещи казались одного тусклого цвета и вообще одинаковыми, и Олины мечты о том, как ей купят вещей красивых, прямо из журнала, развеивались уже после второго ряда.

Ходили, и ходили, и ходили, с трудом протискиваясь через толпу и боясь потеряться; повсюду, почти в каждом контейнере висели одинаковые вещи, будто все продавцы закупаются на одних и тех же точках в гигантском китайском вещевом аду, в королевстве синтетики, страз и узких джинсов, едва державшихся на копчике. Когда на глаза попадался предмет одежды, кажущийся Оле или маме менее страшным, задёргивалась занавеска, Оля заходила за неё, раздевалась выше или ниже пояса, стоя на узкой картонке, и показывалась продавцу и маме. Первый восторгался во весь свой русский словарный запас, мама хмурила брови и говорила «Вроде нормально» или «Снимай». Зеркал, как правило, не было, Оля себя не видела, но заранее себе не нравилась, особенно в том, что называлось «нормально». Когда уходили восвояси, вслед бежал обездоленный продавец, горько причитая: «Купи станы, купи станы, осень класивая». Мощные тётки возили тележки с беляшами, горячим кофе, семечками; ветер раздувал подопы развешанных сарафанов; Оле купили для школы пляжную сумку как самую вместительную и дешёвую, и осенью над ней будут смеяться все одноклассники.

Мадина отстала в первом же ряду, затерявшись в толпе, и прибежала только к автобусу. Она тесно прижимала к животу большущий пакет, из которого выглядывало что-то пушистое, похожее на пойманного зверя. «Норочка», – сказала она ласково и выдохнула. Мама говорила потом, что только полная дура может купить на последние деньги короткую шубу и таскать её по трамваям, но в чём здесь глупость, если Мадина спала в автобусе на обратном пути, обеими руками обхватив драгоценный сверток, и на её лице было самое настоящее счастье. Оля больше ни разу в жизни, даже в кино, даже ни на одной из свадеб не видела такую красивую и счастливую женщину.

В ванной, на стиральной машинке, лежала незакрытая косметичка. Из неё высовывался чёрный столбик губной помады. В какой момент помада оказалась у Оли в руках, Оля так и не поняла.

Дома родители вдвоём смотрели «Поле чудес» – отец с дивана, мама из-за гладильной доски. В квартире пахло жареными пирожками.

Закрыв дверь на щеколду, Оля крутанула краны и легла в ещё пустую ванну, холодящую спину, глядя, как сантиметр за сантиметром вода скрывает ноги, живот, плоскую грудь и подступает под шею. Тогда Оля чуть отодвинула затычку, но воду отключать не стала и подставляла под струю поочередно каждый из пальцев на ногах.

Оля физически чувствовала, что на вешалке в прихожей висит её сумка, в которой сегодня болталась та самая помада. Когда Оля шла домой через мост, она выбросила помаду в реку, но ладонь всё ещё ощущала горячий пластик маленькой чужой вещи.

Оля почти не испытывала стыда, все чувства застилал страх: все узнают, все, и Мадина, и родители. Ей казалось, что если она пролежит в ванне долго-долго, то рано или поздно растворится, превратится в воду, утечёт в сток. «Меня не будет больше, – думала Оля, – и хорошо, что не будет, зачем я такая нужна».

Зажмурившись, она с головой уходила под воду. Ещё раз, и ещё, и ещё. Мокрые волосы струились по плечам, как водоросли, сердце глухо билось в ушах, и больше ничего не слышала Оля, кроме его загнанного стука. Всё остальное в её глупом голом теле молчало и становилось неживым. Наверное, так чувствует себя гусеница, затвердевая в кокон, чтобы когда-нибудь стать бабочкой.

И вот через этот страх влюблённой девчонки, что наругают и накажут – честное слово, нечаянно – за украденный огрызок дешёвой помады, прорывалась непереносимая радость, что случилась сегодня перед зеркалом, когда Оля стояла с красными губами, томным взглядом, гордо вздёрнутым подбородком и красивой была – до совершенства.

ЗАМРИ!

Автобус ждали долго. У Оли замёрзли ноги в валенках, пальцы рук и губы, хотя они с отцом на одном месте не стояли, ходили туда-сюда и даже прыгали, как на физкультуре. Все остальные тоже топтались по тротуару, сутулые, словно пингвины, и выдыхали в синий воздух сивый пар.

Голова была тяжёлой, и по-прежнему болело всё лицо, как если давить на крылья носа что есть силы холодными руками. Боль была тугой и

навязчивой. Дышать носом удавалось с трудом: нос заложен, а ртом, под двумя слоями шерстяного шарфа, дышать очень мокро, и рот был полон какого-то пуха. Везде хлюпали сопли – и в горле, и в носу, и, кажется, в ушах. Волосы, выглядывающие из-под шапки, покрылись инеем. Оля посмотрела на отца: у него были седые брови, ресницы, волосы в носу. Она на него сердилась: неужели он ничего не сделает, чтобы было не так холодно?

«Всё так просто, – думала Оля, – мы ведь можем никуда не ехать, мы ещё даже не сели в автобус. Вернёмся домой, в тепло, и всё будет хорошо. Я стану дышать над паром, пить травяной чай, объедаться мёдом и лимонами. Хоть килограмм лимонов принеси, я всё съем, могу и без сахара. Я буду принимать лекарства, капать в нос горькие капли. Неужели обязательно ложиться в больницу? Что это за болезнь такая дурацкая – гайморит? Обычный насморк, да, сильный, но неопасный и незаразный. Если без этого никак, Варина мама умеет делать уколы, я потерплю. Скоро вернётся мама, и она-то точно знает, как нужно лечиться. Ты же сам говорил, что ждать осталось всего несколько дней».

Оля повернулась к отцу спиной, к дому лицом, чтобы ветер хлестал в спину. На отца смотреть она не хотела: ни слова ему больше она не скажет. Он всё ещё мог передумать: «Ладно, пойдём домой», но вместо этого молчал, глядя на дорогу. Он явно был рад избавиться от Оли на те дни, недели, месяцы, которые ей предстояло провести в больнице, рад – и не иначе, раз он до сих пор не предложил вернуться домой.

Сколько ей лежать, она не знала. Подруга Ленка с воспалением лёгких пробыла в больнице целый месяц, а учительница рассказала классу, что у неё заражение крови – грызла ногти и что теперь врачи пытаются спасти ей жизнь. Это было в первом классе, когда Оля ещё не понимала, зачем взрослые так беззастенчиво и бездарно врут.

Автобуса всё не было, дорога пустовала. Воздух был накуранным, стеклянным, колким. Ветер сыпал в лица мелкую снежную труху. Со всех сторон светились медовые окна тёплых квартир, и казалось невероятным, что кому-то сегодня никуда не нужно идти.

– Что-то не соблюдает расписание, – сказал кто-то.

Это был отец.

– Может, совсем не приедет, в такой-то дубак! – ещё один чужой голос.

– Ну как же не приедет, – снова отец. – Всем на работу надо. Но вот что не по расписанию – это совсем нехорошо. Всё-таки не лето на дворе. Могли бы и о людях подумать.

– Да разве бывает такое, что кто-то о людях думает? Милый, ты чего!

После недолгой оттепели пришла вторая волна морозов, школьники снова радовались отмене уроков. Родители шли на работу, а Оля, человек с ключом, вместо школы бежала на горку. Не сидеть же дома, в конце концов, из-за каких-то холодов! В ближнем парке построили отличную высокую горку с ровным ледяным скатом, и с утра до вечера с неё катались дети всех окрестных дворов: кто на пакетах, кто на ногах, кто на крышке от унитаза. Оля любила на ногах: страшно, но весело. Что странно, на горке мороз не ощущался, но потом, по пути домой, Оля не чувствовала ног, а на лицо словно была надета тонкая ледяная маска. Дома она отогревала руки сначала в холодной воде и только затем в горячей. Главное – успеть просушить обувь и рукавицы до возвращения родителей с работы и вылить в унитаз тарелку супа так, чтобы в сливном отверстии не плавали пятна жира.

Оля заболела, однако не из-за горки, а после того, как перед всем классом Анна Ивановна разодрала на кусочки Олину тетрадь с криво начерченными полями. Ошибок, между прочим, не было. После уроков все пошли на горку, а Оля домой. Шла и думала: «Мне обязательно нужно простудиться, да так, чтобы точно не ходить в школу. Боженька, пожалуйста, пожалуйста, пусть я заболею!» И к вечеру у неё поднялась температура.

На следующий день после визита врача отец ненадолго уехал на работу, а Оля сидела в кровати и играла в пуговицы. Читать она не могла, буквы, всплывая, делали голову тяжёлой и горячей, как будто на затылок Оле положили камень. Телевизор был болтлив, бестолков, мелькал лишними людьми, пустыми словами и чересчур громкой рекламой.

А с пуговицами делалось спокойно. Пуговиц было много: целая шкатулка и ещё мешочек. И блестящие, как леденцы, и крохотные перламутровые жемчужинки – для маминой блузки, и настоящие милицейские пуговицы со звёздами, оставшиеся от дедовских шинелей, и даже звёз-

дочки, которые когда-то было нужно пришивать ему на погоны. Дед ушёл на пенсию задолго до рождения Оли, но шинели, а их за годы службы накопилось изрядно, по привычке надевал часто: не любил гражданскую одежду.

Пуговицы были Олиными друзьями во время каждой из болезней, лучшими, чем все остальные игрушки, вместе взятые. С ними можно было играть целый день, придумать миллион разных историй и рассказывать их про себя. Оля, рассыпав всё богатство на кровати, выбрала из пуговиц те, которые станут девочками-страницами, и передвигала их по одеялу, по спинке кровати, по собственным ногам, подбрасывала в воздух и в своей фантазии вместе с пуговицами совершила кругосветное путешествие и нашла настоящий клад – волшебный жемчуг, украденный злой волшебницей. Потом она доставала милицейские пуговицы и играла в погоню за преступниками; милиционеров было двое, а преступников – целая куча, стражи порядка преследовали их и на самолётах, и на пароходах, и на водных лыжах, и верхом на лошадях. Оля засыпала, сморенная болезнью, и чувала сквозь сон, как возвратился с работы отец, прямо в пальто и обуви подошёл к её кровати, обдав снежным холодом и положил ей на лоб твёрдую стылую руку, как звонил потом маме и говорил с нею строго, словно хотел её отругать, но ещё не придумал, за что именно. Оля он принёс пирожное-трубочку, хотя та любила картошку, и две упаковки наклеек для альбома «Барби».

Вечером смотрели фильм про мальчика и дельфина, Оля – лёжа в пледе на диване, растянувшись во всю его длину, а отец – не в кресле, а рядом, сидя прямо на полу, на паласе, так, что Оля при желании могла бы положить руку ему на голову. Ей стало жалко его за то, что она заболела, что не доела выбранное им пирожное, только по краям обкусала: Оля терпеть не могла белковый хрустящий крем и каждый раз злилась на отца, который не мог это запомнить.

Фильм был чудесный, но Оля уже смотрела его в кино. Кассета же оказалась старой, переписанной на десятый раз, голос переводчика был гнусавым, словно у него никогда не проходил насморк. Как на диване ни повернись – всё неудобно, голова болела, руки и ноги никак не могли согреться, и Оля на самом деле одного хотелось – на ручки к маме.

Мама была в Юрге, с больной бабушкой, и никак не могла вернуться раньше. Оля знала,

что бабушка последние годы никого не узнавала и уже не вставала. До Юрги – больше сотни километров, покрытых высокими сугробами, и несколько ночей подряд Оля посреди ночи подскакивала в постели от кошмарного сна: города навсегда разлучены снегом, не проехать никак, весна никогда не наступит, снег не растает, а наоборот: будет падать, и падать, и падать, пока не заметёт весь мир, деревья – по макушки, дома – выше крыш. Что станет с человечеством, Оля не думала, потому что первая же мысль, которая пронзала её в этом сне, была: «Мама!».

Автобус пришёл старый, скрипучий, как из родительской молодости. Внутри резко пахло резиной, бензином и людьми. Пассажиров оказалось мало – маршрут автобуса от одной городской окраины до другой шёл по самой кромке города, через промзоны. Смотреть в окно было неинтересно: мимо дороги тянулись или пустыри, или одинаковые серые коробки, цистерны, трубы, или заброшенные стройки. Мальчишки со двора постоянно отправлялись в путешествия по таким местам и возвращались грязные, иногда покалеченные. Девочки же редко выходили без старших за пределы двух дворов, школы, ближнего парка, гастронома и магазина галантереи. Оля так вообще бояласьстроек, а ещё сильнее – вида дымящихся заводских труб.

Впрочем, однажды Оля уехала одна на тот берег. Ей хотелось посмотреть другие районы города, где она никогда не бывала. После школы она села в автобус, ведущий в далёкий Кировский, и поехала до конечной, по знакомым улицам, по мосту через хмурую осеннюю реку и дальше, в неизвестную Оля часть города. Мимо проплывали приземистые деревенские дома и было непонятно, это ещё город или уже нет. Автобус ехал и ехал неизвестно куда, останавливался редко, потом пошли гаражи, гаражи, гаражи, какие-то базы, склады, автосервисы, и такой тоской тянуло от городских окраин, что Оля не выдержала и сошла на первой попавшейся остановке. Она перешла на другую сторону дороги и долго ждала автобус в город, но его все не было и не было. Оля шла домой пешком, оглядываясь, – не идёт ли автобус; всё вокруг серело грязью и сумерками, даже свет фонарей был сумрачным и грязным. Потом вдруг закончились фонари – и рухнула вниз такая темнота, что стало ясно: скоро ночь, мама меня убьёт. И не успела Оля испугаться, как она увидела трамвайные

рельсы, а за ними – счастье – ярко освещённый трамвай.

Дома пахло валерьянкой, мама трясла Олю за капюшон куртки и кричала на неё задыхаясь. Кричала она не «где ты была», а «с кем ты была», будто сама Оля не могла вернуться поздно, а раз уж шлялась где попало, значит, не одна, значит, попала под дурное влияние и не далёк тот час, когда она начнёт курить или прогуливать школу. «Одна!» – «Нет, ты была не одна!» Отец не задавал лишних вопросов: пришла домой, живая, здоровая – всё хорошо, поэтому Оля было совестно только перед ним.

В автобусе стояла тишина. Пассажиры ехали молча, каждый в своих мыслях. Их лица были рыхлыми и подёрнутыми сном. Только один мужчина читал книгу – Оля случайно заглянула – учебник английского.

Оля сидела у окна, затянутого морозом, и прижимала попеременно пальцы к стеклу, оттаивая маленькие оконца и заглядывая в них: снаружи всё было по-прежнему белым, серым и чужим. Все остановки казались ей одинаковыми. Оля никогда не бывала в той больнице и не знала, сколько ещё ехать до неё.

Отец приобнял её за плечи. Спине стало неудобно, как в слишком тесном платье, и сразу захотелось чесаться.

– Ну ты чего опять киснешь? – беспомощно сказал отец. – Ты знаешь что, ты представь себе, будто в лагерь едешь. Там других детей много, будут у тебя подружки. Вот я в твоём возрасте лежал в больнице со сломанной ногой, и так весело было, такая компания замечательная. Мы и в карты играли, и даже в футбол, прямо в палате.

– И как же вы играли в футбол с переломанными ногами? На костылях?

– На костылях, да... На костыль опираешься, здоровой ногой мяч пинаешь. Окно однажды разбило.... Визгу было! Хорошо ещё, что летом.

Кожа на спинке впереди стоящего кресла была распорота, торчал грязно-жёлтый поролон. Оля зачем-то принялась запикивать его обратно и поняла, что руки её дрожат. Она изо всех сил старалась не моргать, чтобы не заплакать, и спину выпрямить, и поднять подбородок вверх.

– Да, конечно, всё нормально будет, – сказала она и хотела спросить, когда придет мама. Она уже спрашивала об этом и вчера вечером, и сегодня утром, и ещё много раз до этого дня, но заново задать тот же самый вопрос было необходимо.

Мама беспокоилась, мама звонила Оле с отцом каждый день и давала кучу советов. Оля рассказывала ей по телефону всякую ерунду:

– Мы у Вари играли в «морская фигура, на месте замри». Все замерли, и я тоже замерла, стою, не двигаюсь. Варя подходит и говорит: «У тебя живот шевелится, ты проиграла!» – «Ничего он не шевелится!» – «Шевелится, я вижу!» – «Так я же дышу!» – «Ты не должна дышать, по правилам не положено!»

Мама неузнаваемо смеялась в трубку.

– Что вы едите? – снова и снова спрашивала она, как будто это было важно.

– Папа суп сварил, очень вкусный, с клёцками, – врала Оля.

Суп был просто отвратительным, и отец ел его сам, а для Оли приносил еду из ближайшей кулинарии. Те котлеты и жареные куры казались Оле намного вкуснее домашней еды.

Больница представлялась Оле испытанием. «Ты просто представь себе, что ты герой», – говорили ей. Герои должны преодолевать все трудности, на то они и герои. Герои не должны плакать, даже когда больно, страшно и хочется домой.

Оля не хотела быть героем. Может быть, когда-нибудь в жизни она и станет героем, но это случится нескоро, а пока она маленькая девочка и хочет к маме.

– А ты мне «Денди» купишь? – спросила она у отца.

– Это надо у мамы просить.

– Ты сам знаешь, что она скажет. «Нечего страдать ерундой!» Я, честное слово, не буду много играть, только чуть-чуть вечером, и всё. Всем девочкам уже купили! Ну пожалуйста! Просто возьми и купи. Я могу вам уроки показывать перед тем, как играть.

– Посмотрим.

– Я же ей до сих пор не рассказала, как мы с тобой в игровые автоматы играли, помнишь? Ты просил ей не говорить, и я не рассказала.

Была в мае такая история, для отца стыдная, когда они с Олей, отправившись без ведома мамы в городской сад и в зал игровых автоматов, прогуляли остаток отцовской зарплаты. Оле надоело раньше, чем отцу. Он рубился в настольный футбол с каждым из пацанов, ошивавшихся там, а потом Оля никак не могла увести его от автомата «Воздушный бой». «Я сейчас, сейчас!» – и сыграл не меньше двадцати партий.

Автобус медленно и неповоротливо пробирався по заметённой дороге, скрипел, кряхтел и всё сильнее вонял бензином. Вдоль обочины тянулись серо-зелёные нити хилых молодых ёлок. Светало. И небо, и земля были одинакового цвета – грязного снега.

На остановках в автобус заходили замёрзшие закутанные люди, неясно откуда взявшиеся. Они садились на свободные места и сразу впадали в полудрёму.

– Тебе-то самому нос когда-нибудь прокалывали? – спросила Оля отца.

– Нет, – ответил он.

– Тогда чего ты говоришь, что это не больно?

– Если вдруг и больно, то совсем чуть-чуть, – сказал отец невпопад.

– Нет, зачем ты говоришь, что не больно, хотя сам ни разу этого не делал? Почему вы всегда так говорите? Это ведь нечестно, это ведь неправильно! Зачем так?

Дверь автобуса со скрипом отворилась, запуская очередную партию сонных людей и ледяного, до рези в глазах, воздуха.

– Не грызи ногти, Оля. Руки грязные.

– У тебя на всё один ответ! Или не грызи ногти, или не сутулься!

– А ты не грызи ногти и не ходи как старая бабка, и тогда я перестану так говорить.

Оля громко втянула носом сопли и слёзы и нарочно согнулась в три погибели.

– Поправишься – поедem на лошадаках кататься, – сказал отец.

– Я не хочу с тобой ни на каких лошадаках.

– Оля, не на пони, настоящие лошадаки в конном клубе. Научишься сама ездить в седле и управлять лошадьё, хочешь?

– Сказала же: не хочу!

– Ну тогда мы с мамой вдвоём поедem.

«Конечно, – подумала Оля, глядя в глазок, протёртый в заиндевевшем окне. – Я-то вам вообще не нужна». Хотела сказать, но не сказала. Она уже и поговорить-то хотела с отцом о чём-то хорошем, не больничном, но другие слова ей не давались, голос был осипшим, злым, и обидеть отца ей тоже хотелось – так, чтобы он понял, что нельзя оставлять родную дочь в больнице.

Она боялась не столько боли, сколько неизвестности: ещё ни разу в жизни она не лежала

в больнице. Ещё боялась, что на неё будут кричать. Оля не умела терпеть боль, даже во время самых простых процедур у неё, как в мультиках, моментально во все стороны брызгали слёзы, и медсестры начинали её бранить и стыдить. Оля просто не могла, когда на неё кричат, и сварливых тёток она боялась до остекленения. Если на неё кричали, она в ответ заходила в плаче.

– Вот и всё, приехали! – сказал отец. – Это здесь.

– Давай не пойдём, – умоляюще прошептала Оля. – Ну пожалуйста....

– Как так? Холодно же, пойдём скорее внутрь.

– Нет, нет! Постоим тут ещё немного, хорошо? Ещё пять минут!

Если повернуться спиной к серому облупившемуся корпусу, то легко можно представить себе, будто стоишь не у больницы, а, например, около дома отдыха, где нет ничего кафельного, стального, острого, звенящего, где нет стен, крашенных в болезненно-синий, где нет постельного белья, которое пропахло лекарствами так, что лицом к наволочке прикасаться неприятно, и таких же вафельных полотенец, где нет чужих тёток с наглухо закрытыми лицами и страшных, незнакомых звуков из каждого кабинета.

Оля обеими руками схватила отца за локоть, прижалась лбом к его груди, вдохнула и выдохнула, вдохнула и выдохнула.

– Ты чего, пуговка?

Она не помнила, чтобы он когда-нибудь так её называл. Может быть, только в самом раннем детстве, когда отцовским голосом с ней разговаривал плюшевый одноухий заяц по имени Морковкин, найденный около помойки.

Краем глаза Оля смотрела на снежное небо, на сугробы, на высокие суровые ели и твердила про себя: «Море волнуется – три! Морская фигура, на месте замри!».

Ей показалось, что время остановилось, снежинки застыли в воздухе и что никого больше нет, кроме них двоих, в коротком промежутке между выдохом и вдохом.

Поздравляем Тайану Васильевну, замечательного поэта, нашего постоянного автора с юбилейным днем рождения!

Радости в творчестве и здоровья!

Тайана ТУДЕГЕШЕВА

О ЧЁМ БУБНЫ ШОРИИ СТРОГО МОЛЧАТ

СТРЕЛЫ ПРОШЛОГО

*Чьи тайны храня, так земля одичала?
Чьи звёзды погасли на долгом пути?
Где горы и степи без края-начала,
Где небо – тайга и следов не найти.*

*Откройте нам тайны, курганы Алтая,
Хранящие зорко историй страницы,
Чьё солнце затмила стрела роковая?
Кому салютуют посмертно зарницы?*

*Хакасии степи! О прошлом скажите,
Вы смотрите в небо менгиров глазами.
О братьях-алыпах*, быть может, скорбите
И плачете с ветром глухими ночами?*

*Чей глас донесли нам священные руны?
О чём бубны Шории строго молчат?..
Курганы Абы** спят, их сны непробудны,
Лишь струи Томі о былом говорят.*

* Алыпы – (шорск.) богатыри.

** Аба – один из многочисленных шорских родов, основатель древнего городища Аба-Тура, позже переименован в город Кузнецк.

ТУДЕГЕШЕВА Тайана Васильевна родилась в Горной Шории (Кемеровская область), в аймаке Усть-Анзас Таштагольского района. Окончила Литературный институт им. Горького (Высшие литературные курсы). Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «Сибирские огни», «Наш современник», «Литературный Кузбасс», «Кузнецкая крепость», а также в антологиях «Русская сибирская поэзия. XX век» (2000), «Поэзия народов России» (2008), «Слово о Матери» (2011), «Современная литература народов России. Поэзия» (2017). Стихи публиковались в газетах «Кузбасс», «Российский писатель», «Литературная Россия», «Кузнецкий рабочий», «Красная Шория». Автор поэтических сборников «Поющие стрелы времён» (2000), «Небесный полёт девятиглазых стрел» (2007), «По ту сторону шорских гор» (2013), «Элимай» (2013), «Медногривое солнце встаёт» (2017). Член Союза писателей России (с 1999 года). Лауреат премии Кузбасса, дипломант IX Международной литературной премии им. П. П. Ершова. Пишет на русском и шорском языках, живёт в Новокузнецке.

*Седая земля без конца и без края,
Чьи кони устали от панцирей-лат?
Мы гуннов ли эхо, чьё счастье устало,
Иль тюркского Эля*** печальный закат?*

*Года отшумели, струной отзвенели,
Под бубны шаманов и свисты клинков,
Под топот коней и поющие стрелы...
Умчались, исчезли в пучине веков.*

*Столетия канули в безднах туманов,
Спит мудрое Небо – свидетель тех лет!
Проснётся оно, когда из-за курганов
Польётся с Востока сияющий свет...*

СТАРУШКА-МАТЬ ОЛЕНЭ

*В юрте, вросшей в землю будто бы навеки,
Пляшет зарождённый предками огонь.
В ней старушка-Оленэ прикрыла веки,
Вспоминая жизнь свою, как долгий сон.*

*** Тюркский Эль – древнетюркский каганат, существовавший в VI–VIII веках.

Трубку курит, строя думы по порядку,
Но сбивая мысли, ветер кровлю рвёт...
Храбро пал её сынок с медведем в схватке,
Обернулся соколом, улетел в полёт.

Что-то Шимельдеи – злобные метели –
Рыщут возле старой юрты с давних пор.
Был бы сын – батыр! – они б и выть не смели
В родовой тайге священных отчих гор.

С детства Оленэ росла, текли года
По соседству с дедом Коспекчы-шаманом.
Он в свой срок умчался к звёздам навсегда...
Уж очаг пустой захвачен малтырганом*.

Трубку вновь набив душистою махоркой,
Выдыхает думы-грусть она с дымком,
В дымоход небесный вглядываясь зорко,
Возвращения сына ждёт всю жизнь молчком.

Весь свой век старушка свято верит в чудо:
В то, что сокол-сын к ней с Неба прилетит.
Коспекчы, во мгле звездою став, «оттуда»
Путь-дорогу к юрте сыну озарит.

Одряхла мать, покрылась юрта мхами,
Малтырган крадётсЯ ближе с каждым днём.

Но... горит, горит очаг под небесами
Негасимой веры родовым огнём!

СПИТ СЕЛО УСТЬ-АНЗАС**

Неказист, спит в низинах меж гор Усть-Анзас,
Но для сердца он – трон и прощальная плаха.
На земле этой каждый рождённый из нас,
Уходя, за судьбой возвращается к праху
Своих предков, что дали завет нам любить
Эту землю святую (осколок от рая!),
Чтобы мы не смогли в суете дней забыть
Кров родной, в городах дни судьбы проживая.

Свои юрты покинув, мы в дали ушли,
Бросив тёплое Небо под божьим покровом.
Где от чёрных стихий духи нас берегли,
Там непознанный мир не был к детям суровым.
Вот притихли дома пред величием гор,
Сладкий дым очагов расстилается, тая...
Отчего же, смотрите, задумчив Таскол***?
Почему же нахмурен Айган***, вдаль взирая?

* Малтырган – дикое растение, борщевик.

** Шорское название поселения – Оныс-пельтир.

*** Таскол, Айган – названия священных гор.

Между двух гор священных несёт воды Мрас,
В беспокойных волнах, вглубь времён убегая.
Сквозь века проходя, беды видел не раз,
Потому так шумит, что душа в нём живая.
Здесь хранит память вечную каждая пядь
Беспокойных столетий – забвенья страницы,
Здесь никто никогда не хотел умирать
Сам – от стрел огневых чужеземной зарницы.

Письмена-тропы скрыла тайга – ну точь-в-точь,
Как дождями, записаны слёзные строки!
Мать-земля прячет смутного прошлого ночь,
Закрывая от взглядов историй уроки.
Мы вернёмся! Взойдём на Айган, словно в храм,
Как восходят на трон иль на плаху безмолвно.
Боль души, поверяя родным небесам,
Возвратимся к земле... И забьётся пульс ровно.

ВРЕМЕНИ СНЕГ

Падает снег, времени снег, замедляя
Нашу давнюю юность... и сад в тишине.
Времени ль снег, вечности ль снег – я не знаю,
Вспоминаешь ли ты иногда обо мне?

Снег замедляет время, даты и лица...
Но не может снести твой задумчивый взгляд.
Мы в белом в цветенье черёмух... сад снится,
Как вчера, а мне верится – сто лет назад.

Падает снег! В прошлое миг наш стремится,
Без тебя длится вечно судьбы снегопад.
Тихим светом он в память, кружась, ложится,
В душу цветом черёмух снежинки летят.

СЛУЧАЙ ДЕДА УЛАБАША

За гору Кураган дед Улабаш ходил на охоту,
За Озуген-гору в тайгу ходил, девять дней ночуя.
Хозяин гор удачу ему дал, добычи дал много.
Обратно в юрту шёл. В небе две радуги встали.
Тогда гром-голос невидимый над горами

покатился,

Эхом, лавиной – камнями покатылся,

так рассыпаясь:

«Скоро с вершин шорской тайги-глыбы

вихрь-ветер сорвётся,

Могучий ветер на вершины чужих лесов

сорвётся,

Смерчем невиданным ворвётся на воды лесов

разных,

Ворвётся, пригибая к земле миры народов

разных.

Вечный Кудай, наверху находящийся, грозным

станет.

С чёрным внизу находящимся Айной бороться
будет.

Великая сила-битва от Неба-Земли начнётся.
Топот коней-аргамаков бессчётных

слышаться
будет.

Вода от дыхания коней бурунами ходить станет.
С земли, глубоко в небо, пыль-пепел

поднимется тучей,

Серым дождём со снегом на землю упадёт,
не тая.

Идущие высоко облака разделятся резко:

На запад, далеко, где закат, поспешит половина,

Другая – на восток, на восход, к дому солнца
спешить будет.

Много народа большого упадёт глазами в небо,
Много народа разного упадёт глазами в землю,
Как чёрная тайга после чёрной бури лежать
будут.

Потом Великая тишина придёт, долго жить
будет...

Как птица Кыйгылык*, народ выживший,
чудесным станет,

Другой – вслед за Айной**, хвост волочащим,
уйдёт под землю.

Кудай***, поворотив прошлое, превратит
жизнь – в сегодня,

Потом, поворотив будущее, превратит –
в сегодня,

Подобно солнечной птице Кыйгылык мир
сверкать будет...»

Внезапно неизвестный голос, вмиг, как нить,
оборвался.

Дед Улабаш на пень сел, кисет достал, задымил
трубкой,

Долго курил-думал, потом в нос забормотал
сердито:

«Что только не услышат два уха в этом
белом свете,

Что только не увидят два глаза в этом
чудном свете!».

МЧИТСЯ ШОРСКОГО РОДА АБА, МАТЬ-РЕКА...

У Томи берега – словно дум череда.
Это стражи! Суровы, как дикие скифы.
Охраняют покой... И течёт Томь-вода,
Проноса сквозь года позабытые мифы.

* Кыйгылык – чудо-птица, приносящая счастье и удачу.

** Айна – нечистая сила.

*** Кудай – бог.

Воды мчатся сквозь время – столетний покров,
Огибая таскылы**** волною упругой,
Унося быль Земли, глас народов, миров
Своей тайной подводной дорогой.

Никому не познать молчаливой волны:
В ней – печали курганов, в ней – прошлого знаки,
Потому, знать, языческим духом сильны
Те века, что исчезли в созвездиях мрака.

Берега! Им стоять, провожая века,
Сквозь шум древней реки слышны чибисов
крики...

И о чём-то о вечном вещает река,
Унося на волнах давних прадедов лики.
Мчится шорского рода Аба, Мать-река,
Моего незабвенного древнего рода,
Потому так священны Томи берега,
Что в них плещется вечная память народа...

ЗВЕЗДА КАЙСЫНА

...И нынче, неверье своё и сомнение
Ногой отшвырнув, как разбитую глину,
Тебе я, грядущее, с грядки весенней
Бросаю цветок чрез века и вершины.

Кайсын Кулиев

52 Смотрел в грядущее, жил, помня путь
солдатский,

О настоящем пел, волнуя времена.
Всевышним послан был Певец земле балкарской,
Испил с народом чашу жизни он до дна.

Плечом к плечу шагал чрез годы испытаний,
С людьми он жил в лишениях у чужих ворот.
О тёплой родине всё пел – в снегах страданий –
И твёрдо знал: звезда народа вновь взойдёт.

Ушёл. Идут вослед другие поколения,
Все так же неизбежен быстрый ход времён.
Мы в мир приходим и сгораем, как поленья,
Не оставляя пепла в череде имён.

Звезда ж Кайсына светит, в вышине блистая,
Горит, нам в мире дольнем освещая путь.
Зовёт к садам цветущим, устали не зная,
Зовёт усталых нас в дороге отдохнуть

Цветы-стихи (в века!) Кайсын развеял в мире
С весенней грядки чистых ароматных роз,
Домчал их ветер от Кавказа до Сибири –
Через хребты Алтая в Шорию донёс.

**** Таскылы – безлесые горы, сопки.

Евгения
БОРИСОВА

ПЯТЬ ЧУВСТВ

Цикл рассказов

ВКУС ЖИЗНИ

Павел Витальевич был человек спокойный, немногословный и очень решительный. То есть над принятием решений обычно лишнюю минуту не раздумывал – действовал быстро. И последующей рефлексии никогда не предавался – правильно поступил или нет. Сделал, и всё. Значит, так было надо. Значит, прав. Без вариантов.

Когда Павел Витальевич был ещё просто Пашей, он решил, что будет поваром. Паша любил поесть. Причём любил поесть вкусно, уважал специи и соусы. Мать готовила плохо, хуже, чем в столовках, поэтому Паша раздобыл у тётки старую кулинарную книгу и стал учиться готовить по ней. По порядку. Начал с холодных закусок, закончил горячими блюдами. Книга была толстая, потрёпанная, на её изучение ушло года три. Паша изводил мать требованием купить те или иные продукты. А это было самое начало девяностых, на полках магазинов – шаром покати, и мать вертелась как могла. Гордилась сыном. Иногда и сам Паша разгружал машины в соседнем продуктовом магазине, чтобы продуктами взять заработанное. Иногда подворовывал, но незаметно, не нагнел.

Потом поступил в кулинарный техникум. Учился усердно, параллельно работал помощником повара в большом ресторане. После окон-

чания техникума Паша извернулся, нашёл какую-то программу, уехал учиться за границу – сначала в Чехию, а оттуда в Японию. Мать не понимала внезапно исчезнувших границ, не понимала, как и на каком основании держится её сын на чужбине и что он там делает. «Учусь, ма», – говорил Паша в коротких и дорогих, как недельный запас еды, телефонных переговорах.

53

Вернулся он уже Павлом Витальевичем. Мужиком с тяжёлым взглядом из-под густых рыжих бровей и твёрдой рукой. Так говорили про него – твёрдая рука. Для повара штука важная. Вернулся со стопкой дипломов и сертификатов, специалистом по нескольким кухням, с рекомендательными письмами и опытом работы в одном маленьком, но мишленовском заведении. Даже какое-то время выбирал, где работать, но, как водится, определился быстро. В родном городе как раз открылся новый ресторан – компактный, дорогой, куда пускали далеко не всякого. Павла Витальевича спрашивали, почему вернулся, интервью у него брали. «Тянет», – говорил. Не любили его журналисты, слова из него приходилось добывать тяжким трудом. Зато хозяин ресторана очень ценил.

Через полгода работы случилось то, чего никто от Павла Витальевича не ожидал. Он закрутил служебный роман с администратором ресторана – Дашей. Даша была почти на де-

БОРИСОВА Евгения Борисовна родилась 26 января 1981 года в Кемерове. Начала писать прозу в школе, была победителем областных конкурсов юных поэтов и прозаиков «Свой голос», печаталась в журналах «После 12», «Огни Кузбасса». В 2015 году стала победителем конкурса «Новая книга», выпустила книгу «Изменяю вашу жизнь». Лауреат конкурса «Новая кузбасская книга» за 2017 год. Живёт в Кемерове.

сять лет моложе и примерно на тысячу слов в минуту болтливее. За то, как легко и быстро она говорит, как звонко и белозубо смеётся, как морщит нос и театрально закатывает глаза, забегая на кухню, чтобы отдохнуть от каких-нибудь пьяных клиентов, он её и полюбил. Но вместе с любовью пришла в душу не знающего сомнений человека тяжесть и маята – ему казалось, что такое сокровище вот-вот кто-то уведёт из-под носа. Мужики ходили в ресторан разные: богатые, наглые, и Павел Витальевич лично видел, как заглядывались они на Дашу, как пытались зажимать в углу возле гардероба, как деньги совали и на ухо шептали что-то, уходя. В такие моменты невозмутимый шеф-повар покрывался багровыми пятнами и молча уходил на кухню. А Даша прибежала, смеялась и говорила: «Паш, ну чего ты, они же клиенты, я должна им улыбаться. Но мне до них вообще дела нет! Слышишь меня?! Вообще!» И чтобы не маяться, Павел Витальевич решил жениться. И женился, по своему обыкновению, быстро, без лишних раздумий. Даша, одетая в белое короткое платье, постоянно прятала свой острый носик в молочно-мятный букет невесты и мелко смеялась своим звонким смехом.

С появлением в жизни Даши Павел Витальевич с удивлением обнаружил, что стал по-другому чувствовать вкус собственных блюд. Лучше. Острее. Стал тоньше ощущать ароматы. И даже начал экспериментировать на уже годами проверенных рецептах, даже хулиганить иногда, чего за ним вообще никогда не водилось. Правда, хулиганства эти были заметны лишь паре человек на кухне, остальные – даже хозяин, считающий себя гурманом, – не замечали.

Семейная жизнь радовала. Жили они тихо и дружно. Когда выдавались свободные вечера, гуляли за ручку по парку возле дома. И даже работа вместе не вносила дискомфорта. Дома о ресторанных буднях они не говорили. С появлением на безымянном пальце Даши обручального кольца клиенты мужского пола стали менее пылкими, правда, время от времени ей всё же приходилось отбиваться от назойливого внимания подвыпивших мужиков. В такие моменты ярость тяжёлой неповоротливой змеёй шевелилась в груди у шеф-повара, но он задабривал эту гадину усмешкой и одним словом: «Моя!».

В жизни молодожёнов был лишь один камень преткновения. С момента освоения тётки-

ной кулинарной книги Павел Витальевич не готовил дома. Принципиально. Вообще. Никогда. Он был по горло сыт и тем, что приходилось делать это на работе. Даша готовить не умела. Вернее, она думала, что умела, и очень даже неплохо, но муж не мог это есть. Честно попытавшись пару раз, отказался раз и навсегда. И это его решение изменить было невозможно. Даша даже принималась как-то плакать, но понимала, что бесполезно. В итоге в доме одного из лучших поваров города питались пиццами, пельменями, бутербродами и тем, что удавалось утащить с работы. Впрочем, дома они бывали редко. Если не работали – то гуляли, катались на велосипедах, в выходные выезжали за город. Там жили в домике на берегу маленькой, но быстрой речки.

За три дня до годовщины свадьбы Даша ушла в магазин и не вернулась. Молодой лихач на дорогой машине не рассмотрел её, хрупкую, в сумерках на пешеходном переходе. Жена Павла Витальевича лежала в коме полтора месяца. Он каждый день приходил в больницу, смотрел на её узкие розовые ручки, лежащие поверх серого больничного одеяла, и говорил. Он никогда в жизни не произносил столько слов в тишину. Он просил её вернуться. Говорил, что не может без неё. Никак не может. Что дома и на работе пусто. Невыносимо. Что всё стало серым, как вот это самое одеяло. И Даша вернулась. От радости он не сразу понял, что за словами доктора «нужна длительная реабилитация, вы же понимаете» стояло одно утверждение: Даша – инвалид. Она вернулась к Павлу Витальевичу, не умея говорить, есть, ходить и смеяться. Большие глаза смотрели с отчаянием ребёнка, который потерялся в большом магазине и не знает, что делать. Правая половина лица не двигалась, как и правая рука, – совсем. Когда Павел Витальевич всё это осознал, то почувствовал страх. Но уже не ужас, нет. Страх был ему хотя бы знаком, и за свою извилистую жизнь он научился с ним справляться.

Когда невесомое тельце Даши перевезли домой, пришла тёща.

– Паша, – сказала она скорбно. – Давай заберу Дашку к себе. Буду выхаживать.

– Спасибо, я сам, – ответил тот так зло, что тёща оторопела.

Он нанял сиделку. Сам при любой возможности возил её по массажистам, логопедам, иглотерапевтам, ортопедам. Хозяин ресторана,

конечно, осуждающе качал головой, но смотрел сквозь пальцы. Однако шеф-повару было всё равно. Он начал готовить дома – бесконечно варил для неё каши, бульоны, делал омлеты и всё, что разрешали врачи. Он купил для жены коляску и в хорошую погоду вывозил её гулять там, где гуляли они вдвоём раньше. И снова говорил и говорил, как бы боясь, что если он замолчит – Даша опять уйдёт.

Ведь она пыталась, но тело её было слабо, но дух ещё слабее. Она не хотела бороться за себя прежнюю. Молча плакала на занятиях. Она научилась есть, вставать и с поддержкой передвигаться, начала говорить. Но даже маленькие победы не радовали её. Один раз сиделка не уследила – и Даша наглоталась первых попавшихся таблеток. Пришлось везти в больницу, промывать, и тогда Павел Витальевич впервые накричал на жену. «Дура! – орал он. – Не смей!!!» И она снова молча плакала, и половина рта болезненно кривилась. В следующий раз уже сам он снял её с подоконника чёрной зимней ночью. Она пыталась одной рукой открыть окно – и не могла. «Балда, – сказал он. – Второй этаж. И сугроб там». Сел сам на подоконник, посадил её к себе на колени, и так они просидели несколько часов. Она тихонько подвывала, положив голову на его могучее плечо, а он гладил её по голове и по острым позвонкам на спине.

Никто не знал, что в эти дни борьбы с собственным страхом и нежеланием жены жить Павел Витальевич потерял свой дар. Перестал различать оттенки вкуса, мог, пробуя, ошибиться не только со специями, но и с ингредиентами вообще. Время экспериментов и хулиганства на кухне дорогого ресторана закончилось. Готовили по классическим рецептам. Часто готовые блюда вместо шеф-повара дегустировал его помощник. Все всё понимали. И даже один случай, когда гость ресторана пожаловался на отвратительно прожаренный стейк, официанты с барменом тихо замяли, предложив скандалисту любые напитки бесплатно. Всё это делалось не столько из сочувствия к Павлу Витальевичу, сколько из любви к Даше. Её любили все в ресторане без исключения и верили в её возвращение. Просто шеф-повар больше всех.

Отгремели бесконечные, как казалось Павлу Витальевичу, новогодние праздники, а за ними 14 и 23 Февраля, а прямо 8 Марта в город неожиданно пришла весна. Именно в этот день

Даша смогла впервые пройти из комнаты на кухню самостоятельно, почти не держась за стену. Она дошла, села на стул у окна и, подставив острое лицо солнцу, впервые улыбнулась. Этого никто не видел: сиделка ушла в магазин, муж был на работе. А Даша сидела и улыбалась. Она улыбалась только половиной рта, но не чувствовала этого. Ей впервые за долгое-долгое время было не плохо. Ещё не хорошо, но уже не плохо.

В начале лета сиделка позвонила Павлу Витальевичу. Он был на работе и как раз стоял посреди кухни, наблюдая, как заводится её красивый блестящий механизм, готовясь к вечеру и гостям.

– Павел Витальевич, – сиделка, пожилая и очень добрая женщина, была растеряна. – Даша меня отпустила. Даже так – отправила. Настаивала, чтобы я ушла. Капризничала. Я ушла, конечно, не насовсем, пойду пройду до рынка, но что-то я переживаю.

И он рванул домой, снова бросив свой ресторан и свою кухню. Сердце колотилось в горле, когда он бежал через две ступеньки на второй этаж, когда пытался попасть ключом в замочную скважину. Представил всё. Таблетки. Фен в наполненной ванной. Соображал, есть ли в доме бритвы и достаточно ли острые ножи, чтобы...

Даша стояла у плиты. Что-то помешивала в маленькой кастрюле, держа ложку в правой руке. Рука слушалась плохо, локоть был задран, и помешивание больше напоминало разминание чего-то твёрдого, но она стояла и мешала кашу! Он остолбенел в дверном проёме и, глядя на её худую узкую спину в голубой майке, пытался вернуть себе ровное дыхание и невозмутимый вид.

Она повернулась и сказала:

– Я захотела манной каши. Кажется, даже без комочков получилось. Поешь со мной?

И он сел за стол. И съел целую тарелку вкуснейшей, самой вкусной в его жизни манной каши. Она была в меру сладкой и достаточно жидкой – всё, как он любил. Неожиданно для себя он понял, что любит манную кашу. У этой каши был необычный вкус. В ней сосредоточились десятки разных вкусов и даже, кажется, вкус счастья. Даша ела по чуть-чуть и медленно, сидя напротив него. Ложку снова держала правой рукой.

– Даш, – буднично сказал Павел Витальевич, доев, – я добавки хочу.

Она внимательно посмотрела на него, не понимая, шутит он или нет. И когда поняла, что муж вполне серьёзен, Даша засмеялась своим звонким мелким смехом. В этот момент ей наконец подчинилась правая сторона лица. И вся последующая жизнь.

ОДНО ИЗ ДВУХ

С детства Инга не умела, и потому ненавидела, выбирать. Она настолько сильно боялась сделать неправильный выбор даже в самой пустяковой ситуации, что в итоге стала панически бояться просто самих ситуаций. Какую конфету взять из вазочки, какое яблоко из двух одинаковых, какую тетрадку купить – розовую или зелёную. К тому моменту, как она это поняла в подростковом возрасте, ответственность простого житейского выбора была практически полностью переложена на маму. Мама выбирала, что надевать, куда идти, что есть. Инга была просто послушной дочерью.

– Какое платье хочешь, доченька, подлиннее или покороче? В клетку или в цветок? – спрашивала мама в магазине.

– Давай возьмём то, которое тебе нравится, мам, – поначалу отвечала Инга.

Но когда она поняла, что маму расстраивает дочернее равнодушие, то придумала отвечать вопросом на вопрос: «А тебе какое?» – и потом оставалось лишь сказать, мол, мама, у нас с тобой одинаковый вкус, давай это и купим.

Просто панический ужас охватывал Ингу перед общественным транспортом, который подъезжал к остановке и распахивал свои двери. Совершенно невозможно было понять, в какую дверь троллейбуса надо садиться, их же целых три. Было проще, когда стоишь на остановке и ждёшь его, этот троллейбус, и заранее решаешь – заходить буду в дверь в хвосте. Решишься, настроишься и заскакиваешь уже не думая. А если Инга отвлекалась на книжку или разговор с подружкой Светкой, которая часто ходила с ней до остановки, то подъезжающий транспорт заставлял её врасплох, разевал три своих пасти – первая поменьше и две больших, и Инга начинала метаться между ними, не в силах решить, в какую прыгнуть. Бывало, что троллейбус уезжал, так и не дождавшись, пока девчонка примет такое, казалось бы, пустячное решение. Инга видела, как в одном из таких троллейбусов кондуктор крутила пальцем у виска и смеялась в тот момент, когда двери захло-

пывались, а она оставалась на тротуаре. Поэтому в погожие дни она ходила в художественную школу и из неё домой пешком. Четыре остановки в одну сторону, восемь остановок за раз.

Художка – крошечная кирпичная пристройка к общеобразовательной школе соседнего района. Маленькая прихожая и огромный в три окна зал, в углу которого отгорожена каморка для преподавателя – вот и вся художественная школа. Но здесь Инга становилась чуть-чуть другим человеком: здесь она доверяла своим рукам и своим глазам, переставала сомневаться в себе и окружающем мире. В голове у неё всегда была чёткая картина того, что должно получиться в итоге, и только на уроках живописи ей был неведом страх перед выбором – она всегда точно знала, какая краска нужна. Здесь она могла свободно выбирать, смешивать и экспериментировать. И создавать что-то единственно верное.

Но больше всего она любила графику. Рисование простым карандашом. Тонкие и толстые линии. Штрихи. Объёмы, цвета и фактуры – и всё одним карандашом. Никаких сомнений и вариантов. За пределами художественной школы она смотрела на предметы, людей и представляла, как это можно нарисовать карандашом. Где прочертить посильнее, где – лишь намёком, где заштриховать, а где – потереть ластиком, чтоб остались белые всполохи. Портреты у неё получались хорошо, людей с крупными чертами лица, выдающимися носами и скулами она обожала. Она могла их рассматривать часами, за что ей часто прилетало от мамы. «Ты опять тарасилась на человека, Инга!» – шипела мама, увлакивая её от потенциальной модели для эффектного рисунка.

Инга вышла замуж легко и быстро, вопреки опасениям мамы. Конечно, это он её выбрал. Его звали Сашей, он учился в параллельном классе. На выпускном вечере подошёл к Инге и сказал: «Ты мне нравишься. Я хочу, чтобы и я тебе нравился». И он понравился. И, словно почувствовав страх своей женщины перед любым выбором, взял на себя все ключевые решения их жизни. Свадьба получилась скромная, но зато было свадебное путешествие в Сочи на две недели. Двое детей подряд. Квартира непременно в Центре, пусть тесная хрущёвка и в соседках одни сварливые старухи. Инга благодарно принимала и поддерживала. Она не задава-

лась вопросом, любит ли она Сашу. Она ему доверяла полностью и безоглядно, а для неё это было важнее каких-то там абстрактных чувств и разговоров. Он тоже не говорил о любви, но называл её «любимая». Разве это не одно и то же?

Она вышла на работу после двух декретных отпусков подряд, немного ошалелая, сильно поглупевшая и, как какое-то время казалось, разучившаяся говорить на нормальном человеческом языке. Поначалу пришлось привыкать, что никуда не надо бежать, что можно сосредоточиться, спокойно сидеть и пить чай за компьютером. И в первый же рабочий день она буквально налетела взглядом на новенького коллегу. Он пришёл в соседний отдел как раз где-то в середине её пятилетнего сидения дома, и Инга была с ним незнакома. Он был молод и невероятно, как называла таких людей Инга, графичен. Как будто кто-то набросал эскиз человека углем или пастелью, а тот потом ожил. Наследник многих народов, леденящая душу смесь кавказских и северных кровей: чёрные волосы, почти чёрные глаза, излом тонких, всё время чуть в усмешке губ. Белая, какая-то тонкая на скулах, кожа. И всё это воедино собирал нос, прорисованный на этом лице наиболее чётко: тонкий выдающийся кавказский нос с едва заметной горбинкой.

Инга тарасилась на него и ничего не могла с собой поделать. На совещаниях или когда он заходил в бухгалтерию, смотрела и рисовала его взглядом. Иногда помимо воли начинала набрасывать его профиль на черновиках счетов-фактур.

Его звали Заур. Отчество и фамилия были совершенно невероятными для русского языка и слуха. Компьютер, распознавая эти Ф. И. О. в документах, тоже возмущался и начинал подчёркивать всё красным. Возраст обладателя немислимых фамилии и отчества позволял называть его просто, и все называли именно так — Заур.

Прошло полгода с того момента, как Инга вышла на работу и начала смотреть на Заура. Сидевшие за соседними столами коллеги посмеивались и спрашивали: «Сохнешь по нему?» Инга отмахивалась, смеялась, но даже не смущалась, потому что она думала, глядя на него, только об одном. Она мечтала нарисовать его портрет. Можно даже в кабинете, но спокойно, чтобы он сидел и смотрел в сторону. Углем на белоснежном картоне. Но как ему объяснить? Как им всем

объяснить? Никак. Она и не объясняла. Смеялась и пряталась за монитор. Прикасаться к Зауру и даже говорить с ним Инге не хотелось. С таким же успехом это могла быть скульптура в офисном коридоре.

Прошло ещё два месяца. Заур попросил Ингу остаться после рутинного понедельничного совещания. В фас он был не так эффектен, но всё же ей нравилось смотреть на него. Он сел рядом за стол, облокотился на белую гладкую деревянную поверхность, заглянул в душу своими чёрными глазами и сказал глубоким грудным голосом:

— Я же вижу, как ты смотришь. Ты с ума меня сводишь.

И в этот момент Инга полетела куда-то, как Алиса в кроличью нору, почувствовала, как зашумел в ушах ветер от её падения и пропала всяческая опора. Закачался под ней стул, а заодно — и вся налаженная уютная жизнь.

— Я — нет, — попыталась сказать она, пока лицо Заура приближалось к её лицу. — Я не это имела...

Но он поцеловал её. Покачнувшееся мироздание рухнуло, и этот момент показался Инге самым прекрасным за всю её жизнь. И первая мысль, первая дурацкая мысль, которая возникла в её голове, когда на нетвёрдых ногах она выходила из зала совещаний, ощущая спиной его взгляд, была такая: «Оказывается, я люблю целоваться. Не рисовать — целоваться».

А дальше вихрем закружился служебный роман. Каждый день Инга открывала в себе новые эмоции и радовалась им, словно обнаруживая себя живой снова и снова. Хотя эмоции были разные: оказалось, что есть на свете ревность, непереносимое желание здесь и сейчас быть вместе, парадоксальная нежность к обманываемому мужу. И страсть. Много страсти — разной. Во взгляде, в прикосновении рук во время как бы случайной встречи у кофемашины, в беглом поцелуе у входа, и, конечно, та самая страсть, торопливая и ненасытная, на широким и прохладной кровати в его холостяцкой квартире.

Желание нарисовать его портрет осталось, но жгучие дни первого настоящего романа отодвинули его на второй план. Как бы отложили в светлое будущее. Превратили в нечто такое, что от ожидания становится только лучше. И это там, на работе, в офисе, его лицо было спокойно и неподвижно. Когда Заур был с ней, любая его

эмоция, даже тень её, тут же отражалась на худом и остром, но таком подвижном лице. Двигались вверх и вниз брови, как-то изламывался в одну сторону рот, то смягчались, то становились жёстче скулы. И глаза – в них всегда что-то горело. То, чего нельзя было выразить словами. Или потому, что рот был занят, или потому, что не придумали ещё таких слов.

Ни секунды Инга не думала о том, что любовь к этому молодому и обжигающему её человеку должна как-то повлиять на её семейную жизнь. Это были две вселенные, которые между собой пересекались только у неё в голове. Да и то – положила руку на сердце – редко. Заходя домой, целуя детей и разговаривая с мужем, она была всё той же. Как и раньше. Только иногда болело тело от неистовых ласк, которые закончились всего пару часов назад, или горели губы. Но в целом – всё было так же и не было никаких причин что-то менять. Муж видел, что Инга посвежела, похорошела и даже похудела. И всё это приписывал благотворному воздействию работы на настроение и самооценку женщины. Работа, кстати сказать, тоже практически не страдала от этого офисного романа. Никто не страдал. Вырисовывалась такая прозрачная акварель реальности – оттенки, полутона, недоговорённости, но в целом – тонкая красота и удовольствие.

И вдруг. Как гром среди ясного неба как-то в темноте и духоте холостяцкой квартиры Заура, второпях, но очень искренне прозвучало: «Выходи за меня». Инга отстранилась, заглянула в чёрные глаза. А глаза ждали радости и – ответа.

И она сказала:

– Я замужем, ты же знаешь, – и это вышло как-то жёстко и даже жестоко, хотя Инга не хотела так. Она хотела, чтобы получилось жалобно, а прозвучало как пощечина.

И он сказал худшее из того, что мог сказать:

– Тогда тебе надо выбирать: я или он.

И сразу стало всё понятно. И что вот он – тот поворот, за которым и будет конечная остановка. И этот ужас, детский и почти забытый, накрыл её с головой. Ужас, что сейчас надо что-то выбрать. Кого-то. И она уже заранее знала, что не сможет выбрать. Она не сможет просто выбирать.

И сразу как-то всё сломалось и посыпалось. И прозрачную акварель теперь надо было прорисовать углем – прочертить линии, определиться с тенями, добавить веса всем предметам. Теперь всему надо было дать имя и расставить все

точки. А если всё называть своими именами, то получалось не очень-то красиво. Измена. Служебный роман. Обман.

Инга ушла от Заура без поцелуя. И не написала ему на ночь нежную эсэмэс. Зато впервые рисовала почти до рассвета. И, выводя карандашом разные линии, вдруг поняла, что может нарисовать портрет его по памяти. И это поразило её. Она набросала его профиль одной линией. Долго смотрела на него. Потом превратила эту линию в волшебное изящное дерево, захлопнула альбом и пошла спать.

А утром всё рассказала мужу. Тот несколько минут молча смотрел на неё. Они сидели на кухне, пили кофе, и за окном переливалось разными оттенками голубого и оранжевого рассветное небо. На лице мужа не было эмоций. Наверняка они были там, внутри, но угадать, какие они, было невозможно. Даже глаза остались прежними, только чуть сузились и смотрели на Ингу внимательно, будто мужчина давно не видел свою женщину, а теперь вот встретил и рассматривает её пристально, пытаясь понять, что в ней изменилось со дня последнего свидания. И удивление. Едва заметное удивление уловила она в том, как приподнялась его левая бровь. И она смотрела на него. Просто и открыто. Чуть наклонив голову на бок.

– Ну и ладно, – вдруг сказал муж просто и весомо. – Было и ладно. Прошло. Это ничего не меняет. Ты остаёшься со мной.

Теперь Инга пристально вглядывалась в лицо мужчины напротив. Искала ложь или сомнение. Ничего такого не было. Было спокойствие и решимость. Он снова выбрал её. Просто потому, что знал, что это мужчина выбирает женщину. Всегда или эту конкретную – неважно.

Не было какого-то душераздирающего расставания. Его вообще не было. После разговора с мужем Инга уволилась. Две недели, пока передавала дела, старалась не выходить из кабинета и не встречаться с Зауrom. Сделать это было несложно, она сама этому удивилась. Несколько раз встречались в коридоре и на совещании. В его глазах выгорало желание и горечь. Она старалась не смотреть в них. Пристально посмотрела всего один раз, когда сказала: «Я выбираю не тебя». Правда, слегка щемило сердце от случайного вида его профиля в проёме двери. Но она знала, что его профиль теперь всегда с ней. В её голове, в щемящем сердце, в каждой линии, выведенной в альбоме.

ЧЕМ ПАХНЕТ СЧАСТЬЕ

Однажды, когда моему сыну Семёну было пять лет, во время летней прогулки по полю за нашей дачей он спросил:

– Мама, а как пахнут цветы?

– Все цветы пахнут по-разному, – сказала ему я. – Ромашки пахнут так, как будто над большим полем светит солнце, летают бабочки, и хочется жмуриться. А розы пахнут так, будто ты выпил сладкий компот. Я, признаться, не люблю розы.

Мой сын родился без носа. Врачи сказали: «Так бывает». Очень и очень редко, но всё же бывает. Генетические мутации, возможно, последствия перенесённого в беременность гриппа. Это патология, которая просто вот так случилась. «Со временем всё можно исправить, он будет совсем нормальным ребёнком, будет как все», – сказала мне пожилая врач с добрыми и усталыми серыми глазами.

В детской реанимации Семён поначалу лежал в боксе, такой крошечный, в распашонке с корабликами и белой шапочке, как настоящий гномик. Даже без носа он был невероятно красивый. И, разглядывая его, я, конечно, понимала, что он никогда не будет такой, как все. Он теперь всегда будет другим. Каким именно, я не знала. Из шеи Семёна торчала огромная и жуткая трахеостома. Я смотрела на неё и думала: «Это временно, это всё временно». Так я себя настраивала и в итоге настроила. И уже в роддоме знала, что всё сделаю для того, чтобы мир принял моего сына и открылся ему с самых лучших своих сторон.

Когда Семёну было три года, врачи сделали ему несколько операций, и у моего мальчика появился нос. Аккуратненький маленький носик. И постепенно он научился им дышать, и, кажется, тогда я начала привыкать к отсутствию страха. Страх, что он задохнётся. Что над ним будут смеяться. Что он будет страдать от того, что не такой, как все. Чего врачи не смогли сделать – это дать моему сыну обоняния.

С того момента, как Семёна заинтересовал запах цветов, моя жизнь изменилась. Теперь она была посвящена изобретению описаний ароматов и запахов. Лишённый обоняния, сын особенно остро познавал мир с помощью зрения, вкуса, чувств и ощущений. И мне приходилось объяснять, сплетая из его знаний новые образы. Я хотела, чтобы он не только понял, но

и почти почувствовал. Мне казалось, что по крупицам я придумываю для него какую-то свою реальность. Дождь пахнет так, будто ты в жару умываешься прохладной водой. В старом деревянном доме на даче пахнет так, будто трогаешь тёплые, нагретые солнцем, старые доски. Каша, говорила я сыну, пахнет как самое вкусное на свете блюдо, когда ты голоден. Кошка пахнет теплом и... кошкой. Море пахнет солью и свежим ветром. И счастьем. Так я тогда сама ощущала – море пахнет счастьем.

Пока Семёну не исполнилось семь, мне приходилось тяжеловато. Ежедневно приходилось придумывать ответы на такие вопросы:

– А как пахнет снег?

– Какой запах у яблока? А у груши? А у арбуза?

– Чем пахнет песок?

– Мама, зачем тебе духи? Как ты хочешь пахнуть?

Потом, пойдя в школу, он начал придумывать описания запахов сам. Это были совершенно фантастические образы, и, разговаривая с сыном, я понимала, что живёт он в мире без запахов, но гораздо более богатом, чем мой. Чем наш. Например, он говорил:

– Как ты думаешь, мам, чем пахнет радость?

– Я не знаю, – признавалась я. – Конфетами?

– Нет, мама, радость пахнет радугой! Они ведь поэтому и называются похоже, ты понимаешь? А грусть пахнет грозой!

– А счастье, – спросила я однажды, когда Семён был уже подростком, – оно чем пахнет?

– Я не понимаю пока, – серьёзно ответил мне сын. – Пока не чувствую. Но как почувствую, я сразу тебе скажу.

Потом Семён вырос, быстро и незаметно, катастрофически незаметно. Подходил ко мне утром, чтобы по привычке чмокнуть в щёку, но ему уже удобнее было чмокать меня в макушку. Он окончил школу, университет и уехал в Москву, звонил оттуда часто, говорил, что столица пахнет грязью, автомобилями, сыростью подземных переходов и странными людьми. Потом влюбился и стал звонить реже. Но в один из этих редких звонков сказал:

– Мне кажется, счастье пахнет волосами любимой женщины. Мам, ты меня понимаешь?

Я кивала, и мне было жаль, что целый кусок сыновьей жизни проходит мимо меня и столько открытий он делает уже сам, отдельно. Полный странных и невероятных образов мир сына жил

и вращался уже далеко, на другой орбите. Потом Семён женился. На этой самой девушке, чьими волосами пахло его счастье. Они прожили три года, а потом она ушла от него. Бури и скандалы – всё это тоже прошло мимо меня, я узнала только итог.

Семён позвонил поздно вечером и без предисловий сказал:

– Мам, я понял. Настоящее счастье пахнет детством. Когда мы с тобой за руку идём и болтаем. И солнце светит. Вот этим всем пахнет счастье. А всё остальное – ненастоящее.

– Не знаю, сын, бывают ли ненастоящие запахи. Запах – он просто запах, каким бы ни был.

– Но бывает ненастоящее счастье.

И тут я поняла, что часть его мира осталась со мной навсегда, самая важная его часть. И сказала:

– А знаешь, соглашусь с тобой. Счастье пахнет детством. Твоим детством.

МЕЛОДИЯ ВО СНЕ

1

Кто придумал это чертово озвучивание в троллейбусах?! Зачем?! Максим ежедневно проезжал на этом транспорте девять остановок – от дома до работы. И это была ежедневная пытка.

Кто-то тупой, глухой и совершенно не разбирающийся в звучании чего бы то ни было заказал озвучивание остановок в общественном транспорте в какой-то конторе, в которой тоже работали глухие люди. Результатом этой работы были короткие фразы, произносимые молодой девушкой. Вернее, так: произносимые не к месту сладким, съедающим твёрдые согласные голосом. Но самое ужасное – то, что мучило Максима – это интонации. Голос объявлял остановки интонационно незакончено. Как будто каждый раз недоговаривал что-то важное. Приторную сладость этому омерзительному девичьему голосу можно было бы простить, если бы голос говорил: «Следующая остановка – цирк». Всё! Точка! Точка, чёрт её возьми!!! Но голос объявлял: «Следующая остановка – цирк...» Голос что-то многообещающе замалчивал, интриговал, оставлял важную информацию за пределами фразы. И это бесило нервно. Бесила недоговорённость. И, конечно, непрофессионализм: и тех, кто делал, и тех, кто согласовал.

Максим Дрёмин был профессиональным музыкантом. В прошлом. Пианистом. Талантливым, между прочим, и подающим надежды. Но окончил музыкальное училище и понял, что всё, баста, карапузики. Надоело так, что руки судорогой сводило при виде инструмента. Уехал из родного города в Питер, там выучился на звукорежиссёра. Потом заболел отец, пришлось вернуться в свой областной центр – город небольшой, но развитый в целом, приличный. Устроился почти сразу – в рекламную контору, которая делала ролики для радио и телека, озвучивала фильмы, записывала музыкальные группы и отдельных талантов или тех, кто мнил себя таковым. По выходным подрабатывал на свадьбах вместе с другом. Друг был ведущий, но Максим называл его исключительно «тамадец», а сам Дрёмин – ставил музыку, диджейл. Ненавидел попсу, однако приходилось быть в курсе, держать руку на пульсе и отслеживать все последние хиты «Русского радио». Зарабатывал хорошо, жил неплохо.

Отец умер. Осталась одна мама. Но Макс с ней не жил. Он жил с Настей – своей девушкой. Они были знакомы ещё со школы. Но встречаться начали только около двух лет назад, когда на одной из свадеб она, подруга невесты, узнала его и первая подошла поболтать. И сразу всё как-то сложилось и сплелось. Почти сразу стали снимать квартиру вместе. Была ли любовь? Однозначно, да. Была. Настя – красивая и очень яркая. Рыжая, белокожая, но при этом – ни одной веснушки. Пальцы тонкие, шея длинная, голос – низкий, от него внутри Макса начинались непонятные вибрации, которые выливались, кстати, понятно, во что. Она была шумная, громкая, хохотушка, но при этом вполне себе серьёзная, вдумчивая, читала много, умела молчать и, если надо, подбирать правильные слова ко всему. Маме, немного оглохшей от смерти отца, Настя нравилась.

Первый год вместе было хорошо. Очень хорошо. Волшебное. Внутри Макса постоянно что-то звенело от счастья и как будто бы играла музыка. Что-то похожее на обожаемый Simply Red. Мужики обычно не жалуют такую музыку, а Максим любил. А вот на втором году беззаботной совместной жизни что-то треснуло в отношениях. Мелодии внутри смолкли. Уже не хотелось постоянно трогать Настю руками. Не хотелось звонить ей каждый час, чтобы просто

услышать это низкое и пробирающее до мурашек «слушаю». В этот год Максим Дрёмин был недоволен жизнью вообще. На работе всё остертело. «Пять лет на одном месте – всё-таки серьезный срок», – думал он. Свадьбы эти... Верка Сердючка многократно каждые выходные – это не всякая нервная система выдержит. В довесок ко всем раздражителям кто-то умный решил сделать объявление остановок в троллейбусах автоматическим. Максим так ненавидел эти незаконченные фразы, что, когда однажды в аудиосистеме троллейбуса что-то сломалось и остановки крикливо объявляла кондуктор, он готов был подойти и расцеловать эту полную женщину в вязаном берете.

Максим наконец вышел из троллейбуса, прошёл через арку во двор. Поднялся на третий этаж, открыл дверь ключом, скинул кеды и направился в кухню. Настя молча накрывала на стол. Было лето, светло, хоть и поздний вечер уже. В маленькую кухню прокрадывались сумерки, но лампу Настя не включала. Максим смотрел на свою женщину, но думал о чём-то постороннем, даже ни о чём конкретном, просто – был погружён в поток бессвязных мыслей.

Настя медленно поворачивалась от стола к столу, ставила тарелку с дымящимся борщом. Положила ложку. Поставила кипятиться чайник. Стала нарезать хлеб. На ней была его футболка, по длине получалось почти как платье. И раньше, показалось ему, футболка эта, пятидесятого вообще-то размера, сидела на Насте как-то по-другому. Свободнее, что ли. Вынырнул из своего внутреннего болота, присмотрелся. Ну точно. Ноги Насти стали поплотнее как-то, руки округлились. И грудь тоже стала больше, очень выделялась грудь.

– Насть, ты потолстела, – сказал Макс.

Хотел как-то в шутку сказать, несерьёзно, а получилась сухая констатация факта. И в тишине прозвучало так резко, нехорошо как-то.

– Заметил. Наконец-то, – она продолжала стоять к нему спиной, но он очень явственно услышал усмешку, колючую такую, недобрую. – Шестой месяц. Если что.

– Шестой месяц что? – спросил Макс, а в голове молниеносно пронеслись картинки, как девушка его полгода ест по ночам, толстеет, а он не замечает.

– Шестой месяц беременности, Максим, – более низким, чем обычно, голосом ответила Настя, по-прежнему не поворачиваясь.

– Какой беременности?

– Моей беременности.

– Ты беременная?

Тут Настя повернулась к нему наконец лицом, и её живот – точно, самый настоящий беременный живот, хоть и небольшой пока – оказался прямо у Макса перед носом.

– Да, Максим, я беременная! – сказала она даже как-то зло.

– От кого? – как-то само собой вырвалось у него.

Он не хотел этого спрашивать. Он никогда не подозревал Настю в измене. И хотя не смог припомнить, когда они в последний раз занимались этим, всё равно мысли о другом мужчине никогда не посещали его голову. А на кончике языка в такой момент оказался именно этот вопрос.

Настя молча смотрела на него. Её светлая кожа стала совсем белой, а губы превратились в одну тонкую красную линию.

– Может быть, у нас с тобой отношения в последнее время не очень ладились, – сказала она наконец, подбирая, как она это умела, каждое слово. – Наверное, есть в этом и моя вина. Но я, Максим, не заслуживаю такого вопроса.

Но Макс Дрёмину отступать было некуда. Пока она молчала, он быстро мысленным взором окинул последние месяцы. Нет, секса точно не было давно. А может, и неслучайно вырвалось у него? Может, интуиция? Не оправдываться же теперь...

– Насть, я серьёзно. Мы же с тобой давно уже ни-ни... Кто тебя знает, чем ты занималась, пока я на этих свадьбах торчал...

В этот момент он понял, что не любит её больше. Совсем. Если бы любил – не повернулся бы язык. Наверно.

– Максим, ещё слово – и я убью тебя, – сказала Настя.

Только сейчас он заметил, что она всё ещё держит в руке нож. И хотя она казалась спокойной, он ясно услышал, что она в ярости и не шутит. Он был слухач и отлично различал полутона и интонации, Настины – особенно. Макс молча встал, в прихожей сунул ноги в кеды и вышел из квартиры, хлопнув дверью.

Когда он вернулся на следующее утро, в одном-единственном шкафу не было ни одной её вещи, самой Насти тоже не было. Не было записок, эсэмэс, сообщений – ничего. Больше он её не видел никогда.

2

Набирал силу октябрь. До родов – рукой подать. Макса она не видела с того самого момента, как он, сказав совершеннейшую ересь, ушёл в ночь. Настя надеялась, что он одумается, найдёт её. Но, если честно, знала: нет, не будет. Просто упрямый и не умеет просить прощения, патологически. В тот момент она даже не обиделась – она страшно разозлилась на него. И на себя тоже. Она даже не подозревала, насколько он отключился от реальности, насколько отдалился, стал глух ко всему. Почему – она не знала. Но всё равно надеялась узнать.

Надежда неожиданно и звонко разбилась однажды утром. Было воскресенье, и за окном падал кусками ваты первый этой осенью снег. Позвонила Кристина. Даже не подруга – просто знакомая, когда-то учившаяся в параллельном классе.

Она вкрадчиво спросила:

– А ты уже знаешь?

Настя ничего не знала. Почему-то именно Кристине, играющей настолько эпизодическую роль в Настинной жизни, что даже в воображаемых титрах её фамилию не внесли бы в списки массовой, было суждено рассказать Насте о том, что её ребёнок никогда не увидит своего отца и даже шанса такого иметь не будет.

В субботу была очередная свадьба в очередном ресторане. Всё шло как всегда, тамада тамадил, а Макс сидел в углу за ноутбуком. И неожиданно в зал вошли несколько человек. Среди них, как потом все узнали, был бывший муж невесты. Свадьбе он противился, ревновал, скандалил – в общем, довольно распространённая история. У мужиков было оружие, самое настоящее, и они начали стрелять. Всем казалось, что в воздух. Паника, крики, милиция. И не сразу даже заметили, что сидящий в углу Макс так и остался сидеть, простреленный насквозь. Врачи сказали, что пуля попала в сердце и он умер мгновенно, но просидел в общей суматохе вот так, привалившись к стене, почти час. Именно от этой детали Настя сходила с ума несколько последующих лет. Сидящий за пультом, ненавидящий свадьбы мёртвый Макс. Вот такая картинка.

В этот день позвонило около десятка знакомых. У всех был вкрадчивый голос и всего один вопрос: «Ты уже знаешь?». Но Настя уже знала. И многие – даже сквозь свою оторопь и какой-то ступор она услышала – многие были разочаро-

ваны тем, что не они первые сообщили ей эту новость. И это было даже смешно.

На похороны она не ходила. Как раз когда началось прощание с Максимом, на которое пришло совсем немного людей, Настя поняла, что ребёнок уже просится на свет, и вызвала скорую. Вот такое совпадение, ужасное и странное одновременно.

Настя родила хорошенькую щекастенькую девочку, абсолютно лысую и с большими синими глазами. Соседка по палате сказала, что у всех детей глаза синие, но Настя была уверена, что у этой вкусно пахнущей, хотя и не очень пока аппетитной, булочки глаза останутся синими навсегда. Дочку решила назвать Машей.

В короткий и невесомый сон в больничной палате ухитрился протиснуться Максим. Настя увидела его на лавке у забора перед каким-то чужим и большим деревенским домом, чуть вдалеке, но очень ясно. Он сидел очень грустный, в незнакомом грязном свитере, смотрел в землю и курил. Потом поднял глаза и сказал:

– Вот видишь, какая история, Настюх.

– Вижу, – ответила она и погладила его по голове, не трогаясь при этом с места. Почувствовала под пальцами знакомые вихры. Улыбнулась.

– Дочь назови Ладой, – сказал Макс, помолчав. – Я буду петь ей песню про то, что не надо хмуриться.

– Я Машей её назвала уже, Макс.

– Зря, – покачал головой тот. – Она Лада, точно тебе говорю.

– Нет, она Маша. И ты всё равно не сможешь ей ничего спеть.

– Почему? – он посмотрел внимательно, и Настя увидела слёзы в его глазах.

– Тебя убили, Макс. Сегодня похоронили.

– Скажешь тоже, – усмехнулся он, потом заплакал, встал и, сутулясь, ушёл за калитку. Калитка жалобно скрипнула, и Настя услышала, как Макс изнутри запирается на несколько засовов.

С чувством невыносимой тоски по нему она проснулась. Находясь в роддоме, старалась не называть дочь по имени. А через два дня после выписки пришла в ЗАГС, долго стояла над заявлением и всё-таки в графе «Имя» написала: «Лада».

– Назвала ребёнка как автомобиль, – сказала мама, увидев свидетельство и недовольно поджав нижнюю губу. Но с этой самой минуты она стала звать внучку Ладущкой – и больше никак.

3

Максим сначала приходил во сне часто. В основном Настя видела его внутри всё того же чужого деревенского дома, сквозь пыльные окна. Он был внутри, она – снаружи. Иногда они говорили через окно, и стекло несколько не мешало слышать его. Видно его было плохо, но слышно так, словно он шепчет на ухо. Однажды он попросил у неё прощения за ту глупость со словами о беременности. И она ничего не смогла ему ответить. Проснувшись в слезах и целый час лежала и думала: правда ли он приходил или её подсознание разговаривает само с собой.

Лада росла жизнерадостным и шустрым ребёнком, отцом считала деда. Через два года после её рождения Настя познакомилась с молодым человеком, влюбилась и ещё через год вышла за него замуж. Макс в снах перестал приходить. На этом историю можно было бы и заканчивать. И она, собственно, закончилась. Но в этой жизненной истории, как в когда-то прочитанной книге, Настя словно мысленно положила закладку на одном всего дне.

Однажды, когда Ладе было около четырёх лет, Настя мыла посуду, а дочь играла рядом, рассаживала кукол на кафельном кухонном полу и что-то напевала. Прислушавшись, Настя поняла, что девочка поёт: «Хмуриться не надо, Лада, для меня твой смех награда, Лада». И вдруг из глубины грудной клетки вынырнули одновременно и страх, и какая-то странная надежда, и ожидание чуда.

– Что за песню ты поёшь? – спросила Настя у дочери.

– Это песня про меня, – сказала Лада, не отвлекаясь от кукол.

– А откуда ты её знаешь?

– Мне дядя пел.

– Какой дядя?

– Не знаю. Я его во сне видела.

Сердце подкатило к ключицам и забилося где-то в горле. Настя молча смотрела на Ладку, оцепенев, и очнувшись от того, что слеза упала на запястье.

– А что это за дядя, Лада? Как его зовут? – спросила Настя каким-то не своим, звенящим, голосом.

– Не знаю, – пожалала та острым плечиком, не поднимая на мать глаз. – Просто хороший. И грустный. Поёт хорошо, – и опять запела про то, что «твой смех – награда». «Награда», – пела Лада, не давалась ей еще буква эр.

Настя вернулась к посуде, не видя и не чувствуя её под руками. Поняла, что ждала, может быть, не этого разговора, но какого-то похожего. Знака ждала. Выполнения обещания. И хотелось что-то спросить у Лады. И что-то сказать важное. Ей или её отцу через неё – непонятно. Руки тряслись, правый глаз слезился, и в ушах шумело.

– Мама, – сказала вдруг Лада. – А ещё этот дядя спрашивал меня: ты простила его или нет? А я не знаю. Ты его простила?

Настя подошла к дочери, села рядом на пол и внимательно на неё посмотрела. Так, как посмотрела бы на Максима во время самого главного их разговора, если бы он состоялся. Лада подняла на неё глаза и тоже стала очень серьёзной.

– Скажи ему, Лада, что я простила его, – сказала Настя медленно, пытаюсь проглотить ком, вставший в горле. – Я простила его давно. Пусть он это услышит.

– Он слышит, мам.

ТОЛЬКО ТРОНЬ

У меня был одноклассник Сашка Гераськин. Фамилия, какая-то несерьёзная и скользкая, совершенно не шла Сашке, ведь Сашка был красавец: глаза большие синие, улыбка широкая, плечи могучие – уже в детстве фигура его внушала уважение. Мы учились вместе с первого по девятый класс, и последние года три совместной учёбы мне хотелось Гераськина потрогать. Это сейчас, когда мне за тридцать, я знаю, что это для меня способ узнать человека. Без тактильных ощущений я слепа и глуха и не могу быть уверенной, что мне нравится мужчина, пока я не потрогала его, не ощутила его кожу под своими пальцами. Только наощупь я могу понять, «мой» это человек или нет. В школе я этого не знала, к синеглазому однокласснику Сашке меня просто тянуло, поэтому я много раз пыталась как-то «растрогать» его: на физкультуре вставала в пару, набивалась мыть вместе класс, пошла даже вслед за ним в театральный кружок.

Не могу сказать, что Гераськин меня игнорировал. Нет, он очень много и охотно общался со мной, смеялся моим шуткам, обнажая забор крупных зубов. Много раз мы даже делали вместе уроки. Хотя я была отличницей, и он был отличником, и чего это он приходил ко мне домой делать уроки – я не помню. Моя мама утверждала, что я Саше нравлюсь. Но аргументов было – кот заплакал. Что касается меня, то я так и

не понимала, нравится он мне или, наоборот, раздражает. А «потрогаться» Гераськин никак не давался.

В восьмом классе все вдруг стали дружить. Мальчики и девочки начали ходить за ручку, вместе сидеть на диване перед телевизором «на хате» и даже – особо смелые – экспериментировали с поцелуями. В восьмом и девятом классе Гераськин передружил с тремя моими подругами по очереди. При этом снова не игнорировал меня, часто звал погулять третьей. Иногда Гераськин во время таких прогулок больше болтал со мной, чем со своей «девушкой», при этом за ручку держал не меня. И вот от этой невозможности поддержать его за руку, легально и долго, я страдала. А Сашка Гераськин как будто держал меня на коротком поводке, при этом близко не подпускал. Мне было шестнадцать лет, и я растерянно вращалась по ближней орбите этого красивого, но очень странного мальчика.

В десятом классе я перевелась в другую школу, с нужным мне гуманитарным уклоном. Гераськин вместе с моими подругами (с каждой из которых он, кстати, без объяснений расстался) остались все вместе в старой школе, стоявшей во дворе между нашими домами. Мы иногда встречались то в магазине, то в общих компаниях, разговаривали исключительно об учёбе и о том, куда и как поступать. В новом классе постепенно закрутила своя жизнь, появились другие предметы для симпатий, и вскоре синеглазый огромный Гераськин выпал из моей головы окончательно.

В последний раз я его видела на утро после своего школьного выпускного. У нас была очень бурная вечеринка в ночном клубе, после неё мы на набережной встречали рассвет, и меня до трамвайной остановки провожал мальчик, который мне нравился, и даже поцеловал меня на прощание... А потом я приехала домой и упала спать. И спала часов пять подряд. И тут мама зашла в комнату и сказала:

– Катя, к тебе там Саша Гераськин пришёл.

И я, крайне заспанная и не менее удивлённая, буквально выползла в коридор. Там стоял большой и красивый Гераськин, смотрел на меня сверху вниз, а потом даже, кажется, без приветствия сказал:

– Кать, покажи медаль.

А я окончила одиннадцатый класс с золотой медалью, да. Это было последнее, о чём я думала на выпускном, потому что медаль эта далась

мне легко, можно сказать, вообще никак не далась. Просто я её получила, и всё.

– Зачем? – мгновенно проснувшись, спросила я.

– У меня серебряная, хочу посмотреть, как выглядит золотая, – ответил мне этот чёртов несостоявшийся золотой медалист Гераськин.

Я принесла ему красную бархатную коробочку с медалью, протянула. Он взял её в свои огромные руки, потрогал, потёр указательным пальцем.

– Везёт тебе, Катя, – вздохнул и развернулся уходить.

– Серебряная медаль тоже хороша, Гераськин, – сказала я его спине.

– Ага, – согласился он так, чтобы стало понятно, что он вообще не согласен, и вышел за дверь.

С того момента прошло пятнадцать лет. За плечами было одно замужество, два высших образования, десяток килограммов плюсом и много ещё чего. Но в последние годы всё чаще неожиданно всплывали мысли о Гераськине: какой он сейчас, чем занимается, как живёт вообще. И где-то в кончиках пальцев зудело сожаление о том, что так и не поддался Сашка этим самым пальцам. Почему-то, казалось мне, просто потрогав его, погладив, я бы разгадала всю его странность, мне стало бы всё понятно. Пока же мне было понятно, что я стопроцентный кинестетик и у меня есть незакрытый гештальт.

Появились социальные сети, и я безуспешно пыталась найти в них Гераськина Александра. Забывала в поиск и на русском, и латиницей. Но его не было. Нигде вообще. Ф. И. О. не гуглились. Раз в пару лет его кто-то где-то видел из бывших одноклассников или общих знакомых. Одна из моих подруг пересеклась с ним в отпуске, столкнулась за завтраком в турецком отеле. Гераськин был с женой и маленькой дочкой. Работал где-то в строительстве. Выглядел хорошо. Вот и всё, что доносила моя плохо организованная разведка.

И вот – был конец апреля. Я шла с тренировки из фитнес-центра, который прилепился к соседнему дому, как бедный родственник. Душ решила принять дома. Волосы на макушке узлом. Макияжа нет. Спортивный костюм, сверху жилетка утеплённая. Иду и радуюсь, что двор пустой. Однако любая женщина знает, что мужчину мечты она, как правило, встречает в таком виде, в котором и родной маме показываться не стала

бы. Моя одноклассница вышла так замуж за врача скорой: именно этот милейший человек вёз её в больницу, скрученную острым приступом аппендицита. И вот я обессиленно бреду по двору, красная и совсем не привлекательная. И на крыльце собственного подъезда вижу, конечно же, его – предмет моих многолетних поисков. Гераськин стоял под козырьком и разговаривал по телефону. Я узнала его издали и сразу. Казалось, за пятнадцать лет он ни капли не изменился. Я подошла и встала рядом, глядя на него в упор, ждала, пока закончит разговор. Он меня тоже узнал, улыбнулся уголком губ, но разговор закончить не спешил. Говорил что-то про бригаду и про сметы ещё минут пять. За это время я успела его разглядеть, увидела заострившиеся по-мужски скулы, мелкие морщинки у глаз, почему-то седеющую щетину. И обручальное кольцо на безымянном пальце руки, которая держала телефон, тоже увидела.

– Ты ли это, Катюха! – сказал он действительно радостно, убирая телефон в карман джинсов.

– Ты ли это, Сашка! – эхом повторила я и услышала свой голос со стороны каким-то слишком низким и проникновенным.

Я даже испугалась, но собеседник на этот внезапно вырвавшийся призыв не отреагировал никак. Гераськин был рад, но отстранён.

Мы поболтали минут десять. Он рассказал про себя то, что я и так знала: женат, ребёнок четырёх лет, девочка. Руководит несколькими бригадами, ремонтирует квартиры. Как раз эта работа и привела его в мой подъезд – у него тут образовался новый объект. Я рассказала о себе: «В разводе, детей нет, зато есть кот. Зарабатываю хорошо, веду несколько проектов с европейскими компаниями, часто бываю за границей». В этот момент нашей беседы я явственно увидела, как у Гераськина заблестели глаза, в их синеве заиграл отблеском интерес, настоящий и пристальный. Но тут же сменился сомнением – Сашка наконец-то разглядел мой внешний вид и соотнёс его с моими жизненными достижениями.

– С тренировки иду, – распознала я его сомнения и рассмеялась.

Перед тем, как разойтись, мы обменялись телефонами. И я сказала, мол, будешь в моём подъезде – заходи на чай. И он сказал: «Зайду». И сказал так, и посмотрел так, что я поняла: зайдёт. Я вернулась домой, набрала себе ванну с ароматной пеной, погрузилась в неё и задума-

лась. Давно забытое чувство непонимания и где-то даже недоумения свербило в висках и кончиках пальцев. Я чувствовала, что рада нашей встрече. И нервничала от пойманного интереса в его глазах. И ещё больше нервничала от того, что интерес этот уловила после упоминания о работе и командировках. Как будто мы снова говорили об учёбе и медалях. «Даже тот факт, что я в разводе, – думала я, – заинтересовал его меньше. Да ладно, чего там – совсем не заинтересовал». Но я снова не была ни в чём уверена. И в пальцах зудело любопытство.

Гераськин позвонил в середине мая. Только закончились длинные и бестолковые праздники, и в квартире этажом выше снова завёл свою песню перфоратор, не давая мне работать.

– Завтра днём будешь дома? – спросил Саша по-деловому.

– Буду. Я почти всегда днём дома, – ответила я, стараясь свой тон сделать более домашним и беззаботным в пику его деловитости.

– Зайду. Свари мне кофе. Умеешь варить хороший кофе?

– Уж как-нибудь.

– Молодец. Жди, – и дал отбой.

Гераськин пришёл не днём, а под вечер. Не на кофе, а на вино. Бутылку белого полусухого принёс с собой. И фруктов. И хлеба с сыром. И взяв всё это у него на пороге, я поняла, что он пришёл на свидание. И сразу занервничала. Зазвенели в ладонях и коленях невидимые струны, которые не давали усидеть на месте. Я суети-лась, нарезала фрукты, гость открывал вино, был спокоен и даже замкнут. Потом мы выпили вина, и он посмотрел на меня долгим, узнавающим каким-то, взглядом. Я тоже смотрела на него, но при этом говорила что-то. Что – не помню. Какую-то чепуху.

Когда мы выпили полбутылки, Гераськин откинулся на спинку стула, вытянул ноги так, что они коснулись моих ног, и сказал:

– А ведь ты же мне всегда нравилась. Всегда нравилась больше всех.

– Вот здрасти, – как можно более иронично сказала я. – А почему ты дружил не со мной, а с моими подругами?

– Чтобы быть ближе к тебе.

– Ну а почему не со мной?!

– Я тебе завидовал в школе. Ты лучше меня. Умнее, продвинутое, что ли. У тебя всё просто получалось, тебе всё легче давалось. Ты мне нравилась, но я тебе завидовал. Мне было труд-

но, — и рассмеялся, потом добавил: — Слишком близко может быть опасно, ты понимаешь?

На эти его слова отозвались мои руки, да и вся кожа, которая давно хотела просто контакта, чтобы понять, опасен он или нет. Сможет ли он понять, если я скажу? Вряд ли.

Но ответила я совсем другое, весело и прищурившись:

— Конечно! Но и мне тоже было нелегко.

— Я ведь тебе тоже нравился?

— У меня были противоречивые чувства, — сказала я искренне.

— Да ладно тебе, нравился, я же видел.

— Ну если ты видел и всё равно вёл себя так, как вёл, то ты просто подлец! — воскликнула я.

— Я был дурак, — послушно согласился он и, как бы сокрушаясь, покачал головой.

— А сейчас? — спросила я и посмотрела на него самым долгим из своих взглядов.

Он не отвёл глаза. Помолчал. Потом вздохнул:

— Вот я. Женатый человек. Примерный семьянин, между прочим. Сажу тут. В квартире красивой и незамужней женщины. И пью с ней вино. И грызу яблоки, вкусные, надо сказать. И знаю, что из этого может выйти. Вот кто я?

— Негодяй вообще-то, — ответила я.

И мы засмеялись. Потом снова пили вино. Я рассказывала о своём неудачном браке. О своей интересной работе. Он рассказывал о своей, казалось бы, идеальной семейной жизни и нервных рабочих буднях. Но у нас обоих получалось рассказывать как-то очень весело и одновременно зло. Мы смеялись и даже ржали, как школьники. С подоконника на всё это недоумённо взирал мой большой рыжий кот, не привыкший к такому шуму и безобразию в нашей с ним холостяцкой квартире. Потом вино закончилось и даже фрукты были съедены.

— Ну, мне пора, — сказал Гераськин, нарочито нехотя вылез из-за стола и сразу занял собой всю мою крошечную кухню.

— Я провожу, — ответила я, ощутив хмель в голове и полыхающее пламя в руках.

Огромный Гераськин надел ботинки, в сумраке прихожей повернулся ко мне, сказал: «Ну, пока» — и поцеловал меня. Сразу в губы, неожиданно и яростно. И никуда не ушёл. Всё произо-

шло так же быстро, бешено и беззвучно. После мой гость, уже в темноте, быстро оделся и молча ушёл. Я осталась лежать на нерасправленной кровати, укрывшись краем покрывала. На кровать прыгнул кот, всем видом своим показывая возмущение творящимся разворотом. Сел рядом и смотрел на меня сверху вниз, презрительно.

— Ты представляешь, — сказала я коту. — А ведь совсем не то!

Короткого акта измены Гераськина своей идеальной жене мне хватило, чтобы наконец попробовать его наощупь. Провести ладонями по гладкой голой спине. Прикоснуться к мощной шее. Запустить пальцы в коротко стриженные волосы. Ощутить напряжение мышц под ставшей влажной кожей. На губах остался вкус его губ, вернее, отсутствие этого вкуса. Губы были прохладные и жёсткие. Я попробовала бывшего одноклассника всей своей кожей, но сейчас остро ощущала лишь то, что кончики пальцев рук перестали зудеть. Тело, наконец отданное им, оказалось неподатливым, жёстким, излишне гладким — в общем, совершенно чужим.

— Не моё, совсем не моё, — снова поделилась я с котом. — Ты только подумай, сколько лет напрасных мыслей и терзаний! Даже жалко.

Кот простил меня. Заурчал. Улёгся в волосы. Потыкался мокрым холодным носом в висок, словно говоря, мол, ну какой ещё Гераськин, смотри, какой у тебя прекрасный я.

Я репетировала свою речь несколько дней. Я придумывала, как и что я скажу Гераськину, когда он позвонит или снова окажется на пороге моего дома. Всерьёз собиралась рассказать ему про то, что мне важнее всего — найти и понять своего человека руками, а не головой. Я думала, как буду извиняться перед ним и объяснять, почему ничего между нами не будет. Но бывший одноклассник и в этот раз переиграл меня, никогда больше не появившись в моей жизни. Не позвонил, не написал и даже нигде случайно не встретился. Оказалась ли я при ближайшем рассмотрении для него слишком опасной или, наоборот, неинтересной, я так и не узнала. Гераськин просто исчез, оставив в моей жизни ещё одну загадку, разгадывание которой, впрочем, уже не имеет никакого смысла.

Литературная дружба

Собрание писателей в Кузбасском центре искусств

*Отчётный доклад председателя
Кемеровского отделения СП РФ
Бориса Бурмистрова*

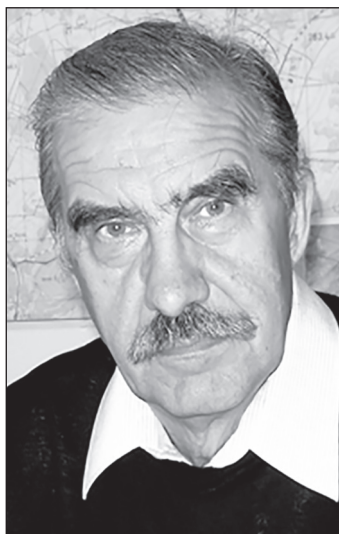

*Выступление директора Кузбасского центра искусств
Оксаны Соковиной*

**Борис
ДЮКИН**

НОСТАЛЬГИЯ

Рассказ

*Кто может знать при слове «расставанье»
Какая нам разлука предстоит?*

О. Мандельштам

Заседания проходили в институтских аудиториях, и было приятно вновь окунуться в студенческую атмосферу, бродить по коридорам, заполненным молодёжью, обедать в студенческой столовой, а в перерывах пить кофе на кафедре вместе с преподавателями и опять немного почувствовать себя студентом. Семинар практически закончился, на завтрашний день была назначена экскурсия.

В самолёте, читая программу, Никита подумал, что это будет его день и он использует его по своему усмотрению. Ещё ничего конкретного, но на душе стало сладко и тревожно, словно он собрался сбежать с лекции на свидание с девушкой и уже волнуется и переживает это волнение.

В последний вечер для участников семинара в кафе был устроен прощальный ужин. Они собрались здесь из разных городов Союза, и им было о чём поговорить, обменяться мнениями со специалистами, проводившими семинар, поделиться своими впечатлениями, вспомнить общих знакомых. Как водится, всё продолжилось в гостинице, и разошлись они уже за полночь.

Утром, ни с кем не прощаясь, Никита уехал на Белорусский вокзал и немного растерялся,

увидев огромное расписание электричек, где вместо станций были указаны пояса и зоны, но в конце концов сообразил, какой поезд идёт в нужном направлении. Потом стоя в тамбуре, читал на вокзалах названия городов и посёлков, чтобы не пропустить свою остановку. Когда на подходе к станции среди складов, сараев, пакгаузов мелькнул узнаваемый силуэт асфальтобетонного завода, это показалось ему хорошим предзнаменованием.

Сойдя с поезда, Никита остановился у часов, висящих на опоре контактной сети, которая, как-то совсем не на месте, стояла посредине платформы. Большие круглые часы с крупными цифрами, которые хорошо читались на светлом циферблате, были ему знакомы. На такие же часы он каждый день смотрел из окна своей чертёжки, ожидая, когда стрелки сойдутся вверху и наступит обед, а потом внизу – и можно идти домой. Часы показывали без двадцати одиннадцать, и стрелки стояли неподвижно. «Видимо, здесь время остановилось», – подумал он и пошёл к зданию вокзала.

Посмотрев расписание электричек и попутав по маленьким сумрачным залам, переходя из одного помещения в другое, он вышел на привокзальную площадь, застроенную старинными одноэтажными домами. Дома, массивные, приземистые, с узкими стрельчатыми окнами, показались ему похожими на купеческие амбары или лавки, да, наверное, ими когда-то и были.

ДЮКИН Борис Дмитриевич родился в 1945 году в Ханты-Мансийске. Инженер путей сообщения, имеет звание «Почётный дорожник России». Автор двух книг. В журнале «Огни Кузбасса» печатается с 2007 года. Живёт и работает в Кемерове.

Вдалеке виднелся зелёный купол церкви, а справа – плоские крыши пятиэтажек.

Вокруг затоптанной клумбы разворачивался «Икарус», выруливая к автостанции, находящейся слева от вокзала.

«Ну вот, обратно можно будет уехать и автобусом», – подумал Никита, и, подождав, пока проедет автобус, пересёк площадь по диагонали слева направо, свернул на улицу, идущую, как ему показалось, в нужном направлении, то есть параллельно железной дороге.

Он приехал сюда, зная только название города и ни на что особенно не рассчитывая, разве что на счастливую случайность, только в глубине души, как в детстве, таилось призрачное ожидание чуда.

Тогда, приехав автобусом из Владимира в Боголюбово, он, никого не спрашивая и не плутая, прямо вышел к церкви Покрова на Нерли. Ему всегда нравилась старинная русская архитектура, а после фильма «Андрей Рублёв» особенно захотелось посмотреть это место. Церковь была закрыта, вокруг не было ни души. Откуда-то, словно из глубины веков, набежал ветер, зашелестела листва, и возникло необыкновенное ощущение чистоты и покоя. Он обошёл храм вокруг, посидел на заросшем травой берегу Нерли, а потом пошёл наугад через пустое зелёное поле. Тропинка вывела его к железнодорожной платформе. Подошла электричка. Он ехал в полупустом вагоне, и на душе было легко и покойно.

Тротуар, проложенный вдоль пятиэтажных кирпичных домов, быстро кончился. Дальше пошла широкая улица с однообразной частной застройкой. За невысокими оградами на одной линии стояли небольшие похожие друг на друга дома с однотипными слуховыми окнами на потемневших шиферных крышах.

То волнующее предвкушение неизведанного, которое было, когда он думал об этой поездке, и которое ещё оставалось в поезде, теперь почти исчезло. Все его представления, все картины, которые рисовало воображение, утратили свою реальность. Вернее, реальность была, но совсем другая: сумеречное небо, незнакомый город, талый снег под ногами и неприятный холодок под диафрагмой. Это было время, которое он не любил больше всего, когда осень уже кончилась, а зима ещё не наступила.

Чтобы сохранить выбранное направление, он несколько раз забирал влево и по переулкам переходил из одной улицы на другую, когда та, по которой он шёл, упиралась в тупик или поворачивала не туда, куда ему было нужно. Минут через сорок он понял, что окончательно запутался в своих мыслях и ощущениях, в сплетении улиц и переулков. Железная дорога, которая служила ему ориентиром, уже давно потерялась из виду, и её даже не было слышно. Трубы асфальтобетонного завода так и не показались, и искать его уже не имело смысла, да и вообще было непонятно, что он хотел там найти. Теперь это путешествие показалось ему полным абсурдом. И лишь злое упрямство и досада на самого себя не давали ему повернуть назад. Он остановился, лишь когда улица уперлась в овраг, дальше идти было некуда. На противоположной стороне виднелся ещё один ряд домов с большими огородами, а за ними – пустое поле с футбольными воротами. Прямо перед ним за покосившимся забором стоял небольшой сруб, непонятно кем и зачем построенный. Брёвна, из которых он был сложен, почернели от времени, словно обгорели, кирпичная труба на замшелой тесовой крыше была закопчённой и наполовину разрушенной. Других домов с этой стороны оврага больше не было.

Сруб был похож на баню, стоявшую на берегу заросшей старицы, на задах дома, в котором они тогда жили. От крыльца бани к старице вели деревянные мостки, но доски от времени сгнили и заросли бурьяном. Да и сама старица уже заросла тальником, вода блестела только в середине. Баня топилась по-чёрному, электричества не было, чтобы там вымыться и не испачкаться в сажу, требовалось обладать определённой сноровкой. Это был настоящий аттракцион и повод для шуток и веселья.

После второго курса их опять отправили в колхоз, но теперь за плечами у них уже был опыт прошедших лет, и они чувствовали себя бывалыми строителями. Их бригаду из двенадцати парней и трёх девушек собрал Марк, который был с ними в качестве куратора и бригадира. Он только что окончил институт, остался на кафедре и поехал с ребятами, что бы совместить приятное с полезным.

От станции их привезли на бортовой машине и высадили возле пустого дома на окраине деревни. День они потратили на обустройство сво-

его быта. Привели в порядок дом, починили баню, наладили печь во дворе, чтобы девушки могли готовить.

Когда Никита в первый раз увидел сруб амбара, где им предстояло возвести крышу, то с тоской подумал, что за такой короткий срок им никогда не управиться.

Они начали с того, что подшили потолок и засыпали его шлаком и опилками, которые были уже заготовлены. Чтобы не поднимать материал вверх вручную, Марк пригнал с центральной усадьбы погрузчик, расплатившись водкой. В деревнях осенью, в период уборочной, спиртное не продавали, поэтому водка была неразменной валютой, которую они не раз использовали. В бригаде был сухой закон. Все эти дни они работали до темноты и заканчивали уже при свете фар. Удачное начало отметили вечером двумя ведрами компота, который сварили девчонки. Потом долго сидели на брёвнах у костра и разговаривали о музыке, книгах и обо всём на свете. Надежда привезла с собой журнал, где была напечатана повесть «Один день Ивана Денисовича», которую все читали по очереди. Марк, видимо, решив покрасоваться перед Надеждой, которая была его девушкой, завёл разговор о классической литературе, в этом вопросе он считал себя знатоком. Основным его оппонентом оказался Никита, и парни за него болели. Они начали с Тургенева и закончили Монтенем, но когда Никита спросил, читал ли Марк «Огненного ангела» Брюсова, тот сдался.

Когда была хорошая погода и хватало строительного материала, работа шла весь световой день. Девушки готовили только завтрак и ужин, днём парни обходились хлебом, молоком, мёдом и огурцами. Вечером все собирались за ужином, потом жгли костёр, иногда пели песни и разговаривали. Тогда и начались их бесконечные разговоры «за жизнь».

Как это было ни невероятно, но крышу они построили, задержавшись всего на пару дней. Когда Марк с Юрой привезли расчёт, парни высыпали деньги на одеяло, это была целая куча денег, и устроили вокруг шаманские танцы. И хотя денег оказалось меньше, чем ожидалось, но всё равно они никогда не зарабатывали так много. Они рассчитались с Марком, а остальные деньги разделили поровну.

Когда они вернулись в город, компания их не распалась, но со временем стала сокращаться. Они ходили на занятия, сбегали с лекций на

утренние сеансы в кино, отмечали успешно сданные зачёты и экзамены. Обменивались книгами и конспектами, спорили, влюблялись, ссорились и мирились. Иногда вспоминали тот колхоз и баню по-чёрному. Потом пошли свадьбы, и они все вместе придумывали сценарии и писали тексты поздравлений. В конверте из-под фотобумаги у Никиты ещё сохранилась целая пачка свадебных фотографий.

Он стоял и смотрел на уходящую вдаль ленту дороги, на пустые бурые поля, на почти неразличимую полосу леса на горизонте, и ему было обидно, словно его обманули. Слабый ветерок доносил откуда-то запах дыма и вместе с ним смутное ощущение тревоги.

Чтобы ни возвращаться той же дорогой, он вновь повернул налево. Короткий переулок, что шёл по краю оврага, вывел его на асфальтированную дорогу, которая уходила через овраг в поле. На противоположной стороне дороги широкий съезд упирался в большие распахнутые ворота, которые стояли как-то сами по себе, потому что ограда справа и слева была почти разобрана. Но рядом с воротами была будка вахтёра, и въезд на территорию перекрывал шлагбаум. Справа, в створе с оградой, виднелось двухэтажное кирпичное здание с чёрной вывеской у входа, но различить, что там написано, отсюда было невозможно. Здание было совсем новое, видимо, только что построенное, и с торца его ещё лежала куча строительного мусора. Мастерские, гаражи и стоящая рядом техника – всё говорило о том, что это – дорожное управление.

Перейдя дорогу, Никита остановился у развалин забора, пытаясь собраться с мыслями. Горечь и досада исчезли, но ничего путного в голову не приходило. Он стоял и смотрел на пустой двор и понимал, что вот сейчас он отдохнёт и пойдёт обратно на станцию.

В тёмном проёме гаража показалась женщина в накинутом на плечи белом коротком полушубке. Она с кем-то говорила, но собеседника отсюда не было видно. Закончила разговор и, сделав пометку в ежедневнике, пошла в сторону конторы, обходя разъезженный талый снега, выбирая места посуше.

Никита сразу её узнал. Это было так неожиданно, что на мгновение ему показалось, что сердце остановилось, словно его облили ледяной водой, но потом горячая кровь прилила к лицу и застучала в висках.

Все эти проблемы с запчастями и горючим, нарядами и премиями, отгулами и прогулами она знала и не раз слышала, но всегда помнила, как её отчитывал начальник, когда она взялась входить в положение, искать справедливость. Начальник вызвал её в кабинет, закрыл дверь и сказал:

– Это не твоё дело, есть главный механик, есть отдел кадров, есть профсоюз, ты главный инженер, я тебя не за этим сюда поставил. Твоё дело – технология, качество и сроки.

Он говорил, а она стояла и краснела. Собственно, сейчас в мастерскую она зашла только на минуту, чтобы узнать, почему до сих пор не вышел на трассу автогрейдер. На утренней планёрке главный механик, как всегда, бодро доложил, что всё идёт по плану, и затем куда-то исчез. А когда позвонили из администрации пригородного посёлка, она поняла, что это не так. Поправив полушубок, она посмотрела на дорогу. Силуэт мужчины в коротком чёрном пальто, стоящего у развалин забора, показался ей очень знакомым.

«Но этого не может быть! – подумала она. – Потому что не может быть». Однако решила подойти и удостовериться, что этого действительно не может быть. Не доходя несколько шагов до забора, она остановилась.

– Надя, не узнаешь? – сказал он.

Собственный голос показался ему чужим и звучал хрипло и фальшиво.

– Да нет, просто так неожиданно! Откуда ты взялся?

– Вот пришёл, чтобы увидеть тебя...

– Откуда пришёл?

– Со станции, вернее я приехал, а оттуда пришёл.

Он чувствовал себя страшно неловко, словно его случайно застали в чужой комнате и он никак не может объяснить, зачем он здесь.

– У тебя что, здесь дела?

– Нет, я просто хотел тебя увидеть, – повторил он.

– Ну что, увидел? Сильно разочаровался? – спросила она после паузы.

– Нет, – от волнения все слова были потеряны.

Они стояли и, словно не узнавая, молча смотрели друг на друга. «Зачем он приехал? – подумала она. – Как давно всё это было». Она решила уйти и отвернулась. Он смотрел, как ветер шевелит волосы на её затылке и как они касаются завитков меха на воротнике полушубка, по-

нимал, что она действительно может уйти и всё кончится, опять почувствовал, как болезненно сжалось сердце. Сделав шаг, он чуть тронул её за локоть.

– Я, наверное, пойду, у меня дела, – неуверенно сказала она, повернувшись.

– Ты не хочешь даже поговорить? – теперь он видел, что она тоже волнуется.

– Ты вообще на что рассчитывал, что я тебя увижу и брошусь на шею? – она усмехнулась.

– Ну что ты так сразу! Может быть, у тебя всё-таки найдётся несколько минут для бедного усталого путника, стоящего на обочине, – сказал он, улыбаясь и стараясь подобрать нужный тон.

– Тоже мне, очарованный странник, – ответила она после паузы.

Он увидел, что настроение у неё переменялось.

– Ну что мне с тобой делать? Действительно, не стоять же нам у этой кучи мусора. Сейчас я возьму машину, мне всё равно надо ехать, и по дороге поговорим. Направо по улице будет газетный киоск, жди меня там, друг Никита, – она опять улыбнулась.

Оттого, что, как прежде, она сказала «друг Никита», глухая стеклянная стена, которая ещё минуту назад стояла между ними хоть и не рассыпалась, но стала прозрачной.

Он шёл по раскисшему снегу в том направлении, куда она показала, всё ещё не веря в произошедшее. Это было похоже на сон, когда все события происходят как бы сами по себе и ты ничего не можешь с этим поделать. До киоска нужно было пройти целый квартал, и ему уже стало казаться, что этого киоска не существует и всё это действительно сон.

Деревянное шестиугольное сооружение, окрашенное в зелёный цвет, стояло у края тротуара, на площади, замощённой булыжником. То, что это газетный киоск, можно было догадаться только по тому, что за стеклом виднелись обычные журналы и газеты.

Прошло, наверное, пятнадцать минут, когда возле него затормозил потрёпанный зелёный уазик.

– Садись, – сказала она, одной рукой держась за руль, а другой распахивая дверцу машины.

Он немного помедлил, а потом как-то неловко забрался в машину и сел рядом с ней на переднее сиденье. Теперь она была в светлой вязаной шапочке и чёрной куртке.

– Ты что как замороженный? Сам виноват. Сейчас мы заедем в одну контору. Потом пообедаем, и я отвезу тебя. Ты на электричке приехал? – она улыбнулась.

– Да. – Он так и не понял, в чём виноват, но от этой улыбки и оттого, как она говорила, стало немного легче.

– Захлопни дверцу, она плохо закрывается. Только давай сразу договоримся – без этих «ты помнишь». Мне это неинтересно. Если ты что-то помнишь, это твоё дело, можешь считать, что я всё забыла. Договорились?

Она выжала сцепление, и, когда начала переключать скорости, внутри что-то заскрежестало.

– Ну вот, сколько раз Ивану говорила, чтобы сцепление отрегулировал. И в машине бардак, вечно тряпки грязные в кабине оставляет. Чувствуешь, как бензином пахнет?

– Есть немного.

Он смотрел на неё, такую знакомую и одновременно чужую, с трудом осознавая реальность происходящего. Вот она, рядом, говорит, что шофёр – неряха, что в машине бардак, достаёт откуда-то из-под сиденья тряпку и протирает стекло. Кажется, сейчас нужно говорить совсем о другом, о чём-то важном, что касается их обоих. Они не виделись столько лет и, может быть, уже никогда больше не увидятся. Всё так буднично и просто.

– Ты что, всегда сама за рулём?

– Да нет, у меня шофёр есть, я его отпустила на обед. Ну ты не бойся.

– Да я и не боюсь, с таким опытным водителем.

– Ладно, не иронизируй.

– У вас, наверное, и своя машина есть?

– Конечно, сейчас отогнали в мастерскую, Сашка на рыбалку ездил, крыло помял.

– А Сашка это кто?

– Александр Васильевич – это мой муж и отец Василия Александровича, моего сына, – ответила она, поворачивая на другую улицу, не отрывая взгляд от дороги.

– Вы давно сюда переехали? – спросил он после некоторого молчания.

– Да уже почти пять лет. Кстати, ты откуда узнал, что я здесь?

– Помнишь, с вами в комнате одно время жила девушка, такая рыженькая, весёлая, она училась на два года младше нас, Вера. Случайно встретились на улице, работает в Сельхозпроект-

те, и она сказала, что видела тебя в аэропорту в Адлере.

– Да, мир тесен. У нас рейс задерживался, а они с мужем прилетели, кстати, её муж служил там же, где и ты.

– Я знаю. Тебя на работе не потеряют?

– Не волнуйся. Я такая примерная, что самой противно. Первая прихожу, последняя ухожу, водку не пью, на перекурах не стою и даже по магазинам не бегаю.

– Что так?

– Да там всё равно покупать нечего.

– Зато у вас столица рядом.

– Ну не совсем рядом, до МКАДа почти восемьдесят километров, это у вас там для бешеной собаки сто вёрст не крюк. Иногда, конечно, ездим, но не часто. Кстати, как ты меня здесь нашёл? Я не помню, чтобы Вере свой адрес говорила.

– Честно говоря, случайно. Я знал только название города. Просто захотел увидеть место, где ты живёшь.

– То есть приехал, не зная ни адреса, ни места работы. У меня и фамилия теперь другая.

– Ты помнишь, мы же мечтали объехать мир в товарном вагоне.

– Ещё раз скажешь «ты помнишь» – и я тебя высажу.

– Извини.

Они замолчали. Машина шла по неширокой улице, застроенной двухэтажными кирпичными домами, теперь слева мелькнул зелёный купол церкви, а потом как-то сразу город кончился.

– Интересный город, старинный.

– Да, через него ещё Наполеон отступал, но от того времени мало что осталось.

– Ты давно за рулём?

– Научилась ещё в первый год, когда начала работать. Надоело от кого-то зависеть.

– Молодец.

– Жизнь заставит – не тому научишься. А как ты забрёл на нашу окраину?

– Из окна вагона я увидел АБЗ и от вокзала пошёл в том направлении. Надо же было куда-то идти.

– Ну и как, нашёл завод?

– Нет, не нашёл.

– Ну и правильно. По той улице туда дойти нельзя, да вообще это не наш завод, тут есть ещё одно управление. – Она сделала паузу. – А ведь я тоже случайно вышла во двор. Как всё странно.

– И опять середина ноября.

Он получил телеграмму, когда вернулся с трассы, злой и голодный. На КПП его встретил Сергей, отглаженный и чисто выбритый. Он первый приехал в часть и сразу попал в техотдел.

– Это от Нади.

Никита понял, что Сергей прочитал телеграмму, и ему стало неприятно.

– Сейчас пойдёт автобус на станцию с гражданскими, ты ещё успеешь. Командиру я доложу.

Никита уехал в чём был: в сапогах и рабочем бушлате, переодеваться времени не было. Уже две недели, как он не жил в офицерском общежитии, а снимал комнату в военсовхозе в двух километрах от части. Водка и карты его не интересовали, водку он не пил, а в карты играл плохо.

В автобусе от волнения его бил озноб, он ничего не видел и не слышал, только боялся не успеть. На его счастье поезд опаздывал.

Короткий зимний день уже кончился, и на перроне зажглись фонари. Из вагона вышло только три человека, и Никита сразу её узнал. Надя была всё в том же, знакомом ему пальто с чёрным шалевым воротником и в какой-то странной меховой шапке с длинными ушами. Она увидела его и отчего-то сразу засмеялась:

– Какой ты смешной в этой шапке со звездой, совсем не похож на офицера.

Он обнял её и поцеловал в тёплую щеку. Всё это было похоже на чудо. Тёмный перрон, колеблющийся свет от лампочки, висевшей на входе. Она ехала на совещание в Читу, и у них была только ночь. Они оформили билет на утренний поезд и пошли искать место, где бы можно было переночевать. На вокзале им сказали, что гостиницы на станции нет, но у геологов вроде бы есть общежитие и туда могут пустить. Они шли по пустым заснеженным улицам под высоким звёздным небом, снег скрипел под ногами. Жёлтый свет падал из низких окон домов. Геологическая партия располагалась на самой окраине. Двухэтажный кирпичный домик стоял рядом с контрой. И хотя в общежитии было почти пусто, только на первом этаже в окнах горел свет, женщина на вахте никак не хотела их селить. Они, смеясь, представились как муж и жена, но она им не поверила. У Никиты было с собой служебное удостоверение, а в её паспорте – никакого штампа о регистрации брака. В конце концов он положил на стойку десять рублей, и грозная смотрительница повела их на второй этаж. В холодной комнате стояли две кровати и стол. Теперь было понятно, почему здесь никто не жил. Но им было

всё равно. По дороге они купили бутылку вина, банку паштета, плитку шоколада и какую-то круглую булку, хлеба в магазине не было. Потом Никита спустился и выпросил у дежурной чайник и два стакана.

Они сидели за столом, накинув на плечи пальто, тесно прижавшись друг к другу, пили вино и чай и говорили, говорили. Было ощущение весёлого счастья, словно они опять оказались в своём общежитии, откуда уехали лишь полгода назад и по которому уже успели так соскучиться. Они не вспоминали, у них было слишком много впечатлений за эти полгода.

Надежда, смеясь, рассказывала о своей избушке, в которой теперь живёт. Как она топит печь, про уголь, который ей привезли и сложили на огороде и который никуда не годится. И о том, как она каждую неделю белит кухню, и что базар работает только по субботам с шести утра всего два часа, она никак не может себе купить хоть кусочек мяса и перешла на рыбу и каши. А ещё о том, как осенью ездила на рыбалку, где рыбу добывают ночью острой.

– Ты представляешь, ночь, костёр, тишина, берег, усыпанный бутылками, и начальник спит, засунув половину туловища в спальный мешок, потому что вторая половина не помещается, ребята плавают на лодке по чёрной воде, с факелом, а меня не взяли.

А Никита рассказывал, как первый раз с тремя солдатами отправился на трассу разбивать ось водопропускной трубы и никак не мог найти закрепление.

Это было волнующее мгновение счастья, когда нет ни вчера, ни завтра, а есть только сейчас.

Они легли на одну кровать, не раздеваясь, накинув поверх двух одеял её пальто, а Никитин бушлатом укрыли ноги. Потом, тесно прижавшись друг к другу, говорили, целовались и заснули только под утро. Это была долгая ночь, уместившаяся в одно мгновение. Это была их ночь, о которой он никогда никому не рассказывал и которую по-прежнему вспоминал с замиранием сердца.

Потом утром они сидели в пустом станционном буфете, ели холодные котлеты, пили горячий чай и беспричинно смеялись, вспоминая прошедшую ночь. Он посадил Надю в вагон. В пустом тёплом купе они поцеловались.

– Теперь я к тебе приеду.

– Буду ждать, – она улыбнулась.

Поезд сразу тронулся, Никита постоял немного, подождав, пока проедет состав, и пешком пошёл к себе в часть, автобус уже уехал.

Ощущение огромности мира, который теперь принадлежал им, и счастливого присутствия в нём переполняло его. И было наплевать, что впереди шесть километров по скользкой накатанной дороге, объяснение с майором и ещё полтора года службы.

Теперь всё это вновь вспомнилось ясно и чётко. Горячей волной откуда-то из глубины вновь нахлынули те ощущения, и комок подкатил к горлу. Надежда опять была рядом, и время остановилось.

— Что ты улыбаешься? — спросила она, искоса глядя на него.

— Вспомнил счастливый день в ноябре.

Она не ответила, но Никите показалось, что она поняла, о чём идет речь.

— Говорят, Серёжа там остался?

— Да, уже майор. Начальник технического отдела. Он приезжал на встречу. Я ждал, что ты тоже приедешь. Тебя все вспоминали. Декан даже сказал, что всё у вас хорошо, но Надежды не хватает.

— Я не знала, да и не поехала бы. Ни к чему всё это. Много вас собралось?

— Не очень, двадцать шесть человек. Все разъехались, никого теперь не соберёшь. А вроде такой дружный поток был. Ребята-офицеры из Читы приехали, а вот ближних не оказалось. Хотя я всем писал заранее, почти за полгода рассылал приглашительные.

— После десяти лет вряд ли можно было рассчитывать на большее. Вот пройдёт ещё десять лет, и всех вас замучает ностальгия, тогда и соберётесь. Кто у вас инициатором был?

— Идея была моя, но Богдан всё организовал. Он сейчас на кафедре. Жена красавица, привёз с родины. Мы с ним встретились в марте и всё обговорили. Я только газету сделал, анкеты, приглашительные и всё такое. Собрались в институте, сходили на защиту, вечером — кафе, были преподаватели. На следующий день ребята договорились с автобусом — поехали на реку.

— Прямо джентльменский набор. Не скучно было?

— Было интересно, пообщались, вспомнили своё лучшее время, не знаю, что ты так настроена.

— У всех своя жизнь, нельзя идти вперёд, всё время оглядываясь. Надеяться на прошлое.

— Может быть. А где твоя Татьяна, я так понимаю, она ведь по распределению не поехала? — спросил Никита после паузы.

— Нет, осталась, подождала, пока Толик окончит свою академию и получит звание. За это время родила дочку. А потом они начали кочевать по гарнизонам. Сначала писала из Челябинска, он у неё специализируется по лучевым болезням.

— А что там, в Челябинске?

— Понятия не имею, но потом она уже писала с Украины. Это последнее, что я знаю. Я сейчас практически уже ни с кем не переписываюсь. Аннушке писала, но это ещё из Иркутска.

— А я был у Аннушки на свадьбе. Лёша в типографии работает, он ведь институт так и не окончил. У них две дочки.

— Я знаю.

За городом дорога пошла вверх. Очищенное от снега асфальтовое покрытие начало подсыхать, но обочины были ещё влажными. Вдоль дороги время от времени появлялись небольшие околки, где белые стволы берёз тонули в ореоле тонких голых ветвей, чуть красноватых по кончикам. Чёрными пятнами выделялись на деревьях пустые вороны гнезда.

— Это ваша дорога?

— Да, — ответила она, притормаживая машину.

— У вас сеть большая?

— Почти двести километров.

— Сейчас, наверное, в связи с Олимпийскими играми работы прибавилось?

— Есть, конечно, но мы в основном на субподряде.

— А с финансированием как?

— А с деньгами у нас и раньше проблем не было. Вот техники хорошей не хватает.

Преодолев подъём, машина съехала с дороги и остановилась на высокой площадке среди берёз. В глубине виднелась металлическая эстакада, а прямо перед ними была затейливая деревянная беседка, которая даже в этот серый день смотрелась нарядно и весело.

— Кто это у вас такой умелец? — спросил Никита, когда они вышли из машины.

— Есть у меня бригада плотников и там один мужичок, мастер. Причём всё делает одним топором. Я ему как-то показала фотографию Кижей, и он, вот видишь, крышу здесь точно такую же сделал. Он мне и кабинет отделал в новой конторе. У нас в сети несколько деревянных мостов, да и в управлении для плотников всегда

работа есть, – Надежда говорила обо всём этом с явным удовольствием.

Они обошли беседку и остановились у края площадки, до самого горизонта перед ними было открытое пространство: равнина с плавными логами, небольшими перелесками и уходящая вдаль лента дороги. Неброский пейзаж средней полосы России. Снег, который два дня назад укрыл землю белым покровом и, казалось бы, должен был лежать до самой весны, почти растаял и теперь белыми пятнами виднелся только в ложинах. Тусклое солнце в сером небе было лишь обозначено, и только совсем далеко всё-таки пробивалось сквозь серую пелену облаков, расцвечивая землю светлыми пятнами.

Надя стояла чуть впереди. Всё такая же, высокая, стройная. И этот чуть вздёрнутый подбородок, из-за чего всегда казалось, что она на всех смотрит свысока, что его тогда раздражало, пока они не познакомились поближе. Тёмно-русые волосы, теперь совсем короткие, тёмные брови, глаза, которые неуловимо меняли цвет в зависимости от её настроения и освещения, сейчас они казались тёмно-серыми. Щёки уже утратили девическую припухлость, но лицо имело тот здоровый цвет, какой бывает у людей, много времени проводящих на открытом воздухе и от этого долго сохраняющих летний загар. Она была прежней и одновременно другой, повзрослевшей, ещё более уверенной в себе. Никита почувствовал, как опять защемило сердце, ему захотелось обнять и прижать её к себе, как прежде.

– А ты почти не изменилась, вот только волосы стали темнее, – сказал он, глядя ей в лицо.

– Ты хочешь сказать, что и десять лет назад я так же неважно выглядела?

– Вот хотел комплимент сказать, нет, ты точно не изменилась. – Он улыбнулся. – Хочу сказать, что ты в хорошей форме. Бегаешь по утрам?

– Да нет, по утрам я не бегаю. Играю немного в волейбол со своими ребятами, зимой в зале, нас пускают раз в неделю. Сашку с собой беру, чтобы не толстел, у него рост метр девяносто и вес уже почти сто килограммов. Мы с ним и познакомились на площадке, он после армии к нам шофёром пришёл работать. Это у вас там только настольный теннис и шахматы. – Она усмехнулась.

– Да не только, в институте оказалась неплохая команда по ориентированию. Помнишь, мы с тобой бегали.

– И ты ещё участвуешь?

– В эстафетах нет, а на ориентировании – да. Надежда взяла его под руку, и они вернулись к беседке.

– А я тебя в первый момент не узнала. Смотрю, стоит у ворот какой-то тип, но силуэт знакомый.

– И решила с ним разобраться.

– Ну что-то вроде того, – она улыбнулась.

– А как ты здесь оказалась?

– Вообще-то случайно, а может быть, и нет. Помнишь Марка?

– Помню конечно, мы вообще думали, что он тебя с собой заберёт, когда в аспирантуру поехал.

– Да брось ты, ерунда всё это. Роман студентки с преподавателем – тема для разговоров.

По тому, как она это сказала, Никита понял, что вспоминать ей об этом неприятно.

– У нас в Слюдянке была хороша турбаза, и когда москвичи приезжали или ещё кто-то, то наше иркутское начальство всегда привозило гостей к нам, так сказать, для неформального общения. Там места очень красивые, кроме Байкала, озёра в горах, в общем, есть на что посмотреть и где отдохнуть. Вот там мы с Марком встретились. С наукой у него что-то не заладилось, аспирантуру он кончил, но не защитился. Остался в Москве, в Минавтодоре, связи у него были. В общем, с его подачи я сюда и попала. Сначала была начальником ПТО, а последние три года – главный инженер. Рассказывать особенно нечего, типичная карьера троечника.

– Не прибедайся, ты троечницей никогда не была.

– Ну всё равно до тебя мне было далеко. Наукой не занимаешься?

– Нет. Правда, одно время читал в местном политехе курс мостов.

– А на работе по-прежнему в своём ГипродорНИИ?

– Нет, ушёл в Гражданпроект.

– Чем же ты там занимаешься? Не понимаю, что инженер путей сообщения может делать в Гражданпроекте.

– Занимаюсь всем понемногу, проектирую дороги, мосты, трамвай, троллейбус. Сейчас перешёл в генплан, работаю над транспортной схемой. Я и сюда приехал на семинар вместе с архитекторами. Ты знаешь, оказывается, нас неплохо учили, мы всё можем.

– А как же романтика, путешествия, изыскания?..

– Всех нас испортил квартирный вопрос.
 – Ну и что, решил?
 – Да, предложили, если переходим вдвоём, сразу дают квартиру.
 – Так ты теперь вместе с женой работаешь?
 – Мы и раньше вместе работали. А у тебя как с квартирой?
 – Нормально. У нас дом, вернее полдома, три комнаты, гараж во дворе, хотя в Слюдянке было лучше. Ты на Байкале был?
 – Только в Листвянке один день.
 – Тогда ты по-настоящему ничего не видел.
 – А тебе не жалко было оттуда уезжать?
 – Как тебе сказать, даже не знаю. Там всё было хорошо. Сын родился. Начальник был хороший, отпускать меня не хотел. Просто подумала, а что дальше? Помнишь, в том фильме: «Нельзя всю жизнь прожить у озера».

Они опять замолчали.

– А я так и не побывал у тебя в Лесном. Нам троим тогда дали отпуск только в августе.

– Я уехала в середине июля. Просто уже сил не было. Устала ужасно. Разве я тебе не написала?

– Нет. Твоё последнее письмо было страшно сумбурное, так что прежде чем ехать, я зашёл в ваше областное управление. В кадрах мне сказали, что тебя в Лесном нет и где ты – они не знают и знать не хотят.

– Если честно, я тоже вспоминать о них не хочу. Я же приехала по распределению, полная радужных планов. Мне сразу предложили должность главного инженера, и я, такая наивная, не раздумывая, согласилась и отправилась к чёрту на кулички, в Лесное, я так понимаю, просто туда никто из парней ехать не захотел. – Она замолчала. – Ты думаешь, это просто? Быть женщиной – главным инженером в маленьком управлении, где начальник у тебя – толстый наглый боров из партийных хозяйственников, который путает откос с обочиной и ничего не умеет, не знает и ничего не хочет знать, кроме того, как угождать начальству и жрать водку. И разговаривает с тобой через губу. А сослуживцы пишут на тебя клеветы, потому что ты заняла чьё-то место и вообще стараешься сделать всё правильно, а не как они привыкли и как им удобно. И когда к тебе относятся по-хамски и даже не скрывают этого, потому что ты одна с высшим образованием и пытаешься что-то изменить в этом бардаке, где у них все уже схвачено и устроено. Управление дохлое, техника старая. А когда какое-то ЧП, то начальник сразу уходит на больничный, и тебя будят ночью, потому что занесло дорогу к какому-то Перехляю или где-то провалился мост. Нет ни друзей, ни знакомых. Там была одна девочка – учительница, молодой специалист, преподавала иностранные языки, так она через полгода просто с отчаяния вышла замуж за местного комсомольского деятеля. Он был бурят или тувинец, я так и не научилась их различать. А в командировках мне приходилось ночевать на вокзале, потому что в гостинице мест нет. Приезжаешь в областное управление – там все только требуют отчёты, сметы, планы, графики, и ни одна собака даже не расскажет, как это всё делать. Это сейчас для меня проблем нет, а тогда... И в выходные – хоть волком вой, делать нечего, одно развлечение – сходить в баню и печку белить. В общем, через год моё терпение кончилось. Я взяла отпуск и, как только появилась возможность, уехала, сразу сказала, что не вернусь. Мне, правда, пригрозили, что с прокуратурой отыщут.

– А почему вернулась?
 – Лето я провела дома и даже работу нашла, но отчим у меня коммунист, такой правильный. В общем, уговорил меня. Я полетела назад. В Иркутске была пересадка, но рейс отменили из-за погоды. Пошла гулять по городу и на улице Декабрьских событий забрела в ГипродорНИИ. Они меня взяли. Дали оклад сто десять рублей и койку в общежитии. Сначала после Лесного жизнь мне показалась раем и город понравился. Я даже не писала никому, кроме тебя.

– Да, я удивился, получив письмо из Иркутска.

– Зиму я вытерпела, а весной захотелось на волю. Это не для меня. Тупо сидеть целый день в кабинете, чертить на миллиметровке бесконечные поперечники, считать объёмы по таблицам, уходить и приходить по звонку, слушать эти женские разговоры. Не знаю, как ты можешь. И я опять пошла искать работу. Предложили главным инженером в Слюдянку. В августе я туда переехала и тебе написала. Что я тебе рассказываю, сам всё знаешь.

– Да, я удивился, получив письмо из Иркутска.

– Зиму я вытерпела, а весной захотелось на волю. Это не для меня. Тупо сидеть целый день в кабинете, чертить на миллиметровке бесконечные поперечники, считать объёмы по таблицам, уходить и приходить по звонку, слушать эти женские разговоры. Не знаю, как ты можешь. И я опять пошла искать работу. Предложили главным инженером в Слюдянку. В августе я туда переехала и тебе написала. Что я тебе рассказываю, сам всё знаешь.

– Твоё письмо в части меня уже не застало. Я когда демобилизовался, то потом из дома написал тебе в Иркутск до востребования, как договаривались, но тебя там уже не было.

– Твоё письмо в Иркутске меня дождалось. Я приехала в командировку и на всякий случай зашла на главпочтамт. Однако пора ехать, хватит воспоминаний.

Они сели в машину и выехали на трассу. И теперь, сидя рядом с ней, Никита вспомнил как,

пробыв неделю дома, решил разыскать её и поездом доехал до Красноярска, дальше у него билета не было. Переполненный вокзал, жуткая давка в кассе. Какие-то потные мужики, толстые женщины, цыгане – все лезли вперёд, толкались, хватили за одежду и орал. Он пробился к заветному окошку, но всё бесполезно, билетов на восток не было. Когда вылез из очереди, не только рубашка, но и брюки на нём были насквозь мокрыми. Никита вышел на крыльцо, злой и опустошённый, перед ним был вечерний чужой город, где у него ни родных, ни знакомых. Было ощущение безнадёжности. Словно кто-то свыше не хочет, чтобы это случилось, и ставит невидимую преграду, которую ему не преодолеть. Ночевать в переполненном вокзале, опять давиться в кассе и ждать неизвестно чего сил уже не было. Поздно вечером на почтовом поезде он уехал обратно. Он никому об этом не рассказывал, но всегда помнил, и сейчас ему было больно и стыдно.

Минут через пятнадцать они подъехали к деревне и остановились у большого деревянного дома с высоким крыльцом, который стоял за высокими деревьями в стороне от дороги.

– Пойдём, сейчас я тебя хоть чаем напою. Тут совхозная столовая, готовят без всяких изысков, но пирожки и хлеб у них просто замечательные.

Они поднялись на крыльцо. Слева был вход в магазин, который находился в этом же доме, направо – столовая. В столовой было всего четыре столика и вкусно, совсем по-домашнему, пахло кухней.

– Иди садись, я сейчас всё организую.

Никита сел за квадратный столик у окна, накрытый полотняной скатертью. Надежда вернулась с подносом, на нём – два гранёных стакана с чаем и тарелка с большими, пышными пирожками.

– Пирожки с картошкой и с капустой, я не знаю, что ты любишь. Всё горячее.

Душистый горячий чай и пирожки действительно показались ему необыкновенно вкусными.

– Ну как? – спросила Надежда.

– Замечательно, я таких пирогов, наверное, никогда не пробовал, да и чай какой-то необычный.

– Это правда. Весь секрет, видимо, в воде, потому что дома у меня такой чай не получается, хотя я всё по их рецепту делала.

– Увлекаешься кулинарией?

– Совсем нет. У меня Сашка даже лучше готовит. А когда вы демобилизовались?

– Мы с Кириллом – в конце июля. Из Читы сразу улетели в Новосибирск, а оттуда разъехались по домам. Твоё письмо Серёжа переслал мне домой, но оно и там меня не застало, я уже уехал искать работу. Почему ты сразу тогда не написала мне домой?

– Да с этими переездами я потеряла книжку со всеми адресами.

– В общем, твои письма я получил только в конце октября, когда вернулся с поля.

– Я думала, что ты на Новый год приедешь, а ты в декабре написал, что собираешься жениться. Спасибо, хоть сказал честно, не пудрил девушке мозги, – сказала она, глядя в окно.

– Так получилось, прости, – ему было горько, теперь все слова были лишними. Он замолчал и почувствовал, что краснеет.

Они допили чай.

– Хочешь ещё?

– Нет, спасибо.

Надежда отнесла посуду, вернулась и села напротив, и он увидел, что настроение у неё опять переменялось.

– А хочешь, я расскажу, как всё было на самом деле. Хотя ты и романтик, а история-то самая банальная. Пришёл из армии, устроился на работу, новые люди, новые впечатления. Поехал на изыскания. Партия была небольшая. И погода хороша, и девушка симпатичная, хоть чуть постарше и сама инициативу проявляла. Рассказала какую-нибудь трогательную историю. А ты её жалел, ты ведь любишь всех жалеть. Ты и меня жалел, я ведь твои письма помню. А потом оказалось, что она ждёт ребёнка, и ты, как честный человек, на ней женился. Ты знаешь, я вот смотрю на тебя и всё думаю, чего в тебе не хватает? Вроде и парень ты неглупый, интеллект, и воспитанный, и даже топор держать умеешь, но нет в тебе какой-то жизненной энергии, решительности. Всё боишься кого-нибудь обидеть. Вот так и будешь всех жалеть и под всех подстраиваться. Ты не обижайся, пожалуйста. Тебе этого никто не скажет, кроме меня.

Никита молчал и старался не подавать вида, что ему неприятно. Ведь всё, что она говорила, в сущности, было правдой, и он уже много раз думал об этом, и на самом деле всё казалось ему ещё хуже, чем она говорила. Действительно, девушка была на два года старше, и всё как-то случилось само собой. Отец её тоже геолог, работал начальником отдела, а мать была каким-то мелким райкомовским начальником, и, как все мелкие начальники, была преисполнена чрезвычай-

ной важности. Это она организовала переход их в Гражданпроект, с тем чтобы решить квартирный вопрос. Первые два года они жили с её родителями, это было для него мучительно. А ещё существовали его мама и бабушка, которые были частью его жизни. Но теперь они жили в другом городе, виделись редко, и из-за этого он всё время чувствовал себя перед ними виноватым. Потом появился сын, которого он любил и с которым теперь проводил почти всё свободное время, это почему-то вызывало раздражение у жены. А её он действительно больше жалел, чем любил, и всё ненароком боялся обидеть. Внешне всё было нормально: квартира, интересная работа, сын. И вместе с тем жило ощущение, что всё лучшее уже позади, что что-то важное упущено. Какие-то неясные мечты, непонятные надежды и ожидание чего-то, что должно состояться, но не состоялось, да, наверное, так никогда и не состоится.

— Так вот, друг мой Никита, только меня жалеть не надо, я несчастной никогда не была и не буду, не дождёшься. У меня всё хорошо. Да, Саша не такой интеллектуал, как ты, и не читал Джойса и Кафку, не отличит Ван Гога от Гогена, хотя я водила его по музеям, ну и что? Но руки у него приделаны как надо, кстати, на гитаре играет лучше тебя. И в доме он хозяин. Да, я его выучила, он техникум окончил и теперь главный механик в управлении Сельхозхимии. Я всегда могу на него положиться. Конечно, ему тут не нравится, скучает без Байкала. Нет тайги, охоты, рыбалки, да ещё жена-начальник, всё время на работе. Всё хочет вернуться.

— И ты с ним поедешь?

— Конечно. И не потому, что мне здесь плохо, просто так надо, так должно быть. Да и потом, иногда устаёшь за всех всё решать.

— И это говоришь ты, которая всегда всё делала по-своему? Прямо не верится.

— А я и не собираюсь тебя убеждать. Ты одного понять не можешь, время идёт и всё меняется. Это тебя заклинило на том времени, но ты не мальчик уже, который сочинял песенки и пел их под гитару. То время прошло.

— Да, наверное. И всё-таки не жалко всё бросать?

— Во-первых, мы ещё никуда не уезжаем, во-вторых, я не боюсь начинать, а в-третьих, у нас сын и у него должен быть отец. Это тебя женщины воспитали, и ничего хорошего из этого не вышло. Не научили тебя быть счастливым. Я хочу, чтобы мой сын вырос настоящим мужчиной и был счастлив. А ты сидишь в своей проектной конторе среди... — она встала и пошла к выходу.

Они вернулись к машине, Никита сел на заднее сиденье.

— Ты что, обиделся? — она повернулась к нему.

— Я проводил тебя, вернулся в общежитие и зашёл в нашу комнату, она была наполнена золотистым светом, а ты этого не увидела...

— Никита, не надо, прошу тебя, — сказала она и подумала: «Неужели ты не понимаешь, всегда такой чуткий и деликатный, что делаешь мне больно. Этого не повторить». — Прости, пожалуйста, но я думаю, что это даже хорошо, что случилось так, как случилось. И никто тут не виноват. Всё твои комплексы, колебания, сомнения, неуверенность. Это ведь заразная штука. Вот и меня ты уже почти заразил своей ностальгией. Ты сам не замечаешь, как влияешь на людей. Не удивлюсь, что твоя жена уже стала пессимисткой.

— Наверное, ты права, — сказал он после длинной паузы. — Пусть так, и я действительно всегда хотел и хочу, чтобы у тебя всё было хорошо, лучше, чем могло бы быть. Во всяком случае надеюсь, — он говорил неуверенно, сбивчиво, нужные слова никак не находились.

— Спокойная совесть — порождение дьявола, — она усмехнулась, — кто это сказал? Мы всю жизнь выбираем, или нас выбирают. Но это выбор между двумя чёрными ящиками, можно открыть левый, а можно правый, но что нас после этого ждёт, неизвестно.

— Согласен, мы всё пишем набело. Ничего нельзя зачеркнуть и начать сначала.

— А хотелось бы?

— Теперь не знаю. Сначала я думал о том, что могло бы быть, а потом стал думать о том, что было.

— А я об этом не думаю. Всё ушло, сгладилось, забылось, боль утихла. Другие заботы: дом, работа, сын. Есть сегодня, я не живу прошлым. Оно само по себе, а ты всё бродишь под гулками сводами воспоминаний. Собираешь какие-то встречи, переписываешься...

— Что ж в этом плохого?

— Это иллюзия, ты сам себя обманываешь. Ты хочешь вернуть время, пытаешься опять пережить то волнение и те чувства, но это невозможно. Время идёт только в одну сторону. Да и ты сам уже другой, разве нет? Зачем всё это?..

Выехав за деревню, Надежда остановила машину и села рядом с ним на заднее сиденье. Ей вдруг показалось, что он всё тот же мальчик, её друг Никита, который помогал делать курсовые, давал списывать конспекты, спасал на экзаменах, играл для неё в пустом зале на рас-

строенном пианино и тихо ревновал её, когда на вечерах она танцевала с другими.

— Какие мы с тобой были глупые. Неужели ты действительно думаешь, что я ничего не помню? — сказала она и тут же пожалела, что вырвалась эта последняя фраза. И сделала жест рукой ото лба вверх-вправо, который он так хорошо знал.

Никите показалось, что время остановилось или, вернее, просто сжалось до одного короткого мига, нет ни прошлого, ни будущего. Он прижал её к себе, мягкие волосы коснулись его щеки.

Волнения, праздники, поздравления — всё осталось позади, и надо было привыкать к новому своему состоянию. Цель, к которой они шли пять лет, была достигнута, и стало как-то пусто. Это было время прощаний, но им ещё не верилось, что они расстанутся навсегда. Общежитие пустело. Никита и ещё восемь ребят, которые по распределению уходили в Советскую армию, ждали оформления документов. Надя оставалась, потому что обещала Татьяне быть свидетелем у неё на свадьбе, назначенной на двадцать пятое. Все эти дни Никита с Надей были вместе. Отправляли по почте лишние вещи, ходили в кино, долго гуляли, много разговаривали, целовались и старались не переступить ту тонкую грань, которая их ещё разделяла. Им просто было хорошо вдвоём.

В ЗАГСе свидетелем со стороны жениха был молоденький лейтенант, и вокруг толпились ребята в форме. Настроение у Никиты сразу испортилось.

Свадьбу праздновали в пригороде, на родине жениха. Никита решил, что после ЗАГСа Надежда уедет на машине вместе с родителями невесты, и, ни с кем не прощаясь, незаметно вышел на улицу. Но Надежда догнала его, не дав пройти и десяти шагов.

— Даже не вздумай!

Взяла его под руку, и они пешком пошли на автостанцию.

— Ну что, мой друг Никита, приуныл? Это же твои товарищи по оружию, смотри какие brave ребята. Им двадцать пять лет служить, а тебе только два года, и они не унывают. Где же твои «ирония и жалость»?

— Видимо, осталась одна жалость.

Пока они шли до автостанции, а потом ехали в автобусе, Никита успокоился.

Когда они пришли, веселье было в разгаре, их заставили выпить по штрафному бокалу шампан-

ского. Они прочитали поздравление, как делали это не раз на других студенческих свадьбах, но которое здесь было, наверное, совсем не к месту, и Надежда сразу пошла танцевать. Никита знал эту её особенность — всегда быть в центре внимания. На свадьбе в основном были родственники и друзья жениха, курсанты медицинской академии, его школьные приятели и приятельницы, а со стороны невесты были только её отец и Надежда с Никитой. Среди незнакомых людей Никита окончательно стухевался. Он сидел за столом с какими-то родственниками, отвечал на вопросы и смотрел на Надежду, весёлую среди пёстрой, шумной толпы. Высокая, стройная, в простой белой блузке и чёрной юбке, она выглядела эффектной всех девушек в ярких нарядах. Она танцевала, смеясь, называла курсантов фельдшерами и акушерами, и они не обижались, ему было немного обидно, что она не обращает на него никакого внимания и танцует не с ним. Потом какая-то женщина повела его осматривать усадьбу. В сарае был большой сеновал, и Никита сказал, что всегда мечтал переночевать на сеновале. В ответ она засмеялась, близко придвинувшись к нему, сказала, что это можно устроить, но появилась Надежда и увела его с собой. Заиграло танго, которое ему так нравилось, и они пошли танцевать, но их танец длился недолго, бравый лейтенант оттолкнул его. Никита, злясь на Надю и на эту свадьбу, где он чувствовал себя не в своей тарелке, вернулся к столу, во главе которого сидели уже утомлённые молодые. Опять закричали «горько», и какой-то мужчина начал наливать ему водки. От водки Никита отказался, за пять лет в институте он её пить так и не научился, тогда откуда-то появился стакан с золотистым напитком. Никита подумал, что это вино, но когда выпил, почувствовал сладкий запах каких-то трав, и сразу приятно загло внутри. Они выпили за здоровье жениха и невесты и за их славное будущее. Непонятно как он очутился на сеновале, а проснувшись, увидел звёзды. Откуда-то доносилась музыка, и вдруг совсем близко возникло лицо Нади. Он подумал, что это сон.

— Друг мой Никита, что же ты? Не сердись, мой милый, всё будет хорошо! — Она поцеловала его, и он снова уснул.

Проснувшись, Никита умылся у колодца, где на перекладине висело чистое полотенце. Вода была ледяная. Несмотря на рань, женщины уже хлопотали на кухне. Он выпил стакан чая и, чтобы никому не мешать, спустился к реке. Трава была мокрая от росы, над водой в лучах ещё

низкого солнца клубился лёгкий туман. В толще чистой воды колыхались водоросли. Всё пространство было наполнено каким-то прозрачным золотистым светом, и свет этот был тишиной. Чьи-то тёплые руки закрыли ему глаза.

– Надя, – обернулся, обнял и поцеловал её. – Это был не сон, ты приходила ко мне.

– Да, мой Отелло, но, слава богу, ты меня не задушил, а ведь хотел, сознайся.

– Конечно... – он хотел продолжить, но не смог, так как они опять начали целоваться.

Они уехали первым автобусом, а потом в общежитии собрали своих однокурсников, тех, кто ещё не успел уехать, ведь у них была целая сумка продуктов со свадебного стола. Появились вино и гитара, и они опять пели, шутили и смеялись, понимая, что это уже, наверное, в последний раз. Никита вызвал Надежду в коридор. Они потихоньку ушли и долго без всякой цели бродили по городу, а потом оказались в маленьком Доме культуры и снова смотрели фильм «Мужчина и женщина». Это был длинный июньский день, и, когда они вышли из кино, ещё не стемнело. Теперь на пустынной улице для них звучала музыка Франсиса Лея. В коридоре у двери её комнаты они поцеловались.

– Останься, – прошептала она.

Горячая волна захлестнула и унесла их обоих туда, где нет ни времени, ни пространства, где мгновение превращается в вечность, а вечность в мгновение, где не нужны слова, где мешаются тьма и свет, где вчера становится завтра. Теперь они – одно целое, и узкая металлическая кровать была для них огромной. Сполохи трамвайной дуги освещали потолок комнаты, раздвигая её пространство до бесконечности. Вселенная принадлежала им и была их домом.

Когда совсем рассвело, она захотела пить. Он встал, налил полстакана тёплой воды из графина и напоил её, придерживая голову, словно она была больная.

– А теперь иди, а то я совсем тебя замучаю, – сказала Надя улыбаясь.

И хотя ему совсем не хотелось уходить, он ушёл.

В полдень они опять встретились. Вещи были уже собраны. Чемодан, потрёпанный рюкзак, с которым она ходила в походы и ездила в колхоз, и чёрный портфель стояли у пустой кровати. Они спустились и в последний раз вместе пообедали в столовой, потом поехали на пристань.

Белая «Ракета» уже стояла у дебаркадера. Они не стали спускаться туда, где толпился на-

род, а сели на скамейку на набережной, ожидая, когда объявят посадку.

– Ну вот и всё, друг мой Никита, ты будешь меня помнить, – сказала она, взяв его за руку.

Он обнял её и почувствовал, как сжалось сердце. Солнце стояло ещё высоко, внизу перед ними блестела река, и тёплый ветер гнал белые кудрявые облачка. Объявили посадку. Он подал ей на борт вещи, они попрощались.

Никита вдруг почувствовал, что по лицу у неё текут слёзы.

– Милая моя Ада, – сказал он, целуя её мокрое лицо. Это было её тайное детское имя, так называл он её только в ту ночь. – Милая моя.

Теперь они сидели на заднем сиденье машины. Волна нежности и какой-то светлой грусти нахлынула и комом подступила к горлу. И ему захотелось сказать обо всём, что он чувствует, а потом просто взять и увезти её с собой и начать всё сначала где-нибудь в маленьком домике на берегу моря, в горах или тайге, как они мечтали в ту ночь. Но тут же понял, что это невозможно, как бы им этого ни хотелось, и даже говорить об этом нельзя.

Далеко у самого горизонта серое небо вдруг разорвалось, в этот просвет хлынуло солнце, освещая далёкий лес на холме, и бурая трава на полях преобразилась, словно по ней прошла золотая кисть живописца.

– Почему так всё с нами случилось?

– Не знаю, милый. Наверно, так должно быть, и давай не будем ни о чём жалеть, – она улыбнулась.

Они не стали возвращаться, а проехали ещё пять километров и остановились там, где в отдалении виднелась железнодорожная платформа. Надя обняла его и прошептала на ухо:

– Прощай, друг мой Никита. Спасибо, что ты есть, и спасибо, что меня нашёл.

Он хотел поцеловать её, но она отстранилась.

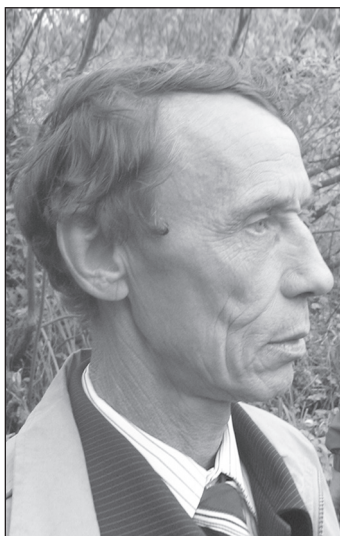
– Не надо меня помнить, я освобождаю тебя от этого. И обещаю тебе, что больше не будешь оглядываться.

Он выбрался из машины и пошёл по узенькой тропинке к платформе, а когда поднялся по шаткой деревянной лестнице, оглянулся. Машины не было.

Часы, висевшие на опоре контактной сети, которая как-то совсем не на месте стояла – посредине платформы, показывали без двадцати одиннадцать.

Дорогой Виктор Анатольевич, поздравляем тебя,
замечательного русского поэта, постоянного автора
нашего журнала, с 65-летием!
Здоровья тебе и творчества!

Виктор КОВРИЖНЫХ АНГЕЛ ТРУДА

* * *

Тихо вздрогнуть от шорохов дня,
замерев у речного обрыва,
будто кто-то окликнул меня
из покоев, где зреет крапива.

Из каких он пристанищ возник,
отогретый дыханием зноя, –
не пристроенный памятью миг,
овладев неожиданно мною?

Видно, нам разминуться нельзя
над рекой, где задумчивы ивы.
Смотрят пристально чьи-то глаза
сквозь зелёное пламя крапивы,

сквозь меня без особых примет.
Только сердце тревожно так бьётся,
словно видит неведомый свет,
что при жизни узнать не придётся.

КУДЕСНИКОВ ГРИША

А по улице нашей дома – теремки!
Мезонины, балконы, терраски!
Блещут солнцем на крышах резные коньки,
на наличниках – яркие краски!

В каждом доме: достаток, уют, чистота,
и дворы – в образцовом порядке.
В крепких прибранных стайках скотинка сыта,
и прополоты вовремя грядки.

А Кудесников Гриша в избушке живёт.
День-деньской крутит музыку Гриша.
Лебеда во дворе, в огороде – осот,
трын-трава – на душе и на крыше.

Ах, позорит всю улицу Гришин хором!
Ни стыда у владельца, ни страха.
Осуждают соседи, грозит исполком
покарать неразумного штрафом.

Ни семьи у него, ни забот, ни хлопот.
Заведёт радиолу и важный
на пороге сидит и про Мурку поёт
и плюёт на зажиточных граждан.

И судьбою доволен... Беспечный чудак,
всех бродячих собак привечает.
Ловит рыбку в реке, кормит рыбкой собак,
и собаки его уважают...

Покосилась ограда, провис потолок,
бродит ветер по голой избёнке.
Под окошком у Гриши растёт тополёк
как свеча перед тёмной иконкой...

КОВРИЖНЫХ Виктор Анатольевич родился в 1952 году в посёлке Старобачаты Беловского района. Служил в армии. Работал на разрезе, электросварщиком, машинистом железнодорожного крана, составителем поездов. Сейчас – начальник караула в пожарно-спасательной части. Публиковался в журналах: «Смена», «Наш современник», «Рабоче-крестьянский корреспондент» (Москва), «Бег» (Санкт-Петербург), «Литературный свят» (Болгария), «Сибирские огни» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), «Барнаул», «Начало века» (Томск), «Бийский вестник» (Бийск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), альманахах «Поэзия» и «Истоки» (Москва). Автор поэтических сборников «Я, наверно, родился не зря...», «Непонятно, куда мы спешим...», «Зелёная дудка», «По токовинской дороге» и «Избранное время». Член Союза писателей России. Живёт в селе Старобачаты Беловского района.

АНГЕЛ ТРУДА

*Своего я отыскивал бога
вечерами за Лысой горой.
Уводила в туманы дорога,
будоража неясной тоской.*

*Мне мерещились вещие знаки,
чей-то голос спускался с высот.
Я за голосом крался во мраке
и записывал речи в блокнот.*

*Но однажды, когда я в пределах
этих шлялся, растаял туман.
И две женщины – в чёрном и белом –
привели, указали на кран.*

*Он стоял у карьерной дробильни –
ни величья, ни Бога следа.
И я понял: его не любили
ни хозяин, ни ангел труда.*

*Рычаги его к сердцу приблизил,
но инструкциям всем вопреки
пел зелёною дудкою дизель,
откликались в стреле огоньки.*

*И свистел производственный ветер,
вторя лязгу тросов и колёс.
– Есть здесь промысел горного света?
Не ответил никто на вопрос...*

ЗАБРОШЕННЫЕ ИЗБЫ

*Заросло, опустело, поблёкло,
Голоса заблудились вдали.
Горбылём заколочены окна,
Чтобы в душу смотреть не могли.*

*От досужих уйдя разговоров,
Утомлённый неясной виной,
Снова молча пройду вдоль заборов –
Чьи-то тени плетутся за мной.*

*И под взглядом людской укоризны
К невозвратной реке давних дней
Поведу за собой эти избы,
Как ослепших шахтовых коней*.*

* Когда отработавших в угольных забоях свой срок шахтовых коней подымали на-гора, они слепли при дневном свете.

ГЕНЕРАЛ

*Он говорил: «Я генерал!»
Мол, мой портрет – в музее.
А сам окурки подбирал,
в лицо дышал портвейном.*

*Он говорил, что знает толк
в балете, медицине.
А сам – в затасканном пальто
и в сапогах-резине.*

*Мы с ним брели по мостовой,
он мне твердил побаски:
мол, ствол у пушки боевой
длиной до Красноярска.*

*«Зачем ты врёшь?! – ему кричу. –
К чему враньё такое?!»
А он в ответ: «Я рак лечу
морковною ботвою».*

*...Он умер осенью. Кусты,
в почётном карауле,
роняли скорбные листы
на тротуары улиц.*

*Я сапоги его забрал,
стучусь в чужие двери.
Всем говорю: «Я генерал!»
Смеются, но не верят...*

ЗАХЛЕБНУТСЯ ПОСЛЕДНИЕ БИТВЫ...

Когда пробьёт последний час Природы...

Ф. Тютчев

*Захлебнутся последние битвы,
и проступят сквозь гибельный свет
изваяньем дежурной молитвы
берега остановленных лет.*

*В небесах растворится дорога,
в вечный холод раскроется дверь.
Коль такого придумали Бога,
прозревайте, живите теперь.*

*Только там, где мы жили и были,
просквозит во вселенской тоске:
– Нет, не те мы слова говорили
и совсем не на том языке...*

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА

За Токовой, за Чухтинским болотом –
хвойное небо в сырой полумгле.
Там обитает кудесник Могота
с тайной последней на этой земле.
Странный и жуткий, живёт нелюдимо,
веды и клады скрывает в лесах.
Очи налитаны горечью дыма,
брезжат в тени его холод и страх.

«Где ж эта даль, что меня будоражит,
сладкою болью томится в груди?»
Жители молча на север укажут,
тихо добавят: «Туда не ходи...».

Словно я вышел из времени круга –
голос зелёный за березняком,
в зное густом перелеска и луга
взоры полудниц прошьют сквозняком.

Тайна судьбы или вещая птица
в зарослях диких, где плачет вода?
Имя своё обретя, растворится
и не вернётся уже никогда.

Что ж я гляжу в деревенскую память,
сердце неволя, печали глаза?..
Тихое тайны колеблется пламя,
блики и тени сквозят в образа...

НОЧЬ ГОГОЛЯ

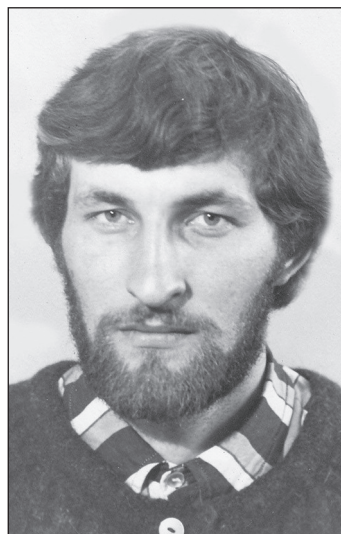
Смотрел на свечу и бумагу,
как воск на подсвечник течёт...
И вот из глухого оврага
явился с чернильницей чёрт.
Но следом торжественно-строго
Надмирный прорезался Свет,
который горит раз в сто лет,
чтоб сердцем прозреть перед Богом –
восторга, печали и гнева...
И чёрт, осознавши сюжет,
не загораживал неба,
чтоб виден был Божеский Свет.
Задумались травы и реки,
и всадник над степью взлетел
и, подняв набрякшие веки,
вгляделся в грядущий предел.
Вздыхал за деревьями ветер
из горьких полынных теней.
– Что видишь ты там, за столетьем?
– Я смерти не вижу своей...

**Игорь
ФРОЛОВ**

АНТ

Рассказ

(В основу рассказа положены реальные события)

В ноябре 1976 года по окончании действительной службы, которую проходил в Свердловском спортивном клубе армии, я приехал на Камчатку к матери, в поселок Мильково, где, будучи в отличной физической форме, устроился на работу в бригаду плотников, занимающуюся строительством домов из бруса. От дома до работы было довольно далеко, поэтому проживал я в трёхэтажном рабочем общежитии с полуподвалом, где мне выделили отдельную комнату.

Как-то вечером, засидевшись до поздней ночи за решением задач по высшей математике, вдруг спиной почувствовал чей-то пристальный взгляд. Я невольно обернулся и посмотрел на окно, которое было расположено низко от земли. В открытую форточку просунулась морда огромной белой собаки, всё же больше похожей на волка, чем на собаку. Я подумал: «Зима, может быть, зверь голодный». И дал животному кусок варёного мяса. Зверь аккуратно принял пищу из моих рук и удалился.

В очередной выходной день я поднялся на рассвете, намереваясь уйти на лыжах как можно дальше в горы по свежему насту, пока солнце не уничтожит его. Я уже пересёк открытое поле, как вдруг увидел на опушке своего ночного гостя. То, что это был он, сомнений не было.

87

Я замер, поражённый его красотой. Освещённый восходящим солнцем, передо мной стоял в стойке готовности огромный, мускулистый белый пес. Ничего подобного мне не доводилось встречать ни в живой природе, ни в произведениях искусства: гордо поднятая голова на крепкой, мощной шее, широкая грудная клетка, ноги длинные, живота не видно, хвост опущен, линии тела плавные и стремительные. Под коротким, удивительно ровным и густым шерстяным покровом угадывались узлы его мышц, без грамма лишнего жира.

Всё в нём было настолько пропорционально и гармонично, что казалось, будто это искусственно созданное идеальное животное, только что вышедшее из-под резца его создателя.

Пёс стоял не шелохнувшись и, похоже, так же внимательно изучал меня. Он был неопределённой породы, какая-то невероятная смесь: огромное тело – от сторожевой, морда и шерсть – от немецкой овчарки, белый окрас отдалённо напоминал сибирскую лайку, а пронзительные глаза сочетали в себе одновременно взгляд умного человека и дикого волка. У меня невольно промелькнула мысль: «Это мутант!» Я так и назвал его мысленно – Мутант, но потом сократил для удобства произношения до короткого Ант.

Немного полюбовавшись им, я двинулся дальше в лес. Ант отбежал на несколько метров в сторону от меня и, так как я ему, видимо, тоже понравился, побежал параллельным курсом, не

ФРОЛОВ Игорь Иванович родился на Камчатке, в посёлке Мильково, в 1952 году, затем уехал с родителями в город Новоалтайск Алтайского края. Высшее образование получил в Омске. Входил в состав сборной юниоров России по волейболу. Работал в вузах на кафедре физвоспитания, бурильщиком в Заполярье. Сейчас – тренер Легкоатлетического манежа. С 1977 года живёт в Кемерове.

приближаясь ко мне. Только к полудню, когда я остановился перекусить, Ант решился сократить дистанцию. Я разогрел на костре изрядный кусок оленины, предусмотрительно прихваченный мною из дома, разрезал его пополам и решил дать псу мясо из своих рук. Ант осторожно подошёл, аккуратно прихватил зубами еду, но не отбежал в сторону, как я ожидал, а пристроился почти рядом со мной у костра.

Тут-то я и понял, что именно насторожило подсознательно меня при первом знакомстве с животным: вокруг шеи, на груди и плечах его шерсть была немного темнее по цвету. Это был, без сомнения, след от собачьей упряжки. Складывалось такое впечатление, будто пёс, долгое время проработавший в ездовой упряжке, вдруг по каким-то причинам оказался на воле и вот уже много месяцев, а возможно, и год, живёт без дома и без хозяина, неся на себе отметину бывшей трудовой жизни.

И на меня вдруг лавиной накатились воспоминания детства, неудержимо, без всякой последовательности. Я вспоминал, с каким восторгом мы, мелюзга, бегали встречать своих отцов, возвращавшихся с охоты на собачьих упряжках, и как распряжённые, утомленные долгим и трудным путём собаки накидывались на еду, а насытившись, устраивались на отдых. Некоторые животные не могли сразу есть: у одних оказывались разбитыми лапы, у других на теле были сильные потёртости от упряжи, третьи просто валились от чрезмерной усталости... И мы, дети, подносили им еду, не боясь, что псы нас покусают.

В годы моего детства родители содержали собачью упряжку – одну на две семьи, совместно с соседом Соколовым, тогда ещё не старым человеком. Вспомнилось мне, как взрослые учили нас управлять упряжкой и проводить её по глубокому снегу. Иногда родители просто усаживали нас в нарты, чтобы покатать. Восторгом и радости не было предела! По вечерам детвора слушала рассказы взрослых о происшествиях во время их пути и охоты, о том, как застала пурга и как, пережидая многодневные метели, люди ложились среди собак, чтобы не замёрзнуть. Мы слушали эти рассказы, затаив дыхание, и были горды за своих отцов. Мы любили наших собак, помогавших человеку в борьбе с суровой природой.

Но постепенно мои мысли обратились к реальности. По возвращении в родной посёлок Мильково после почти двадцатилетнего проживания на материке я обнаружил большие изменения и в жизни посёлка, и в самих людях. Память

четырёх-шестилетнего ребёнка вела меня по местности точно. Я узнавал и в то же время не узнавал знакомые места. Кое-где вместо старых жилищ были построены двух-трёхэтажные благоустроенные дома. Годом раньше в посёлке поставили ретрансляционную вышку – и у людей появились телевизоры. Машины давно и надёжно заменили лошадей и собачьи упряжки, не оставляя шансов на конкуренцию с ними. Проложенные хорошие автотрассы и найденные полезные ископаемые позволили посёлку изрядно отстроиться и увеличиться в размерах. Да, технический прогресс пришёл в отдалённые районы Камчатки и дал людям возможность жить лучше и легче!

Но наряду с этими радующими глаз изменениями я обнаружил и другие, удручающие меня. Лес далеко отступил под натиском техники, зверя стало гораздо меньше, тот небольшой приток реки Камчатки, где мы малышами ловили рыбу, был просто засыпан землёй и хламом. Из-за того, что в Камчатской долине лес вырубili в больших объёмах, посёлок начал подвергаться частым и сильным ветрам. Рыбы в реке стало меньше, хотя во времена моего детства её добывали много больше, а она не убывала. Мне показалось, что я что-то потерял, да и не только я. Что-то ушло и продолжает уходить из нашей жизни безвозвратно.

Сидя так и размышляя о судьбе родного края, я вдруг почувствовал толчок в плечо. Оглянувшись, я встретился взглядом с Антом. Мне показалось, что в его умных, проницательных глазах тоже отражались воспоминания, связанные с его прежней, неведомой для меня жизнью. И в этот миг между нами зародилось удивительное взаимопонимание, подтверждённое дальнейшей нашей дружбой.

Возвращались мы с Антом уже как старые друзья. Огромный пёс всё время убежал вперёд и снова возвращался, а я всю дорогу восхищался им. В движении он был ещё великолепней, чем в статике. Каждый его шаг был наполнен стремительностью и силой. В его упругом и гибком теле чувствовалась уверенность, он, несомненно, был прирождённым вожакom упряжки. Ант проводил меня до опушки леса, где мы с ним сегодня встретились, и дальше я пошёл один.

На следующий вечер я решил зайти к старому камчадалу* Фёдору Шишкину, работавшему

* Камчадалы – в XVIII веке наименование коренного населения Камчатки – ительменов, позднее – потомков ительменов, коряков и чуванцев, слившихся с русскими, и потомков русских переселенцев XVIII–XIX веков.

вместе со мной плотником. Он был давнишним другом нашей семьи. Во время Великой Отечественной войны Фёдор вместе с моим отцом воевал с японцами на военных кораблях в районе Камчатки. Я хотел выяснить у него, есть ли ещё у кого в долине ездовые собаки. В ответ старик поведал мне историю о печальной участи последней собачьей упряжки в нашем посёлке, которая была также и последней упряжкой во всей Камчатской долине:

– Жил здесь с давних времён дед Соколов, крепкий, кряжистый старик. Детей у него не было, и после смерти жены он жил один, другую семью заводить не захотел. Он-то и держал собак, не признавая другого транспорта, кроме нарт. Много неприятностей пришлось претерпеть старику из-за своих собак. Где кого ни покусает, всё винили деда, хотя он своих собак на привязи держал – всех, кроме вожака. Деда оставили в покое лишь после того, как он однажды одному лесорубу жизнь спас – вовремя по бездорожью его до больницы доставил. Не окажись в то время деда Соколова с собаками на стане, умер бы человек.

Дед нередко ребятишек по посёлку на собаках катал или вблизи посёлка, да и взрослые не прочь были прокатиться. Упряжка у него была сильная, дед на ней далеко уходил. Часто к корякам ездил, дружбу с ними водил. Особенно хорош у него был вожак. Вот, я тебе скажу, пёс был! – Фёдор от удовольствия зажмурился и, немного помолчав, продолжил: – Всем псам пёс! Дед его Грантом звал.

И, к моему удивлению, он в точности описал моего нового друга Анта.

– Дед его у моряков в Петропавловске-Камчатском ещё щенком взял. Сам выкормил и вылечил. Пёс смело шёл на любого зверя, хорошо след брал и в упряжке дисциплину держал железную. Он один упряжил всей собачьей стаей.

Как-то пошли мы на медведя вдвоём с дедом Соколовым, – продолжал Фёдор. – Дед трёх своих собак взял, тех, что покрепче были. Среди них и белый пёс был. Вышли мы по переного*, чтобы след медведя не терять. Думали, быстро справимся, да проходили за косолапым целый день. К обеду уж и снег растаял, и мы с дедом Соколовым собрались возвращаться, а Грант всё же след взял и повёл нас. К вечеру нагнали мы большого медведя в распадке. Собаки первые его обнаружили и кинулись с ходу в бой.

Двух собак медведь сразу порешил – они спереди нападали. Одну собаку он переломил, а второй брюхо распорол, а белый-то пёс с камня, к которому медведь прижался, сверху в загривок вцепился мёртвой хваткой и не отпускал, пока мы не подошли и дед его свистом не отозвал. Я всю жизнь с собаками возился, а такого, чтобы из драки пса командой вызвать, не видывал. Вот так благодаря этому псу мы и добыли медведя.

– А где этот дед сейчас? – спросил я Шишкина.

– Дед-то умер год назад, – отвечал грустно Фёдор. – Пошёл на рыбалку да случайно в полынью угодил, простудился сильно. Месяца два пролежал и скончался. Говорят, что из воды его тогда Грант вытащил. Дед ему ремень успел бросить, Грант его зубами ухватил и держал, пока дед не вылез на лёд. После смерти Соколова всех его собак забрала живодёрня. Приехали двое вооружённых на вездеходе и прямо на привязи били собак во дворе из винтовок, скидывая их потом в машину. Особой-то ценности собаки не представляли, кроме вожака, но после первого же выстрела вожак, который тоже был на привязи, сорвался и, сбив с ног одного из стрелявших, убежал со двора...

Камчадал немного помолчал и продолжал:

– Видел потом я этого пса один раз на кладбище, у могилы своего хозяина, да он людей-то к себе не подпускал: не доверял людям после того случая.

– А долго вожак в упряжке ходил? – спросил я Фёдора.

– Года три, не больше.

Так прояснилось для меня прошлое и моего нового друга, и деда Соколова, которого я помнил ещё с детства.

Теперь почти каждую ночь Ант прибегал к моему окну, но, получив свою порцию юколы (сушёной рыбы), не исчезал. Мы подолгу с ним беседовали. Удивительно, но он оказался отличным собеседником! Он был умный, как человек, по мимике лица понимал людей и мгновенно реагировал.

Иногда Ант пропадал дня на два, но после этого наши встречи были ещё приятней. Я выходил на улицу и провожал его за деревню, но пёс снова доводил меня до общежития и убегал только после того, как я выключал свет. Появляться в посёлке днём и заходить ко мне в комнату Ант отказывался наотрез.

Бывали дни, когда пёс ездил с бригадой плотников, в которой я работал, на строитель-

* Перенога (местн.) – чистый снег без следов.

ный объект и просиживал около нас всю рабочую смену. Обычно нас доставляли на работу в кузове автомашины «ЗИЛ-130», которая шла с приличной скоростью – шестьдесят километров в час. И вот однажды, когда ЗИЛ уже набрал необходимую скорость, к нам в кузов через высокий борт, подобно ракете, влетел взъерошенный Ант и дальше ехал как равноправный член бригады. Когда это «влетание» произошло в первый раз, то все рабочие буквально остолбенели от подобного циркового трюка, и хотя Ант повторял его с завидной регулярностью, привыкнуть к таким заскокам в ЗИЛ было почти невозможно.

Он вытворял невероятные трюки, как будто прошёл какой-то специальный тренинг. Однажды, отправляясь на работу, я ненароком пересел из кузова в кабину, но Ант, почуяв это каким-то неведомым для меня образом, догнал нашу машину и на полной скорости ЗИЛа запрыгнул ко мне в кабину через открытое окно кузова. Как это он проделал при его огромном весе и росте, объяснить не смог бы никто.

В нашей бригаде он пользовался заслуженным авторитетом, да и не только в бригаде. Все жители посёлка знали, что пёс спас деда Соколова из полыньи. За это Анта люди и уважали, и он, чувствуя это всеобщее уважение, гордо держал своё пёсье достоинство.

По субботам и воскресеньям мы бродили с Антом вместе по лесу, уходили в горы. Бывали случаи, что он притаскивал к моему костру пойманного им зайца, но я отдавал добычу обратно.

Мы с Антом наслаждались уникальной природой этого края: реликтовыми голубыми елями, каменной берёзой, панорамой сопки. Нам встречались лисы, соболя, чёрные белки... Во время прогулок Ант начинал преследовать любого встречного зверя и тут же возвращался обратно. Соболь и лиса старались быстро спрятаться, а белки проявляли безрассудное любопытство. Они на Камчатке почти такие же, как и везде: и кисточки на ушах, и хвост удивительно пушистый, а вот цвет меха... На материке я нигде не встречал такого необычного окраса: чёрный бархат по всему телу и только грудка белая, их называли чернухами. Мы с Антом любили за ними наблюдать. Грациозность белок в перепрыгивании с ветки на ветку и их полёт с дерева на дерева – что может быть увлекательнее этого зрелища!

В одну из наших лыжных прогулок в сопки с нами, а точнее со мной, случилось событие, чуть не стоившее мне жизни. Мы с Антом уже доволь-

но высоко поднялись в горы, прошли границу леса, как вдруг мелькнула лиса. Он кинулся, как всегда, преследовать добычу, а я стоял и любовался видом на долину, на наш посёлок, черневший далеко внизу. День был солнечный, настроение радостное. И я от избытка чувств громко закричал: «А-а-а-а!» – и выстрелил вверх...

Последнее, что запомнилось после совершённого безрассудства, это то, как я, оглянувшись на какой-то шелест, вдруг увидел, как на меня с нависшей надо мной скалы летит спрессованный в глыбу снег. Далее последовал сокрушительный удар, и после этого... пустота – никаких чувств и мыслей...

Очнулся я от сильной боли в спине. Кто-то усердно пыхтел над моим ухом и трепал меня за воротник. Это был Ант. Он нашёл меня под полуметровым слоем снега, откопал и старался вытащить оттуда. Я с трудом вылез из-под обвала и ещё часа два лежал, потом сидел, приходя в чувство от удара в спину, прежде чем двинуться в обратный путь.

Мне невероятно повезло в тот день: большой снежный обвал прошёл в стороне от нас. Кое-как к полуночи мы с Антом добрались до посёлка. Долго ещё потом у меня болела спина, но, видимо, повезло мне ещё и в том, что ком снега оказался не таким уж большим. После этого случая я ещё больше привязался к своему другу, но не находил способа, как его отблагодарить.

Многие в посёлке уже знали, что я часто брожу вместе с Антом по окрестностям, и считали его моей собственностью. Ко мне неоднократно приходили незнакомые люди и предлагали за него деньги. Это были простые охотники, егеря или предприимчивые браконьеры, искатели больших барышей. От них не было покоя всему живому ни в лесу, ни на реке. Охотнадзор и рыбнадзор не могли с ними справиться. Браконьеры понимали, что, имея такого пса, можно поймать колоссальное количество лесного зверя и птицы и прилично заработать. Мне с этими людьми приходилось разговаривать грубо и даже очень грубо.

Никто из них дважды ко мне не обращался, кроме одного, плюгавенького мужичонки по кличке Чомба. Он был небольшого роста, сухощавый, голова чуть больше, чем полагалось бы для его тела, а может, это так казалось из-за копны его неухоженных, всклокоченных волос. Лицо – типичное для народностей Севера: широкие скулы,

глаза маленькие и узкие. Можно было сказать, что он коряк, если бы люди не знали, что он не местный, а приехал с материка. Ноги кривые, при ходьбе он раскачивался из стороны в сторону, но при этом ходил изрядно быстро. На лице Чомбы было вечное выражение злорадства, даже когда он улыбался. В посёлке его знали как медвежатника и браконьера. Он очень метко стрелял из ружья, хорошо знал повадки медведей, и поэтому они часто попадались в его капканы. Казалось, что охотой на них, этих гигантов среди всех российских медведей, и победами над ними он старается оправдать своё существование на земле. Слишком уж он был неказист и уродлив в сравнении с красавцем зверем! Знаменитыми в посёлке были и два его кобеля: здоровые, даже могучие, с квадратными тупыми мордами, они казались какими-то корявыми, по виду напоминая своего хозяина, но были очень сильные.

Никто не знал, почему Чомбу так прозвали и кто первый дал ему эту кличку, как не знали и его настоящего имени. Вполне возможно, что получил он её из-за тех мерзких представлений, которые устраивал со своими кобелями во дворе своего дома. Сначала Чомба ловил где-нибудь кошку и приносил будущую жертву в дом. Потом созывал незнакомых людей, обещая показать им интересное представление, и во дворе выпускал кошку перед собаками. Охотничьи кобели моментально налетали и разрывали своими мощными челюстями несчастное животное, пытавшееся спастись бегством. Люди негодующе ругались и уходили прочь, а Чомба улыбался, получив наслаждение от содеянного, ведь жестокость и злорадство были постоянным его душевным состоянием. И вот этот мерзкий тип решил завладеть моим другом Антом.

Чомба три раза приходил ко мне с предложением о покупке пса. Два раза я его выгонял, а на третий раз пришлось применить к нему силу. Его азиатское упрямство в данном случае натолкнулось на мою азиатскую вспыльчивость.

С тех пор ко мне никто не приходил с подобными предложениями. Я знал, что на Анта безуспешно пытались охотиться многие из тех браконьеров, которые торговали моего друга у меня. При исключительной осторожности Анта, при его силе и ловкости подобные мероприятия было практически невозможно осуществить. Ант не имел постоянного места жительства и постоянных маршрутов. Доходило даже до курьёзов. Бывало, охотники, включая здешнего егеря Мо-

розова, просиживали целые ночи в засаде, поджидая Анта из леса, а он появлялся вдруг с другой стороны и с интересом наблюдал за ними. И если охотники его обнаруживали, то он быстро исчезал. В этом смысле я был спокоен за Анта, тем более что его хотели поймать непременно живым и невредимым. Мысль уничтожить этого красавца и в голову никому не приходила. В конце концов все отказались от идеи заполучить его, поняв, видимо, что Анта им не перехитрить и что я его в обиду не дам.

Все, кроме Чомбы. Он особенно изощрялся в поимке Анта, придумывая всевозможные уловки: расставлял сети, маскировал ямы, готовил приманки, но ничего не помогало. Обо всех его подлых проделках мне рассказывали знакомые охотники. Когда все ухищрения Чомбы не дали результата, он стал ставить на моего пса медвежьи капканы весом по пятнадцать килограммов, намереваясь, видимо, просто изувечить пса. Меня это известие просто взбесило: ведь любой из них запросто мог перебить ногу даже взрослому человеку, не говоря уж о собаке. В ярости я отправился к Чомбе домой. Когда вошёл к нему, у меня мгновенно возникло желание скорее уйти или разнести его мерзкую конуру. Внутри всё было грязное, пропахшее прогорклым медвежьим жиром. В доме – полумрак, берлога у медведя и то чище, одно слово – нечеловеческое жильё. Я негодующе предупредил Чомбу о том, что знаю о его капканах на моего Анта, пообещал большие неприятности, если хоть один из них сработает, и быстро вышел. В ответ я услышал злорадный смех: «А кто докажет, что это мои капканы?»

Однако разговоры о его капканах скоро стихли: может быть, Чомба их уже не ставил, а может быть, Ант их ловко обходил.

Вскоре наступили весенние оттепели, и мы прекратили свои дальние походы. Я-то на лыжах ещё мог идти, но Ант постоянно проваливался в снег, как только на солнце исчезал наст. Теперь субботу и воскресенье мы с ним проводили на рыбалке недалеко от посёлка. Уха на свежем воздухе из камчатских гольчиков удивительно вкусна! По вечерам Ант по-прежнему прибегал к моему общежитию, если я не выходил на берег реки за посёлок.

Однажды, когда снег уже почти весь растаял, Ант внезапно исчез. Я встревожился и искал его три вечера подряд. Думая самое худшее, я хотел уже идти к Чомбе и измолотить его... Но на чет-

вёртые сутки ко мне неожиданно пожаловал необычный гость, гроза местных браконьеров егерь Морозов, человек огромного роста, широкоплечий, добрый по своей натуре. Ввалившись в мою комнату, он загремел басом: «Посади своего кобеля на цепь, не то я его пристрелю как бездомного!» Его довольно приятное лицо выражало сейчас какую-то странную, непонятную пока мне решимость. Я попросил его объяснить, в чём, собственно, дело. И Морозов, уже менее воинственно, рассказал, что его овчарка Найда сбежала от него во время обхода по лесу. Сначала он думал, что она вернулась домой, а когда пришёл, то обнаружил, что собаки там нет. Найда не появлялась дома несколько дней. Морозов думал уже, что её убили браконьеры. А сегодня он встретил Чомбу, и тот сказал ему, что видел в лесу его овчарку вместе с Антом.

Я обрадовался такому известию, что Ант жив и с ним ничего не случилось, и стал уверять Морозова, что его Найда никуда не денется. Но он перебил меня и стал раздражённо объяснять, что хотел случить свою породистую немецкую овчарку с не менее породистым кобелём, а тут в дело вмешался Ант и всё испортил. Мне оставалось, смеясь в душе, посочувствовать на словах его «горю». Очень уж расстроенным было лицо у Морозова!

Недели через две Найда действительно вернулась к своему хозяину, а мы с Антом возобновили наши встречи. Он прибегал к моему общежитию, а я подкармливал его чем мог. Ант, несомненно, нуждался в этом, так как пришёл с лесного гулянья изрядно похудевшим. Шерсть на его теле торчала клочьями – он скидывал зимнюю шубу.

К началу лета мой пёс был снова в форме. Он много охотился для пропитания, а вечером перекусывал у меня. Ант весь вылинял, новый его покров был чуть темнее зимнего, но такой ровный, будто он только что вышел из парикмахерской.

Прогулки наши удлинились и по времени, и по расстоянию. Мы получали большое наслаждение от окружающего нас пробудившегося после зимней спячки животного и растительного мира и оттого, что мы вместе. И не подозревали, что наша дружба так скоро и так трагически оборвётся.

Я понимал, что долго такие отношения между мной и Антом продолжаться не могут. Попытки людей поймать его, покушения Чомбы, мои

объяснения с егерем Морозовым – это не просто частные, не связанные между собой случаи.

Ант жил вблизи людей. Значит, косвенно или непосредственно он влиял на их жизнь, и поэтому они не оставят его в покое.

Держать его на привязи я не мог. Наша дружба была основана на взаимной свободе. Не вмешиваясь в жизненное пространство друг друга, мы общались с ним как равные. Ограничь я свободу Анта – и наши бескорыстные отношения рассеялись бы, как туман.

Такие мысли всё чаще приходили ко мне, но выхода из сложившейся ситуации я не находил. Я думал, что со временем Ант привыкнет ко мне и людям и сможет жить у меня в комнате без привязи. И вот тогда я смогу его защитить от любых посягательств. Но этому не суждено было сбыться.

В одно из июньских воскресений я рыбачил на берегу реки Камчатки. Ант был со мной. Резвился, убегая в лес, и снова прибегал за очередной порцией рыбы или просто сидел рядом и наблюдал. По берегу в нескольких десятках метров друг от друга сидели местные рыбаки. Иногда они перекидывались парой слов и снова затихали.

Вдруг я услышал за спиной злобное рычание. Оглянувшись, я увидел вдалеке Анта со вздыбившейся на загривке шерстью, припавшего к земле, готового к прыжку. Прямо на него неслись два здоровенных пса Чомбы с квадратными мордами. Сам медвежатник стоял на краю поляны и со злорадным удовольствием наблюдал за происходящим.

Мне показалось, что эти звери с ходу разорвут моего друга, а я ничем не смогу помочь ему.

Дальнейшие события развивались с такой стремительностью, что никто из наблюдавших рыбаков не успел не только двинуться с места, но даже слово сказать.

После молниеносного столкновения с псами Чомбы Ант большим прыжком отскочил в сторону. Один из псов от неожиданности покатился, не удержавшись на ногах. Второй кобель затормозил и вновь кинулся на Анта, но уже не с такой скоростью. Между ними завязалась схватка, и сразу же в борьбу вступил первый пёс Чомбы. Всё переплелось в невообразимом клубке. Из-за разной окраски собак казалось, что клубок был пёстрым, мелькали открытые пасти, мускулистые тела, лапы...

Всем, кто наблюдал за этой схваткой, было ясно, что против двух собак Ант не устоит. У Чом-

бы на лице появилась самодовольная улыбка. Мне даже показалось, что он намеревался сесть на траву для удобства наблюдения и в предвкушении победы своих псов.

Вдруг из этого клубка выскочил Ант, испачканный кровью, видно было разорванное правое плечо. Ант рванулся к лесу. У меня вырвался вздох облегчения: догнать его не могла ни одна собака. Но радость моя была преждевременной: я ещё не видел в деле собак Чомбы. Они кинулись вдогонку, и одна из них неслась, почти не отставая от Анта, вторая отстала далеко, так как у неё была сильно повреждена задняя лапа.

Я видел, как улыбка медленно сползла с лица Чомбы, и он остался стоять, так и не успев присесть.

Пробежав метров сорок, Ант неожиданно повернулся, припал к земле и яростно кинулся снизу на приблизившегося врага. По инерции они покатились по траве, а когда остановились, то встал только Ант – с окровавленной пастью. Тело пса Чомбы ещё дергалось в конвульсиях – Ант вырвал ему горло. Не останавливаясь, он бросился на второго приближающегося врага. Со всего разбега Ант ударил его грудью и в одну секунду ударом клыка порвал ему сонную артерию. Пёс Чомбы жалобно заскулил, издыхая, а Ант стоял, готовый к новому нападению.

Никто из очевидцев не ожидал такого исхода боя. Я побежал к своему другу и на бегу увидел, как Чомба, с перекошенным от злости лицом, це-

лится из ружья прямо в Анта. Я метнулся к медвежатнику, но время будто остановилось. Мне казалось, что я бегу в какой-то патоке, вязкой, мешающей движению... Я понимал, что не успеваю...

Всё было как во сне. Чомба успел выстрелить. И в тот же момент я сбил его с ног и, пробежав по нему, кинулся к Анту. Я мельком видел, как Ант после выстрела сделал большой прыжок и скрылся в кустах. У меня мелькнула робкая надежда: вдруг Чомба промазал?

В кустах Анта не было, а на траве атели следы крови, которые вели в глухой лес. Я двинулся по следу. Через несколько шагов кровавый след стал обильней...

Нашёл я Анта под вывороченным корнем, издыхающим. В его груди зияла большая сквозная рана от пули, предназначенной для медведя. Через полчаса Анта не стало.

Я просидел возле него до вечера, не зная, что делать. В голове, груди была пустота, во всём теле ощущалась неимоверная тяжесть. Потом с трудом выкопал ножом яму среди корней, под большим деревом, и в ней похоронил своего друга.

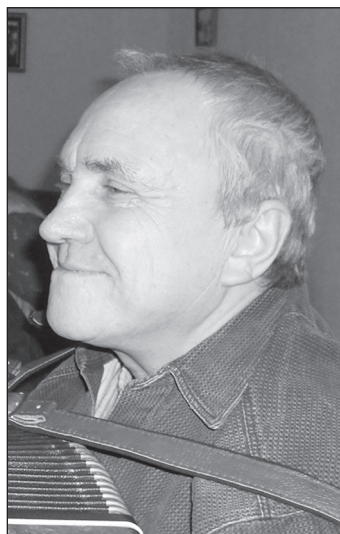
В посёлок я вернулся только утром и опомнился у дома Чомбы, когда люди уже шли на работу и стали меня окликать...

Р. С. После этого случая Чомба исчез неизвестно куда, и никто в посёлке его больше не видел.

Сергей
ЧЕРНОПЯТОВ

И ВЕСНА В РУЧЬЯХ
ЗВЕНЕЛА

МОЕЙ ПЕРВОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЕ

Я маме выдал свой секрет,
Когда сам дважды стал родитель,
Что в школе я, в свои семь лет,
Впервые Женщину увидел.

Не за стиральной доской,
Не с чугуном и не с ухватом,
Не в бигуди, в глазах с тоской,
В халате стареньком, помятом.

Из книг ли вышла не спеша,
Из детских сказочных картинок?
От трона ль царского сошла
Походкой с грацией старинной?

В волос короне золотой,
В бордовом платье строгом с брошью,
Погладив ласковой рукой,
Произнесла: «Пиши, Серёжа».

И я писал иль делал вид,
Что ставлю палочки с наклоном,
А темя до сих пор хранит
Тепло той царственной ладони...

* * *

Я сам себе юным приснился,
И память стыдом обожгла,
Как я на бабулю сердился
За то, что к двери долго шла!

Больною ногой запинаясь
О старенький половичок,
Свой слух никудашным ругая,
Она поднимала крючок.

Сказала с любовью и болью,
С любовью, что вся для внучат:
«Случится, что я не открою,
Как долго бы ты ни стучал».

Сейчас бы я полз, как Мересьев,
Чтоб детства загладить вину!
Сейчас бы машину Уэллса,
Хотя бы на десять минут!

В тот день и в тот век не вернуться,
Но мне бы лишь миг той поры...
Чтоб в бабушкин фартук уткнуться,
Так долго идущей к двери.

ВСТРЕЧА ОДНОКЛАССНИКОВ

В прошлом веке, в столетье великом
Наш учитель любил задавать
Сочинение после каникул,
Как легко его было писать.

Вот и ныне голов поседелых
Не спасёт юбилейный обед.
На доске педагог вывел мелом:
«Тема: «Как я провёл сорок лет».

97

ЗАПОЗДАЛАЯ ПОКУПКА

Несмотря на то что больно
За бюджет, в котором брешь,
Мне штаны купила Оля –
Производства Бангладеш!

Я блаженствую, ликую
У примерочной в плену!
Там в джинсину голубую
Ногу старую воткну,
И в карман ладонь пристрою,
В профиль на себя взгляну,
Незнакомому ковбою
В зазеркалье подмигну!

Мне б сейчас на танцы выйти,
С плеч стряхнув лет сорок пять!
Как мечтал в таком прикиде
Я шизгару танцевать!

Где ж вы, юности подруги?
Ведь на мне такая вещь,
Все в заклёпках ярких брюки
Производства Бангладеш.

* * *

Над рекою дом из сруба.
На чердак я лезу с книжкой,
А под вечер танцы в клубе
И медляк с девчонкой рыжей.

Той, которую в сениях
Целовал так неумело...
Было лето в наше время,
И весна в ручьях звенела.

КИНО ПРО ИНДЕЙЦЕВ

Гойко Митичу

Экран. И прерии простор,
И на коне, прославленный,
С ружьём летит во весь опор
Любимец Югославии!

Он просигналит издали,
Тревожной крикнув птицею,
Чтобы вигвамы не сожгли
Койоты бледнолицые.

В борьбу поднимет, окрылит
Скупую речью меткою:
«Прогоним чужаков с земли,
Завещанной нам предками!».

Мы победить опять смогли!
Бегут вспять волки белые,
И алчность корчится в пыли,
Настигнутая стрелами.

Кино! Как всё в нём розово,
А в жизни могиканина –
Горят «вигвамы» в Косово
Огнями незкранными.

**Татьяна
ПОПОВА**

ОНА СПЕШИЛА ЖИТЬ

5 октября этого года безвременно ушла из жизни Татьяна Валерьевна Попова. Ей было всего 37 лет.

Татьяна – автор поэтических книг: «Закоулки души» (2010), «На перекрёстке времён» (2011), «Любовь добра» (2011), «Родное пространство» (2012), «Бусы» (2013), «Путь к себе» (2013), «Грёзы о лете» (2015), «Любви бесценные уроки», совместно с Натальей Гордок (2015), «Ход конём» (2017), а также прозаической книги «Языковые параллели. По следам утраченного смысла» (2015).

Она окончила Кемеровский педагогический колледж, затем Кемеровский госуниверситет по специальности «филолог, преподаватель, переводчик с английского и французского языков».

Её участие в жизни литературного клуба «Слово» при Областной научной библиотеке имени В. Д. Фёдорова и потом при Доме литераторов Кузбасса имело большое значение для ценителей поэзии. Члены клуба никогда не забудут эту умную, удивительную женщину, которая проявила себя не только как автор, но и как редактор стихов, помогая другим увидеть их произведения в книгах, газетах, журналах.

Её уход для нас – невосполнимая потеря! Татьяна всегда будет с нами в своих стихах...

* * *

Я болею стихами, они мне уснуть не дают...

Ирина Кузнецова

*Я болею стихами: читаю стихи непрестанно,
Я читаю великих и новых, безвестных поэтов.
Я читаю их в книгах, журналах, а также с экрана,
Пред компьютером сидя, на сайте СП*

в Интернете.

*Я болею стихами: читаю стихи где угодно,
Я ищу упоенье в пульсации ритма и рифмы.
Я болею стихами, пусть это сейчас старомодно,
Натыкаюсь на прозу подчас, как корабль*

на рифы.

*Стихотворные образы стали моим
наваждением,*

Я стихами больна и не жажду от них излечения!

* * *

Двое влюблённых – по улице – мимо...

Лица влюблённых так неповторимы!

Неповторимы – их взгляды и нежность,

Неповторимы – их счастья безбрежность.

Двое влюблённых – по улице – мимо...

Прежде мне было так невыносимо

Видеть их счастье (что я не имела) –

С завистью вслед я влюблённым глядела.

Время пришло – я изведала счастье

Неповторимой бушующей страсти!

И на влюблённых смотрю с пониманием,

Ими люблюсь теперь с ликованием.

* * *

Всё не так, как у людей,
 Всё не так в судьбе моей!
 Но такое уж случай:
 Мужа нет, и нет детей –
 Всё не так, как у людей!
 Но сомненье мучит:
 Всё не так, как у людей, –
 Всё намного лучше!!!

ПРОТИВ ВЕТРА

Поймать неуловимое,
 Коснуться пустоты,
 Отдать необходимое,
 Но только не мечты.
 Уйти на дно небесное,
 Из радости – в тоску,
 Найти беду чудесною,
 А в счастье – скукотию.
 Смотреть в необозримое
 Сквозь сомкнутые веки,
 Сказать невыразимое,
 Застыть недвижно в беге...
 Кружиться под мелодию,
 Что тишина напела,
 Творить свою историю
 Отчаянно-несмело.
 Махнуть рукою на успех
 И думать о запретном,
 Стараясь не идти, как все,
 А только против ветра!

НЕЧАЯННАЯ ГОСТЬЯ

Придёт – не спросит разрешенья –
 К тебе любовь:
 В далёком прошлом приглашенье,
 Твой страстный зов.

Придёт, когда ты очень занят, –
 «Не до того!»
 Придёт, когда мечта увянет,
 Уйдёт на дно.

Она приходит так внезапно –
 Всегда врасплох!
 И улетаёт безвозвратно,
 Не в дверь – в окно.

И кажется: была ли гостья?
 Простыл и след...
 Но недопитый чай и острый –
 Нож на столе!

Была, выходит... Погостила –
 Ушла не к нам.
 И тосты без неё постылы,
 И пуст стакан...

97

МОИ ЧАСЫ

Мои часы показывают время
 Для покаяния, молитвы и прощенья.
 Надеюсь, что они не отстают
 И верно мне показывают путь,

Как компас, что не позволяет сбиться
 С дороги, – стрелка компаса стремится
 Всегда на север; там её магнит, –
 Так и меня любовь к себе манит.

Любовь есть Бог, Он не прощает фальши,
 А значит, мне идти всё дальше, дальше,
 До полной идентичности с собой,
 Чтоб обрести в гармонии покой.

Руслана ЛЯШЕВА

БОРЬБА ЗА НАСЛЕДИЕ НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА

Почти военное эссе

Настоящая литература живёт современностью и одновременно в большом историческом масштабе; образная мысль поэта ли, прозаика ли (или летописца?) естественно и легко сшивает веки нескольких веков и эпох, заставляя читателей почувствовать себя путниками. Ещё бы! Под ногами твёрдый грунт проторённой дороги цивилизации. Моменты такого открытия обрушиваются на человека как божественное откровение и наподобие молнии освещают сознание истиной. Молния, вспыхнув, исчезает, но остаётся уверенность в своей причастности к исторической жизни народа. Такой потрясающий момент я пережила наемдн.

Первая мировая. Забытая война

Меня поначалу столетие Первой мировой войны, хотя весь 2014 год юбилей был на слуху, глубоко не задевало. Вторая мировая – другое дело: отец погиб, два старших брата успели повоевать. Это было как бы на всю жизнь «в крови», в памяти. Сама я – человек сугубо гражданский и военнообязанной была совсем недолго. В студенческие годы на журфаке МГУ на военной подготовке из ребят готовили пропагандистов для работы против врага, а из нас, девчат, – медсестёр. После университета нас как-то бы-

стренько отчислили из запаса. Оно и понятно! Из медицинских познаний в извилинах сохранилась только студенческая байка: «Что делать во время ядерной атаки?.. Надо завернуться в белую простынь и медленно ползти в сторону кладбища».

О Первой мировой у меня «в запасе» даже и байки не было. Но всё случается неожиданно.

Недавно возле станции метро «Таганская» я проходила по Яузской улице и напротив театра Николая Губенко увидела книжный магазин зарубежья (рядом с центром вдовы Александра Солженицына) и, конечно, туда заглянула. Книгу В. И. Вернадского «Биосфера и ноосфера» (М.: Айрис-пресс, 2013) я не удержалась и купила. Но настоящей наградой за любопытство стала повесть Николая Гумилёва «Записки кавалериста» (Первая мировая. М.: Аст, 2014). Давно слышала и мечтала о ней, но книга не шла мне в руки. И вдруг – удача!

Дома, естественно, погрузилась в чтение прозы «ярчайшего представителя поэзии Серебряного века», как поименовали Гумилёва в аннотации; попутно вытягивала с книжных полок на стол все книги – его и о нём, чтобы по ходу черпать из них полезную информацию.

Поскольку я принесла из магазина две книги, то имена поэта Гумилёва и геолога Вернадского произвольно соотнеслись и объединились в небольшую концепцию. Вернадский родился в 1863 году, а Гумилёв – в 1886 году; поэт младше учёного на 23 года. Однако поэт завершает классическую эпоху русской культуры (Серебряный век – как раз её завершающая сцена) с её романтикой первопроходцев-конквистадоров и капитанов: «Как будто наш мир не открыт до конца!». Вот и начало знаменитого стихотворения:

*Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.*

Открывает книгу стихотворение «Путь конквистадора», в следующем за этим герой тоже воодушевлён прекрасной грёзой:

ЛЯШЕВА Руслана Петровна родилась в Петропавловске (Казахстан) в 1943 году. Окончила факультет журналистики МГУ и аспирантуру Литературного института им. А. М. Горького. Автор книг «Без лапши», «Актуальность старого», «Достоевский и Сартр», «Точка бифуркации», «Кентавр на берегу вселенной» и др. Активно выступает с критическими исследованиями в центральной периодике. Публикуется в журнале «Огни Кузбасса». Кандидат филологических наук. Член общественного совета «Литературного меридиана». Живёт в Москве.

Но я приду с мечом своим.
Владеет им не гном!
Я буду вихрем грозовым,
И громом, и огнём!
Я тайны выпытаю их,
Все тайны дивных снов,
И заключу в короткий стих,
В оправу звонких слов...
...С тобою встретим мы зарю,
Наутро я уйду,
И на прощанье подарю
Добытую звезду.

Старший современник поэта – Вернадский (казалось бы, вопреки логике) открывал новую эпоху в русской культуре, получившую позднее название «космизм»: К. Циолковский, Н. Фёдоров, А. Чижевский, В. Вернадский и Л. Гумилёв (сын поэта Лев Николаевич Гумилёв). Романтика новых реформаторов воплотилась в образах, устремлённых в высоту (космонавты), в небо или в глубину, но не морей, а познания (появились новые разделы науки – биосфера, экология, этнология и др.).

«Записки кавалериста» печатались в 1915–1916 годах в газете «Биржевые новости», в разгар Первой мировой войны, когда на Юго-Западном фронте совершался Брусиловский прорыв (поэт и публицист Александр Бобров так и назвал свою книгу (М.: Вече, 2014). Можно предположить, что поэт присылал репортажи с Северо-Западного фронта, и газета их регулярно печатала. Сегодня повесть Гумилёва называли бы «лейтенантской прозой», потому что ей сродни книги фронтовиков Второй мировой Юрия Бондарева, Виктора Астафьева и других.

За подробностями о жизни Николая Гумилёва я обратилась к воспоминаниям его современников (Н. С. Гумилёв: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Николая Гумилёва в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2000. Серия «Русский путь»). Обнаружилось такое разногласие! О Серебряном веке (двуликий, дескать, величие и распад Отечества пророчит) и о его лидере, вожде Гумилёве.

Противоположные точки зрения на личность главы акмеистов, создателя «цеха поэтов», высказали В. М. Жирмунский и сын художника-портретиста К. Е. Маковского – поэт, критик и издатель Сергей Маковский.

Маковский за маской героя увидел обычного лирика: «Внимательно перечитав Гумилёва и вспоминая о нашем восьмилетнем дружном сотрудничестве, я ещё раз убедился, что настоящий Гумилёв – вовсе не конквистадор, дерзкий завоеватель Божьего мира, певец земной красоты, то есть не тот, кому поверило большинство читателей, особенно после того, как он был убит большевиками. Этим героическим образом и до «Октября» заслонялся Гумилёв-лирик, мечтатель, по сущности своей романтически-скорбный (несмотря на словесные бубны и кимвалы), всю жизнь не принимавший жизнь такой, какая она есть. <...> Гумилёв хотел видеть себя «рыцарем счастья». Полное развенчание героя и низведение его до облика слабака-лирика.

В. Жирмунский говорит об ином: «муза Гумилёва – это «Муза дальних странствий». «Но действительно до конца, – утверждает Жирмунский, – муза Гумилёва нашла себя в «военных» стихах. Эти стрелы в «Колчане» – самые острые». Здесь прямая, простая и напряжённая мужественность поэта создала себе самое достойное и подходящее выражение. Война как серьёзное, строгое и святое дело, в котором вся сила отдельной души, вся ценность напряжённой человеческой воли открывается перед лицом смерти. Глубокое религиозное чувство сопутствует поэту при исполнении воинского долга:

*И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы ясны и крылаты
За плечами воинов видны.*

Нельзя не согласиться с оценкой Жирмунского, нельзя не отвергнуть мнение Маковского как недоразумение (или глупость?). Читая «Записки кавалериста», видишь такое потрясающее самообладание у кавалериста и поэта Николая Гумилёва, что не можешь им не восхищаться. Настоящий «конквистадор»!

Вечер в ЦДЛ. Зал переполнен

9 октября 2014 года Бюро пропаганды художественной литературы СП России в Большом зале ЦДЛ провело вечер из цикла «Книга на передовой Первой мировой войны»: «НА ВОЙНУ УХОДИЛ ЭШЕЛОН. К 100-летию Первой мировой войны». Зал был переполнен, хотя мероприятие по просьбе писателей проводилось второй раз. Кадры кинохроники чередовались со стиха-

ми и романсами той поры, собравшиеся встречали их то горестными вздохами, то одобрительными возгласами: «Браво!». Мы увидели Блока в военной форме и, конечно, Гумилёва; услышали реплику Бунина, с которой нельзя было не согласиться, дескать, жаль, что дети и внуки уже не увидят России, предшествовавшей Первой мировой... Действительно, русская цивилизация, которую воссоздавали документальные фильмы и стихи, песни, звуки музыки (популярного тогда марша Василия Агапкина «Прощание славянки») и воспоминания, была такая родная, прекрасная и в чём-то иная...

Прозвучало на вечере в ЦДЛ и стихотворение «Война» Николая Гумилёва, процитированное В. Жирмунским для доказательства мужества поэта. Приведём стихотворение полностью, оно очень важное для трактовки творчества «кавалериста» Северо-Западного фронта.

М. М. Чичагову

*Как собака на цепи тяжёлой,
Тявкает за лесом пулемёт,
И жужжат шрапнели, словно пчёлы,
Собирая ярко-красный мёд.*

*А «ура» вдали – как будто пенье
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это – мирное селенье
В самый благостный из вечеров.*

*И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.*

*Тружеников, медленно идущих,
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.*

*Как у тех, что гнутся над сохою,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца перед Тобою
Восковыми свечками горят.*

*Но тому, о Господи, и силы,
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет: «Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!».*

23 декабря 1914 г.

Гумилёва расстреляли в 1921 году, ему было 35 лет. И даже по этому стихотворению, написанному в начале войны, виден наметившийся в творчестве поэта поворот «от темы природы к теме души» (удачная, считаю, типология А. А. Ревякиной о поэзии начала XX века), другими словами, от поэтики акмеизма к чему-то иному, может быть, к поэтике народно-православной?

В сущности, о Гумилёве можно сказать словами Лермонтова, в год столетия которого началась Первая мировая война, а в год столетия со дня смерти – Вторая мировая:

*В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я – или Бог – или никто!*

Кому продолжать традицию Серебряного века?

Вероятно, так всегда и бывает: от нового века ждут чего-то нового, то есть обновления. Не потому ли на рубеже веков любимым эпитетом становится слово «новый»? Так, нынче вспыхнули споры о «новом реализме» (и ещё не окончились, см.: Литературная Россия. 2014. № 40), не меньшую популярность приобрёл и термин «новая драма» (театр «Практика» в Москве – его основная сцена). И так далее!

Но погрузившись в чтение литературных новинок столетней давности, а также споров о них в последующих воспоминаниях об авторах, так и видишь мелькание знакомого словца: «новый», «новая», «новые»... То есть «новая поэзия» (символизм, акмеизм, модернизм и футуризм), новое искусство («Голубая роза», «Бубновый валет») и вообще «новая эпоха».

Только в чём-то новизна вековой давности и нынешняя схожи. Каждый день я слышу на «Радио России» сообщения о чудесах, явленных «ясновидящими», и призывы последних к обременённым печалью звонить «прямо сейчас» («звоночек бесплатный», а на приём идти лучше с полным кошельком). Невольно о «звоночке бесплатном» к «ясновидящим» вспомнишь, наткнувшись в старом журнале «Весы» (Москва. 1908. № 1), на 110-й странице, в перечне новых книг (в рубрике «Научные сочинения»): «Труды первого всероссийского съезда спиритуалистов

в Москве» (М., 1907. Ц. 3 р.). Непроизвольно воскликнешь: «Ничто не ново под луной!»

И даже разговоры сейчас звучат о войне, пока, слава Богу, о «холодной». Вот афоризм Михаила Делягина: «В условиях, когда России объявлена холодная война, понятно, что тут уже не до делового климата» (Завтра. 2014. № 39).

Но вернёмся к стихотворению «Война» Гумилёва, к этому подталкивают две свежие публикации о современной поэзии. Одна из них принадлежит Дмитрию Филиппову – статья «Ленинградская поэтическая школа»: *pro et contra*» (Литературная газета. 2014. № 37). В Ленинграде, где в середине XX века обосновал свою концепцию Филиппов, сформировалось поэтическое направление, названное впоследствии «ленинградской поэтической школой». Во всём «виновата Ахматова», шутил Филиппов, Анна Андреевна, мол, «пролила масло акмеизма, и молодые поэты, птенцы её кружка, поскользнулись». К птенцам Ахматовой он причислил Иосифа Бродского, Елену Шварц, Виктора Кривулина, Сергея Стратановского, Анатолия Наймана, Александра Кушнера, Евгения Рейна. В основном, как мы видим, это теперешние авторы журнала «Знамя» и «Новой газеты». Филиппов в данном направлении выделяет младших и старших и пускается в другие подробности их характеристики. Но меня интересует вопрос: имеют ли «птенцы» Анны Андреевны Ахматовой какое-то отношение к Николаю Степановичу Гумилёву? По-моему, нет! Стихотворение «Война», намечавшее фольклорно-православное развитие поэзии Гумилёва после окончания Первой мировой войны, совершенно не согласуется с тематикой «Знамени» и «Новой газеты».

Анна Андреевна «масло акмеизма» пролила, но тоже далеко ушла от поэтики акмеизма, поэтому видеть в Бродском и Рейне продолжателей Серебряного века, что пытается доказать Филиппов, несколько опрометчиво.

К тому же акмеизм как поэтическое направление не является музейным экспонатом. Да, Ахматова сохранила конкретную деталь, свойственную стилю акмеизма, но за годы Второй мировой войны она выросла от поэтессы с камерным «тембром» до высот большой эпиче-

ской поэзии. Такого её влияния в творчестве «птенцов» вовсе не наблюдается. И тем более перечисленные поэты «никаким боком» не прислоняются к Гумилёву, лидеру акмеизма. Гумилёв ведь тоже (см. «Война») разворачивался в сторону поэтического эпоса, до которого перечисленным «карликам», как до бессмертия, далеко. Концовка статьи Филиппова представляется мне, мягко говоря, очень самонадеянной: «В широком смысле «петербургская поэтическая школа» – это не узкий круг поэтов-подпольщиков, но огромный пласт русской поэзии: от Пушкина к Блоку, от Гумилёва к Бродскому (ничего подобного. – *Р. Л.*), от Бродского к... К кому? Время покажет».

Да, Ахматова облагородила поэзию Бродского, что признаёт невольно сам поэт (Вспоминая Ахматову. Иосиф Бродский – Соломон Волков. Диалоги. М., Независимая газета, 1992). А популярность Бродскому (и позднее Нобелевскую премию) дала нелепая ссылка за «тунеядство» в северную деревню, где сейчас восстанавливается дом для создания музея. «Рыжему делают биографию», – мудро изрекла Ахматова о злополучной ссылке. И оказалась права! Но замыкать традицию русской литературы на Иосифе Бродском – просто нахальство, грубо говоря...

Другая публикация принадлежит Станиславу Куняеву – «У бездны мрачной на краю...». Размышления о судьбе и творчестве Юрия Кузнецова (Наш современник. 2014. № 8–9). Впрочем, это, видимо, не статья, а главы из книги о Ю. Кузнецове (у меня такое впечатление. – *Р. Л.*).

Публикация С. Куняева очень обстоятельная и подробная, не буду пересказывать, её полезнее прочитать в журнале. Я лишь обобщу концепцию, на которую меня натолкнули две точки зрения на русскую поэзию – Дмитрия Филиппова и Станислава Куняева. Три поэмы Юрия Кузнецова («Путь Христа», «Сошествие в ад», «Рай», неоконченная поэма) сближают его с Николаем Гумилёвым, каким он предстал в стихотворении «Война», и, возможно, не будь ранней смерти, развивался бы далее. Так что традицию Серебряного века продолжил не Иосиф Бродский, а Юрий Кузнецов! Какие тут могут быть сомнения и споры?!

Александр ПАКСИВАТКИН

ОЛЬХОВАЯ СЕРЁЖКА

Иногда так случается, что прочитанное мельком в интернете стихотворение незнакомого автора не то чтобы зацепит – продерёт до самого-самого... Лично со мной такое случается очень и очень редко, поэтому, когда лет восемь назад я прочитал в интернете:

*Мост, упавший на колени,
По-верблюжнему горбат.
Убежать бы из деревни!
Чем тут хвастать? Не Арбат...
О! В капусте стонут жабы...
О! Шуршит в соломе мышь...
Убежал бы! У-бе-жал бы!
От себя не убежишь.
Млечный путь звезду уронит –
Вздрогну!
Сникну.
Затужу...
И оставшись на перроне,
Вслед тебе из-под ладони
Я сквозь слёзы погляжу,*

был немало удивлён некой «особенности» и самобытности строк незнакомого автора. Читая другие стихи этого поэта, выявил, казалось бы, не совсем благоприятный факт – стихотворец злоупотребляет глагольной рифмой. Но, по моему глубокому убеждению, именно за счёт этого «неблагоприятного факта» стихи дают тот положительный и выразительный эффект, который ощущает мало-мальски понимающий поэзию читатель. Фамилия автора – Паксиваткин – мне ни о чём тогда не говорила.

*Темнота в глазницах окон.
Тишина.
Туман с реки.
Лишь попавший в сетку окунь
Передёрнул поплавки.
Только конь, почуяв осень,
Звякнул бубном и заржал.
Да рябина на погосте
Одинокий свет зажгла.*

Стихи, попавшие в поле моего зрения, выставил на сайте «Стихи.ру» до той поры неизвестный мне екатеринбургский поэт Шура-Саша Петров, который и поведал, что автор стихов вот уже несколько месяцев находится в местах заключения.

*Тот ли счастлив, кто шуршит деньгами?
Не приманишь гордое к рублям!
И, ковры пиная сапогами,
Я кричу высоким журавлям:
«В добрый путь! Счастливых вам инерций.
Через степи, горы и моря!...»
Никуда не улетит из сердца
Золотой журавлик сентября.*

Поэт родился в Свердловске (ныне – Екатеринбург), проживал в посёлке Красногвардейском. После окончания средней школы работал вздымщиком, вышибалой, кочегаром, после развала химлесхоза, последнего места его работы, плёл на продажу сети, ловил рыбу, сажал в огромном количестве картошку, продавал навоз.

Летом 2009 года Александр Паксиваткин был задержан по подозрению в убийстве.

Как пишут журналисты Любовь Шмурыгина и Ирина Кожевина в районной газете «Всё будет», в номере от 30 октября 2009 года: «Вечером с квартирантом Тукой и односельчанином Гуляихиным он выпил. Гости заспорили, и хозяин, махнув на спорщиков рукой, ушёл спать. Проснулся Паксиваткин в десять часов вечера, вышел на улицу и увидел лежащего у крыльца Туку, рядом – ломик, топор, рукавицы, на крыльце и около головы лежащего – кровь.

– Я потрогал его – он холодный. Мне так плохо стало. Кому звонить? Я рукавицы прибрал – в хозяйстве пригодятся. А у матери (дом, в котором произошло убийство, принадлежит матери поэта – ред.) ни ломика, ни топора не было... В дом я не стал заходить. Пошёл к Гуляихину. Стучал – никто не открыл. Я вернулся, а трупа нет. Стал искать. У ямы приподнял крышку, там нога торчит. Пошёл в магазин, там ребята предложили выпить, я не отказался. Потом шёл по дороге – очнулся, смотрю – уже лагерь. Думаю: зачем я так далеко зашёл? Вернулся домой. Полежал. Рассветало. Пойду, думаю, к брату – надо посоветоваться, как-то труп убирать. Но он разговаривать не стал... Пришёл обратно домой, а там уже народ, милиция...

Ещё до случившегося, по словам близких, Александр Михайлович много пил. Неустроенность в жизни, уход жены, безденежье, враждебность со стороны односельчан – он чувствовал себя одиноким, никому не нужным. Стихов уже не писал».

Восемь лет лишения свободы – такой срок был назначен судом Александру Паксиваткину.

За этот период он написал сотни, если не тысячи, стихов, вышел на пенсию. У него появилось много поклонников в интернете, и не только в России: жительница Германии издала за свой счёт в Москве книгу стихов поэта под названием «Стихи с окраин сентября».

28 октября текущего года поэт вышел на свободу. Случай в истории русской литературы неординарный: в тюрьму он пришёл преступником, а из тюрьмы вышел признанным поэтом: Алек-

сандр Паксиваткин попал в книгу избранной русской поэзии «Глагол. Карта современной поэзии» наряду с такими маститыми поэтами, как Евгений Евтушенко, Глеб Горбовский, Станислав Куняев, Лариса Васильева, Андрей Шацков, Евгений Юшин, Сергей Донбай, Виктор Петров.

*Я по первому снегу иду,
Вспоминаю, грущу, улыбаюсь,
Не надеюсь, не верю, не жду
И в сочувствии не нуждаюсь.*

Хочется пожелать Александру Михайловичу Паксиваткину крепкого здоровья, обретения своего угла и появления в его горькой жизни доброй, любящей поэзию и самого поэта женщины...

ОЛЬХОВАЯ СЕРЁЖКА

*В ладонь ольховая серёжка,
Как чья-то жалоба, легла.
Когда-то здесь моя гармошка
Девчат вела на край села.*

*Я – не сангвиник, не холерик.
И ты на вид – не сатана.
Соверши ж мне так, чтобы поверил,
Что нам без города – хана!..*

*Порою хочется заплакать –
Навзрыд, как в детстве, от обид.
Но не к лицу мужчине слякоть,
Не по летам унылый вид.*

*И я бодрюсь! А сердцу – больно.
И боль – вплетается в стихи...
Не зря ж серёжка меланхолично
В мою ладонь легла с ольхи.*

ТРАНЗИТ

*Я позвоню с вокзала другу,
Скажу, что буду через час!
Он намекнёт на власть – супругу...
Она: «Ой, нет! Ремонт у нас...»*

*Тут вспомню я о той, хорошей,
Которой был не просто гость,
Которой вешал вместо броши
На грудь рябиновую гроздь...*

*Назначу позднее свиданье,
Приду с шампанским и цветком!
И женское очарование,
Конечно, встретит! С холодком:*

*«Я завязала с мужиками.
И ты, как все они, транзит».*

*И жёсткий снег под каблуками,
Как я зубами, заскрипит.*

*И вот я – перед отчим домом.
Могильно стонут провода...
...Знать, по неведомым законам,
Пришёл напрасно и сюда.*

ЮНОСТЬ

*Затоплен был тобой по брови,
Лишь у висков камыш шумел!
С тобой, весёлой, и с любовью
Мечтал, загадывал и пел!*

*В наш сад тихонько август входит,
Висит над омутом звезда.
Была ты бурным половодьем.
Сошла, как талая вода.*

*И вот, задумавшись о снеге,
Я перед зеркалом стою:
Тебя ли в этом человеке
Узнать хочу? Не узнаю!..*

*Вновь дожди заморосили.
Небо стучено с землёй.
Осень бродит по России
Между летом и зимой.*

*Будто что-то потеряла...
Ищет, может быть, меня?
Луж наплакала немало
За три ночи и три дня.*

*Луж – галлонов сто! Не меньше.
Вот такие, друг, дела...
Ни одна из грустных женщин
Столько слёз не пролила.*

*Осень, Женщина, Россия –
Это дочь, любовь и мать.
Кто из сердца вырвет сие?
Даже смерти не отнять!*

*Осень! Что ты потеряла?
Если жизнь нужна моя,
То напрасно. Смерть пыталась...
Да не вышло у нея!*

*...Перед Господом поклялся –
Помни, изовая Русь:
Я – на время потерялся,
На столетия найдусь!*

Публикацию подготовил
Виктор ТИХОМИРОВ-ТИХВИНСКИЙ

Зоя ЕСТАМОНОВА

«БЕСПОЩАДНОЕ ПОНИМАНИЕ»

I

«Самолёт загружен боеприпасами, медикаментами, продовольствием и праздничными подарками для брянских партизан, – вспоминал военный корреспондент Анатолий Сафронов. – Хорошо помню, что у меня в кармане шинели было два сухаря, через плечо – сумка от противогаза, в которой были полотенце и записная книжка и ещё всякая мелочь, а в памяти – мелодия и слова нашей песни...

*Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли на немцев партизаны...*

...Самолёт взлетел, мы оказались в тёмном небе и пошли к линии фронта. Где-то внизу виднелись вспышки зениток. Сверху небо было чистое, над нами сверкали звёзды. Вскоре увидели горящие костры... Мне не раз приходилось петь свои песни, но, пожалуй, такого волнения, как именно в эту ночь на 7 ноября 1942 года, я никогда не испытывал. Я её спел один раз, меня попросили спеть ещё раз, потом – в третий раз. Меня обнимали...

*И грозной ночью на врага,
На штаб немецкий налетели,
И пули звонко меж стволов
В дубравах брянских засвистели...*

...В полдень товарищ Матвеев вручал ордена и медали отличившимся в боях с фашистскими оккупантами, я стоял в стороне, на поляне, и смотрел на этих людей, выстроившихся среди заметённых снегом сосен... «Служу Советскому Союзу!..»

...В этот день уже верхом на конях мы отправились дальше, в один из отрядов, расположенных в глубине Брянского леса. И снова я пел эту песню...

Песня поэта Анатолия Сафронова и композитора Сигизмунда Каца звучала в дни, когда Брянщина была оккупирована. Фашисты расстреливали и ве-

шали людей, с особым ожесточением расправлялись с партизанскими семьями.

Партизаны пускали под откос вражеские эшелоны, взрывали мосты, уничтожая живую силу и технику.

Мои родители-телеграфисты ушли на фронт, мы с бабушкой отправлены были в эвакуацию.

Брянск был освобождён в сентябре 1943-го. Не дожидаясь конца войны, мы вернулись в свой израненный город, весь в развалинах, с обугленными домами, с могилами немецких офицеров в Центральном парке. Пленным, проходившим колоннами по улицам города, подавали хлеб те, кто в полной мере познал все ужасы жизни в тылу.

В оккупированном Брянске пришлось оставаться тогда и моему земляку художнику Ивану Филичеву. Много лет спустя в его кемеровской мастерской увижу то, что осталось в моей памяти навсегда: багровое в тёмно-синем – вспышки рвущихся бомб и снарядов в ночном окне, оклеенном газетными полосками.

Средняя часть картины-триптиха – пронзительный эпизод прощания. Словно солнечным лучом очерчены-слиты в единое целое мать и худенький, коротко стриженный сынок в большой, явно не по росту шинели.

В 1941-м братишка, 16-летний Егор Филичев, уходил в партизаны. Маленького Ивана мать пыталась вывезти из города в телеге, запряжённой вместо коня коровой. В дороге начался обстрел, пришлось вернуться.

Иван рассказывал мне о танках среди спиленных немцами яблонь, об угрозе расстрела за кусок сыра, унесённый с крыльца сорокой, о хлебе с опилками. И о том, как отчаянно-смелая мать прятала на чердаке немецкого коммуниста, который унёс с поля боя и хранил под одеждой советское знамя.

В мастерской среди портретов металлургов, шахтёров, первопроходцев БАМа есть ещё одна картина военной темы – «У родной хаты».

Солдат вернулся с войны. Дома нет. Стоит на пепелище, сжимая автомат, подобный живому памятнику всей этой страшной тишине опустевшей деревни. За плечом – отсвет-кровоподтёк на кирпичках обнажённой печи.

Народные художники СССР Алексей и Сергей Ткачёвы говорят о своей картине «В партизанском краю»: «Мы просто не имели права не написать... Она посвящена патриотам Брянщины».

Знакомясь с неизвестными мне фактами, я была благодарна В. Волохову, написавшему книгу о Брянске.

Но вот учебное пособие «Военная история России» (издательство «Просвещение»). Нахожу главы

о партизанском движении в тылу врага. Не забыты краснодонцы, белорусы, отряд Сидора Ковпака. И ни слова о брянских партизанах.

Трудно мириться с невежеством историков. И уж совсем невозможно привыкнуть к злобным искажениям событий Великой Отечественной.

Либералы упорно переосмысливают и фальсифицируют нашу историю. Не было для них и 28 героев-панфиловцев, и подвиг Зои Космодемьянской – «клиника», и Ленинград следовало сдать фашистам, и тогда не было бы блокады.

«Дегероизация – хлеб всей перестройки, – откликнулся на эти кощунства писатель Александр Проханов. – Победа – это наш кислород, надо его отравить».

II

После гибели Советского Союза в 1991 году на гайдаровском форуме был установлен ритуал: входящие в зал делегаты вытирали ноги о расстеленное под порогом полотнище красного флага.

О врагах и предателях советской цивилизации историк Кара-Мурза писал: *«Они изучали советский строй, как убийца изучает будущую жертву»*.

Философ Александр Зиновьев делился мыслями о России 1990-х годов: «Я 21 год жил на Западе в состоянии душевной депрессии. Разрушили советскую систему, которая была ещё жизнеспособной. Её ударили в самые уязвимые места – как извне, так и изнутри силами пятой колонны. Сейчас страна находится в идеологическом хаосе... Нужно воспитание молодёжи. Нужно понимание ситуации – *беспощадное понимание...*»

Пострадавший в годы репрессий участник Великой Отечественной войны Александр Зиновьев эмигрировал в Европу и всё же вернулся на Родину.

В 1999 году он читал лекции студентам МГУ. Рассказывал о разгуле русофобии в Европе и США, о том, как постепенно представители элиты постсоветской России включаются в мировую сверхэлиту и становятся пятой колонной Запада. И о том, что буржуазная идеология оказалась мощнее социалистической, потому что «рассчитана на самые низкие инстинкты, на потребительство». Он считал, что «должны созреть новые силы для сопротивления западнистской линии развития».

Но согласны ли с ним философы-современники?

III

Николай Бердяев подчёркивал: «Социализм – альтернатива западному индивидуализму». Советское государство он называл «образованием нового, *механического коллектива*».

Мог бы поспорить с ним историк и философ Сергей Кара-Мурза. Он убеждён, что нельзя забывать о традициях русской деревенской общины: *«По сути крестьянского мировоззрения и крестьянских представлений о хозяйстве родился Советский проект... Следует искать выход не на пути разделения и конкуренции, а на пути соглашения и братства...»*

Николай Бердяев был уверен: *в результате советской муштровки «человек стал бескрылым»*.

Вот взгляд Сергея Кара-Мурзы: «Советский период в течение десятилетий был временем большого подъёма физических и духовных сил народа, огромным рывком в развитии...» И с ним согласен философ-эмигрант Георгий Федотов. Он знал о трагедии репрессий в 1930-е годы, но знал и о том, что *«героический быт имеет своей территорией вузы, студии, учебные мастерские молодёжи»*. Восхищался советскими инженерами и учёными, образованной молодёжью заводов, фабрик, сёл, бесстрашием русских лётчиков и полярных исследователей, музыкантами и спортсменами Советского Союза: *«Когда глядишь на них, не страшно за Россию. Мы готовы верить в её будущее...»*

IV

Дано домашнее задание правнуку: изобразить на листе бумаги родословную. Помогая ему, уже не впервой ощущала бессилие проникнуть в глубину семейного корня.

Когда-то отец рассказывал: наши брянские крестьянские предки, будучи отпущены на оброк, трудились на лесозаготовках, земельных и строительных работах.

Известно, что при Петре I крестьяне из брянских уездов участвовали в строительстве судов для военной флотилии. Кто-то был на воинской службе. Но где? Среди ополченцев в 1812 году? На поле Куликовом?

У Брянска великое прошлое.

Родом из наших мест и «Боян бо вещий», тот, что из «Слова о полку Игореве», и легендарный Алексей Пересвет, воин-монах, чей памятник возвышается над городом.

В канун Полтавской битвы побывал у нас Пётр I.

С 988 года, когда князь Владимир «начал строить города на Десне», кто только не пытался прибрать к рукам сторожевой пункт! Хазары, татаро-монголы, литовцы, поляки. Желая овладеть Брянском, Лжедмитрий подходил к городу с отрядами польских шляхтичей.

Вряд ли нынешние украинцы знают, что в брянских лесах укрывались от поляков их предки.

Не знала и я, изучая в Ленинградском университете украинскую мову, что после так называемой революции достоинства на Украине будут с ненавистью убивать русскоязычных, что исчезнут книги русских классиков, но появится книга Йозефа Геббельса.

Вспомним слова этого фашистского идеолога: «Для уничтожения нации надо уничтожить её культурные ценности – традиции, язык, знания истории, культуры».

Бессмысленное, самоубийственное отречение от славянских корней! Стремление в толерантную Европу, где процветают однополые браки, где педофилия признаётся одной из сексуальных ориентаций, а фашизм считается всего лишь «грубым нигилизмом»...

Поистине *«пойди туда, не знаю куда»*.

V

Если соглашаться со словами Сергея Кара-Мурзы, что главная проблема – «сохранение нашего культурного генотипа», то становится понятным, почему с 1990-х параллельно с уничтожением советского социализма, основанного на общинных традициях, стиралась и стирается как таковая с лица земли русская деревня. Закрываются сельские школы, магазины, медпункты. Исчезают пути сообщения с городом.

Так случилось с кузбасской Ивановкой и другими правобережными сёлами на Томи в связи с продажей последнего катера и переводом речного причала, существовавшего десятилетиями, на коммерческую основу.

Считая, что наша главная опасность – технический путь цивилизации, Николай Бердаев прав: «Человек привык жить в органической связи с землёй, с растениями и животными... Техника отрывает человека от земли...»

Он прав. Но правы и учёные: внутренне природе присуща математика. Из глубины веков слышен голос Пифагора: «Вещи суть числа».

И как не знать, что пропорции в изобразительном искусстве и архитектуре основаны на законе золотого сечения, а в ритмах поэзии, в музыкальных созвучиях да и в самих движениях атомов и планет всё та же «жизнь чисел».

VI

Известно, что, вызывая чудовищные мутации, учёные вмешиваются в геном человека.

Оптимизм все же поддерживает вера в иммунитет генетической природы, в её историческую, культурную, родословную память.

Вот созданные в Ивановке полотна народного художника России Виктора Зевакина. Кто бы знал, как это в нём, родившемся и выросшем в индустриальном Кузбассе, а главное, на каком таинственном уровне, воплощалась в декоративную пластику живописи образная дорожка материнского кружевного рукоделия...

Избы с их геранью на окнах и бабушкиными лоскутными ковриками, искусно вплетённые в таёжные мотивы рябин, берёз, тополей и кедров, породнились в творчестве художника с узорочьем старинных домов провинциального Мариинска. И перед нами – некий символ России.

Об этом говорят названия работ: «Мои сказки», «Мои кружева», «Сибирский иконостас».

VII

Путешествие во времени вело меня к славянскому племени вятичей – охотников, рыболовов, земледельцев. Названы они в честь родоначальника по имени Вятко. А город, возникший в гуще лесов, назывался тогда Дебрянск.

В желании как можно больше узнать о своих предках я далеко не одинока.

Годы идут, а внуки-правнуки не перестают разыскивать могилы и архивные документы погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной. Мы храним фотоснимки и военные награды ушедших из жизни фронтовиков. А главное – наша память.

И пишет в своём школьном сочинении, опубликованном в «Литературной газете», мальчик по имени Сашок: *«Здравствуй, дорогой прадедушка. В июле 41-го ты ушёл на фронт. А в декабре тебя не стало. Поэтому многих событий ты не знаешь. Я тебе расскажу.*

Войну мы выиграли, значит, и ты победил. А победители всегда возвращаются».

Александр ФОКИН

К 100-ЛЕТИЮ ЗАПОВЕДНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

В Кузбасском центре искусств состоялась встреча депутата Госдумы А. И. Фокина с писателями и художниками Кемерова. В связи с отмечаемым в России Годом экологии и столетием заповедной системы депутат сделал сообщение об особо охраняемых заповедных территориях (ООПТ) в Кузбассе.

Согласно Федеральному закону от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», таковыми считаются участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение. Все они изъяты решениями органов государственной власти, полностью или частично, из хозяйственного использования и переданы под охрану.

Площадь ООПТ в России составляет около двенадцати процентов от общей площади страны. В 2017 году в честь столетия создания первого в стране заповедника «Баргузинский» в России планируется открыть десять новых особо охраняемых природных территорий.

В Кемеровской области общая площадь ООПТ составляет более пятнадцать процентов от всей её территории – это один из самых высоких показателей по Сибири.

В настоящее время в регионе существуют три ООПТ федерального значения: Государственный природный заповедник «Кузнецкий Алатау», Шорский национальный парк и памятник природы «Липовый остров». Также на территории региона расположено тринадцать заказников и четыре памятника природы областного значения.

7 сентября текущего года в Белово открылся ещё один комплексный природный заказник – «Бачатские сопки», который находится в центре Кузбасса. Площадь вновь образованной особо охраняемой территории составляет семьсот гектаров.

Это самый крупный целостный участок настоящей ковыльной степи с комплексом степных растений. Здесь находятся местообитания популяций

редких растений, занесённых в Красную книгу Кемеровской области.

Другое важное значение «Бачатских сопки» заключается в высоком флористическом разнообразии. Это генетический банк, который в будущем может служить донором семенного материала для реставрации степей на отвалах горных пород.

Сегодня в Кузбассе готовятся документы для создания Государственного природного заказника «Черновой Нарык» на территории Новокузнецкого и Прокопьевского районов.

В условиях обострения экологических проблем и, в частности, проблем, связанных с использованием лесосырьевых, минеральных и топливно-энергетических ресурсов, становится очевидной необходимость приумножения площадей особо охраняемых природных экосистем.

Вопросам экологии и экологического просвещения населения в Кемеровской области по инициативе губернатора А. Г. Тулеева уделяется серьёзное внимание.

В целях формирования экологической ответственности населения в Кузбассе разработана акция «Усынови заказник», которая стартовала 5 июня 2017 года, в российский День эколога и всемирный День охраны окружающей среды. Проект направлен на стимулирование участников экологических объединений, студентов, школьников и всей общественности к готовности взять под опеку особо охраняемые природные территории Кемеровской области.

Первыми «усыновителями заказников» в этом году стали городской Клуб друзей WWF «Ирбис» (заказник «Горский», Гурьевский район), городское детско-юношеское экологическое движение «Кузнецкие волны» («Писаный», Яшкинский район), областная эколого-биологическая станция («Раздольный», Юргинский район) и биологический факультет КемГУ («Бунгарепско-Ажандаровский», Крапивинский район).

Очень важно, что за определённой группой экологов закрепляется конкретная площадка для исследований. На такой территории ребята своевременно отслеживают сезонные изменения флоры и фауны, проводят экологические акции, тем самым вносят свою лепту в развитие природоохранной зоны.

Развитие заповедной системы в Кузбассе имеет неограниченное значение. В настоящее время первое, что необходимо решить, – это установить компромисс между экономикой и экологией, должен быть открытый диалог бизнеса и государства.

В то же время сохранение природы родного края – ответственность каждого жителя своего региона.

Наше будущее зависит от того, какую культуру и привычки мы сегодня привьём нашим детям. Прежде всего, мы сами должны стать примером бережного отношения к природе.

Москва

Марина ЦЫПКАЙКИНА

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ В ПУСТОМ? (ТАЙНЫ УНИКАЛЬНОГО ОЗЕРА КУЗНЕЦКОГО АЛАТАУ)

У подножия крайней гряды Кузнецкого Алатау, во впадине, в одном из красивейших уголков Тисульского района, расположено загадочное озеро – достопримечательность и уникальный объект природы Кузбасса. Местные жители дали ему название Пустое. Находится оно в десяти километрах от посёлка Тисуль. Озеро овальной формы, с пологим берегом, диаметром около километра, глубиной на середине более трёх метров. В озеро впадает ручей Золотой, в котором когда-то производилась разработка золотых россыпей.

Откуда такое название? Дело в том, что раньше не водилась в нём рыба, хотя её туда неоднократно пытались поселить. Озеро было словно мёртвое, без всякой живности, но вот вода в нём обладала целебными силами. Приходили к нему люди лечиться – от ревматизма, язв, кожных заболеваний. Приходили полечиться даже дикие животные, например косули.

В фондах историко-краеведческого музея Тисульского района хранятся воспоминания местного старожила краеведа Л. Л. Шаройко: *«Летом 1945 года я первый раз увидел это озеро. Оно было пустым, жили в нём только пиявки, жук-плавунец и козявки. Вода была чистой, но пахла сероводородом. Она помогала залечивать раны, избавляла от чесотки. В ней купали заражённых овец, лошадей. Сюда приезжали больные люди даже из Московской и Новгородской областей. Они жили в палатках на берегу и лечились. Местные жители возили воду из озера в собственные бани. Со временем птицы на своих лапах занесли сюда из Берчикульского озера траву, а также икру карасей, щук, окуней, сорожек. И появилась в водоёме рыба. В те времена глубина озера достигала двух метров. По площади это озеро раньше было гораздо меньшим. Там, где торчат из воды засохшие голые берёзы, был сухой, заросший*

травой берег. А летом у Пустого можно часто увидеть лосей. Роятся красавцы мордой в иле, поднимают головы и чавкают, довольные. Питаются, а может, лечатся».

Интересна геологическая история образования озера. В северо-восточной части Кузнецкого Алатау существует ряд озёр материкового происхождения: Малый Берчикуль, Линевое, Большой и Малый Базыры, в том числе и Пустое. Материковые озёра находятся вне речных долин. Они имеют карстовое или смешанное происхождение. Карст – это растворение горных пород поверхностными и подземными водами с образованием сообщающихся пустот различного размера. Наиболее активно карст развивается в карбонатных, сульфатных, солевых горных породах, во льдах. Питается Пустое главным образом подземными сероводородными источниками – отсюда и запах. В последние годы насыщенность воды сероводородом в озере снизилась, и сегодня в нём полно рыбы. Водятся караси, встречаются щуки, окуни. Но вот вода несколько утратила свои прежние целебные свойства.

Ещё из школьного курса химии и биологии всем известно, что сероводород ядовит. При высокой концентрации приводит к коме, судорогам, отёку лёгких. Может вызвать мгновенную смерть. Но вместе с тем в малых количествах сероводород обладает лечебным воздействием. Под влиянием сероводородных ванн ускоряются процессы заживления мышечной ткани, кожи. Низкотемпературные сероводородные ванны положительно влияют на нервную систему, активируют антиоксидантные системы, оказывают омолаживающий эффект на организм.

Насколько целебна или вредна вода в озере? С. С. Онищенко, доцент кафедры зоологии и экологии Кемеровского государственного университета, считает, что должны быть проведены специальные анализы на пригодность озера для курортного лечения. Кроме сероводорода, причиной периодического отсутствия-появления рыбы может быть смена гидрологического режима: температуры, химического состава воды. Из-за мелководья озера летом вода в нём быстро нагревается, количество кислорода уменьшается, рыба испытывает его нехватку. А зимой озеро, конечно, промерзает. Наличие же в водоёме карасей – это ещё не свидетельство благополучия среды обитания. Карась – рыба живучая, устойчивая к кислородному голоданию. При особо неблагоприятных условиях карась может впадать в анабиоз.

Н. В. Скалон, профессор, заведующий кафедрой зоологии и экологии КемГУ, хорошо знаком с Пустым: «Я бывал на этом озере. Оно показалось мне не очень маленьким. Берега топкие. По его берегам густые тростниковые заросли и много уток. Наверняка в окрестностях неплохая охота. Можно отлично плавать на лодке. Озеро это проточное, его питает небольшая речка Золотой Ключ. Благодаря постоянному обновлению воды концентрация сероводорода меняется, поэтому рыба может жить. Кстати, речная живность попадает в озеро с проточной водой. Причиной поступления сероводорода не обязательно могут быть подземные серово-

дородные источники, но также и гниющая растительность».

В сущности, не так уж важно, насколько целебна вода в озере Пустом, главное, что в округе очень красивые места – не хуже воды тело и душу лечат! С одной стороны по крутой горе разросся сосновый бор с подлеском из кустарников. С другой – высятся горы, между которыми вырисовывается лощина, сплошь покрытая смешанным лесом из сосен, берёз, темнохвойных деревьев и множества кустарников. Чистый воздух, грибные поляны и ягодные места во все времена привлекали сюда отдыхающих.

Литературная дружба

В. Ерофеева-Тверская, Н. Дорошенко, Н. Коняев, С. Донбай, Н. Иванов
на Всемирном русском народном соборе в храме Христа Спасителя. Москва, 2017 г.

Николай КОНЯЕВ

КОЧЕВЫЕ ИМПЕРИИ*

Предисловие

БЫТИ ИЛИ НЕ БЫТИ ЧЕТВЁРТОЙ ИМПЕРИИ

*Два Рима падоша, а третьей стоит,
а четвёртому не быть...*

Инок Филофей

Наши историки до сих пор ещё не определили до конца отношения к державе, зародившейся в читинско-монгольских степях, на берегах Онона и Орхона.

Тем не менее постепенно происходит осознание того неопровержимого факта, что именно империя Чингисхана была непосредственной предшественницей Российской империи...

Поразительно, но ведь и наследница её – Советская империя практически совпадала своими границами с ними.

Воистину, в этом смысле наша страна – феноменальное, небывалое в мировой истории образование. Из различных центров, на основе совершенно различных государственных идеологий, различными империеобразующими этносами создавались эти государства, но совпадала территория, на которой – лучше ли, хуже ли! – но обеспечивалось выживание всех включённых в империю народов. Когда же империя благодаря враждебным силам разрушалась, она возникала снова уже на основе другой идеологии, другого этноса, из другого центра, но практически в тех же самых границах.

К сожалению, никаких данных, чтобы говорить о демографической ситуации в империи Чингисхана, у нас нет, но ту стремительную динамику, с которой совершается территориальный и демографический рост устремившейся к назначенным ей границам Российской империи, проследить можно.

Уверенный и устойчивый рост населения Руси начинается в годы правления Иоанна IV Васильевича Грозного, когда территория нашей страны выросла до 4 400 тыс. квадратных километров, а численность населения достигла 17 миллионов человек.

В годы правления Петра I и его ближайших преемников демографическая динамика несколько ухудши-

лась, но уже в XIX веке начинается настоящий демографический взрыв. Если при императоре Павле территория нашей страны составляла 19 300 тыс. квадратных километров, а численность населения 50 миллионов человек, то всего за столетие в царствование Николая II при сравнительном небольшом увеличении территории до 21 800 тыс. квадратных километров численность населения возросла в три раза.

Непостижима и, по сути дела, необъяснима эта стремительная демографическая динамика разрастающейся в свои естественные границы Российской империи.

Что это значит?

Да только одно...

То, что эта империя нужна Богу, то, что народам, населяющим нашу страну, надобно исполнить то, что предназначено ей Богом.

К прискорбию, надо заметить, что исполнить это Предназначение нашей стране, видимо, не удалось, или – всё-таки будем надеяться на милость Господню! – пока не удалось.

Потому что, продолжая перечисление совпадений, объединяющих три империи, существовавшие на территории нашей страны, надо сказать и о том, что и гибли эти империи очень похоже. Без каких-либо внешних вторжений распалась и впиталась в пустоту бесплодных степей могущественная, построенная Чингисханом империя.

Столь же непостижимой была сто лет назад и гибель Российской империи.

«Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России, – писал человек, которого очень трудно заподозрить в сочувствии нашей стране. – Её корабль пошёл ко дну, когда гавань была уже в виду. Она уже перетерпела бурю, когда всё обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена».

По этим словам Уинстона Черчилля, ещё в марте 1917 года «русская армия держалась, фронт был обеспечен и победа бесспорна»...

Но, как признавался один из вождей Февральской революции Павел Николаевич Милюков, **«твёрдое решение воспользоваться войною для производства переворота было принято вскоре после начала этой войны. Заметьте также, что ждать больше мы не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намёки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования».**

Из этого письма Милюкова, найденного мною в деле «Каморры народной расправы» в архиве ФСБ и широко цитируемого сейчас, явствует, что цель заговорщиков «ограничивалась достижением республики или же мо-

* Текст публикуется в сокращении.

нархии с императором, имеющим лишь номинальную власть; **преобладающего в стране влияния интеллигенции и равные права евреев»**.

Чьё преобладающее влияние установили в 1991 году в банке в Вискулях три подвыпивших партаппаратчика, подписывая приговор Великой Советской империи, построенной Иосифом Виссарионовичем Сталиным, мы можем видеть своими глазами...

Мы оказались в атомизированном обществе, где размыты все нравственные нормы, где как бы атрофируются даже причинно-следственные связи и общественное сознание уже не в состоянии воспринимать их.

Эти разрывы в духовном поле схожи с озоновыми дырами.

Под жёсткими лучами духовной радиации народ превращается в совокупность потребителей питания, промышленных товаров и услуг, в носителей лавочного менталитета, неспособных ни в какую сторону двигать историю.

Такое ощущение, что мы попали в какое-то временное болото, из которого не можем выкарабкаться. Включаешь телевизор и, как десять лет назад, слышишь, что правительство и президент начинают решительную борьбу с коррупцией. Пройдёт ещё десять лет и, похоже, включив телевизор, мы снова будем слушать красивые слова о борьбе с коррупцией.

Кажется, и не выбраться никуда из этого пространства собственных амбиций и нелепых пристрастий. Кажется, не выбраться... Или всё-таки сейчас правильнее употребить этот глагол в прошедшем времени? Ведь, действительно, ещё несколько лет назад казалось, что уже и не выкарабкаться будет нашей стране из болотной трясины, где прекратилось само движение времени, но произошли события, связанные с возвращением Крыма в Россию, и сразу многое начало преобразоваться.

И вот что поразительно.

Возвращение Крыма, движение за самоопределение в Новороссии пока не принесло и, как полагают некоторые аналитики, не принесёт и в дальнейшем особых экономических и стратегических выгод нашей стране... А экономические и политические потери, как говорят эти аналитики, не поддаются исчислению...

И вроде бы всё правильно в подобных рассуждениях носителей лавочного менталитета, но на общественное сознание эти пессимистические прогнозы никакого воздействия не оказывают.

И не могут оказать...

Ведь в результате произошедших на Украине событий наша страна оказалась возвращённой в историческое время, и каждый из наших соотечественников начинает ощущать в меру своих сил и способностей возвращение страны в её естественные, определённые Богом границы, ощущения эти отчасти компенси-

руют те экономические трудности, которые многим из нас приходится испытывать.

Сейчас возник тот удивительный момент, когда каждый гражданин нашей Родины может ясно осознать, как соотносятся сугубо частные переживания и те ощущения, что порождены движением истории...

Каждый может почувствовать живительную и вдохновляющую силу времени, когда снова становится реальностью строительство империи, теперь уже очищенной от заложенных в её проект ошибок, когда снова открылся перед народами нашей страны путь, идти по которому нам предназначено Богом.

И, конечно же, в начале нового движения по предопределённому пути самое время оглянуться в прошлое, вспомнить, как почти на ощупь искался этот путь народами, населявшими нашу страну, в исторической тьме тысячелетий.

Пытаясь понять, в каком направлении нам определено идти, не следует начинать отсчёт нашей истории с Киевской Руси. История нашей страны гораздо старше, и рождалась она в той полосе степей, что прорезает нашу страну от Усури до Дуная.

И что с того, что создатели Кочующих империй, существовавших на территории нашей страны два и три тысячелетия назад, так мало похожи на нас.

От этого они не перестают быть нашими древними соотечественниками...

Глава первая КИММЕРИЙСКИЕ СУМЕРКИ РУСИ

*Костёр мой догорал на берегу пустыни.
Шуршали шелесты струистого стекла.
И горькая душа тоскующей полыни
В истомной мгле качалась и текла.*

*В гранитах скал – надломленные крылья.
Под бременем холмов – изогнутый хребет.
Земли отверженной – застывшие усылы.
Уста Праматери, которым слова нет!*

Максимилиан Волошин

Кто бывал в Ереване, тот в ясную погоду мог видеть белоснежную вершину Арарата, к которой после Всемирного потопа в 3 269 году до нашей эры пристал Ноев ковчег.

Кавказ с его Армянским нагорьем примыкает к полосе степей, где рождались великие евразийские империи, превратившиеся за несколько тысячелетий в страну, которую называли то империей Чингисхана, то Российской империей, то СССР...

Если же мы вспомним, что Армения, хотя она и является сейчас независимым государством, на протяжении предыдущего тысячелетия входила и в состав империи Чингисхана, а затем в Российскую и Советскую империи, это соседство приобретает символическое значение.

Получается, что территория нашей страны примыкает к одной из важнейших точек библейской истории, от которой начинается отсчёт истории человечества после Всемирного потопа, но при этом остаётся чуть в стороне от неё...

Существует предание, что в августе 1916 года русский авиатор Владимир Росковицкий, исследовавший турецкую границу, оказался над Араратом и увидел в восточной части покрытой снегом вершины замерзшее озеро.

На краю этого озера вмёрз в лед каркас гигантского корабля.

Бока его проступали из льда и в некоторых местах были повреждены. Кроме того, видна была одна из створок двери.

Когда Росковицкий объявил начальству о своём открытии, император Николай II приказал отправить на Арарат казённую экспедицию. К сожалению, все обмеры и фотографии ковчега, а также собранные образцы погибли во время революции*...

Археологи, полагающиеся на память земли более, чем на Библию, склонны связывать киммерийцев, населявших степи Северного Причерноморья и Поволжье, со срубной культурой бронзового века.

Эта археологическая культура развитого бронзового века (вторая половина II – начало I тысячелетия до нашей эры) получила название по характерным бревенчатым сооружениям в могилах и была распространена в степной и лесостепной зонах Европейской части России и Украины. Сохранились от неё курганные кладбища и клады металлических изделий. Некоторые исследователи склонны видеть в племенах срубной культуры древнейших иранцев или же, говоря более широко, общих предков всех ариев.

Железный век наступил для киммерийцев в позднейший предскифский период их истории, названный новочеркасской ступенью, по имени Новочеркасска, возле которого был найден клад киммерийских предметов этого времени.

Новочеркасские находки позволяют уверенно говорить, что в производстве орудий и предметов вооружения из железа киммерийцы значительно опережали своих соседей. Об этом свидетельствуют и следы найденных на Донбассе шахт и литейных мастерских.

Изначально киммерийцы совмещали скотоводство с земледелием. Однако логика развития табунного коневодства вела к отказу от оседлого быта и переходу к кочевому скотоводству. Трудно было отказываться от

возможности неограниченного использования пастбищ степей, полупустынь и горных лугов...

От оседлого быта остался у киммерийцев зафиксированный греческими авторами старинный киммерийский обычай есть травы, да ещё города...

Древнегреческий географ Страбон упоминал о главном городе киммерийцев – Киммерионе, построенном на Таманском полуострове, а римский географ Помпоний Мела называл киммерийскими городами Мирмекий, Пантикапей, Феодосию и Гермисий, относя к киммерийским землям всё восточное побережье Крыма.

Сохранились имена всего трёх киммерийских царей – Теушпы, Тугдамме и его сына Сандаксатра.

Теушпа стоял во главе киммерийцев, вторгшихся в Ассирию, он тогда и погиб – около 679 года до нашей эры. Его сменил Тугдамме (Дугдамми – в ассирийских текстах, Лигдамис – в греческих источниках), умерший в 640 году.

Ещё известен сын Тугдамме – Сандаксатру (Сандакурру, Шандакурру), упомянутый уже после 640 года до нашей эры.

Но все эти цари правили во времена похода в Переднюю Азию, а до этого, похоже, царская власть у киммерийцев была просто почётным званием.

Действительно, судя по захоронениям, основная масса которых отличается предельной простотой погребального обряда, киммерийское общество было вообще весьма слабо дифференцировано. Только в предскифский период киммерийской истории возникает обычай вкладывать в руки погребаемого человека боевой молоток или топор, тем самым обозначая его сословную принадлежность...

Георгий Владимирович Вернадский говорил, как трудно восстановить сломанную вазу из фрагментов, среди которых лишь немногие остались невредимыми: «Из-за широких пробелов трудно поставить на свои места даже те кусочки, которыми мы обладаем...».

Точно так же, восстанавливая киммерийскую историю, мы сталкиваемся даже там, где сохранилось достаточно много исторических свидетельств, с неразрешимыми проблемами. Что же говорить о веках и тысячелетиях истории, которые вообще скрыты неразличимыми сумерками?

Ветер, гудящий над степями снежными вьюгами, сухими вихрями проносящийся над выжженной солнцем землёй, уносил голоса древних племён и народов в бескрайнюю даль, но их слышала земля, вынашивающая в себе страну, которая и должна была стать родиной всех этих племён и народов.

Если следовать нашему предположению о распространении киммерийцев на восток и на север, то получается, что они, кому предстоит потрясти устои Перед-

* Вторично остатки Ноева ковчега были найдены 6 июля 1955 года французским альпинистом Фернаном Наваррой. Радиоактивные исследования показали, что возраст метрового куска дерева, привезённого Ф. Наваррой, составляет 5 тысяч лет.

ней Азии, как раз накануне своего «киммерийского выхода» и вернулись в причерноморские степи. Они принесли с Урала и из Сибири то постижение иного, которое удивило древних греков не менее, чем их военные успехи.

Глава вторая КИММЕРИЙСКО-СКИФСКИЙ ВЫХОД

*На грани диких гор ты пролил пурпур гневный,
И ветры – сторожа покинутой земли –
Кричат в смятении, и моря вопль напевный
Теперь растёт вдали.
И стали видимы средь сумеречной сини
Все знаки скрытые, лежащие окрест:
И письма дорог, начертанных в пустыне,
И в небе числа звёзд.*

Максимилиан Волошин

С кусками утраченного эпоса можно сравнить собранные Геродотом сведения о событиях, предшествовавших «киммерийскому выходу».

«Кочевые племена скифов обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли Аракс и прибыли в киммерийскую землю (страна, ныне населённая скифами, как говорят, издревле принадлежала киммерийцам).

С приближением скифов киммерийцы стали держать совет, что им делать пред лицом многочисленного вражеского войска.

И вот на совете мнения разделились.

Хотя обе стороны упорно стояли на своём, но победило предложение царей. Народ был за отступление, полагая ненужным сражаться с таким множеством врагов. Цари же, напротив, считали необходимым упорно защищать родную землю от захватчиков.

Итак, народ не внял совету царей, а цари не желали подчиниться народу.

Народ решил покинуть родину и отдать захватчикам свою землю без боя; цари же, напротив, предпочли скорее лечь костями в родной земле, чем спастись бегством вместе с народом. Ведь царям было понятно, какое великое счастье они извели в родной земле и какие беды ожидают изгнанников, лишённых родины.

Приняв такое решение, киммерийцы разделились на две равные части и начали между собой борьбу.

Всех павших в братоубийственной войне народ киммерийский похоронил у реки Тираса* (могилу царей там можно видеть ещё и поныне)...»**

Наступало новое время, и не просто, не сразу вписались киммерийцы в новую историческую логику.

Разумеется, Азия Геродота это совсем не наша Азия, но всё равно несопоставима общая численность скифов с безграничностью пространства Великих евроазиатских степей, протянувшихся от Монголии на востоке до Среднедунайской равнины на западе. Да и объяснить, как это одно скифское племя (массагеты) вытесняет другое скифское племя из Заволжья, и оно, легко уступив тут, само выдавливает из Причерноморья воинственных киммерийцев, тоже непросто.

А может, и не нужно это выяснять, поскольку по сути скифы и были одним из киммерийских племён, сформировавшихся, возможно, на Алтае.

И скорее всего, в Причерноморье они проникали мирно, незаметно и очень неторопливо. Археологические данные неопровержимо свидетельствуют, что начался этот процесс ещё во II тысячелетии до нашей эры.

О мирном и неторопливом характере проникновения скифов в причерноморские степи свидетельствует и то, что из общей массы археологических находок того времени не удаётся выделить предметы, которые позволили бы разделить киммерийскую и скифские культуры.

Это археологически незаметное продвижение кочевых скифов совершенно не вяжется с решением киммерийцев покинуть свою родину при одном только приближении из Заволжья алтайской родни.

Правда, как свидетельствовал Геродот, у скифов существовал обычай убивать неугодных родственников, а потом при посещении уважаемых гостей выставять такие черепа и напоминать, что это черепа врагов, которых удалось одолеть, однако ведь и киммерийские племена состояли не из одних только перепуганных женщин. Основу их составляли бесстрашные воины...

Непонятно в рассказе Геродота и то, почему киммерийцы, прежде чем уйти или же сообщая выступить против надвигающихся скифов, начали гражданскую войну?

И, наконец, совершенно не поддаётся объяснению, почему киммерийцы, если они действительно были настолько слабы, что им нужно было сломя голову убежать от скифов, двинулись в Переднюю Азию, переполненную весьма воинственными и могущественными государствами. Безопаснее было отойти в пустынные лесостепи Северо-Запада.

Однако и тут загадки не завершаются.

Утверждается, что убегающие киммерийцы уходили по восточному берегу Чёрного моря; а победившие их скифы, которые отнюдь не удовлетворились изгнанием киммерийцев, начали преследовать их, только продвигаясь почему-то вдоль Каспия, через нынешний Дербент.

Многие сотни километров кавказских перевалов и ущелий разделяли движущихся параллельно друг другу скифов и киммерийцев, и о каком преследовании тут может идти речь?

* Тύρας – так греки называли Днестр.

** Геродот. Книга четвертая, 11.

Учитывая этническую родственность скифов и киммерийцев, можно предположить, что причиной «бегства» киммерийцев явилось не вторжение скифов из заволжских степей, а внутренние процессы развития «военной демократии», и, таким образом, киммерийско-скифский выход в Переднюю Азию становится не вынужденным следствием, а частью некоего заранее разработанного плана завоевания Передней Азии.

И базировался этот план на том, чтобы развернуть наступление в Закавказье по двум оперативным направлениям.

Вдоль берега Чёрного моря наступали «убегающие» киммерийцы.

Вдоль берега Каспийского моря двигались якобы «преследующие» киммерийцев скифы. Пересекая Армянское нагорье с восточной стороны, они выходили в районы, контролируемые Манной и Мидией...

Отметим попутно, что кочевой образ жизни выработал в степняках такое обострённое чувство пространства, которое позволяло им, не пользуясь картами, стратегически грамотно и непривычно для противника планировать ход предстоящих военных операций.

Любопытно, что двести лет спустя, планируя с царём спартанцев Клеоменом I план нового вторжения в Персию, скифский царь Иданфирс предложит похожий ошеломительный по смелости план нанесения одновременного удара.

Скифы должны были вторгнуться вдоль западного берега Каспийского моря, а спартанцы – со стороны Эгейского моря, из Эфеса, и так с разных сторон идти на соединение друг с другом.

Но это произойдёт (вернее, не произойдет!) два столетия спустя, а пока киммерийцы, не преследуемые никем, вошли на территорию Армянского нагорья с запада.

Некоторые историки полагают, что, обосновавшись в сопредельных с царством Урарту землях, киммерийцы начали выплачивать им дань...

Само по себе это предположение содержит фантастическое допущение, будто киммерийцы, которые шли завоевывать новые страны и которые вскоре завоюют всю Малую Азию, собирались кому-то что-то платить.

Ещё более невероятно, что царь Руса I, который жил в ожидании начала войны с Ассирией, мог смириться с появлением у себя в тылу неизвестного, но хорошо вооружённого народа...

Логичнее предположить, что если и останавливались киммерийцы на берегах озера Севан, то только чтобы создать плацдарм для дальнейшего продвижения вглубь Передней Азии, а царь Руса I, который – «с моими двумя конями и моим возничим, моими руками завоевал я царство Урарту!» – отреагировал на появление киммерийцев так, как и должен был отреагировать настоящий правитель-воин.

Он немедленно выступил против вторгшихся в его страну кочевников, и разве его вина, что противник оказался сильнее, чем он рассчитывал?

Главной неожиданностью для Русы I оказалась боевая тактика киммерийцев, опирающаяся на манёвр крупными массами конных стрелков. Ничего подобного правитель Урарту, армия которого состояла преимущественно из пехоты и колесниц, не знал. Так в Передней Азии ещё не воевали.

Белокурые, голубоглазые пришельцы оказались прекрасными наездниками, они могли обстреливать противника, не спешиваясь. В сочетании с высокой пробивной силой стрел, которые отличались исключительными баллистическими качествами, это позволяло им держаться при этом на безопасном расстоянии от урартской армии.

Впрочем вооруженные железными мечами и каменными боевыми молотами киммерийцы были страшны и в рукопашном бою.

Чем занимались киммерийцы и скифы после победы над Русой I – не ясно.

Плутарх, пользовавшийся, вероятно, какими-то недошедшими до нас материалами, считал, что лишь часть киммерийцев покинула Кубань, а основная их масса осталась на родине, на берегах Меотиды (Азовского моря).

Можно было бы предположить, что киммерийцы возвращались с добычей, но это не подтверждается археологическими материалами.

Скорее всего, как сообщает Геродот, «спасаясь бегством от скифов в Азию, киммерийцы заняли полуостров там, где ныне эллинский город Синопа... Ведь киммерийцы постоянно двигались вдоль побережья Понта»...

Отметим тут, что проследить весь путь киммерийцев в Передней Азии трудно не только из-за недостатка исторических документов и свидетельств.

Киммерийцы в Передней Азии действуют на границе реальной войны и мифа, и само движение их осуществляется не только в дневной реальности, но ещё и в некоем **ином**, отличном от реального бытия мире. Особенно явственно становится это по мере проникновения киммерийцев в Малую Азию. Они уподобляются тут мифологическим героям, которые находятся в прямых и тесных отношениях не только со смертными людьми, не только со своими современниками, но и с представителями **иного** мира, заключающего в себе прошлое и будущее.

Так было повсюду в Малой Азии...

Так было и в Синопе...

Неведомо когда и почему царь Теушпа принял решение покинуть Синопский полуостров и продолжить победный поход по Малой Азии.

Вместе с сыном Тугдамме, которого назовут «повелителем вселенной», они ушли в сторону Босфора и Дарданелл, словно бы указывая этот путь будущим империям.

Глава третья ПОВЕЛИТЕЛИ ВСЕЛЕННОЙ

*Свой лик, бессмертною пылающий тоскою,
Сын старший Хаоса, несёшь ты в славе дня!
Пустыни времени лучатся под стезею
Всезрящего огня.
Колющий ореол, гудящий в медных сферах,
Слепящий вихрь креста – к закату клонишь ты
И гасишь тёмный луч в безвыходных пещерах
Вечерней пустоты.*

Максимилиан Волошин

В ассирийских документах киммерийцы возникают снова спустя 35 лет, уже в эпоху Асархаддона. Правда, теперь известия о киммерийцах становятся ещё более запутанными, чем при первоначальном появлении.

В принципе, поначалу и различать ассирийцам было нечего.

Ведь и «убегающие» киммерийцы, и «наступающие» скифы вопреки всем теориям на первых порах достаточно дружно исполняли некий «домашний план», заменяя, когда это было нужно, друг друга.

Дальше «в погоне за киммерийцами» скифы «сбились с пути» и – мы пользуемся тут терминологией Геродота – «вторглись в Мидийскую землю», а киммерийцы, перетекая в Малую Азию, начали боевые операции в Каппадокии.

Однако в Урарту они воевали вместе, и это подтверждается археологическими находками.

Потом ассирийцы поймут, что только в разъединении киммерийцев и скифов заключается для Ассирии возможность противостоять им, но это произойдёт позднее, а поначалу, сталкиваясь с номадами, никто не разбирался, **кто** они...

Действуя испытанным ассирийским способом, Асархаддон собрал армию и перешёл Тавр.

Там и удалось им одержать победу над киммерийцами. Ассирийцам удалось тогда блокировать отряд, где находился сам Теушпа.

«Теушпу, киммерийца, Умман-Манда, место которого отдалено, в стране Хубушна со всем его войском... разбил оружием».

Теушпа, привыкший смотреть в **иное**, словно в глаза своих близких, **ушёл**, как принято было выражаться на аккадском языке, **судьбой своей ночи**.

Часть киммерийской конницы перешла на службу к Асархаддону, но победа в Каппадокии на укрепление безопасности самой Ассирии практически не повлияла.

Киммерийцы продолжали кочевать в стране прекрасных коней (так переводится название Каппадокии) и уже через год, выступая в союзе с Русой II, внуком царя Русы I, разгромили расположенную в центре Малой Азии Фригию и начали нападать на зависимые от ассирийцев земли в верховьях Евфрата.

Сватовство Бартатуа (Партатуа, Претотия) к дочери Асархаддона определило перелом в отношениях киммерийцев со скифами, а сам брак имел ещё более далеко идущие последствия.

Если цари Ишпакай и Бартатуа, принадлежавшие к скифам первого поколения, всё-таки ощущали некую вместе с киммерийцами общность интересов и задач, то относительно скифского царя Мадия, родившегося в браке Бартатуа и дочери Асархаддона, этого уже не скажешь.

Мадий, «скиф второго поколения», уже в девятнадцать лет покорит воевавших с Ассирией мидян, совершит поход в Сирию и Палестину, а в 645 году до нашей эры разгромит и киммерийцев...

В 644 году до нашей эры киммерийцы подошли к Сардам.

Это был один из богатейших городов Передней Азии.

Рядом с городскими стенами протекала речка Пактол, в которой, по свидетельству Геродота, ополоснувшись фригийский царь Мидас, и река (всё, до чего дотрагивался Мидас, превращалось в золото!) наполнилась тогда золотым песком. Из этого золота и чеканил первые в мире золотые монеты лидийский царь Гиг, который пришёл к власти, умертвив царя Кандавла и взяв в жены его вдову.

Гиг погиб при защите своей столицы, и Сарды пали. Лидия была покорена и разграблена киммерийцами...

Следом за Сардами пришёл черед ионийских городов...

На этрусских вазах киммерийцев изображали всадниками в высоких шапках. Возле их коней скакали псы...

Собаки – неперенные помощники кочевников-скотоводов. Трудно без собак управлять овечьими отарами...

Собаки сопровождали киммерийские отряды и в боевых походах. Возможно, они участвовали в сражениях, возможно, отгоняли злых духов.

Должно быть, такими, схожими с кентаврами, окружёнными псами, и появились киммерийцы у стен Эфеса.

Взятие ионийских городов – последние победы в венце «повелителя вселенной» киммерийского царя Тугдамме.

В 640 году до нашей эры Тугдамме, который, как и его отец Теушпа, умел смотреть в **иное**, исчезает в этом **ином**...

До сих пор неясно, кто победил его и кто его убил.

Римский сановник, страстный любитель псовой охоты историк Флавий Арриан связал гибель киммерийцев с аконитом, поев которого, они «имели несчастную судьбу – ведь у них был обычай есть траву».

Аконит, как мы знаем из описания одиннадцатого подвига Геракла, вырос из ядовитой слюны адского пса Цербера...

То, что киммерийцы дружно начали поедать траву, у которой даже и запах считается ядовитым, можно объяснить только колдовством. А от этого колдовства Тугдамме не смогли спасти и киммерийские псы, предназначенные отгонять злых духов.

Мы уже говорили, что киммерийцы в Малой Азии, подобно героям античной мифологии, находились в таких же тесных отношениях с мифологическими персонажами, как и с реальными соплеменниками или реальными врагами, всё время пребывали они в **ином**, отличном от реального бытия мире.

Иное всегда оставалось с ними. Они несли его в себе или оно тянулось за ними – это неважно.

Без **иного** их нет. **Иное** – часть их.

С этим и связано их исчезновение неведомо куда.

Совершенно определённо известно, что назад они не вернулись.

Калимах из Кирены написал в собственной эпитафии, что он и «песни умел слагать, а подчас и за вином не скучать», точно так же, как и другой поэт, живший в Крыму два с половиной тысячелетия спустя:

*Голубые просторы, туманы,
Ковыли, да полынь, да бурьяны...
Ширь земли да небесная лепь!
Разлилось, развернулось на воле
Припонтийское Дикое Поле,
Тёмная Киммерийская степь.*

Хотя в этих стихах Максимилиана Волошина и нет отсылок к историческим источникам, но поэтическое узнавание народной судьбы присутствует здесь совершенно точно...

*Вся могильниками покрыта –
Без имён, без конца, без числа...
Вся копытом да копытами взрыта,
Костью сеяна, кровью полита
Да народной тугой поросла.*

*Только ветер закаспийских угорий
Мутит воды степных лукоморий,
Плещет, рыщет – развалист и хляб –
По оврагам, увалам, излогам,
По немеряным скифским дорогам
Меж курганов да каменных баб...*

И как тут не вспомнить, что роману Михаила Александровича Шолохова «Тихий Дон», этому великому эпическому полотну, предпослан безымянный эпиграф:

*«Не сохами-то славная землюшка наша распахана...
Распахана наша землюшка лошадиными копытами,
А засеяна славная землюшка казацкими головами,
Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами,
Цветёт наш батюшка тихий Дон сиротами,
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими,
материнскими слезами»...*

Да и сам род Мелеховых, ставших героями романа, словно отзвук, рождающийся в древней степи, тоже ведь начинается на Татарском кургане, куда вечерами, когда вьются зори, приносит на руках Прокофий Мелехов свою молодую, привезённую из турецких краёв жену, сажает её «на макушке кургана, спиной к источенному столетиями ноздреватому камню», садится с ней рядом, и так подолгу глядят они в степь.

«Глядели до тех пор, пока истухала заря»...

Глава четвёртая ЧТО ДЕЛАЛИ СКИФЫ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ?

*В курганах грузных, сидя на коне,
Среди богатств, как завещали деды,
Спят наши грозные цари; во сне
Им грезятся пиры, бои, победы.*

Валерий Брюсов

Примерно столетие длились в Передней Азии события, названные нами «киммерийским выходом».

Начало их датируется 714 годом до нашей эры, когда киммерийцы нанесли поражение царству Урарту. Затем сами киммерийцы были сокрушены скифами, а скифская история в Передней Азии завершилась знаменитым пиром Киаксара, на котором, напоив скифских предводителей, мидийский царь приказал перебить их.

«28 лет владычествовали скифы в Азии и своей наглостью и бесчинством привели всё там в полное расстройство, – пишет Геродот. – Ведь, помимо того что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы ещё разъезжали по стране и грабили всё, что попадалось».

Оценка суровая, но подчеркнём, что относится она к завершающему этапу «киммерийского выхода» и, как представляется, не исчерпывает его содержания.

Современные исследователи довольно свободно передвигают 28-летие гегемонии скифов.

Автор монографии «Вавилон легендарный и Вавилон исторический» Виталий Александрович Белявский, совмещавший занятия ассириологией с работой сторожем на заводе имени Козицкого в Ленинграде и считавший, что «именно ассириологи являются обладате-

лями ключа к пониманию всемирной истории», начинал отсчёт скифского 28-летия с 623 года до нашей эры...

Ассирийская армия ушла в тот год смирать отпавший Вавилон, и царь Мидии Каштарити решил воспользоваться удобным случаем и нанести могущественному соседу удар в спину.

Однако тогда сокрушить Ассирию мидийцам не удалось.

Получив известие, что они подступили к Ниневии (столице Ассирии), Ашшур-этиль-илани прервал наступление на Вавилон и, оставив сильный гарнизон в Шаллате, повернул назад. В результате мидийцы были разгромлены, а Каштарити убит.

Этой победе «витязя богов» (так переводится имя Ашшур!) отчасти способствовало наступление на Мидию царя скифов Мадия, который приходился Ашшур-этиль-илани двоюродным братом.

Совсем нетрудно угадать, чем могло обернуться для Мидии хитроумное легкомыслие Каштарити...

Однако небесные силы берегли будущую победительницу Ассирии.

«Витязь богов», Ашшур-этиль-илани, следом за побеждённым им Каштарити ушёл *судьбой своей ночи*, и Киаксар, сын Каштарити, проявив поразительную дипломатическую ловкость, сумел воспользоваться этим обстоятельством. С небольшой свитой он явился к Мадии и объявил, что покоряется скифам.

Возможно, в других обстоятельствах это и не предотвратило бы расправы, и Мидия, повторяя судьбу других побеждённых стран, всё равно была бы разграблена и предана мечу и огню, но тут обстоятельства снова сыграли на руку хитроумному Киаксару.

Пустевший после Ашшур-этиль-илани ассирийский престол занял двоюродный брат Мадия, Синшар-ишкун, который провозгласил себя «царем вселенной».

Может быть, у него были сложности в отношениях со скифским сородичем, а может, Мадий, уже числивший среди своих титулов звание победителя киммерийского «повелителя вселенной», возревновал к новому «царю вселенной», но он принял предложение Киаксара.

В итоге возникло новое образование, названное Скифским царством, которому мидийцы и обязались выплачивать дань.

«Роман» с Мадием растянулся на десятилетия и, втягивая в себя многочисленные походы и войны, залил кровью всю Переднюю Азию.

Смысл этот кровавый поток и великое Ассирийское царство, хотя поначалу ничто не предвещало столь печального исхода.

Сделавшись данником Скифского царства, Киаксар немедленно приступил к формированию новой мидийской армии, и помогали ему в этом... скифы.

Геродот сообщает, что Киаксар даже своих сыновей отдал в выучку скифам.

Почувствовать было чему...

Пока киммерийцы и скифы не вторглись в Переднюю Азию, здесь считали, что воевать верхом невозможно.

Все силы наездников уходили на то, чтобы удержаться на скакуне, и поэтому перед схваткой всадник спешивался. Воевали пехотинцы, вооружённые мечами и копьями или луками.

Ударную силу армий составляли колесницы.

В ассирийском войске боевые колесницы появились ещё в XI веке до нашей эры...

Была в ассирийском войске и конница, но поскольку всадники сидели на неосёдланных лошадях или в высоких сёдлах без стремян, бой приходилось вести парами: один конник был вооружён луком, другой – копьем и щитом.

Скифы же изобрели седла, позволявшие им прочно держаться на скакунах, не пользуясь руками, которые оставались свободными...

Это было непростое искусство, приходилось (в руках находился лук!) балансировать только с помощью ног и наклона корпуса.

Зато можно было на скаку стрелять из лука.

Лук у скифов тоже был необычным...

«В то время как луки всех народов сгибаются из гнувшихся древков, луки скифские <...> выгнутые с обеих сторон широкими и глубокими внутрь рогами, имеют вид луны во время ущерба, а середину их разделяет прямой и круглый брус», – сообщает Аммиан Марцеллин.

Сами луки были небольшими, до семидесяти сантиметров длиной, но дальнобойными, поскольку скифы натягивали тетиву лука не к груди, как было принято, а к противоположному плечу, обеспечивая максимальное натяжение, а значит, и максимальную убойную силу стрелы. Скифы умели одинаково свободно пользоваться левой и правой руками для натягивания тетивы и накладки на лук стрелы.

Разумеется, чтобы добиться быстрой, точной стрельбы и большей дальности полёта, требовалось длительное обучение, но в ходе занятий искусство стрельбы из лука доходило до такого совершенства, что некоторые писатели древности искренне считали, будто «лук и стрелы изобрёл Скиф, сын Юпитера».

Грудь скифского всадника защищал пластинчатый панцирь, составленный из нашитых на кожаную основу похожих на рыбью чешую металлических пластинок. Такой доспех отличался гибкостью и не стеснял движений.

Как пишет в монографии «Скифские лучники» Е. В. Черненко: «Скифское вооружение по праву считалось одним из наиболее совершенных для своего времени. Скифами был создан комплекс вооружения, не претерпевший сколько-нибудь серьёзных изменений и

дополнений вплоть до изобретения огнестрельного оружия».

Хотя Геродот и ограничивает описание реформы мидийской армии разделением войска по видам оружия (теперь отряды копьеносцев, лучников и всадников могли действовать, не смешиваясь друг с другом, что значительно повышало их боеспособность!), однако трудно предположить, что до Киаксара мидийских копьеносцев заставляли ходить в бой вперемешку с конниками, и это значит, что слова о разделении вменяют в себя какие-то иные, более принципиальные преобразования.

Видимо, в ходе реформы в единые отряды объединялись те небольшие группы копьеносцев, лучников и всадников, которые приводили племенные вожди, и таким образом прежнее разношёрстное мидийское ополчение превращалось в настоящую армию, способную без каких-либо дополнительных согласований совершать единые войсковые действия.

Более того, создавая свою армию, Киаксар продолжил отцовское дело строительства Мидии, и тут ему, так же как в военном деле, помогали скифы, поскольку, сами того не сознавая, они способствовали созданию единого государственного языка и единой государственной религии.

«Что до обычаев персов, то я могу сообщить о них вот что, – пишет «отец истории». – Воздвигать статуи, храмы и алтари богам у персов не принято. Тех же, кто это делает, они считают глупцами, потому, мне кажется, что вовсе не считают богов человекоподобными существами, как это делают эллины. Так, Зевсу они обычно приносят жертвы на вершинах гор, и весь небесный свод называют Зевсом. Совершают они жертвоприношения также солнцу, луне, огню, воде и ветрам. Первоначально они приносили жертвы только этим одним божествам, затем от ассирийцев и арабов персы научились почитать Уранию (ассирийцы называют Афродиту Милиттой, арабы – Алилат, а персы – Митра)».

Отождествляя Ахурамазду с Зевсом, Геродот, кажется, и не замечает, что, называя небесный свод Зевсом, он переходит почти на прямое цитирование Гат, свидетельствующих, что Мазда «несёт мощные небеса подобно одеяниям».

Однако ещё интереснее в свидетельстве Геродота то, что зороастризм в верованиях персов сохранял и поклонение божествам древней арийской религии – солнцу, луне, земле, огню, воде, ветру.

Наверное, это происходило и в скифском исповедании зороастризма или того, что они оставили себе от Авесты...

Религиозные понятия трудно сопрягаются с образом «бесчинствующих» кочевников...

Слишком мало материальных следов осталось от кочевых империй, чтобы можно было с безупречной доказательностью говорить об их духовной жизни.

Размышляя о корнях скифского «звериного стиля», конечный результат которого дошёл до нас во многих высокохудожественных изделиях, исследователи обыкновенно ограничиваются изучением технологии и сосредотачиваются на дискуссии, где – в Передней или Центральной Азии – заимствовали скифы свой художественный метод.

Это же относится и к религиозным представлениям скифов.

К сожалению, скифские предания сохранились только в текстах греческих авторов и, соответственно, оказались переработанными на эллинский лад, но всё же, когда читаешь их, отчётливо различаешь за напластованиями другой культурной традиции неразрывную связь с авестийскими сюжетами.

Как считается, в 622–621 годы до нашей эры скифские отряды под предводительством Мадия покатались через окраины Ассирии на юг, к границам Иудеи и Египта.

По пути были разорены многие города Сирии и Киликии, но основным удар пришёлся по Палестине. Город Бет-Шеан на северо-востоке страны, который служил базой для скифских набегов, получил название Скифополь.

Фараон Египта Псамметих не стал дожидаться разорения своей страны.

Он сам с богатыми дарами выехал навстречу Мадью, и тот согласился на мир и повернул назад, на север.

На обратном пути скифы превратили палестинское побережье, как сказал иудейский пророк Софоний, в «пастуший овчарник и загон для скота».

А Геродот отметил, что, возвращаясь, нагруженные «данью» Псамметиха скифы прибыли в сирийский город Аскалон: «Большая часть скифского войска прошла мимо, не причинив городу вреда, и только несколько отсталых воинов разграбили святилище Афродиты Урании.

Как я узнал из расспросов, это святилище – самое древнее из всех храмов этой богини. Ведь святилище на Кипре основано выходцами оттуда, как утверждают сами киприоты, а храм в Кифере воздвигли финикийцы, жители Сирии Палестинской.

Грабителей святилища в Аскалоне и всех их потомков богиня наказала, поразив их навеки «женским» недугом. И не только сами скифы утверждают такое происхождение их болезни, но и все посещающие Скифию могут видеть страдания так называемых энареев».

Печальное приключение скифов в Аскалоне, так убедительно описанное Геродотом, интересно ещё и тем, как легко смыкалась кровавая беспощадность реального скифского набега с мифологией, превращающейся в этой крови и жестокости в новую реальность.

Как известно, Афродита Урания родилась в морской пене из крови оскопленного Урана.

В «Теогонии» Гесиода сказано:

*Член же отца детородный, отсечённый острым
железом,
По морю долгое время носился, и белая пена
Взбилась вокруг от нетленного члена. И девушка
в пене
В той зародилась...*

Эта последняя дочь Урана стала у греков олицетворением плодородия.

«Благословенное небо, набухшее от дождя, желает, по воле Афродиты, излиться на землю, – писал Еврипид. – И когда они соединятся друг с другом, то производят для нас и рожают всё то, благодаря чему человечество живёт и процветает».

Считается, что аскалонский храм был посвящён не просто Афродите Урании, а Астарте, являющейся соединением Афродиты Урании и богини любви и власти Иштар, заимствованной греками из шумеро-аккадского пантеона через культуру финикийцев.

Морской пеной из крови оскопленного сына Хаоса, отца нимф, титанов, циклопов и сторуких исполинов – гекатонхейров, плеснула Астарта и на своих скифских гостей, превращая их в полном соответствии с шумерскими законами в своих жрецов-энареев* – кастратов и гермафродитов.

После похода на Египет и «дани», собранной в Аскалоне, и начинаются годы владычества скифов в Азии, когда они, как отметил Геродот, «помимо того что собирали с каждого народа установленную дань, ещё разъезжали по стране и грабили всё, что попадалось».

Валерий Брюсов в стихотворении «Скифы», следуя «научной» традиции, эксплуатирующей модель грабительской и военной экономики скифов, словно бы и не замечает поначалу, что сражения и грабежи не исчерпывали всего содержания скифской жизни.

*Лелеяли нас вьюги и мороз;
Нас холод влёл в метельный вихрь событий;
Ножом вино рубили мы, волос
Замёрзших звякали льдяные нити!
Наш верный друг, учитель мудрый наш,
Вино ячменное живило силы:
Мы мчались в бой под звоны медных чаш
На поясе, и с ними шли в могилы.
Дни битв, охот и буйственных пиров,
Сменяясь, облик создавали жизни...
Как было весело колоть рабов.
Пред тем, как зажигать костёр на тризне!*

* Энареи – от иранского «анарья» – немужественный.

Но Брюсов пишет стихи, и сама мистическая динамика поэтического ритма выводит его из схематизированного пространства и позволяет прикоснуться к реальности жизни далёких веков...

*Но, в стороне от очага присев,
Порой, когда хмелели сладко гости,
Наш юноша выделявал для дев
Коней и львов из серебра и кости.
Иль, окружив сурового жреца,
Держа в руке высоко факел дымный,
Мы, в пляске яркой, пели без конца
Неистово-восторженные гимны!*

К сожалению, проиллюстрировать, что могли петь скифы у костров, нам не удастся, поскольку переводы Гат как на русский, так и на другие языки практически не передают их внутреннего содержания.

Глава пятая СКИФСКАЯ АВЕСТА

*Если тому, кто мудр, достоин и хорош,
судьба станет врагом, то его мудрость
превратится в глупость, достоинство –
в невежество, а знания и умение окажутся
бесполезными.*

Авеста

116

В Передней Азии происходило тогда то, что и должно происходить, когда какому-либо выдающемуся правителю удаётся, подобно царю Мидии Киаксару, укрепить своё государство и создать мощную армию.

Скифы, занятые переустройством Передней Азии, которое большинству историков, как и Геродоту, представлялось безудержным разбоем и грабежом, не вмешивались в ожесточённое противостояние Ассирии, Вавилона и Мидии.

Когда завершена была реорганизация мидийской армии, Киаксар решил, что наступило время для решения главной задачи – уничтожения Ассирии.

В 616 году до нашей эры вавилоняне осадили Ашшур – второй по значению город Ассирии.

Ассирийцам удалось отразить вавилонский натиск, прибегнув к помощи маннеев и египтян, обеспокоенных усилением Вавилона.

Но на помощь Набопаласару пришли мидийцы. В 614 году до нашей эры они переправились через реку Тигр и после осады взяли древнюю столицу Ассирии. Мидийцы разграбили Ашшур и разрушили его до основания.

Неизвестно, помогали ли Киаксару скифы, но они и не мешали, а когда к развалинам Ашшура прибыл вавилонский царь Набопаласар (Набуаплуцур) и поспешил закрепить союз с мидийским царём, женив своего

сына Навуходоносора на дочери Киаксара, оказалось, что Киаксару можно теперь и не считаться со скифами.

Вполне возможно, что само заключение союза Мидии и Вавилона было обусловлено присутствием скифов. Киаксар использовал их как занесённый меч и, если бы союз не был заключён, он вполне мог побудить скифов обрушиться на Вавилон.

Но союз оказался заключён, и скифское присутствие начало тяготить мидийского царя.

Надо сказать, что в «романе» мидян со скифами Киаксар вёл себя гораздо мудрее, нежели скифский владыка. Он точно просчитывал политические риски и делал безошибочные ходы. В результате ему без особого труда удалось превратить своего победителя в союзника, а затем и уничтожить его...

Существуют неясные утверждения, что именно 613 годом до нашей эры следует датировать упразднение скифского царства. В какой форме это было сделано, не ясно, тем более что и дальше скифы продолжают взаимодействовать с мидийцами.

Вместе были они и в 612 году до нашей эры, когда, исполняя Божию волю, Киаксар и вавилонский царь Набопаласар приступили к столице Ассирии Ниневии.

Три месяца длилась осада, но потом, как и было предсказано Наумом Елкосеянином, союзные войска разрушили плотины, и началось наводнение, которое – «Ниневия со времени существования своего была как пруд, полный водою!» – подмыло сырцовую стену, и осаждающие ворвались в неприступный город.

«Горе городу кровей! весь он полон обмана и убийства; не прекращается в нём грабительство.

Слышны хлопанье бича и стук крутящихся колёс, ржание коня и грохот скачущей колесницы.

Несётся конница, сверкает меч и блещут копыта; убитых множество и груды трупов: нет конца трупам, спотыкаются о трупы их.

Это – за многие блудодеяния развратницы приятной наружности, искусной в чародействе, которая блудодеяниями своими продаёт народы и чарованиями своими – племена.

Вот, Я – на тебя! говорит Господь Саваоф. И подниму на лице твое края одежды твоей и покажу народам наготу твою и царствам срамоту твою.

И заброшу тебя мерзостями, сделаю тебя презренною и выставлю тебя на позор.

И будет то, что всякий, увидев тебя, побежит от тебя и скажет: «Разорена Ниневия! Кто пожалеет о ней? где найду я утешителей для тебя?..»

Это пророчество исполнилось.

Ниневия была разрушена до основания, большинство жителей – перебито.

Царь вселенной Син-шар-ишкун, чтобы не попасть в плен, поджёг свой дворец и погиб в пламени вместе с жёнами.

Ассирийское царство прекратило своё существование.

На развалинах его разрослись Мидийское государство, вобравшее в себя северную часть Ассирии, и Новоавассирийское, включившее в себя Вавилон, Месопотамию, Сирию и Палестину.

Оговоримся ещё раз, что датировка событий скифского 28-летия чрезвычайно сложна и запутана.

И. М. Дьяконов относит возвращение скифов из Передней Азии приблизительно к 625 году до нашей эры. По Геродоту, это событие в пересчёте на нынешнюю хронологию должно было произойти до 612 года. В. А. Белявский в ходе сложных подсчётов приходит к выводу, что событие это следует датировать 595/594 годами до нашей эры.

Определённую путаницу вносит в этот вопрос и Геродот, дважды описывая разрыв мидийцев со скифами.

Он упоминает о пире, на котором Киаксар напоил скифов допьяна, а потом велел всех предать смерти, а также, только гораздо более подробно, повествует об орде мятежных скифов-кочевников, переселившихся в Мидийскую землю.

«Царём же мидян, – пишет Геродот, – в то время был Киаксар, сын Фраорта, внук Деиока. Царь сначала дружелюбно принял этих скифов, так как они пришли просить убежища, и даже отдал им своих сыновей в обучение искусству стрельбы из лука...»

Можно было бы предположить, что речь тут идёт о разных группах скифов, тем более что скифы царя Мадии, по существу завоевавшие Мидию, очень мало были похожи на орды мятежных кочевников, которые просят убежища, только как же эти мятежники могли переселиться на территорию, подконтрольную скифам, против которых они и «мятежничили»?

Да и дальнейшее поведение «мятежных» скифов из рассказа Геродота совершенно не похоже на поведение гостей, которых приютили из милости.

«По прошествии некоторого времени вышло так, что скифы, которые постоянно занимались охотой и всегда добывали дичь, ничего не убили. Когда они вернулись с пустыми руками, Киаксар (человек, очевидно, вспыльчивый) обошёлся с ними весьма сурово и оскорбительно...»

Странно, что охотничья неудача вызывает такую бурную реакцию Киаксара, но ещё более странным выглядит поведение обиженных скифов:

«Получив такое незаслуженное оскорбление от Киаксара, скифы решили разорвать на куски одного из мальчиков, бывших у них в обучении. Затем, выпотро-

шив, как обычно потрошат дичь, подали на стол Киаксару как охотничью добычу».

Напомним, что мальчиками, обучавшимися у скифов искусству стрельбы из лука в рассказе Геродота, были сыновья Киаксара, и одного из них звали Астиаг.

Царь Киаксар отдавал мяса другого своего сына...

На первый взгляд, в этом рассказе Геродота содержится преувеличение.

Хотя обычай скармливать отцу мясо его сына и был знаком царям Передней Азии, но всё-таки поступить так в ответ на насмешку – это явный перебор даже и для совсем уж безбашенных, как говорят теперь, кочевников.

Скорее всего, здесь мы сталкиваемся с тем языком, которым пользовались скифы, и язык этот не вмещался ни в аккадское, ни в микенское наречия.

Ещё с одним образчиком скифского языка мы столкнёмся, когда будем говорить о «переписке», которую – птица, мышь, лягушка и пять стрел – столетие спустя заведут скифские цари с царём Дарием.

Видимо, как к переводу с этого языка и следует отнестись к процитированному нами рассказу, и, если учесть неизбежные неточности и накладки, нам удастся с достаточно большой точностью вписать рассказ Геродота в последовательность реальных событий скифско-мидийско-лидийских отношений.

«После этого скифы хотели немедленно бежать в Сарды к Алиатту, сыну Садиятта. Так это и произошло: Киаксар и его гости отдавали этого мяса, а скифы от-
 118
 дались под защиту Алиатта»

Глава шестая АМАЗОНКИ

*Скифские суровые дали,
Холодная, тёмная родина моя,
Где я изнемог от печали,
Где змея душит моего соловья.*

Фёдор Сологуб

Загадками окружено проникновение скифов в Переднюю Азию.

Не менее загадочно и возвращение их на родину, которой ещё предстоит стать территорией Великих империй...

«Когда затем после 28-летнего отсутствия спустя столько времени скифы возвратились в свою страну, их ждало бедствие, не меньшее, чем война с мидянами: они встретили там сильное вражеское войско. Ведь жены скифов вследствие долгого отсутствия мужей вступили в связь с рабами... – пишет Геродот. – От этих-то рабов и жён скифов выросло молодое поколение. Узнав своё происхождение, юноши стали противиться скифам, когда те возвратились из Мидии. Прежде всего, они оградили свою землю, выкопав широкий ров от Таврийских гор до самой широкой части Меотийского озера.

Когда затем скифы пытались переправиться через озеро, молодые рабы, выступив им навстречу, начали с ними борьбу.

Произошло много сражений, но скифы никак не могли одолеть противников; тогда один из них сказал так: «Что это мы делаем, скифские воины? Мы боремся с нашими собственными рабами! Ведь когда они убивают нас, мы слабеем; если же мы перебьём их, то впредь у нас будет меньше рабов. Поэтому, как мне думается, нужно оставить копья и луки, пусть каждый со своим кнотом пойдёт на них. Ведь пока они видели нас вооружёнными, они считали себя равными нам, то есть свободнорождёнными. Если же они увидят нас с кнотом вместо оружия, то поймут, что они наши рабы, и, признав это, уже не дерзнут противиться».

Услышав эти слова, скифы тотчас последовали его совету. Рабы же, устрешённые этим, забыли о битвах и бежали. Итак, скифы были властителями Азии; затем после изгнания их мидянами они таким вот образом возвратились в родную страну...»

В этом описании, где поучительное предание смыкается с реальными фактами возвращения скифов, перед нами приоткрывается одна из важнейших проблем столетия, названного нами «киммерийским выходом».

Вообще-то скифы кочевали не отдельными хозяйствами, а общинами, составленными из семейных хозяйств. Вместе передвигались они по степи в подвижных домах-кибитках, сообщая перегоняли животных с пастбища на пастбище и охраняли их.

Сам образ кочевой жизни не предполагает безусловной территориальной привязки, и поэтому неясно, как уходили скифы в Переднюю Азию.

Если судить по длительности их пребывания там, они должны были забрать с собою и жён, и детей, и стариков... Но тогда это превратило бы «выход» в обычную перекочёвку и сделало бы скифов беззащитными, поскольку превращённая в табор армия лишилась бы главного своего преимущества – мобильности.

Едва ли скифы смогли бы противодействовать многочисленным, хорошо вооружённым войскам Урарту, Лидии и Мидии, если бы при этом оказались обременены семейными обозами.

Это подтверждается и археологическими исследованиями. Все скифские курганы, обнаруженные к югу от Кавказского хребта, являются могилами мужчин-воинов.

Как бы подтверждая сообщение Геродота, Помпей Трог пишет, что было три похода скифов в Переднюю Азию.

После первого похода, который длился пятнадцать лет, жены лишь пригрозили воинственным мужьям возможной изменой, а во время третьего похода, когда скифов не было дома восемь лет, взяли в мужья рабов.

В принципе золотые изделия урартского и ассирийского происхождения, найденные в курганах на реке Калитве в Донбассе, подтверждают, что какие-то связи скифов, воюющих в Передней Азии, и скифов, оставшихся на родине, не прерывались, но очень трудно допустить, что война в Передней Азии велась, так сказать, «вахтовым» методом.

Огромные массы кочевников должны были преодолеть неблизкий путь до родных кочевий, чтобы потом, возвратившись, заново утверждаться на уже завоёванных территориях...

Тем более что разлука с семьями и исчисляемые десятилетиями сроки тоже могли обернуться катастрофой для всего скифского этноса...

Разгадка, на наш взгляд, заключается в отказе от общего, единообразного подхода ко всем скифским племенам, родам и сообществам.

Разумеется, если и уходили в поход с мужчинами-воинами женщины, то не все, точно так же и мужчины тоже уходили не все, в каждом месте численность их определялась по-своему. Где-то баланс удерживался на устойчивом уровне, но кое-где происходили и необратимые процессы.

Случайно ли, но именно во время «киммерийско-скифского выхода» в причерноморских степях возникают многочисленные известия и предания о племенах, состоящих исключительно из женщин, принявших на себя воинские обязанности.

Рассказы эти разнятся у различных историков как географией местопребывания амазонок, так и историй их появления, но неизменным остаётся в них присутствие скифской составляющей.

Римлянин Помпей Трог утверждал, например, что амазонки ведут свой род от скифов, и рассказал, как скифские юноши Плин и Сколопит, изгнанные из отечества проiscaми вельмож, увлекли за собой множество молодёжи и поселились на капподокийском берегу, у реки Термодонты*, где «в течение многих лет грабили соседей и потом были изменнически убиты вследствие заговора народов...

Жены их, видя, что к изгнанию прибавилось сиротство, сами взяли за оружие и стали защищать свои владения сначала оборонительными войнами, а потом наступательными. Они не хотели и думать о брачных связях с соседями, называя их рабством, а не браком.

Представляя единственный в своём роде для всех веков пример, они решились править государством без мужчин и даже с презрением к ним; для этого, чтобы одни не казались счастливее других, они перебили и тех мужчин, которые оставались дома, и отомстили за избиение мужей избиением соседей.

* Сейчас – Терме-чай, река в Турции, впадающая в Чёрное море.

Но затем, оружием снискав мир, они вступили в половые сношения с соседями с целью предотвратить гибель своего рода. Если рождались дети мужского рода, они их убивали, а девочек воспитывали в одних с собой нравах, приручали к оружию, лошадям и охоте».

Диодор Сицилийский называл свои рассказы об амазонках «похожими на сказку вследствие своей невероятности», подчёркивая доминирование над историческими сведениями античной мифологии.

В принципе мы могли видеть это на примере истории амазонки Синапы, которую даже алкоголизм не способен был удержать от засасывания в античный миф.

Так было в залитой солнцем античного мифа Каппадокии.

Изображения женщин-воинов из самой Скифии разнятся от греческих, облачённых в короткие хитоны дочерей Ареса и Гармонии. Разнится и среда их обитания. И, конечно, не только своей географией.

Если греческие амазонки существуют на краю эллинского мира и окружены зыбким пространством прихотливо-эротического мифа, то скифские амазонки возникают в суровой и беспощадной реальности степной жизни.

Скифские амазонки гораздо прозаичнее и реальнее своих двойников из античной мифологии.

Ещё в 1928 году в местечке Земо-Ахвала на побережье Чёрного моря было вскрыто захоронение, в котором оказался «князь» в полных доспехах и во всеоружии; здесь же лежал и двойной топор.

Однако детальное изучение скелета показало, что это останки женщины.

В 1971 году, на этот раз на Украине, было найдено захоронение женщины, погребённой с царскими почестями. Рядом с ней лежал скелет девочки с роскошными украшениями. Вместе с ними в могилу положили оружие и золотые сокровища, а также двух мужчин, умерших, как выяснилось, «неестественной смертью».

Видимо, здесь тоже лежала царица амазонок с убитыми для неё рабами.

В 90-е годы прошлого века во время раскопок близ местечка Покровка в Казахстане были найдены могилы других воительниц. Рядом с женскими скелетами лежали дары: наконечники стрел и кинжалы. Возраст захоронения – две с половиной тысячи лет.

Как показывают археологические раскопки, в скифских могилах женщин гораздо больше, чем мужчин. Мужчины, которых недостаёт в скифских захоронениях, гибли в походах и гибли иногда целыми родами и племенами.

Это, как и превращение части мужского населения в жрецов-энреев, неизбежный итог происходящих в эпоху военной демократии процессов.

Не следует забывать и того, что за годы владычества в Передней Азии многие скифы приохотились к вину.

Ритуальное потребление опьяняющего напитка «ха-ома», которое, согласно Авесте, даровало «всестороннее знание», наверное, было известно скифам и раньше, но с употреблением виноградного вина до похода в Переднюю Азию они знакомы не были.

Разумеется, спаивание скифов, когда многие из них станут уподобляться герою стихов Парменона Византийского, произойдёт столетия спустя, но начало этому процессу было положено уже в Передней Азии...

*Муж, поглощающий вино, как воду конь,
говорящий только по-скифски и не умеющий
написать ни буквы,
лежит, не в состоянии сказать ни слова,
плаывая в пифосе*, уснув, будто выпил опия...*

Когда оставшиеся в одиночестве скифские женщины встречались в степи с группами других мужчин, происходило то, что не могло не произойти, возникало новое племя, новый этнос, который не был похож на тот, что был здесь ранее, но который невозможно было отделить от предшествующего.

По сообщению Геродота, от амазонок произошли сарматы, поразительно схожие со скифами, но ставшие их врагами, вернее, их заместителями в причерноморских степях.

Эту скифско-сарматскую метаморфозу в наши дни воспел поэт Леонид Корнилов:

*Сгинул с клёкотом ворон пропащий.
Раной рубленой вытекла даль.
Поцелуями камень наждачный
Молодит утомлённую сталь.
Тает вымя в губах жеребёнка.
И отвар выкипает в огонь.
На высоком бедре амазонки
Дремлет меч, как мужская ладонь.
И ревнует клинок к рукояти
Эту сонно опавшую кисть,
Эти косы, что в нежных объятьях
Над вздыхающей грудью сплелись.
Меч скифянку ревнует к кинжалу,
К луку, стрелам, седлу, стременам.
Любит он, как по лезвию-жалу
Чутким пальцем проводит она.
Только в сече он – ярый любовник.
И в смертельном открытом бою
Рассекает сведённые брови
Лишь за взгляд на хозяйку свою.
Как кричит она в битве и стонет
И щиты разрубает с плеча.
На скаку, заливая ладони,
Кровь чужая стекает с меча.*

* Большой кувшин для хранения зерна и вина. Размером он мог превосходить человека.

*Белокурая смерть – синеока,
Влита в кожу косули до пят,
Как прекрасна она и жестока
Там... три тысячи вёсен назад.*

*Там, где только во сне и полюбит...
Дух сарматского пота с губ
Ветер смое. И меч погубит
Вожака, что насильно люб.
Но взойдёт запавшее семя.
И природа своё возьмёт.
Разрешится тугое бремя.
В землю меч от тоски войдёт.
И с рождением новой силы,
Чтобы русскую даль беречь,
Амазонка подарит сыну
Вместо первой игрушки – меч.*

Об этом писали Геродот и Гиппократ.

«В Европе есть народ скифский, который населяет страну возле озера Меотийского и весьма много разнится от прочих народов: они называются савроматами, – читаем мы у Гиппократа. – Их женщины ездят на конях, стреляют из лука и бросают копья с коня, и ведут войну с врагами, и это до тех пор, пока остаются девицами, и не прежде слагают девство, как не убьют трёх врагов, и не прежде сходятся с мужчинами, пока не исполнят священных обрядов в честь отечественного бога. Избравшая себе мужа перестаёт ездить на коне, пока не настанет необходимость в общем походе на войну. Правой груди они не имеют, ибо ещё во время младенчества матери накладывают на правую грудь накалённый медный инструмент, для этого сделанный, и прижигают её, чтобы уничтожить её рост и чтобы вся сила и полнота перешли к правому плечу и руке».

Греки презрительно-завистливо называли савроматов женоуправляемыми племенами.

Историк Полиен в своих «Военных хитростях» рассказывает об Амаге – жене царя савроматов Мидоссака.

Видя, что муж предаётся разгулу и пьянству, она сама взялась за управление народом. Сама расставляла гарнизоны по своей стране, сама отражала набеги врагов и помогала соседям.

Амага послала скифскому царю приказание прекратить набеги на Херсонес, когда же скиф не послушался, то она выбрала 120 человек и, проскакав с ними 1 200 стадий, внезапно явилась ко двору царя и перебила всех стражей, стоящих у ворот, Амага убила и скифского царя, а страну отдала херсонесцам; вручив царскую власть сыну убитого, приказав ему править справедливо и, помня кончину отца, не трогать соседних эллинов и варваров.

Полулегендарные предания об амазонках и в дальнейшем вращались в реальность степной жизни и опре-

деляли уже сам ход мировой истории в последующие века.

Именно с амазонками связывали Константин Александрович Иностранцев и Лев Николаевич Гумилёв превращение хуннов во II–IV веках нашей эры в гуннов.

«Король гóтов Филимер, при котором готы во второй половине II веке появились на Висле, привёл свой народ в страну Ойум – страну, изобилующую водой. Предполагается, что страна Ойум располагалась на правом берегу Днепра. Там Филимер разгневался на каких-то женщин, колдуний, называемых по-готски «галиурунами», и изгнал их в пустыню, где с ними встретились «нечистые духи», и потомки их образовали племя гуннов.

Видимо, так и было.

Хунны, спасшиеся от стрел и мечей сянбийцев, оказались почти без женщин. Ведь редкая хуннка могла вынести тысячу дней в седле без отдыха. Описанная в легенде метисация – единственное, что могло спасти хуннов от исчезновения.

Но эта метисация, вместе с новым ландшафтом, климатом, этническим окружением так изменили облик хуннов, что для ясности следует называть их новым именем – гунны...» (Л. Гумилёв).

Глава седьмая СКИФСКИЙ КАТЕХИЗИС

*Появилась у них рождённая землёй 127
дева, у которой верхняя часть тела до
пояса была женская, а нижняя – змеиная.
Зевс, совокупившись с ней, произвёл
сына по имени Скиф, который, превзойдя
славой всех своих предшественников,
назвал народ по своему имени – скифами.*

Диодор Сицилийский

Скифы, хотя и не принесли особых сокровищ из Передней Азии, хотя и не пригнали с собою толпы рабов, вернулись в родные степи совершенно другими.

За их плечами был теперь опыт не только сражений и походов, но и государственного строительства. Ведь на глазах этих скифов и при их непосредственном участии разрушались и строились могущественные государства Передней Азии.

Разумеется, невозможно реконструировать весь ход строительства Великой Скифии, но основные принципы затеянного строительства определить можно.

Геродот, как и везде в своей «Истории», – «Я обязан сообщать всё, что мне передают, но верить всему не обязан» – сохраняет в этом пересказе объективность, хотя, как и положено эллину, повествующему о варварских поверьях, не только вставляет оценочные ремарки, но и отчасти редактирует предание, чтобы всё там выглядело по-гречески правильно.

Однако если мы очистим его рассказ от греческой «правильности», то получится, что скифы полагали, что они происходят от сына Бога...

Геродот, разумеется, не верит этому, потому и делает оговорку, а заодно поправляет имя Бога на греческий лад. Совершает он это с безоговорочной уверенностью, поскольку твёрдо знает, что Бога зовут Зевсом...

Между тем сами скифы звали своего верховного бога Папая, но знали и другие Его имена. Можно спорить, какую роль играли скифы в превращении зороастризма в государственную религию Мидии, но очевидно, что не зная имени Ахура Мазды они просто не могли.

Поэтому, называя своего предка Таргита сыном Бога и реки Днепр, создатели скифского мифа не только обосновывали географические координаты скифской государственности, но и наполняли свои религиозные воззрения более совершенным и глубоким, чем в античной мифологии, сакральным содержанием.

Соответственно и дарованные Богом золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша, падая с неба, приобретали в скифском катехизисе метафизический характер, это и определяло характер государственного строительства.

«От Липоксаиса, – замечает Геродот, – произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата – племя катиаров и траспиев, а от младшего из братьев – царя – племя паралатов. Все племена вместе называются скелотами, то есть царскими. Эллины же зовут их скифами».

Подобная трансформация древнего предания может смутить своей нечёткостью, но если вдуматься, эту кажущуюся произвольность жёстко определяет стремление создать скрепляющую союз племён силу, которая превратит его в единый народ.

Ведь хотя и говорится, что все скифские племена изначально называются царскими, но таковыми, то есть действительно управляемыми царями, были только вернувшиеся из Передней Азии скифы.

Те скифы, что не уходили из степей, не только не могли обзавестись монархическими порядками, но и не понимали, зачем им это нужно...

Вероятно, они относились к царям так, как относились к своим царям киммерийцы: подчинялись, когда и сами считали, что нужно поступить так, и отчаянно прекословили, если считали, что исполнять приказание для них невыгодно.

Впрочем, и сами цари вели себя как-то не по-царски. Своё решение они объявляли народному собранию, но если народ не соглашался с ними, они демократично не настаивали на своём.

А вот скифы, вернувшиеся из Передней Азии, действительно, с полным правом могли считаться царскими, они имели сильную царскую власть, какой ни у кого из сородичей больше не было.

Эта царская власть многое требовала от них, но давала всё-таки больше.

И прежде всего она сообщала царским скифам силу, позволившую подчинять неорганизованных, живущих по правилам орды соплеменников.

Распространяя царскую власть на всю Скифию, царские скифы поступали так, разумеется, в собственных интересах, чтобы обеспечить себе более привилегированное положение в обществе, тем более что именно этого требовали древние обычаи.

У того же Геродота мы читаем: «Военные обычаи скифов следующие, когда скиф убивает первого врага, он пьёт его кровь. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе – нет...

Раз в год каждый правитель в своем округе готовит сосуд для смешения вина. Из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось ещё убить врага, не могут пить вина из этого сосуда, а должны сидеть в стороне как опозоренные. Для скифов это постыднее всего. Напротив, всем тем, кто умертвил много врагов, подносят по два кубка, и те выпивают их разом».

Понятно, что вернувшиеся из похода царские скифы по скифскому обычаю занимали почётные места и пили вино кубок за кубком, а те, что мирно кочевали все эти годы в причерноморских степях, должны были сидеть в стороне как опозоренные.

Так, основанное на древних обычаях, рождалось расслоение скифского общества на царских и «нецарских» скифов, и оно не было напрямую привязано к обладанию собственностью. Разумеется, удачливые воины, поскольку добыча делилась в соответствии с числом убитых противников, тоже были не самыми нищими, но ведь не все богатства даже и тогда добывались в походах...

«Власть скифского царя была настолько велика, – пишет М. И. Артамонов, – что служить ему должен был каждый скиф, кому он назначит, а в загробную жизнь царя сопровождали вместе с конями и дорогим имуществом наложница и многочисленные слуги, умерщвленные для этой цели. В свете этих данных вырисовывается образ царя, весьма далёкий от племенного вождя и больше напоминающий восточного владыку, наделённого неограниченной властью земного божества. Такие черты восточного монарха скифские цари могли приобрести за время пребывания скифов в Азии в окружении древневосточных государств и в тесном общении с ними».

Во многом это происходило благодаря царским скифам, постепенно им удалось воспитать во всех скифах то отношение к царям, когда его особа стала считаться

священной, и во всех появилось убеждение, что от исходящей от неё благодати зависит благополучие всего народа.

Достаточно ярким примером скифской метафизики может служить такое, казалось бы, сугубо административное мероприятие, как перепись, проведённая царем Ариантом. Ариант приказал всем скифам принести по одному наконечнику стрелы. Каждому послушнику грозила смерть, и никто не осмелился проманкировать царский указ.

Из принесённых наконечников Ариант приказал изготовить котёл, который был выставлен в Эксампее*.

«Кто не видел этого сосуда, – сообщает Геродот, – тому я его опишу: он свободно вмещает 600 амфор, а толщина этого скифского сосуда – шесть пальцев».

Современный исследователь А. Н. Щеглов, исходя из того, что амфоры, встречающиеся в скифских погребениях, являлись стандартной тарой определённых объёмов, подсчитал ёмкость котла: от 11 760 до 19 440 литров!

Высота же должна была составлять более четырёх метров, а вес – превышать десять тонн! Для его отливки потребовалось бы более четырёх миллионов наконечников.

122

И сама эта цифра, и сложность литейной работы показали исследователю столь большими, что он объявил Ариантов котёл мифом.

Грекам времён Геродота подобные сомнения были незнакомы. Во-первых, они хорошо знали о высоком уровне литейного дела в стране, «рождающей – выражение Эсхила! – железо», а во-вторых, четырёхмиллионная численность народа, сумевшего отразить нашествие полумиллионной армии Дария, не казалась им несуразно преувеличенной...

Необъяснимым в глазах представителей современной исторической науки выглядит и назначение царь-котла, который и перемещать было трудно, и для приготовления пищи использовать не получалось.

Разумеется, предположение, что котёл Арианта, выступая в роли сферического зеркала, испускающего астральный свет, усиливал ясновидение и позволял предсказывать будущее, выглядит фантастично, но

* Скифский, окружённый валом и рвом по 60-километровому периметру, город, располагавшийся у истока реки Эксампей. Одни исследователи отождествляют Эксампей с Синюхой, небольшой речкой, впадающей в Южный Буг в районе города Первомайска. Если соотноситься с современной топонимикой, то Эксампей находился на территории Николаевской или Кировоградской областей. Интересно, что в связи с переименованием Кировограда выдвигалось предложение назвать город Эксампеем, но оно не прошло, Кировоград (бывший Елисаветград) носит сейчас имя украинского драматурга Марка Кропивницкого.

также очевидно, что котёл, отлитый из наконечников стрел народа, для которого и спущена была с неба золотая чаша, всё-таки не мог не иметь какого-то особого, не укладывающегося в бытовую функциональность значения.

Платон говорил, что греки жили, «расположившись вокруг моря, как муравьи или лягушки вокруг болота».

Интересно, что начало греческой колонизации северного Причерноморья совпадает с возвращением скифов из Передней Азии.

Это неоспоримо подтверждают археологические раскопки. Греческие материалы VII века до нашей эры, обнаруженные на территории Северного Причерноморья, исчисляются единицами.

На первый взгляд, это совпадение весьма странно. Получается, что основная волна колонистов пошла из ионийских городов, где ещё не стерлись из памяти ужасы киммерийских и скифских набегов.

Да, многие в Элладе грезил сказочными богатствами далёкой страны, где реки кишат гигантскими осетрами, а на земле под ногами валяются золотые слитки.

Да, экономическое положение ионийских городов после карательных операций Кира Великого было незавидным, и «воплё голодного брюха», как выразился французский историк Анри Бонар, вполне мог «оснащать корабли»...

Но всё же плыть самим прямо в руки свирепых варваров?

Это как-то странно...

И всё-таки плыли...

Объяснение, будто не так уж и свирепы были кочевники, нападавшие на ионийские города, как это изображали авторы литературных произведений, написанных спустя столетия, не выдерживает критики. Разумеется, киммерийцы и скифы захватывали ионийские города не для того, чтобы полюбоваться их архитектурными красотами.

Значит, нужно искать другое объяснение...

Нет сомнения, что слухи о пире, устроенном для скифов в 585 году до нашей эры мидийским царем Киаксаром, распространились по всей Передней Азии и не могли они не достигнуть и ионийских городов.

Видимо, эти слухи, подогреваемые разговорами о «золотоносных реках из царства Плутона», что выходят на скифской земле прямо на поверхность, и помогли греческим колонистам, презрев опасность, отправиться в путь.

Скорее всего, они плыли, полагая, что скифы уничтожены, и теперь можно занять опустевшие земли Скифии.

И хотя скифы уничтожены не были, но в чём-то переселенцы не ошиблись.

В VI веке до нашей эры, когда и началась массовая колонизация северопричерноморских областей, цар-

ские скифы были слишком заняты установлением **своего** порядка в самой Скифии, и на первых порах внимания на новых соседей, пришедших следом за ними из Передней Азии, не обратили, тем более что те занимали на их территории пустующие побережья.

Скифские цари как бы аккумулировали в себе монархические чаяния всего степного народа, получившего в них надёжную защиту и уверенность в своём будущем.

Труднее постигнуть, как именно происходило превращение союза племён в единое, мощное государство, вобравшее в себя и скифскую широту степей, и лесостепи, где и находилась колыбель славянства...

Ещё труднее уловить, как происходило сращение скифских царей, обладающих наследственной и обожествляемой властью, с землёй Скифии.

Ясно только, что главную роль в этом процессе сыграли царские скифы, которые, кочуя в своих кибитках на колёсах, сумели стать повелителями и управителями остальных скифских скотоводческих и земледельческих племён.

Отчасти это подтверждается археологическими раскопками на окраинах скифского мира. Среди небогатых могил древних земледельцев встречаются более богатые захоронения воинов-всадников с насыпными курганами...

Видимо, они и приносили монархическую энергию на скифские окраины, укрепляя народ единою государственностью.

Эта монархическая энергия народа, возвращаясь, и руководила скифскими царями в их царском служении.

Тут важно отметить, что хотя многое для своих царей и было заимствовано царскими скифами в походах, хотя появляясь в парадном военном убранстве, скифские цари и оказывались полностью покрытыми золотом, но всё же они очень мало походили на деспотов Передней Азии.

Титулы повелителей и властителей, которые они так легко присваивали себе за кавказскими хребтами, в Передней Азии и остались, здесь же, в степях, на первый план вышло служение, которое продолжалось и после их смерти...

Геродот описал, как прощались скифы со своим умершим царём:

«Когда у скифов умирает царь, то там вырывают большую четырёхугольную яму. Приготовив яму, тело поднимают на телегу, покрывают воском; потом разрезают желудок покойного; затем очищают его и наполняют толчёным кипером, благовониями и семенами селеirea (сельдерея) и аниса. Потом желудок снова зашивают и везут на телеге к другому племени.

Жители каждой области, куда привозят тело царя отрезают кусок уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами.

Затем отсюда везут покойника на повозке в другую область царства. Сопровождают тело те, к кому оно было привезено раньше. После объезда всех областей они снова прибывают в Герры к племенам, живущим в самых отдалённых пределах страны, и к царским могилам. Там тело на соломенных подстилках опускают в могилу, по обеим сторонам втыкают в землю копыя, а сверху настилают доски и покрывают их камышовыми циновками...

Так скифы погребают своих царей...

Так скифы погребали своих царей, которые и после смерти продолжали объединять свой народ...

Загробное служение царя почиталось, кажется, более важным, чем земное.

И для этого служения не жалели ничего и никого.

«В остальном обширном пространстве могилы погребают одну из наложниц царя, предварительно задушив её, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных, а также кладут золотые чаши (серебряных и медных сосудов скифы для этого вовсе не употребляют). После этого все вместе насыпают над могилой большой холм, причём наперерыв стараются сделать его как можно выше.

Спустя год они вновь совершают такие погребальные обряды: из остальных слуг покойного царя выбирают самых усердных (все они коренные скифы: ведь всякий, кому царь прикажет, должен ему служить; купленных же за деньги рабов у царя не бывает). Итак, они умерщвляют 50 человек из слуг удушением (также 50 самых красивых коней), извлекают из трупов внутренности, чрево очищают и наполняют отрубями, а затем зашивают. Потом на двух деревянных стойках укрепляют половину колесного обода выпуклостью вниз, а другую половину – на двух других столбах. Таким образом они вколачивают много деревянных стоек и ободьев; затем, проткнув лошадей толстыми кольями во всю длину туловища до самой шеи, поднимают на ободья. На передних ободьях держатся плечи лошадей, а задние подпирают животы у бёдер. Передние и задние ноги коней свешиваются вниз, не доставая до земли. Потом коням надевают уздечки с удилами, затем натягивают уздечки и привязывают их к колышкам. Всех 50 удушенных юношей сажают на коней следующим образом: в тело каждого втыкают вдоль спинного хребта прямой кол до самой шеи. Торчащий из тела нижний конец кола вставляют в отверстие, просверленное в другом коле, проткнутом сквозь туловище коня. Поставив вокруг могилы таких всадников, скифы уходят...

Жутковато читать такое...

Известно, что варварский обычай хоронить вместе с царём и его приближённых оказался заменён в Европе гуманной борьбой группировок прежней и новой элит

у царского трона, которая, правда, порождала ещё большие потоки крови, но зато была свободна от подобной скифской похоронной жути.

Почему скифы не могли себе позволить этого?

Природная жестокость руководила ими?

Или они просто понимали, что не могут в своих степях позволить себе, столь щедрую на кровь роскошь гуманизма...

Глава восьмая КОЧЕВАЯ ИМПЕРИЯ

*Мы – те, об ком шептали в старину,
С невольной дрожью, эллинские мифы:
Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Ехидны, – скифы...
Мы ужасали дикой волей мир,
Горя зловеще, там и здесь, зарницей:
Пред нами Дарий отступил, и Кир
Был скифской на пути смирен царицей...*

Валерий Брюсов. Мы – скифы

В истории Великой Скифии такое множество загадок, что порою кажется, будто вся она из этих загадок и состоит...

А между тем не так уж и много было народов, за которыми «цивилизованный» мир следил бы столь же внимательно и заинтересованно, как за скифами. Скифию изучали и Геродот, и Гиппократ, и Эфор, и Страбон, о скифах размышляли самые выдающиеся мыслители античной Греции...

А в результате?

Все сохранившиеся сведения в трудах великих историков, все умозаключения великих философов как бы проскальзывают мимо, мало что проясняя в загадках, которыми окутана Скифия.

А что, собственно говоря, такое была сама Скифия? До каких пределов простиралась её территория, какие народы и племена населяли её, как складывались взаимоотношения между ними?

На первый взгляд, тут всё просто.

Открывая четвертую книгу «Истории» Геродота, мы вроде бы получаем ответы на все поставленные вопросы.

Геродот представлял Скифию в виде прямоугольника, лежащего основанием на берегах Чёрного и Азовского морей. Высота этого скифского прямоугольника, по мнению «отца истории», равнялась 40 тысячам стадиев – примерно 740 километрам, в результате охватывала значительные пространства Украины, Белоруссии и России.

В принципе, это и подтверждается археологическими исследованиями, которые привели к открытию скифских погребений даже в лесостепи. Скифы-кочевники проникали и туда, в глубину территорий, занимаемых племенами, что вели оседлый образ жизни.

При этом, подчёркивая, что владения скифов доходят до Дона, сам Геродот отклонил правую сторону скифского прямоугольника к востоку, а археологи, выявляя скифские захоронения по левым притокам Дона – Воронежу и Битюгу, превратили эту сторону геродотовой фигуры в изломанную линию.

Сейчас с определённой уверенностью можно говорить, что Великая Скифия включала в себя не только Украину, но также почти всю Южную Россию, и не только степную, но и земледельческую.

Сами царские скифы жили в области, ограниченной на западе Днестром, на севере – рекой Конской и Донцом, а на востоке – Азовским морем.

Академик Борис Александрович Рыбаков считал, например, что, давая описание Скифии, Геродот по ошибке зачислил в скифы-пахари славянские земледельческие племена.

«Три царства скелотов на Среднем Днепре и в соседней лесостепи (все они в границах древней славянской прародины) хорошо соответствуют трём основным группам, выявленным украинскими археологами среди древностей скифского времени.

Археологические материалы объясняют нам ошибку греческих торговцев, перенёсших на славян-скелотов общее имя скифов: в материальной культуре славян-земледельцев («скифов-пахарей») прослеживается много скифских черт. Длительное соседство этой части славянства со скифо-сарматским иранским миром сказалось и на языке: в восточнославянских языках много слов скифского происхождения: «топор» (при славянском «секира»), «собака» (при славянском «пёс») и т. п.

Социальный строй среднеднепровских славян ещё за полторы тысячи лет до Киевской Руси оказался на пороге государственности. Об этом говорят не только упоминания скелотских «царств» и «царей» Геродотом, но и всаднические черты погребённых воинов, и огромные «царские» курганы на Киевщине, и импортная роскошь славянской знати.

По всей вероятности, славяне Среднего Поднепровья жили дружелюбно с царскими скифами Причерноморья, что позволяло вести торг с приморскими городами и заимствовать ряд бытовых черт у скифов-кочевников».

Нет никакого сомнения, что славянство скифского времени, если оно уже было тогда, не являлось единым, и для него, действительно, невозможно найти какой-либо единый «археологический мундир»...

Но зачем же славян-скелотов, у которых, по словам самого Рыбакова, обнаруживается много общего и в языке, и в бытовой культуре со скифами, непременно надо отделять от скифов?

Между тем можно достичь пусть и не более полного, но, по крайней мере, более осмысленного результата, если не втискивать непонятное в общепринятые схемы.

Напомним тут, что вообще-то греческое название скифов, скорее всего произошедшее, как определение воинов-лучников, использовалось и в дальнейшем для обозначения всех племён, обитающих в степях.

Народы Передней Азии тоже, как мы уже говорили, склонны были объединять кочевников, и в принципе можно свести происхождение слов «скелоты», «саки», «ашкузы», «ашкеназы» к древнеиранскому слову «иш-кузи», значащему «стрелок из лука».

Расширяя определение скифов и уводя его от чисто лексической привязки, А. Ю. Алексеев, составивший «Хронографию Европейской Скифии VII–IV веков до нашей эры», говорил, что «скифы – общее название многих близких по культуре, хозяйственному укладу, образу жизни и идеологическим представлениям кочевых племён Евразии»...

Наверное, это так, но сама Великая Скифия в определённые моменты своей истории всё же становилась не просто общим названием кочевых племён, но ещё и выполняла задачи, решение которых могло быть осуществлено только единым, пусть и управляемым из различных центров государством.

Мы уже говорили, что широкую полосу евразийских степей, где зарождались и осуществлялись цивилизации кочевых империй, одни историки растягивают от Дуная до горных хребтов Алтая и Тувы, другие продолжают её до Саянских хребтов с их Минусинской котловиной, третьи продолжают дальше – до пограничья с Китаем.

Разумеется, нелепо говорить об этой степи, растянувшейся от берегов Дуная до Уссурийских чащоб, как о единой стране, но вот что любопытно...

Зафиксировано и достаточно подробно описано несколько войн, происходивших на внешних рубежах этой Страны Степей, а вот военные конфликты внутри неё чаще всего при более внимательном рассмотрении оказываются вымышленными.

Не осталось никаких следов от столкновения на территории Северного Причерноморья между киммерийцами и скифами, не останется никакого следа от столкновения скифов с сарматами, которые, как безосновательно считают некоторые историки, якобы и изгнали скифов из причерноморских степей.

Говоря так, мы не утверждаем, что внутри Страны Степей царили мир и покой, мы говорим только о том, что вымышлены самые известные (вернее, единственные известные) конфликты, якобы происходившие в евразийской степи в I тысячелетии до нашей эры.

Не будем говорить и о том, будто существовали некие информационно-управленческие связи между хуннами, удерживавшими границу Страны Степей на Дальнем Востоке, и между скифами, останавливавшими волны нашествий из Передней Азии...

Однако уже с середины I тысячелетия до нашей эры евразийские степи начинают испытывать давление и

на востоке, и на западе, и народы, населявшие степь, оказываются вынужденными защищать её пространство и на восточных, и на западных рубежах.

Правда, более распространено мнение, что не степные кочевники защищались, а от них защищались, но это зависит только от того, с какой стороны смотреть на конфликты. Разделение миров осуществилось, начиналось притирание границ между обособившимися мирами, и процесс этот, растянувшийся на долгие века, оказался весьма непростым и чрезвычайно болезненным.

Неправильно было бы говорить, что скифы или хунны управляли этим процессом, в том смысле, который мы вкладываем сейчас в смысл этого слова. Скифы, как и многие другие народы, населявшие евразийскую степь, были её неотъемлемой составляющей, они были растворены в соседствующих народах так же, как те были растворены в скифах, и где пролегли границы тут, если эти границы были, не может сказать никто...

Существует гипотеза, что и саки, и массагеты, и аримаспы были названы по именам скифских царей и, разделившись в своих самоназваниях, единства со скифской общностью не утратили.

И Геродот, и Эфор, и Гиппократ ещё в V и IV веках до нашей эры исчерпывающе поведали человечеству о повседневном быте скифов.

Удивляясь суровости скифского климата, они поражались тому, как легко скифы переносят погодные напасти... Геродот: «Вообще там погода совершенно отличная от других стран: когда в других местах дождливая пора, там дождей почти нет, а летом, напротив, очень сильные. Когда в других местах случаются грозы, здесь их не бывает, летом же они часты. Гроза зимой вызывает изумление, как чудо; так же и землетрясения (летом или зимой) в Скифии считаются диковиной. Лошади легко переносят такие суровые зимы, тогда как мулы и ослы их вовсе не выдерживают. В других странах, напротив, у лошадей на морозе замерзают суставы, ослам же и мулам стужа не вредит.

В силу этого, как я думаю, у тамошней породы безрогих быков и не бывает рогов. Это моё мнение подтверждает следующий стих Гомера в «Одиссее»:

...и Ливию, где агнцы с рогами роятся,

что совершенно правильно, так как в тёплых краях рога быстро вырастают. Напротив, при сильных холодах у скота или совсем не бывает рогов, или только маленькие.

В Скифии это происходит от холода...

Скифы тогда вели экстенсивное пастбищное хозяйство, занимаясь круглогодичным выпасом скота.

Подобная система хозяйствования, не предусматривающая стойлового содержания скота зимой, требовала поиска таких мест, где возможен выпас и лошади могут разбивать своими копытами снежный покров, чтобы добыть корм.

Это и определяло кочевой образ жизни.

«Они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами – зимой в болотах около Меотиды, а летом – на равнинах, – писал о скифах географ Страбон, – кибитки номадов сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут: вокруг кибиток пасётся скот, мясом, сыром и молоком которого они питаются».

«Называются они кочевниками, – подтверждает это Псевдо-Гиппократ, – потому, что нет у них домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырёхколёсными, а другие – шестиколёсными; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам: одни с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для дождевой воды, ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов; рога у них не растут от холода. В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец и коров и табуны лошадей».

О жизни в кибитках, усталых коврами, писал в своей «Истории» и современник Страбона – Николай Дамасский, секретарь знаменитого царя Ирода: «Галактофаги, скифский народ, не имеют домов, как и большинство скифов, а питаются только лошадиным молоком, сделав из которого сыр, едят и пьют; и из-за этого их победить труднее всех, так как они повсюду имеют с собой пищу. Они-то и обратили Дария в бегство. Они также справедливейшие, владея совместно и имуществом, и женщинами, так что старших из них считают отцами, младших – сыновьями, а того же возраста – братьями».

Сыр, который скифы изготавливали на основе конского молока, назывался иппака.

Кочевой быт скифов поражал наблюдателей своей продуманностью и совершенством... Геродот: «Так как в Скифии чрезвычайно мало леса, то для варки мяса скифы придумали вот что. Ободрав шкуру жертвенного животного, они очищают кости от мяса и затем бросают в котлы местного изделия (если они под рукой). Котлы эти очень похожи на лесбосские сосуды для смешения вина, но только гораздо больше. Заложив мясо в котлы, поджигают кости жертв и на них производят варку. Если же у них нет такого котла, тогда все мясо кладут в желудки животных, подливают воды и снизу поджигают кости. Кости отлично горят, а в желудках свободно вмещается очищенное от костей мясо. Таким образом, бык сам себя варит, как и дру-

гие жертвенные животные. Когда мясо сварится, то приносящий жертву посвящает божеству часть мяса и внутренностей и бросает их перед собой на землю. В жертву приносят также и других домашних животных, в особенности же коней».

Были у скифов, по словам Геродота, и бани...

«Взяв <...> конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту и затем бросают его на раскалённые камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия. Это парение служит им вместо бани, так как водой они вовсе не моются. Скифские женщины растирают на шероховатом камне куски кипариса, кедра и ладана, подливая воды. Затем полученным от растирания тестом обмазывают всё своё тело и лицо. От этого тело приобретает приятный запах, а когда на следующий день смывают намазанный слой, оно становится даже чистым и блестит».

Хотя гениальный Александр Блок и восклицал:

*Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!*

сейчас можно совершенно определённо утверждать, что поэт ошибался – по своей антропологической принадлежности скифы всё-таки азиатами не были.

«Это были классические европеоиды, отличавшиеся <...> удлинённой формой головы, относительно низким и широким лицом, довольно массивным скелетом и сравнительно высоким ростом», – утверждает ведущий специалист в области исторической антропологии академик Валерий Павлович Алексеев.

Скифские мужчины, как свидетельствуют археологические раскопки, носили длинные пёстрые штаны, заправленные в сапоги, и кафтан, перехваченный неизменным поясом. Женщины наряжались в просторные платья и надевали похожие на кокошники высокие островерхие головные уборы.

Скифские женщины, как, впрочем, и мужчины, ценили украшения и в подборе их проявляли весьма тонкий и развитый вкус. Как правило, все найденные скифские украшения помимо исторической значимости обладают и высокой художественной ценностью. При этом, подобно амазонкам, многие скифянки отлично ездили верхом и умели обращаться с оружием.

В каждом третьем женском скифском погребении археологи находят стрелы, часто встречаются здесь мечи, копья и боевые пояса.

Это, конечно, свидетельствует о воинственности скифов, но в литературных произведениях эта особенность скифов явно гиперболизируется.

Римский писатель Лукиан, живший во II веке нашей эры, сообщал, например, что у скифов постоянно ведётся война, они или сами нападают на других, или от-

ражают нападения, или вступают в схватки из-за пастбищ и добычи.

Столь же воинственный образ скифа, сдирающего скальпы с убитых врагов, возникал порою и под пером Геродота:

«Кожу с головы скифы сдирают следующим образом: на голове делают кругом надрез около ушей, затем хватают за волосы и вытряхивают голову из кожи. Потом кожу очищают от мяса бычьим ребром и мнут её руками. Выделанной кожей скифский воин пользуется, как полотенцем для рук, привязывает к уздечке своего коня и гордо щеголяет ею. У кого больше всего таких кожаных полотенец, тот считается самым доблестным мужем. Иные даже делают из содранной кожи плащи, сшивая их, как козы шкуры. Другие из содранной вместе с ногтями с правой руки вражеских трупов кожи изготавливают чехлы для своих колчанов. Человеческая кожа, действительно, толста и блестяща и блестит ярче почти всякой иной. Многие скифы, наконец, сдирают всю кожу с вражеского трупа, натягивают её на доски и затем возят её с собой на конях».

Однако и тогда уже подобная гиперболизация жестокости скифов вызывала возражения.

«Эфор в IV книге своей «Истории» под заглавием «Европа», – говорил Страбон, – описав Европу вплоть до Скифии, говорит под конец, что образ жизни савроматов и прочих скифов не одинаков, потому что одни настолько жестоки, что пожирают людей, другие же, напротив, воздерживаются даже от употребления в пищу всех прочих животных. По словам Эфора, другие писатели рассказывают только об их дикости, так как знают, что страшное и удивительное внушает страх; однако, говорит он, следовало бы также передавать и противоположные факты и брать их за образец для подражания; и сам он поэтому будет говорить только о тех, которые следуют справедливейшим обычаям».

Повторю в заключение, что греки называли своих степных соседей «народом стрелков из лука». Лук был не только оружием, но и самым надёжным и верным спутником, прикасаясь к которому, скиф возвращал себе уверенность и спокойствие.

Эту черту подметил Плутарх, обративший внимание, что скиф, даже когда пьёт, то и дело прикасается к луку и пощипывает тетиву, «призывая этим пропадающее от опьянения сознание».

Когда размышляешь о скифах, тоже непросто избежать опьянения многовековой древностью...

Вот только оказывается, что «пропадающее от опьянения сознание» вернуть труднее, поскольку давно уже истлели тетивы беспощадно-точных скифских луков, да и от самих луков сохранились только трудноузнаваемые металлические детали...

Глава девятая СКИФСКИЙ МУДРЕЦ

*Будучи мальчиком, будь скромн;
будучи юношей, будь воздержан;
будучи средних лет, будь справедлив,
а будучи старцем, будь благоразумен.*

Анахарсис

Ещё одна из неразрешимых загадок, которыми окутана история Скифии, – отсутствие скифской письменности...

Разумеется, письменность возникает не сразу, но Скифия уже достигла такого уровня в своём развитии и культуре, так активно контактировала с «письменными» народами, что обладание собственной письменностью становилось не просто потребностью, а необходимостью...

Были ли у скифов интеллектуальные возможности для создания своей письменности?

Несомненно...

Нам известны имена многих скифских царей.

Помимо проявившейся в ходе переднеазиатских войн династии Ишпакай – Партатуа – Мадий, в причерноморских степях возникла новая династия скифских царей: Спаргапиф – Лик – Гнур – Савлий – Иданфирс – Аргот – Ариапиф – Скил – Октомасад – Орик – Атей.

Третьим в этом списке значится царь Гнур.

Сын Лика, он правил в конце VI века до нашей эры и был отцом, кажется, самого знаменитого скифа – Анахарсиса.

Анахарсис вырос в Скифии, устроенной царем Ариантом, он был порождением её, и когда отец послал его в Грецию, предстал там, изумляя античный мир своим необыкновенно высоким интеллектом.

Немалую роль в популярности Анахарсиса сыграла его трагическая кончина, о которой так красочно поведал в своей «Истории» Геродот.

Вероятно, все эти обстоятельства имели место, но решающим в успехе Анахарсиса в Афинах всё-таки было изумление афинян варваром, способным говорить на любую предложенную ему тему, придавая ей совершенно неожиданное развитие.

И эта способность проявлялась как во время застолий, где, будучи непревзойдённым мастером кратких и логически неожиданных высказываний, Анахарсис – «Признаки глупости, как и признаки разума, у варваров и греков одни и те же!» – умел «срезать» любого насмешника, так и в ходе серьёзных дискуссий.

Это свойство Анахарсиса проявилось и в его споре с Солоном, который говорил о себе:

*Да, я народу почёт предоставил, какой ему нужен, –
Не сократил его прав, не дал и лишних зато.*

*Также подумал о тех я, кто силу имел и богатством
Славился, – чтоб никаких им не чинилось обид.*

Встал я, могучим щитом своим тех и других

прикрывая,

И никому побеждать не дал неправо других.

Как пишет Плутарх, Анахарсис смеялся, что Солон «мечтает удержать граждан от преступлений и корыстолюбия писаными законами, которые ничем не отличаются от паутины: как паутина, так и законы, – когда попадают слабые и бедные, их удержат, а сильные и богатые вырвутся».

Плутарх, конечно, гораздо злее Анахарсиса высмеивал двуличие некоторых демократических инициатив Солона, говоря, что «афиняне вежливо называют пристойными, смягчающими смысл именами некоторые предметы, чтобы прикрыть их нежелательный характер, например, распутных женщин называют приятельницами, налоги – взносами, гарнизоны в городах – охраною, тюрьму – жилищем. Солон, думается мне, был первый, который употребил эту уловку, назвав уничтожение долгов «сисахтией».

У Анахарсиса же критика Солона базируется не на критике двусмысленности утверждающейся афинской демократии, а на более серьёзных мировоззренческих расхождении.

Он не отрицал пользы законов, но считал, что «лучшим управлением было бы такое, в котором, при всеобщем равенстве во всём прочем, первые места были бы обеспечены добродетели, а последние – пороку». Он подчёркивал, что одними только законами удержать людей от совершения преступлений невозможно.

Наблюдение поразительное...

Предсказание Анахарсиса о неспособности законов наказывать сильных и богатых сохраняло справедливость почти два с половиной тысячелетия, сохраняет её и сейчас.

И разве только критика Анахарсисом взглядов Солона восхитила афинян?

У греков в ходе общения с Анахарсисом родилась поговорка о «скифском образе речи»...

За Анахарсисом пристально наблюдали и тогда, когда он говорил, и тогда, когда молча слушал; когда совершал путешествия и когда спал...

И во всем греки усматривали необыкновенно глубокий смысл...

Согласно сочинению Климента Александрийского, Анахарсис во время сна правой рукой прикрывал рот, а левой – половой орган, что тоже истолковывалось как указание на необходимость укрощать язык и тягу к удовольствиям.

Словно упражняясь в комплиментарности, греческие биографы объявили Анахарсиса сыном матери

гречанки, которая и обучила его греческому языку. Всячески подчёркивали они и нежелание Анахарсиса покидать Элладу...

Современные исследователи справедливо указывают, что Анахарсис не мог быть сыном гречанки, поскольку являлся сыном царя Гнура, и тому неоткуда было взять в жёны гречанку, хотя бы приблизительно подходящую ему по рангу.

Обучиться же греческому языку в Причерноморье, которое тогда уже прочно было освоено греческими колонистами, особого труда не составляло.

И, конечно, можно достаточно определённо утверждать, что Анахарсис был направлен в Грецию не столько для пополнения образования, сколько для исполнения если не дипломатической, то разведывательной миссии: ему надо было прощупать греков на предмет возможного военного союза против империи Ахеменидов.

Об итогах разведки мы знаем со слов Геродота: «По возвращении на родину Анахарсис сказал царю, что все эллины, кроме лакедемонян*, стараются всё узнать и стать мудрыми. Однако только с лакедемонянами можно вести разумную беседу».

Сам Геродот предложение Анахарсиса ориентироваться на союз со спартамцами считал «вздорной выдумкой», но, возможно, Анахарсис, который в отличие от Геродота всё-таки не был афинянином, имел на этот счёт другое мнение.

В 550 году до нашей эры Кир разгромил войска своего деда Астиага, и Мидия вошла в состав империи Ахеменидов.

Персидская граница прошла тогда по реке Галис, на другом берегу которой начиналась Лидия. Стремительное возвышение племянника и ещё более стремительное приближение его к границам Лидии чрезвычайно обеспокоили царя Крёза.

Он отправил послов в Дельфы и Амфиарай, спрашивая, надо ли ему воевать с Киром. Оба оракула дали ответ, что если Крёз выступит против персов, то сокрушит великое царство.

Крёз посчитал, что Персия и является великим царством, которое должно быть по предсказанию оракула сокрушено, перешёл со своими войсками реку Галис и начал опустошать земли сирийцев. Он захватил город Птерия и продал его жителей в рабство.

Услышав об этом, Кир Великий двинулся на дядю войной.

У стен Птерии и произошла битва.

«Сеча была жестокой, и с обеих сторон пало много воинов, — пишет Геродот. — В конце концов ни той, ни другой стороне не удалось одержать победы, и с наступлением ночи противники разошлись».

* Спартамцы.

Потери лидийцев оказались большими, чем у персов, и Крёз решил отступить к Сардам, чтобы подготовиться к продолжению войны.

Рассчитывая, что Киру тоже необходимо время, чтобы собраться с силами для нового наступления, Крёз отправил послов к своим союзникам в Египет, Вавилон и Спарту и назначил сбор сил через пять месяцев.

Однако Кир Великий не стал дожидаться, пока дядя изготвится для обороны, и, узнав, что Крёз, ожидая союзников, распустил своих наёмников, немедленно вторгся в Лидию и подошёл к Сардам.

Крёз царствовал 14 лет, и 14 дней длилась осада его столицы.

Как и предсказал оракул, он действительно разрушил великую державу, только оказалось, что это была его собственная страна.

Племянник-победитель приказал сложить огромный костёр, на который и возвели закованного в цепи дядю, а вместе с ним «дважды семь сынов лидийских».

И Кир, как сообщает Геродот, подумал тогда, что и сам он всё-таки только человек, а хочет другого человека, который до сих пор не менее его был обласкан счастьем, живым предать огню. К тому же, опасаясь возмездия и рассудив, что всё в человеческой жизни непостоянно, Кир повелел как можно скорее потушить огонь и свести с костра Крёза и тех, кто был с ним.

Однако потушить разгоревшийся костёр было не просто.

И вот тогда Крёз громко воззвал к Аполлону, умоляя прийти на помощь.

«И тотчас, — сообщает Геродот, — среди ясного неба и полного безветрия внезапно сгустились тучи и разразилась буря с сильным ливнем, которая и потушила костёр».

Существуют легенды, будто появился тогда и сам Аполлон, который и унес Крёза в страну бессмертных гипербореев.

Можно только предполагать, по своей инициативе или исполняя волю царя Гнура, действовал Анахарсис, предостерегая Кира Великого от похода на Скифию.

Неизвестно и содержание его переговоров с греческими государствами, которые вёл он после кончины Солона.

Тем не менее переговоры он, несомненно, вёл, потому что, как мы уже говорили, вернувшись в Скифию, он доложил, что скифы в борьбе с персами должны ориентироваться на союз со спартамцами.

Сказать что-то более определённое о дипломатической деятельности Анахарсиса невозможно по той простой причине, что неясен и смысл враждебности, которую проявляли персы по отношению к скифам, благодаря которым, по сути, и достигли они своего могущества.

Однако, судя по тому, что и Крёз, определяя союзников в борьбе с персами, остановил выбор на спартахцах, основания для подобного выбора были и у Анахарсиса.

Неясно, когда Анахарсис возвратился в Скифию.

Неясно, чем занимался он в последние свои годы...

С просветительской и реформаторской деятельностью Анахарсиса на родине связывают его убийство. Считается, что, возвращаясь в Скифию, Анахарсис побывал на острове Кизик, где как раз торжественно справляли праздник Матери Богов. Анахарсис дал Великой Богине обет, что учредит в Скифии в её честь всеночное празднество.

И вот, исполняя своё обещание, он отправился в Гилею, чтобы там, в днепровских плавнях, совершить обряд празднества в честь Матери Богов.

Гилея – святое место для скифов*.

Там, где жила в пещере полудева-полузмея, начиналась их история.

О том, что Анахарсис совершает обряд празднества в честь Матери Богов во «владении великой змееной богини», было доложено брату Анахарсиса царю Савлию. Тот появился в Гилее и убил Анахарсиса из лука...

Что двигало Савлием, что так разгневало его?

Попытка установить в Скифии экстатический культ Великой Матери или претензии Анахарсиса на управление Скифией?

Об этом тоже можно только гадать...

Случилось то, что случилось.

Первый скиф, прославившийся на весь мир не воинскими подвигами, а собственной мудростью, пал от руки родного брата... Считается, что со словами на устах: «Разум оберёт меня в Элладе, зависть погубила меня на родине» – и умер он или, вернее, ушёл в бессмертие.

Греки включили этого скифского патриота и мыслителя в семёрку – Фалес, Биант, Питтак, Солон, Клеобул, Анахарсис, Мисон – самых великих мудрецов мира.

О царе Савлии такой памяти не осталось.

Судьба судила ему быть братом гениального человека и отцом талантливого полководца, спасшего Скифию в годы нашествия Дария...

Анахарсиса он убил, а на Иданфирса бросил чёрную тень сына братоубийцы.

«Злой человек похож на уголь, – говорил его гениальный брат, – если не жжёт, то чернит тебя».

Но Савлий, кажется, и не был злым человеком.

Он просто был царём Великой Скифии, пытавшимся не дать своей стране свернуть на путь, который считал гибельным для скифов...

* Гилея (Полесье, Олешье) – место в низовье Днепра.

Глава десятая НАШЕСТВИЕ КИРА

Кир, персидский царь, был, как никто другой, сведущ в философии, которой он обучался у магов. В духе справедливости и правдивости он был воспитан по обычаям, установленным лучшими людьми персов. Кроме того, он вызвал из Эфеса сивиллу Герофилу, которая давала предсказания.

**Николай Дамасский,
секретарь царя Ирода**

В 570 году до нашей эры царя Мидии Астиага встревожил сон. Ему приснилось тогда, будто его дочь Мандана испустила столь огромное количество мочи, что затопила и его столицу, и всю Азию.

И вот через сорок лет, затопив Переднюю Азию, моча предсказания плеснулась через Кавказ и на территорию Скифии, где обитало в прикаспийских степях скифское племя массагетов.

Летом 530 года до нашей эры войска Кира Великого перешли реку Аракс...

Сейчас Араксом называется приток Куры.

Древнегреческий географ Гекатей Милетский тоже так и определял Аракс, но современные толкователи Геродота, который вроде бы согласовывал географические координаты своей «Истории» с трудами Гекатея Милетского, считают всё-таки, что Араксом он называл Волгу или Аму-Дарью.

В принципе Аму-Дарья к сюжету событий, связанных с вторжением Кира Великого, подходит лучше, чем настоящий Аракс, и непонятно только, зачем Геродоту было нужно называть её Араксом...

Однако, если вспомнить, что по настоящему Араксу проходила граница между Российской империей и Персией, оговорка Геродота приобретает для нас символическое значение.

Она как бы подчёркивает, что персы в 530 году до нашей эры вторглись как раз на территорию нашей страны.

«Много было у Кира весьма важных побудительных причин для этого похода, – пишет Геродот. – Прежде всего – способ его рождения, так как он мнил себя сверхчеловеком, а затем – счастье, которое сопровождало его во всех войнах. Ведь ни один народ, на который ополчался Кир, не мог избежать своей участи...»

Объяснение убедительное, хотя оно и не проясняет, почему в 530 году до нашей эры именно в Скифию устремились войска основателя персидской державы.

Как мы и говорили, начиная правление, Кир первым делом разгромил армию своего деда, царя Мидии

Астиага, и стал царём не только Персии, но и Мидии. После Мидии пришёл черёд Парфии, Элама и Лидии.

Когда армия Кира достигла Ионийских городов, это, безусловно, стимулировало переселение милетинцев в Северное Причерноморье, и можно говорить, что переселенческая экспансия греков и ознаменовала начало вторжения Передней Азии в Скифию.

Ну, а Кир, завершив покорение Ионийских городов, двинулся на Вавилон.

Разгромив в сражении у Описа армию Набонида, Кир вступил в октябре 539 года до нашей эры в Вавилон.

Сын Набонида Валтасар, знаменитый своими пирами, попытался оказать сопротивление персам и был – мене, мене, текел, упарсин!* – убит, а Набонид отправился в ссылку.

После захвата Вавилонии Сирия, Палестина и Финикия добровольно подчинились персам, и Кир разрешил тогда вернуться в свои страны народам, которые были насильно поселены в Месопотамию вавилонскими царями.

Тогда и возвратились в Палестину иудеи, которых некогда увёл в плен Навуходоносор.

Дождавшись, пока войска царицы массагетов Томирис отступят, Кир Великий переправился через Аракс. Массагетская конница, прикрывавшая уходящие в степь кочевья, старалась не ввязываться в серьёзные боевые столкновения и отходила перед наступающей армией Кира Великого.

Попытки преследовать массагетов успеха не имели, после стычек они всегда уходили от погони на своих быстрых конях.

Считается, что так армия Кира Великого дошла до Сыр-Дарьи, которую персы называли тогда Яксартом, а скифы – Силисом.

Здесь Кир решил применить военную хитрость.

Поступил он так, следуя, как пишет Геродот, совету Крёза.

Будучи большим знатоком скифских обычаев, тот сказал, что «массагетам совершенно незнакома роскошь персидского образа жизни и недоступны её великие наслаждения», а значит, нужно «устроить в нашем стане обильное угощение для этих людей, зарезав множество баранов, и сверх того выставить огромное количество сосудов цельного вина и всевозможных яств. Приготовив всё это, с остальным войском, кроме самой ничтожной части, снова отступить к реке».

Оставив в лагере раненых и ослабевших, Кир вместе с отборными войсками отступил. Массагеты, возглавляемые сыном Томирис Спаргаписом, не премину-

ли напасть на персидский лагерь, перебили всех находящихся там персов и, полагая, что они одержали победу, уселись пировать, благо и яства и вино для этого пира были уже готовы.

Говорят, греки, когда хотели напиться, старались «подскифить» вино, то есть переставали разбавлять его. Можно было бы подредактировать это выражение, заменить на «подмассагетить»...

Только зачем это делать, если массагеты скифами и были?

Ночью, когда пьяные массагеты заснули, персы напали и перебили почти весь отряд.

Спаргапис оказался в числе пленников...

Поражение, которое потерпели массагеты, не напугало, а разгневало царицу Томирис. Особенно сильное раздражение вызвала у неё хитрость, благодаря которой достигли персы победы.

«Кровожадный Кир! – заявила она. – Не кичись этим своим подвигом. Плодом виноградной лозы, которая и вас также лишает рассудка, когда вино бросается в голову и когда вы, персы, напившись, начинаете извергать потоки недостойных речей, – вот этим-то зельем ты коварно и одолел моего сына, а не силой оружия в честном бою. Так вот, послушайся теперь моего доброго совета: выдай моего сына и уходи подобру-поздорову из моей земли, после того как тебе нагло удалось погубить третью часть войска массагетов. Если же ты этого не сделаешь, то клянусь тебе богом солнца, владыкой массагетов, я действительно напою тебя кровью, как бы ты ни был ненасытен».

Едва ли Кир испугался её угрозы, тем более, что поздно было что-то менять.

Ведь Спаргапис, когда, протрезвев, проснулся и понял своё бедственное положение, покончил с собою.

«Томирис же, узнав, что Кир не внял её совету, со всем своим войском напала на персов, – пишет Геродот. – Эта битва, как я считаю, была самой жестокой из всех битв между варварами.

О ходе её я узнал, между прочим, вот что.

Сначала, как передают, противники, стоя друг против друга, издали стреляли из луков. Затем исчерпав запас стрел, они бросились врукопашную с кинжалами и копьями. Долго бились противники, и никто не желал отступить.

Наконец массагеты одолели.

Почти всё персидское войско пало на поле битвы, погиб и сам Кир».

После боя Томирис приказала отыскать его тело и, когда это было исполнено, велела наполнить человеческой кровью винный мех и всунуть туда голову мёртвого Кира.

131

* С арамейского языка: «Исчислено, исчислено, взвешено, разделено».

– Ты всё же погубил меня, хотя я осталась в живых и одолела тебя в битве, так как хитростью захватил моего сына! – сказала царица. – Поэтому теперь я, как и грозила тебе, напою тебя кровью.

«Массагеты, – писал Геродот, – носят одежду, подобную скифской, и ведут похожий образ жизни. Сражаются они на конях и в пешем строю (и так и этак). Есть у них обычно также луки, копья и боевые секиры. Из золота и меди у них все вещи. Но все металлические части копий, стрел и боевых секир они изготавливают из меди, а головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом. Так же и коням они надевают медные панцири, как нагрудники. Уздечки же, удила и нащечники инкрустируют золотом. Железа и серебра у них совсем нет в обиходе, так как этих металлов вовсе не встретишь в этой стране. Зато золота и меди там в изобилии.

Об обычаях массагетов нужно сказать вот что. Каждый из них берёт в жены одну женщину, но живут они с этими женщинами сообща. Ведь рассказы эллинов о подобном обычае скифов относятся скорее к массагетам.

Так, когда массагет почувствует влечение к какой-нибудь женщине, то вешает свой колчан на её кибитке и затем спокойно общается с этой женщиной.

Никакого предела для жизни человека они не устанавливают. Но если кто у них доживёт до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают. Так умереть – для них величайшее блаженство.

Скончавшегося же от какого-нибудь недуга они не поедают, но предают земле. При этом считается несчастьем, что покойника по его возрасту нельзя принести в жертву.

Хлеба массагеты не сеют, но живут скотоводством и рыбной ловлей (в реке Аракс чрезвычайное обилие рыбы), а также пьют молоко. Единственный бог, которого они почитают, это – солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете».

Разгром Кира Великого не остался незамеченным тогдашней мировой общественностью... Приблизительно с 530 года до нашей эры скифские стрелки становятся непременным элементом сцен военного быта в аттической вазовой живописи.

Но ведь 530 год это и есть год разгрома скифами Кира Великого!

Любопытно и то, что эти события синхронизируются с началом присутствия скифского военного контингента в Афинах...

Глава одиннадцатая ЗА ДВАДЦАТЬ ТРИ ВЕКА ДО 1812 ГОДА

*Нет ни капищ у нас, ни богов, только зыбкие тучи
От Востока на Запад молитвенным светят лучом.
Только богу войны тёмный хворост слагаем мы в кучи
И вершины тех куч украшаем железным мечом.*

Константин Бальмонт. Скифы

Дарий оказался весьма успешным преемником Кира. Восстановив спокойствие и порядок в государстве, он разделил его на административно-податные округа, называвшиеся сатрапиями, и ввёл единую для всей империи денежную систему, основой которой стал золотой дарик весом 8,4 грамма.

Почему завоевание обитаемого мира Дарий решил начать со Скифии, не знает никто.

Геродот и его современники считали, что Дарий решил наказать скифов за разорение Малой Азии. Однако целое столетие минуло с той поры, да и Персии ли, которая как раз в результате того разорения и возникла, заниматься было мстью? За что было Персии мстить скифам? За своё рождение?!

Высказывалось мнение, будто Дарий хотел подчинить скифов, чтобы обезопасить свои владения от набегов грозных кочевников в преддверии завоевания Эллады; говорилось также, что так Дарий планировал отрезать греков от источников снабжения продовольствием.

Увы...

И эти соображения не выдерживают критики, потому как о киммерийско-скифском выходе было уже забыто, а прервать снабжение Греции скифским хлебом можно было и дешевле, и успешнее, действуя совсем другим способом.

Ну и самое главное...

Хотя приписывать скифам непобедимость начали как раз после похода Дария, но всё же Дарий не мог не понимать, что кочевой образ жизни даёт противнику реальные стратегические преимущества. Он прекрасно сознавал, что вторгается в край, где нет городов и поселений и поэтому завоевать его будет очень непросто. Тем не менее «волей Ахурамазды», привлекая гигантские материальные ресурсы, Дарий начал готовить поход в далёкую страну.

Произошло это примерно в 513 году до нашей эры.

Такого ещё не знал мир.

В Сузах, в глубине Передней Азии, были собраны войска неведомо сколько языков, со всего подвластного Дарию мира...

По словам Геродота, эта армия насчитывала 700 тысяч воинов и 600 кораблей.

Тем временем на Босфоре, вблизи городов Халкедон и Византий, архитектор Мандрокл с острова Самос построил первый в мире мост, соединивший Азию с Европой.

От переправы через Боспор до переправы на Дунае 700-тысячной армии Дария предстояло пройти ещё полторы тысячи километров через территорию Фракии.

Как и тысячелетия спустя, во времена Наполеона и Гитлера, на Восток шли войска, собранные со всего подвластного завоевателю мира. Здесь можно было увидеть пехотинцев из Хорезма и Бактрии, всадников из Арианы и эфиопских лучников...

Вторжение не застало скифов врасплох.

Известно, что во главе Великой Скифии стояло тогда три царя: Иданфирс, Скопасис и Таксакис. Главенствовал в этом царском триумвирате, вероятно, Иданфирс – сын царя Савлия, племянник великого Анахарсиса.

Разделив все силы на три части, Иданфирс решил действовать, избегая решительных сражений, но при этом, заманивая персов вглубь своей территории и непрерывно тревожа их коммуникации и уничтожая небольшие отряды, отделившиеся от основной армии.

Царь Скопасис вместе с савроматами должен был ждать персов возле Азовского моря и при приближении персов отступать к Дону, а «два других царства – великое царство под властью Иданфирса и третье, царем которого был Таксакис, соединившись в одно войско вместе с гелонами и будинами, должны были также медленно отступать, держась на расстоянии дневного перехода от персов, и таким образом... **заманить персов в земли тех племен, которые отказались от союза со скифами, чтобы вовлечь и их в войну с персами**» (Геродот).

Так и поступили.

Кибитки с женщинами и детьми, а также весь скот скифы отправили на север, а сами двинулись навстречу Дарию.

Этот головной отряд встретил персов на расстоянии трёхдневного пути от Дуная. Скифы опередили врагов на дневной переход и успевали заблаговременно уничтожить всю растительность.

Когда персы заметили скифскую конницу, они начали преследовать её, но скифы не стали принимать бой и тотчас же начали отходить.

Естественно, что персидская пехота не могла угнаться за скифами, а кавалерия персов, способная сблизиться с ними, была уязвима для конных лучников и предпочитала не отрываться далеко от копыенной пехоты.

Получалось, что хотя скифы и отступали, но стратегическая инициатива находилась у них в руках.

Первый отряд во главе с царём Скопасисом, засыпая по пути все колодцы и уничтожая растительность, отступал вдоль берега Азовского моря.

Увлекая за собою персов, он прошёл за Дон и через земли савроматов завёл персов в область будинов.

Здесь персы сожгли город, окружённый деревянной стеной и, продолжая преследовать отступающих скифов, достигли необитаемой пустыни, за которой жили фиссагеты...

Избранная Иданфирсом стратегия блистательным образом оправдала себя.

Проходили дни, недели и месяцы, а персы не выиграли пока ни одного сражения и не захватили никакой добычи.

Зато они уже потеряли немало воинов, отправленных на поиски воды и продовольствия, и ежедневно продолжали терять их, а главное, теперь за спиной Дария остались голые степи, и новый переход по этим степям мог завершиться катастрофой.

«Так как война затягивалась, и конца ей не было видно, – пишет Геродот, – то Дарий отправил всадника к царю скифов Иданфирсу с приказанием передать следующее: «Чудак! Зачем ты всё время убегаешь, хотя тебе предоставлен выбор? Если ты считаешь себя в состоянии противиться моей силе, то остановись, прекрати своё скитание и сразись со мною. Если же признаешь себя слишком слабым, тогда тебе следует также оставить бегство и, неся в дар твоему владыке землю и воду, вступить с ним в переговоры».

На эти слова царь скифов Иданфирс ответил так:

«Моё положение таково, царь! Я и прежде никогда не бежал из страха перед кем-либо и теперь убегаю не от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время. А почему я тотчас же не вступил в сражение с тобой – это я также объясню. У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет. Но до тех пор, пока нам не заблагорассудится, мы не вступим в бой с вами. Это я сказал о сражении. Владыками же моими я признаю только Зевса и Гестию, царицу скифов. Тебе же вместо даров – земли и воды – я pošлю другие дары, которых ты заслуживаешь. А за то, что ты назвал себя моим владыкой, ты мне ещё дорого заплатишь!».

Таков был ответ скифов» (Геродот).

Ответ замечательный.

Война шла по плану, выработанному скифами, но Дарий боялся признать это и, подчёркивая своё неоспоримое могущество, он попытался перевернуть военную ситуацию в свою пользу.

Он оскорбил царя Иданфирса, надеясь разозлить его и таким образом спровоцировать на открытое крупное сражение, в котором персам удалось бы, наконец, реализовать своё численное преимущество.

Дарий пытался своим посланием заставить Иданфирса вести войну так, как было бы удобнее ему, Дарию...

Иданфирс на эту уловку не поддался.

Более того, перехватывая ещё и дипломатическую инициативу, он сообщил Дарию, что он как бы и не замечает, что его преследует семисоттысячная армия персов, он поступает **так же, как обычно в мирное время...**

Более того, он заявляет, что его не страшит и открытый бой. Правда, для этого персам надо разыскать и разрушить отеческие могилы скифов...

Что разумел, говоря это, Иданфирс, не совсем понятно...

Может быть, это было просто уловкой, а может быть, имея в виду Гилею, Иданфирс действительно рассчитывал погубить в днепровских плавнях всю армию Дария.

Был, конечно, и самый прямой смысл в этом вызове Иданфирса.

Ведь погребальные скифские курганы были рассыпаны по всей скифской степи, и к этим курганам приближались блуждающие в поисках воды и продовольствия отдельные отряды персов и гибли, гибли там, застигнутые скифской конницей...

Как бы то ни было, но получается, что Дарию и оскорбить-то царя Иданфирса не удалось.

«За то, что ты назвал себя моим владыкой, ты мне ещё дорого заплатишь!» – пообещал тот, и это не было пустой угрозой.

Геродот подчёркивает, что именно после обмена «дипломатическими нотами» скифы послали часть войска, в которой находились савроматы под начальством Скопасиса, для переговоров с ионянами, которые охраняли мост через Дунай.

– Ионяне! – объявили они. – Мы принесли вам свободу, если вы только пожелаете нас выслушать...

Здесь нужно привести справку, поскольку иначе неясен будет нравоучительный смысл разворачивающегося исторического сюжета.

Иония потеряла самостоятельность и вошла в состав Лидии ещё в VI веке до нашей эры. Затем Лидия была поглощена Персией, и Ионию выделили в отдельную сатрапию.

Скифы предложили ионийцам избавиться от Дария и обрести свободу.

Тем более что им не нужно было для этого совершать ни подвигов, ни измены. Ведь сам Дарий приказал стеречь мост только шестьдесят дней, а после этого возвращаться на родину.

– Если вы теперь так и поступите, то не провинитесь ни перед царём, ни перед нами, – убеждали ионян скифы.

И столь заманчивым, а одновременно с этим таким безопасным был план, предложенный скифами, что ионяне согласились с ним.

Однако, когда скифы покинули их, начались сомнения. Страх утратить личную власть возобладавал в ионийцах над стремлением обрести свободу для своей

страны. Спасая свою власть, эти люди спасли от окончательного разгрома армию Дария и не только предали свободу ионийских городов, но ещё и обрекли на долгую и изнурительную войну всю Грецию.

Глава двенадцатая НЕУДАВШИЙСЯ СОЮЗ

Не буду витийствовать... это не в обычае у скифов, особенно когда дела громче слов.

Лукиан

Заключив договор с ионийцами, скифы нисколько не сомневались в прочности его, поскольку ничего, кроме выгоды, он не сулил ионийцам. Полагаясь на этот договор, скифы приступили к заключительному этапу Скифской Отечественной войны.

Царь Иданфирс послал в стан персов вестника, принесшего в дар Дарию птицу, мышь, лягушку и пять стрел.

Дарий спросил, что это значит.

Посланец сказал, что ему было приказано только, отдав дары, как можно скорее удалиться. Он предложил, чтобы персы, если они мудры, сами поняли, что означают эти дары.

Дарий, поразмыслив, предположил, что скифы решили покориться и отдают ему и самих себя, и землю, и воду.

– Мышь живёт в земле, питаюсь теми же злаками, что и человек, лягушка – в воде, птица более всего походит на лошадь; стрелы же означают, что скифы отдают свою военную мощь! – объяснил он.

Правда, начальник царских копьеносцев Гобрий, некогда принимавший участие в убийстве мага-царя Гауматы, не побоялся возразить Дарию.

– Скифы хотят сказать, что если мы не улетим в небо, обратившись в птиц, не укроемся в земле, став мышами, или не прыгнем в болото, обратившись в лягушек, мы не вернёмся назад, поражённые вот этими стрелами.

Удивляться столь противоречивым трактовкам письма не следует, ибо, как остроумно было замечено, предметное письмо в состоянии выразить лишь общий, а не дословный смысл сообщения, и адресат может понять его, только если умеет мыслить теми же образами, как и его отправитель.

Дарий истолковал послание в приемлемых для него понятиях, но царь Иданфирс оказался настойчивым учителем и сделал всё, чтобы растолковать Дарию смысл своих уроков.

Как пишет Геродот, «после принесения даров царю оставшиеся в своей земле скифские отряды – пехота и конница – выступили в боевом порядке для сражения с персами. Когда скифы уже стояли в боевом строю, то сквозь их ряды проскочил заяц. Заметив зайца, скифы тотчас же бросились за ним. Когда ряды скифов приш-

ли в беспорядок и в их стане поднялся крик, Дарий спросил, что значит этот шум у неприятеля...»

Заяц, конечно, неслучайно появился перед войсками скифов...

И уж тем более не случайно бросились они всем своим многотысячным войском – какой же поразительный порядок нужно было соблюдать при этом, чтобы не предавать друг друга! – преследовать бедное животное.

Этот заяц, изображения которого археологи находили потом и на бляшках из степного Александропольского кургана, и на нашивной квадратной бляшке Кульбоского кургана, был новым посланием скифов Дарию.

«Самый доблестный из всех людей» оказался неплохим учеником и на этот раз сумел истолковать новое послание не так, как ему хотелось, а в образах, свойственных самим скифам.

«Узнав, что скифы гонятся за зайцем, – пишет Геродот, – Дарий сказал своим приближенным, с которыми обычно беседовал: «Эти люди глубоко презирают нас, и мне теперь ясно, что Гобрий правильно рассудил о скифских дарах. Я сам вижу, в каком положении наши дела. Нужен хороший совет, как нам безопасно возвратиться домой».

На это Гобрий ответил: «Царь! Я давно уже узнал по слухам о недоступности этого племени. А здесь я ещё больше убедился в этом, видя, как они издеваются над нами. Поэтому мой совет тебе: с наступлением ночи нужно, как мы это обычно и делаем, зажечь огни, оставить на произвол судьбы слабосильных воинов и всех ослов на привязи и отступить, пока скифы ещё не подошли к Истру, чтобы разрушить мост, или ионяне не приняли какого-нибудь гибельного для нас решения».

Такой совет дал Гобрий.

Когда настала ночь, Дарий начал приводить его в исполнение. Слабосильных воинов из тех людей, потеря которых была для него наименее важной, а также всех ослов царь оставил на привязи в лагере.

Ослов царь оставил, чтобы те ревели, а людей – из-за их немощи, под тем предлогом, однако, что он намеревается с отборной частью войска напасть на скифов; слабосильные же должны-де в это время охранять стан.

Отдав такие приказания оставшимся в стане и повелев зажечь огни, Дарий поспешно направился к Истру. Покинутые ослы стали после отступления войска реветь ещё громче прежнего. Скифы же, слыша ослиный рев, были совершенно уверены, что персы ещё в стане».

Впрочем, хотя хитроумный Дарий, бросив своих больных и раненых воинов, и сумел перехитрить скифов, но ничего ещё было не потеряно, и Дунай ещё мог стать для персов тем, чем станет, тысячелетия спустя, Березина для французов.

Тем более что персидское войско большей частью состояло из пехотинцев и двигалось медленнее, чем

скифы, которые и опередили персов, успев прийти к мосту первыми.

– Ионийцы! – заявили они. – Назначенное вам для ожидания число дней истекло, и вы, оставаясь здесь, поступаете неправильно. Ведь вы только страха ради оставались здесь. Теперь же как можно скорее разрушите переправу и уходите свободными подобру-поздорову, благодаря богов и скифов. А вашего прежнего владыку мы довели до того, что ему больше не придётся выступать походом против какого-нибудь народа!

Казалось бы, невозможно было не согласиться с этими словами, но двоедушные ионийских сатрапов, опасавшихся за свою власть, опять спасло Дария.

– Вы, скифы, пришли с добрым советом и своевременно! – лицемерно ответил на требование скифов Гистией. – Вы указали нам правильный путь, и за это мы готовы ревностно служить вам. Ведь, как вы видите, мы уже разрушаем переправу, и будем всячески стараться добыть свободу. Между тем, пока мы разбираем мост, вам как раз время искать персов и, когда вы их найдёте, отомстите за нас и за себя, как они того заслуживают.

«Скифы снова поверили в правдивость ионян и повернули назад на поиски персов, – пишет Геродот. – Однако им совершенно не удалось найти путь персов. Виноваты в этом были сами скифы, так как они-то и уничтожали в этой стороне конские пастбища и засыпали источники. Не сделай они этого, при желании им легко было бы найти персов; теперь же не удался именно тот их план, который они считали самым разумным.

В поисках неприятеля скифы шли по таким частям своей страны, где был корм для коней и вода, думая, что и враги отступают теми же путями. Однако персы шли, держась ранее проложенных ими троп, и только таким образом нашли переправу.

До места они добрались ночью и обнаружили, что мост разрушен. Тогда персов объял страх, что они покинута ионийцами.

В свите Дария был один египтянин с весьма зычным голосом. Этому человеку Дарий велел стать на берегу Истра и кликнуть милетянина Гистиея.

Египтянин так и сделал.

Гистией же по первому зову его доставил все корабли для переправы войска и снова навёл мост.

Так персы были спасены.

Скифы же в поисках персов потерпели неудачу.

С тех пор скифы считают ионян, поскольку те были свободными людьми, самыми жалкими трусами из всех людей, а как рабов весьма преданными своему господину и наименее склонными к побегу.

Так скифы издевались над ионянами».

Известно о переговорах, которые в 513 году до нашей эры вели скифы с царём спартанцев Клеоменом I. По мнению Геродота, союз этот был заключён.

Скифы должны были вторгнуться в Переднюю Азию уже знакомым им путём, вдоль западного берега Каспийского моря, а спартанцы – переправиться в Эфес и оттуда направиться на соединение со скифами.

Стратегически план был разработан настолько ошеломительно-смело, что если бы его удалось осуществить, это поставило бы имена Иданфирса и Клеомена I в ряду гениальнейших полководцев мира...

Но этого не случилось.

Клеомен I был выдающимся полководцем, но он правил в Спарте не единолично, а совместно с персофилом Демаратом, и тот делал всё, чтобы Спарта не мешала Персии в её завоевательной политике.

Прежде чем побеждать Персию, Клеомену следовало победить Демарата.

Задача эта была непростой, но и Клеомен ведь тоже был не только умелым полководцем, но ещё и ловким политиком, а отчасти интриганом и, возможно, – в Спарте благодаря Демарату его обвиняли в получении взятки от аргосцев! – коррупционером.

Как бы то ни было, но, заключив договор со скифами, воплощать его в жизнь Клеомен не спешил.

Простодушные скифы поили его вином, но денег, кажется, не давали.

Впрочем, если бы и давали деньги, не факт, что Клеомен взял бы их.

Историки уверены, что начиная с 506 года до нашей эры, когда Демарат фактически сорвал военную кампанию Клеомена в Афинах, на протяжении пятнадцати лет главным содержанием политической жизни Спарты была открытая вражда её двух царей.

При всяком удобном случае персофил Демарат старался сорвать любые внешнеполитические инициативы Клеомена I и дискредитировать его в глазах соотечественников. В 491 году до нашей эры Демарат помешал Клеомену успешно завершить уже начатое военное предприятие на Эгине и захватить руководителей тамошней персофильской партии.

Клеомен I был тогда срочно отозван в Спарту.

Кажется, только тогда и стало для него окончательно ясно, что прежде чем вступать в войну с персами, надобно разобраться с Демаратом.

И он разобрался...

Он припомнил, что у царя Аристона, отца Демарата, долго не было детей, и лишь третья жена родила ему Демарата.

Эта третья жена царя Аристона в младенчестве была безобразной, но сама богиня Афродита сжалилась над девочкой и сотворила чудо, превратив её в красавицу. Она была замужем за Агетом, другом царя Аристона, и тот, увидев её, сразу в неё влюбился. Чтобы завладеть красавицей, он пошёл на хитрость и предложил Агету выбрать любую драгоценность по его выбору, но в ответ поступить так же и отдать ему, что он пожелает.

Агет согласился, получил драгоценности, на которые указал, а затем выслушал просьбу отдать жену.

Спустя немного времени эта женщина и родила Аристону сына. Аристон узнал об этом во время заседания в совете эфоров и, прикинув на пальцах число прошедших месяцев, воскликнул: «Это не мой сын!».

Эфоры слышали эти слова, но не обратили тогда на них внимания.

Вот на этом обстоятельстве и решил сыграть царь Клеомен, чтобы победить Демарата.

Клеомен подговорил Леотихида, родственника Демарата, вступить с ним в заговор против Демарата, и Леотихид под клятвой заявил, что Аристон, получив в своё время известие о рождении сына, высчитал, что ребёнок не его.

Начались споры, и Клеомен добился, чтобы спартанцы послали в Дельфы вопрос: по праву ли царствует над ними Демарат?

С дельфийскими жрецами у Клеомена была давняя дружба, и когда спартанцы задали оракулу волнующий их вопрос, пифия ответила, что, действительно, царь Аристон не причастен к рождению Демарата.

Эту политическую интригу Клеомена – Демарат вынужден был отказаться от царской власти и эмигрировать в Персию, где он был назначен сатрапом в городе Пергаме, а его царское место занял Леотихид – можно было бы считать удачей Клеомена I, если бы она не обернулась трагедией для него самого.

136

В Спарте стало известно, как Клеомен лишил Демарата царской власти.

Разразился новый скандал, и Клеомен, не дожидаясь очередного судебного разбирательства, бежал сначала в Фессалию, а затем к аркадянам.

Впрочем, в Аркадии он развил такую бурную деятельность, агитируя аркадян на выступления против Спарты, что спартанские власти вынуждены были амнистировать его.

Он снова вернулся в Спарту, но царствовал на пару с Леотихидом совсем недолго...

Впрочем, тут мы забежали вперёд...

Как бы то ни было, но переговоры скифов со спартанцами, на которых настаивал ещё Анахарсис, провалились, и царь Дарий, оправившийся после скифской неудачи, снова вернулся к мысли о завоевании Европы.

Только теперь объектом его внимания стала Греция.

Говорить о перипетиях войны персов с греками вряд ли целесообразно, поскольку они широко освещены в школьных учебниках.

Завершая эту главу, посвящённую Скифской Отечественной войне, нужно всё-таки завершить сюжет переговоров спартанцев со скифами.

Как пишет Геродот, Клеомен I «слишком часто общался со скифами; общаясь же с ними больше, чем

подобало, он научился у них пить неразбавленное вино. От этого-то, как думают, спартанский царь и впал в безумие».

«С тех пор, – пишет Геродот, – спартанцы, когда хотят выпить хмельного вина, говорят: «Наливай по-скифски». Так рассказывают спартанцы о Клеомене. Я же думаю, что этим безумием он искупил свой поступок с Демаратом».

Глава тринадцатая ПРИРУЧЕНИЕ ИМПЕРИИ

*Эллада мне велит
Тебя убить... Ей смерть твоя угодна,
Хочу ли я иль нет, ей всё равно.
О, мы с тобой ничто перед Элладой!*

Еврипид

Победа над Дарием и обусловила тот поразительный пиетет, с которым начали относиться к скифам в Элладе.

Разумеется, их продолжали считать варварами, но это были непобедимые варвары, которых нужно было сделать **своими** варварами.

Именно в это время в Греции и приобрёл широкую популярность миф о Геракле и скифской богине-змее, обосновывавший изначальный союз греческих черноморских городов со скифами.

Между тем победу над Киром и Дарием одержали, конечно же, другие скифы...

Персов победили те скифы, которые верили, что первым жителем Скифии был человек по имени Таргитай, а родителями его – Папай, названный Геродотом Зевсом, и дочь реки Борисфена.

И появился этот Таргитай за тысячу лет до нашего времени Дария.

Делая скифов родственниками своих героев, греки открывали для них и свою историю.

В конце VI века до нашей эры аттические вазописцы массово начинают включать скифов в различные эпизоды осады Трои.

«На одной чернофигурной амфоре представлен поединок Диомеда и Гектора над телом поверженного Скифа, – пишет М. В. Скржинская. – Около каждой из трёх фигур написано имя. Убитый воин одет в греческий хитон, но на голове у него высокая восточная шапка, а у пояса горит. Всё это показывает, что Скиф не просто имя, но и национальность этого персонажа.

Другие художники выделяли скифов только их костюмом. Таков убитый скиф в характерной восточной шапке и кафтане с длинными рукавами на амфоре, где в центре композиции представлен Аякс с телом Ахилла, таков скифский стрелок на некоторых сценах бегства Энея, выносящего на плечах отца из горящей

Трои, таков скиф среди гоплитов*, окружающих Ахилла, которого старик Приам умоляет отдать для погребения тело своего сына Гектора.

Особенно выразительны, на наш взгляд, сцены на чернофигурной гидрии, где показано, как скифы сражаются в стане троянцев. Художник изобразил стены Трои, на них стоят несколько гоплитов и скифский лучник, из ворот выезжает боевая колесница, и выходят гоплит вместе со скифским лучником.

Так в причерноморских степях рождалась новая скифская история, но это была история не самой Скифии, а той Скифии, которая была нужна грекам.

Как известно, в марксистско-ленинском понимании государством называется организация господства одного класса над другим, для чего и создаётся аппарат принуждения.

Аппарат принуждения в скифском обществе был, а вот с классами возникала напряжённость.

Хотя Геродот, описывая Скифию, и упоминает, что у них всегда существовало рабство, но это рабство очень мало походило на то, что было в Греции.

В кочевом скотоводстве рабы могли использоваться лишь на вспомогательных работах, и получаемая от их труда выгода практически не компенсировала затраты на охрану. А ослепление или нанесение рабам увечий, снижающих их подвижность, ещё более сужало возможности использования рабского труда.

137

В результате рабы в качестве средств производства в скифском обществе ещё не представляли такой величины, которая могла бы сказаться на характере социальных отношений, институт рабства не образовывал противостоящих классов, а значит, не было и надобности в силе, которая бы обеспечила подчинение рабов их хозяевам.

Расслоение в скифском обществе после возвращения из Передней Азии, как мы уже говорили, пошло по другой линии.

Напомним тут, что заниматься кочевым скотоводством могли только богатые семьи, а бедные скифы, не имеющие достаточного количества скота, принуждены были бросать кочевой образ жизни и переходить к осёдлости в качестве скифов-пахарей.

Процесс выхода из «кочевого сословия» был достаточно длительным, и можно предположить, что товарное земледелие начинает развиваться у скифов только после Скифской Отечественной войны, потому что иначе это поменяло бы и саму стратегию войны...

Товарные объёмы зерна в Скифии, конечно, производились и тогда, но этим занималось в основном население греческих колоний.

* Гоплит – древнегреческий тяжёловооружённый пеший воин. Слово происходит от названия тяжёлого круглого щита – гоплон.

В самой Скифии земледелие распространилось, когда царские скифы поняли, что хлебная торговля с Грецией гораздо более интересная, как говорят сейчас, тема, нежели походы в Переднюю Азию или Фригию.

Геродот отмечает, что царские скифы считали прочих скифов подвластными себе. Замечание беглое, но принципиально важное, если мы говорим о государственном устройстве Скифии.

Подталкиваемые стремлением получить товары для торговли с греческими колониями, потомки царских скифов, уже не имеющие тех бесспорных по скифскому обычаю преимуществ, которые давали их отцам и дедам годы, проведённые в Передней Азии, распространили свою власть на все земледельческое население Среднего Приднепровья, в том числе и на то, которое образовалось в результате вынужденного выхода из «кочевого сословия».

В анекдотически упрощённом варианте, используемом некоторыми историками, всё население Великой Скифии разделилось на четыре группы: скифы-пахари, которые сеют хлеб и едят хлеб; скифы-земледельцы, которые сеют хлеб, но не едят, а продают; скифы-кочевники, которые не сеют хлеба, а разводят скот; и царские скифы, которые властвуют над всеми...

Это не было прямым покорением чужого народа.

Оседлые скифы сохраняли свою племенную иерархию и образ жизни, более того, они напрямую участвовали и в общегосударственных мероприятиях, связанных с защитой родины.

Но ведь и царские скифы утверждали свою власть не только за счёт прямого принуждения, но ещё и в результате монополизации торговли с причерноморскими греками. Уже ко времени Геродота царские скифы в общении с греками заслонили собой всё остальное население Скифии.

Сношения с земледельцами велись исключительно через них.

Кордон был воздвигнут настолько непроницаемый, что даже настойчивый в своей любознательности Геродот не смог преодолеть его. Сообщив, что скифы-пахари выращивают хлеб на продажу, а сами не едят его, он больше ничего о них не сказал.

Между тем замечание его дорогого стоит.

Как видно из раскопок памятников скифского времени в лесостепной зоне, где жили скифы-пахари, они действительно выращивали для себя неприхотливую полбу, пшеницу-двузернянку с невымолачиваемыми плёнками, из которой только и можно было, что сварить кашу. Но едва ли, умея производить доброкачественную пшеницу, скифы-пахари ограничивали свой рацион полбой добровольно...

«Скифское царство, – пишет М. А. Артамонов, – было если не первое, то одно из первых образований в Восточной Европе, основанных на завоеваниях с целью эксплуатации побеждённых. В предшествующее время

племенные объединения создавались в виде союзов для достижения общих целей, а войны между племенами, если не считать грабительских набегов, велись главным образом из-за территорий и приводили к уничтожению или изгнанию одного племени другим, в лучшем случае к ассимиляции победителями уцелевшей части побеждённых. Неравноправное положение тех и других было временным и не вело к систематической эксплуатации, даже если побеждённые приравнивались к рабам, так как само рабство в его патриархальной форме не носило классового характера. Вместе со скифами в Северном Причерноморье появились отношения, сложившиеся на Древнем Востоке, где уже давно существовали классы и классовая эксплуатация, где подчинение означало не номинальное, а фактическое рабство, и где скифы научились жить за счёт других народов.

Для усвоивших древневосточные представления о господстве и подчинении скифов-царских все покорённые скифы были рабами, хотя фактически они были далеки от рабского состояния и сохраняли свою экономическую и социальную самостоятельность.

Покорённые действительно, как говорит Геродот, обязаны были служить скифскому царю, но эта обязанность распространялась и на самих скифов-царских и, по сути дела, была не чем иным, как выражением культового пиетета перед царской властью, зачаточное свойственное любому родовому обществу, но в восточных деспотиях приобретшего новое значение. Освящённый религией авторитет вождя-царя был необходимым условием устойчивости родоплеменной демократической организации, а в классовом обществе он служил эксплуататорам и подкреплялся ещё и находившейся в распоряжении царя не совпадающей с обществом вооружённой силой.

Следует отметить, что скифы-царские распространяли свою власть на этнически родственные племена, на нескифские она не простиралась. В отношении скифов-номадов это объясняется территориальными претензиями скифов царских, необходимостью овладения занятыми номадами наиболее удобными для хозяйства и образа жизни скифов царских поднепровскими степями. В отношении же скифов-пахарей это подчинение объясняется тем, что только они производили пользовавшейся неограниченным спросом хлеб, а следовательно, являлись удобным объектом для систематической эксплуатации, тогда как другие доступные по местоположению для скифов народы подобного продукта не имели. Но возможно, что какую-то роль в ограничении Скифского царства этнически родственными населением играло и само родство».

Здесь хотелось бы здесь сделать небольшое отступление...

Скифия – это первая рождённая в степи государственность, хоть как-то известная нам.

Истории трудно набрать здесь ход, она пробуксовывает, не может вырваться из очерченного – раз и навсегда! – годового круга. Только-только весною оживает степь, раскрашивается цветами и голосами птиц, но тут же сгорает на солнце до солончаков, до жилистых донников, пока осенние ветры не нагонят туч, не закутают степь в седые туманы, чтобы над оледеневшей землёй снова загудели снежные вьюги...

*Куда ни взглянешь, нет селенья,
Молчат безбрежные поля,
И так, как в первый день творенья,
Цветёт свободная земля.
Там не просёк её межами
Людей бессмысленный закон;
Людей безумными трудами
Там божий мир не искажён;
Но смертных ждёт святая доля:
Труды, здоровье, покой,
Беспечный мир, восторг живой,
Степей кочующая воля.*

Так писал Алексей Степанович Хомяков, точно очерчивая тот духовный рубеж, на котором рождались великие победы степи и, отступая от которого, теряли победители все свои великие завоевания.

Чем дальше всматриваешься в уцелевшие обломки скифской истории, тем очевиднее становится, что нам досталась от скифов не только территория, но и сами принципы государственного устройства со всеми великими прорывами и свершениями и столь же великими падениями.

Парадоксально, но мы унаследовали от скифов не только опыт победной Отечественной войны, но и крепостное право Российской империи, преобразившееся в Советской России в замаскированную форму коллективного производства кабалу сталинских и хрущёвских колхозов...

Об этом 13 мая 1962 года на собрании, посвящённом 1100-летию Государства Российского, говорил русский историк Николай Иванович Ульянов.

«Новейшая историография обнаруживает много склонности <...> начинать нашу историю не с Рюрика, а с VI–VII веков до нашей эры, – сказал он тогда. – Мы всё чаще раскрываем IV книгу Геродота и всё больше видим в нём первого русского историка. В скифах, сарматах, готах, гуннах таится наше прошлое».

С этими словами трудно не согласиться, как и с тем, что именно тогда, в скифские времена, закладывалось будущее и Российской империи, и Советского государства...

«С тех пор как продукция земледельческого и охотничьего труда стала предметом экспроприации, – говорил Н. И. Ульянов, – на территории России не пере-

водились хищные ватаги, вроде «царственных скифов», считавших, по словам Геродота, всех остальных своими рабами...»

И если приплюсовать сюда природные богатства нашей страны, что изменилось и в наши времена?

Рассказывая, как под изукрашенным кружевами греческой мифологии подолом Великой Скифии рождалось непохожее ни на что в мире нечто, вспомним о самом характере скифско-эллинических торговых отношений.

Торговля тем и замечательна, что всегда стремиться удовлетворить спрос, однако когда идёшь по песчаной отмели, а под ногами хрустят черепки античных амфор, в которых завозили греческое вино в Скифию, становится жутковато.

Этот хруст, не стихающий два с половиной тысячелетия, способен поведать о многом...

Автор «Всеобщей истории» Полибий писал, что в Понте есть много полезного для жизни других народов. Окружающие Понт страны доставляют грекам зерновой хлеб и огромное количество «бесспорно отличнейших рабов».

Соглашался с ним и Страбон, сообщавший, что основными статьями скифского экспорта было зерно, рабы, шкуры животных, мёд и рыба.

Назад греки везли вино, предметы роскоши – различные украшения и дорогую одежду.

739 Считается, что сама номенклатура импорта свидетельствует о несправедливом характере отношений, установившихся в скифском обществе, но ещё более ярко свидетельствует о несправедливости его устройства номенклатура экспорта.

Рабы в списке товаров, экспортируемых из Великой Скифии, идут и у Полибия, и у Страбона на втором месте после зерна...

И вот возникает вопрос: откуда скифы поставляли на рынок рабов?

На первый взгляд, вопрос кажется бессмысленным.

Понятно, что скифы захватывали рабов во время военных походов, а потом продавали грекам, поскольку в самой Скифии рабы были не очень-то и нужны...

Но тут и возникает неувязка.

Рабы, которыми торговали скифы, очень часто оказывались... скифами.

Это известно как из исторических, так и из художественных произведений того времени...

Образ раба-полицейского из Скифии был едва ли не обязательным персонажем греческих комедий в V–IV веках до нашей эры.

«Аттическая комедия, сатирически отражая бытовую реальность своего времени, живо рисует насмешливое и презрительное отношение афинян к рабам из Скифии, – пишет М. В. Скржинская. – Конечно, не всех их брали на полицейскую службу. Но именно в этой

функции они сохраняли национальный облик: жили в своих непривычных для афинян жилищах, имели национальное оружие – лук и стрелы...

Вероятно, скифы-полицейские носили также и свою национальную одежду. Об этом свидетельствует фрагмент из утраченной речи Лисия с упоминанием скифской обуви, так и называвшейся – скифики. В речах оратора, написанных для защиты граждан в суде, отражалась повседневная жизнь афинян. Их знакомство со скифской обувью и, возможно, использование её в каких-то случаях шло из бытовой практики. Поэтому надо полагать, что скифам-полицейским предоставлялась возможность не только жить в своих своеобразных жилищах, но также изготавливать себе национальную одежду и обувь, так что афинские полицейские выделялись сразу в общей толпе не только своим вооружением, но и одеянием, а возможно, и цветом волос. Судя по отрывочным сведениям античных авторов, скифы красили волосы специальной краской в рыжий цвет».

Разумеется, скифы-рабы использовались в Греции на различных работах, но раб-землекоп или раб-каменотёс воспринимались античными авторами как нечто неодушевлённое, способное лишь совершать назначенную работу, и поэтому и впускать их в художественные произведения было ни к чему.

Зато рабы из Скифии, исполняющие функции слуг и находящиеся среди свободных граждан, которым они прислуживают, позволяли создать множество комедийных ситуаций и потому пользовались популярностью.

Комедии Аристофана «Лисистрата» и «Женщины на празднике Фесмофорий» относятся к последним годам Пелопоннесской войны, когда было уничтожено афинское войско, посланное в Сицилию...

В «Лисистрате» женщины со всей Греции сходятся в Афины и объявляют, что не хотят жить с мужьями, пока те не примирятся между собою. Афинское правительство пытается выгнать женщин из захваченного ими Акрополя, но женщины удерживают свои позиции.

Скифы в этой крайне фривольной, если не сказать неприличной, комедии появляются как раз в сцене штурма Акрополя.

Советник

Опять несчастье: разбежались стражники.
И всё же так мы не уступим женщинам.
Смелее, скифы! Мы в ряды построимся
И бросимся на приступ.

Лисистрата

Так узнайте же,
Есть и у нас отряд
Вооружённых до зубов афинянок.

Советник

Эй, скифы! Руки ей скрутите за спину!

Лисистрата

Сюда, сюда, воинственные женщины!
Молочницы, колбасницы, горшечницы,
Селедочницы, зеленщицы, ключницы!
Тащите, волоките, рвите волосы,
Ругайтесь, и кусайтесь, и царапайтесь!

Из Акрополя выбегают женщины.
Драка. Стражники отступают.

Довольно, стойте, трупов не бесчестите!

Советник

Беда, беда! Проиграно сражение!

Лисистрата

Чего ж ты ждал? Иль встретить ты надеялся
Рабынь пугливых? Иль не знал, что яростной
И женщина бывает?

Советник

О, ещё бы нет!
В особенности выпившая женщина...

Аристофан – мастер политической сатиры, и относиться к приведённому нами отрывку просто как к зрелищной сцене – пьяные женщины избивают мужчин! – было бы неправильно.

Несомненно, в этой сцене заложен более глубокий смысл...

Напомним, что ещё совсем недавно скифы почитались в античном мире как сыны Геракла, непобедимые воины.

И вот у Аристофана скифы неспособны справиться даже с толпой подвыпивших женщин.

Это не просто смешно, но ещё и позорно.

Ещё более издевательски изображён стражник-скиф в пьесе «Женщины на празднике Фесмофорий».

Он говорит на ломаном языке, примерно так же, как у нас говорят в плохих телевизионных постановках гастарбайтеры, и каждая реплика его из-за смешных ошибок производит дополнительный комический эффект.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Стражники вносят на оркестру* Мнесилоха, забитого в колодки, и привязывают его к столбу. Скифы остаются его стеречь, остальные уходят.

Скиф

На вульна воздуха айда сюда пуплач.

Мнесилох

Страж, я прошу тебя!

Скиф

Ни надо, ни пруси.

* Место для плясок, для народной потехи. В античном театре – круглая площадка для выступлений актёров, хора и отдельных музыкантов.

Мнесилох

Ослабь, прошу, мне винт.

Скиф

Аслабит? Харашо.

(Закручивает.)

По ходу сюжета комедии Еврипид должен освободить переодетого женщиной Мнесилоха и хочет смягчить скифа, поставленного для охраны. Он декламирует отрывки из своих трагедий, но это не действует на стражника. Однако, не добившись никакого толку, Еврипид переодевается старухой и решает соблазнить скифа, выдав себя за сводню. Устоять перед приведённой им юной гетерой скифу, конечно, не удаётся.

Аристофан в своём презрительно-насмешливом отношении к скифам не был одинок.

Исследователи отмечают, что к IV веку из греческого фольклора и литературы уходят варианты мифов об участии скифов в Троянской войне, исчезают их изображения на вазах.

Одно из последних подобных упоминаний относится к 408 году до нашей эры.

В трагедии «Рес» Еврипида – это он и выведен в процитированном нами отрывке из комедии Аристофана! – фракийский царь Рес рассказывает Гектору:

*Ну, право же, у нас один характер!
И говорить и действовать люблю
Я напрямик, как ты, могучий Гектор!
«Рес виноват». Да Ресу, может быть,
Печаль и гнев сильнее терзали сердце,
Чем Гектору, когда мы были врозь.
Всё было у меня готово, только в Трою
Солдат вести. И вдруг на нас войной
Соседи, скифы. Вместо Трои к морю
Евксинскому идти пришлось. Резня
Упорная была там. Кровью скифов
Упились наши копыта, но людей
И мы там, Гектор, много потеряли.
Вот отчего тогда на помощь к вам
Я не пришёл. Ну а теперь мы скифов
Рассеяли, их дети у меня
В заложниках, отцов же присмиривших
Я данью обложил, и снова в путь...*

Трагедия была написана Еврипидом, когда он уже перебрался из Афин к царю Архелая в Македонию, и о какой-то исторической достоверности приведённой нами цитаты говорить невозможно, поскольку очень уж непростая жизнь оказалась у великого драматурга на новом месте. А вскоре после создания «Реса» и вообще оборвалась она.

Одни биографы Еврипида полагают, что его разорвали женщины, когда он ночью спешил на свидание с Кратером, юным любовником Архелая. Другие утверж-

дают, что он собирался встретиться с Никодикой, женой Арефа, и был разорван спущенными с привязи царскими гончими...

Впрочем, для нашего повествования это несущественно.

Важно то, что Еврипид пытается обосновать презрительное отношение к скифам, развенчивая представления об их непобедимости.

Мы рассказывали, чем было вызвано стремление греков идеализировать скифов, но не менее важно понять, чем был вызван переход от восхищения к презрению и насмешкам.

Наверное, отчасти это можно объяснить политикой скифов, стремившихся подчинить себе греческие колонии на Чёрном море. В V веке до нашей эры скифам удаётся установить протекторат над Ольвией, Тиром и Никонием...

Однако, как и комплиментарность, что столетия назад источалась греками в адрес скифов, только отчасти была вызвана стремлением обеспечить безопасность черноморских колонистов, а в основе своей базировалась на искреннем восхищении, так и теперь только отчасти в своём презрении греки руководствовались политическими соображениями, в основе же своей их презрение было искренним.

А как, собственно говоря, можно не презирать народ, который сам себя продаёт в рабство?!

177

Эфор Кимский, создавший в IV веке до нашей эры первую всеобщую историю, считал, что древние скифы были добродетельны до тех пор, пока не познакомились с чужеземцами. Скифские нравы испортились под влиянием греков, которые внесли в среду неиспорченных кочевников корыстолюбие и несправедливость.

Другие исследователи полагали, что нравы древних скифов (имеются в виду, разумеется, царские скифы) испортились вследствие их «наглости, высокомерия и роскоши», но это не противоречит суждению создателя первой всеобщей истории. Всё равно ведь получается, что ионийские переселенцы и подтолкнули скифов на путь корыстолюбия и несправедливости.

Проникновение греческого влияния осуществлялось и через аристократические семьи.

Царь Ариапиф, во время правления которого (480–460-е годы до нашей эры) был установлен скифский протекторат над Ольвией, имел несколько жён.

Скифянка Опоя родила ему сына Орика.

Дочь Теря Одрисского – Окамасада.

Гречанка из города Истрии на Дунае – Скила.

Она научила сына греческой грамоте и сумела приохотить его к греческим привозным товарам и греческой идеологии.

Этот сын истринской гречанки и стал в 465 году до нашей эры скифским царём, когда царь агафирсов Спаргапиф убил его отца Ариапифа. Считается, что

Спаргапиф совершил это, чтобы помешать скифо-одрисскому союзу...

Новый скифский царь считал, что скифы должны переходить от кочевой жизни к осёдлости, для чего и было основано им Каменское городище, которое находилось недалеко от современного Никополя, на берегу Днепра, между Белозёрским лиманом и рекой Конкой. Крутые, обрывистые берега надёжно защищали городище со стороны реки и лимана, а со стороны степи скифскую столицу прикрывали оборонительный вал и ров.

Судя по раскопкам, в Каменском городище занимались в основном кузнечным производством, которое было поставлено на необыкновенно высокий уровень. Известно, например, что скифские кузнецы умели проводить даже цементацию стали.

Большинство жилищ на Каменском городище исследовалось во время строительства Каховской ГЭС, и мастерские, связанные с жилищем и хозяйственным комплексом ремесленников-металлургов, были изучены достаточно подробно, а на большую часть устроенного на вырост города – площадь его составляла 12 квадратных километров – времени осталось меньше, и эту часть города сочли незаселённой.

Сам Скил не собирался перебираться в новую столицу, предпочитая жить в Ольвии, в привычной ему с детства греческой среде.

«Царствуя над скифами, Скил вовсе не любил образа жизни этого народа, – пишет Геродот. – В силу полученного им воспитания царь был гораздо более склонен к эллинским обычаям и поступал, например, так: когда царю приходилось вступать с войском в пределы города бори́сфенитов (эти бори́сфениты сами себя называют милетянами), он оставлял свиту перед городскими воротами, а сам один входил в город и приказывал запирать городские ворота. Затем Скил снимал своё скифское платье и облачался в эллинскую одежду.

В этом наряде царь ходил по рыночной площади без телохранителей и других спутников (ворота же охранялись, чтобы никто из скифов не увидел царя в таком наряде). Царь же не только придерживался эллинских обычаев, но даже совершал жертвоприношения по обрядам эллинов. Месяц или даже больше он оставался в городе, а затем вновь надевал скифскую одежду и покидал город. Такие посещения повторялись неоднократно, и Скил даже построил себе дом в Борисфене и поселил там жену, местную уроженку».

И, конечно, это не могло не вызывать протеста в скифской среде, это усиливало и преднамеренное отторжение в скифах греческой культуры вообще.

Ещё Геродот обратил внимание на то, что «скифы, как и другие народы, также упорно избегают чужеземных обычаев, причём сторонятся не только обычаев прочих народов, но особенно эллинских...»

Впрочем, помимо греческого воспитания были и иные, может быть, гораздо более веские причины для

проживания Скила не в промышленном Каменском городище, а в цветущей Ольвии.

По мнению В. Г. Виноградова, Ариапиф и Скил, не вторгаясь в сферу внутренней и внешней политики, сумели переориентировать экономику Ольвии с земледелия и скотоводства на ремесло и транзитную торговлю скифскими поставками.

«Печальная участь, однако, была суждена Скилу, – пишет Геродот. – А произошло это вот по какому поводу. Царь пожелал принять посвящение в таинства Диониса Вакха. И вот, когда предстояло приступить к таинствам, явилось великое знамение. Был у царя в городе бори́сфенитов большой роскошный дворец, обнесённый стеною. Кругом стояли беломраморные сфинксы и грифоны. На этот-то дворец бог обрушил свой перун, и он весь погиб в пламени. Тем не менее Скил совершил обряд посвящения. Скифы осуждают эллинов за вакхические исступления. Ведь, по их словам, не может существовать божество, которое делает людей безумными.

Когда царь, наконец, принял посвящение в таинства Вакха, какой-то бори́сфенит, обращаясь к скифам, насмешливо заметил: «Вот вы, скифы, смеётесь над нами за то, что мы совершаем служение Вакху и нас охватывает в это время божественное исступление. А теперь и ваш царь охвачен этим богом: он не только свершает таинства Вакха, но и безумствует, как одержимый божеством. Если вы не верите, то идите за мной и я вам покажу это!».

Скифские предводители последовали за бори́сфенитом. Он тайно провёл их на городскую стену и посадил на башню.

При виде Скила, проходившего мимо с толпой вакхантов в вакхическом исступлении, скифы пришли в страшное негодование. Спустившись с башни, они рассказали затем всему войску о виденном.

После этого по возвращении Скила домой скифы подняли против него восстание и провозгласили царём Октамасада, сына дочери Теря.

Когда Скил узнал о восстании и причине его, то бежал во Фракию».

Глава четырнадцатая СКИФСКИЕ РУБЕЖИ

Если бы греки-эллины ежегодно не подрезывали лозу, то она уже была бы и в Скифии.

Анахарсис

Как долго правил Октамасад, сменивший казнённого им брата Скила, можно только предполагать. Многие исследователи считают, что это царствование продолжалось вплоть до начала IV века, пока и братоубийцу не погребли во впускной могиле кургана Солоха.

После Октамасада в Скифии правил его брат, сын Ариапифа и Опии, Орик.

О нём почти ничего неизвестно, но едва ли его правление было долгим. Вся династия Ариапифа укладывается в V век, а во времена Аристофана и Антифана в Скифии правил уже царь Атей.

По свидетельствам современников, он отличался настоящим государственным умом. Кажется, ему первому удалось установить единовластие в Скифии и объединить вокруг себя все земли от Истра до Меотиды.

Страбон назвал междуречье Днестра и Дуная «пустыней скифов»...

В этих степях имелись богатые пастбища и пахотные земли, здесь росли такие густые хлеба, что за ними не видно было людей.

Хотя скифы появились здесь только в VI веке до нашей эры, практически все античные авторы признают их хозяевами этих земель.

Царь Атей правил уже в IV веке до нашей эры, когда Котис I, царь Одрисского государства во Фракии, был убит двумя молодыми афинянами, проникшими в его дворец.

В Афинах юных убийц провозгласили почётными гражданами и увенчали золотыми венками, а Одрисское царство разделили на три части сыновья Котиса: Керсеблепт, Амадок и Берисад, которые тут же развязали междоусобную войну.

Вот тогда-то во Фракию и устремились с юго-запада македонские миротворцы, с юго-востока – асты, а с северо-запада – трибаллы.

Царю Атею тоже не хотелось оставаться в стороне от делёжки фракийского пирога. Он, бесспорно, был опытным военачальником и прославил себя во многих битвах и столкновениях. Однажды, когда ему довелось вступить в бой с войском трибаллов, намного превосходившим его численностью, он приказал женщинам и детям гнать в тыл врагу коней и волов, неся при этом поднятые копья.

Трибаллы приняли эту толпу, поднявшую тучи пыли, за подошедшее к скифам подкрепление и поспешно отступили.

Был Атей суровым, чуждым роскоши воином.

Плутарх пишет, что однажды к нему привели захваченного в плен греческого музыканта Исмения, прославившегося своей игрой на флейте.

– Царь... – было сказано тогда. – Теперь ты сможешь наслаждаться прекрасной, нежной музыкой.

– Зачем? – спросил Атей. – Лучшая музыка для меня ржание боевого коня.

К середине IV века до нашей эры Атей довольно прочно обосновался на правом берегу Дуная, но не остановился на этом. Захватив часть задунайской Фракии, он начал совершать глубокие рейды на запад и юг, всё решительнее вмешиваясь в балканские дела.

В сочинениях Климента Александрийского сохранилось послание Атея гражданам греческого города Византия: «Царь скифский Атей демосу византийцев: не препятствуйте моим прибылям, чтобы мои кобылицы не пили вашей воды».

И казалось, ничто не могло противостоять этому натиску, но проникновение скифов в земли фракийцев шло одновременно с ростом военной мощи Македонии, где уже правил тогда Филипп II, и столкновение его с Атеем становилось неизбежным...

Казалось бы, причины скифско-македонской войны изложены Помпеем Трогом ясно и недвусмысленно. Однако он не ограничивается этим и во второй главе девятой книги «Истории Филиппа» рассказывает о событиях, непосредственно подтолкнувших македонского царя к войне...

«Во время скифским царём был Атей. Когда он находился в затруднительном положении во время войны с истрианами, то через аполлонян он попросил помощи у Филиппа, с тем чтобы усыновить его и сделать его наследником Скифского царства.

Между тем царь истрийский умер и тем самым избавил скифов и от страха перед войной, и от нужды в помощи.

Поэтому Атей, отпустив македонян, приказал им сказать Филиппу, что он не просил у него помощи и не поручал говорить ему об усыновлении, ибо не нуждаются скифы в македонской защите, так как превосходят македонян в храбрости, да и в наследнике он, Атей, не нуждается, так как его сын здоровствует.

Выслушав это, Филипп отправил к Атею послов, чтобы добиться от него денег для покрытия хотя бы части расходов на осаду Византия, иначе он будет вынужден вследствие недостатка в средствах прекратить войну.

Послам было поручено сказать, что Атей скорее должен выполнить это требование, так как он не только не уплатил за службу воинам, присланным ему Филиппом, но даже не оплатил издержек по их перевозке.

Однако Атей стал ссылаться на то, что климат в Скифии неблагоприятный, а почва бесплодна; она не только не обогащает скифов, но едва-едва доставляет им пропитание; нет у него богатств, которыми он мог бы удовлетворить столь великого царя, а отделаться небольшой подачкой он считает более непристойным, чем вовсе отказать. Вообще же скифов ценят за блестящий дух и закалённое тело, а не за богатства.

В ответ на это издевательство Филипп, сняв осаду с Византия, двинулся войной на скифов».

При этом он – вот уж действительно у кого дипломатия легко перерастала в военную хитрость! – и тут не стал говорить об объявлении войны.

«Чтобы скифы ничего не заподозрили, отправил вперед послов, которые должны были сообщить Атею,

что он, Филипп, во время осады Византия дал обет воздвигнуть статую Геркулесу и идёт теперь, чтобы поставить её в устье Истра, поэтому просит, чтобы ему дали пройти спокойно и почтить бога; совершить же этот путь Филипп намерен как друг скифов».

Атей на эту уловку не поддался.

Он ответил, что если Филиппу нужно воздвигнуть статую, то пускай он пришлёт её к нему, а уж он сам её установит и даже охрану к ней приставит для сбережения.

Другого же варианта не может быть.

Он, Атей, не потерпит, чтобы войско Филиппа вступило в его пределы, и если Филипп всё же поставит статую против воли скифов, то, как только он уйдёт, скифы низвергнут статую, а медь, из которой она отлита, превратят в остря для стрел.

«Этот спор, – сообщает Помпей Трог, – ожесточил обе стороны, и завязалась война. Хотя скифы превосходили македонян и числом и храбростью, но они были побеждены хитростью Филиппа».

В чём заключалась хитрость Филиппа, Помпей Трог не разъяснил, однако разъяснений и не требуется, когда понимаешь, что о своём намерении воздвигнуть в устье Истра статую своему предку Гераклу Филипп II сообщил Атею, когда его армия уже выступила в поход, и пока шёл обмен посольствами, македонские фаланги успели сблизиться со скифами.

Атей многое успел повидать, но всё же в 339 году до нашей эры, когда на берегу Дуная неожиданно обрушилась на него армия Филиппа II, шедшая якобы воздвигать статую Геркулесу, растерялся – с таким обманом он столкнулся впервые.

Ему не удалось собрать к решающему бою все силы, он не успел совершить необходимые для боя приготовления, и теперь скифы вынуждены были сражаться возле повозок с детьми и женщинами.

И они сражались, потому что только доблесть и можно противопоставить обману.

Только одной доблести оказалось недостаточно.

Во время битвы девяностолетний царь Атей был сражён, и смерть его определила исход сражения.

Скифы оказались разбиты.

«Двадцать тысяч женщин и детей было взято в плен, было захвачено множество скота; золота и серебра не нашлось совсем, – сообщает Помпей Трог. – Тогда пришлось поверить тому, что скифы действительно очень бедны. В Македонию послали двадцать тысяч наилучших кобылиц для разведения коней скифской породы».

Только так легко из Скифии ещё никто не уходил.

Ход скифско-македонской битвы повторился через несколько дней в сражении македонцев с трибаллами, когда в полном соответствии с зеркальной симметрией, поражение потерпела македонская армия.

«Когда Филипп возвращался из Скифии, ему преградили путь трибаллы, отказываясь пропустить его через свои владения, если не получат от него части добычи.

От взаимных оскорблений перешли к оружию; в этом сражении Филипп был ранен в бедро, и притом так, что оружие, пройдя через тело Филиппа, убило его коня.

Так как все думали, что Филипп убит, то добыча ускользнула из рук.

Таким образом, добыча, захваченная в Скифии, точно на ней лежало проклятие, едва не принесла гибели македонянам».

Это тоже текст Помпея Трога...

Сын Филиппа II, великий Александр Македонский, тоже пытался воевать со скифами. Покорив Переднюю и Среднюю Азию, он собирался возвращаться на Балканы через прикаспийские и причерноморские степи.

Египет, Вавилон, Персия, Бактрия, Согдиана, завоевание которых составили ему славу великого полководца, становились ещё и путем, пройдя по которому, он, как некогда Кир Великий, вывел свою армию на берега Сырдарьи, чтобы вторгнуться в Скифию.

Одновременно с этим с запада удар по Скифии должна была нанести 30-тысячная армия Зопириона.

Зопирион начал свою кампанию с осады Ольвии, но скифы ударили по македонской армии сзади, и македонянам пришлось отступать. Три месяца гоняли скифы армию Зопириона по степи, пока она не была уничтожена полностью. Погиб и сам командующий. Произошло это в 331 году до нашей эры.

Александр Македонский узнал о поражении Зопириона, когда только лишь приступил к строительству на берегу Сырдарьи Александрии Эсхаты*, которая, как считалось, должна была, подобно средиземноморской Александрии, создать величественное обрамление империи, созданной новым Царём Азии, являвшимся по совместительству ещё и египетским фараоном.

Но обрамление обрамлением, а скифов, живущих на другом берегу реки и помнящих предания о вторжении здесь Кира Великого, встревожило сооружение города, который должен был стать опорной базой вторжения.

Курций Руф утверждал, что местный скифский царь считал будущий город ярмом на своей шее...

Поэтому, когда в покорённых Александром землях вспыхнуло восстание, скифы не замедлили появиться на восточном берегу Сырдарьи. Возглавлял их брат скифского царя Картасис.

Александр Македонский послал на выручку македонскому гарнизону крупный отряд, но вождь восстания Спитамен совместно со скифами перехватил его на реке Зеравшан около Самарканда и разгромил.

Это было первое поражение Александра Македонского за всю семилетнюю кампанию, и более он не стал медлить. Приказав сохранить поражение в тайне, он

* Эсхаты – переводится как Последняя или Дальняя.

объявил на военном совете, что, подобно Киру Великому, будет сражаться со скифами на их территории.

Арриан в книге «Поход Александра» подробно описал и действия Александра Македонского, которые он предпринимал на берега Сырдарьи, и замыслы, которые он здесь вынашивал:

«Александр занялся задуманным городом; за 20 дней он обвёл его стеной и поселил там эллинских наёмников, тех из соседей-варваров, которые желали там поселиться, и тех македонских солдат, которые уже не годились для военной службы. Принеся, как было у него в обычае, жертву богам, он установил празднество с гимнастическими и конными состязаниями.

Александр увидел, что скифы не уходят от реки и даже пускают через неё стрелы (река была неширокой), причём, хвастаясь по варварскому обычаю, дразнят его, крича, что со скифами он схватиться не посмеет, а то придётся ему узнать, какая разница между скифами и азиатскими варварами.

В раздражении он решил перейти реку и напасть на них и стал готовить меха* для переправы. Когда, однако, намереваясь переправиться, он стал совершать жертвоприношения, то знамения оказались неблагоприятными. Его это очень раздосадовало, но всё-таки от переправы он удержался.

Скифы не оставляли его в покое. Александр опять принёс жертву, собираясь перейти через реку, и Аристандр-прорицатель опять сказал, что ему грозит беда.

Александр ответил, что лучше ему пойти на смерть, чем, покорив почти всю Азию, стать посмешищем для скифов, как стал им когда-то Дарий, отец Ксеркса.

Аристандр ответил, что знамения, посылаемые божеством, он не может толковать по-другому, только потому, что Александру хочется услышать другое.

Меха для переправы были готовы; войско в полном вооружении стояло у реки, и машины по данному знаку стали метать стрелы в скифов, скакавших на лошадях по берегу. Некоторые были ранены; одному стрела пробила насквозь щит и панцирь, и он упал с лошади. Скифы испугались стрел, летящих на такое большое расстояние, и того, что богатырь их убит, и отошли немного от берега.

Александр, видя их смятение, начал переправу под звуки труб; он шёл впереди, войско за ним следовало. Он распорядился, чтобы первыми на берег вышли лучники и пращники: они должны были камнями и стрелами удерживать скифов и не давать им приблизиться к выходящим на берег пехотинцам до тех пор, пока не переправится вся конница.

* При отсутствии других плавательных средств, македоняне использовали плоты, сооружённые из набитых сеном или соломой мехов. Основой их были кожаные палатки, края которых были сшиты до полной герметичности.

Когда все оказались на берегу, он пустил на скифов сначала одну гиппархию** чужеземцев и четыре илы*** солдат, вооружённых сариссами****.

Скифы встретили их, окружили на своих лошадях, поразили – многие немногих – и скрылись беспрепятственно.

Александр ввёл между рядами всадников лучников, агриан и прочих легковооружённых воинов, которыми командовал Балакр, и повёл их на скифов. Когда они сблизились, он приказал трём гиппархиям «друзей» и всем конным дротометателям броситься на скифов.

Сам он поспешно повёл остальную конницу, построив её глубокими рядами; теперь взять её в окружение, как раньше, скифы уже не могли: одновременно с нападением конницы легковооружённые воины, перемешанные со всадниками, не давали скифам возможности увернуться и напасть снова.

И тут у скифов началось поголовное бегство. Их пало около тысячи, в том числе один из их предводителей, Сатрак; в плен взято было человек полтора.

Врага преследовали стремительно, воины замучились от сильной жары; всё войско терпело жажду, сам Александр на скаку пил воду, какая там была.

А была эта вода плохой, и у него началось сильное расстройство.

Поэтому и не удалось догнать всех скифов; я думаю, что если бы Александр не заболел, то их всех бы перебили во время их бегства. Он же в чрезвычайно тяжёлом состоянии был отнесён обратно в лагерь.

Так исполнилось предсказание Аристандра».

Конечно, если бы не плохая вода, Александр Македонский одержал бы победу над скифами и, как и задумывалось, вернулся бы в родную Македонию через скифские степи, навсегда утверждая за собою славу непобедимого героя.

Но если Арриан мог включать в свои рассуждения допущение «если бы», то Александр Македонский такого себе позволить не мог. Он рассуждал не словами, складывающимися в изящные фразы, а жизнями десятков тысяч своих солдат.

Под обстрелом армия Александра Македонского форсировала Сырдарью, опрокинула скифов, но дальше не пошла и после непродолжительного преследования вернулась на восточный берег.

Вот тогда-то и узнал Александр Македонский о катастрофе армии Зопириона.

Считается, что известие это не произвело на Александра Македонского большого впечатления, поскольку армия Зопириона была составлена в основном из фракийцев.

** Конная войсковая часть численностью около 500 человек.

*** Аналог эскадрона, отряд примерно из 200 всадников.

**** Длинное ударное копье, пика.

Хорезмийский царь Фарасман прибыл в ставку Александра Македонского в сопровождении полутора тысячи всадников. Не жалея красок, рассказывал он о колхах и амазонках, которые живут совсем неподалёку в землях скифов...

Он обещал Александру безопасно провести македонскую армию прямо в причерноморские степи, но напрасно прельщал он Царя Азии необыкновенными сокровищами и славой победителя, имя которого народы поставят наравне с Гераклом...

Александр Македонский равнодушно внимал этим посулам.

Хорошо было Гераклу бродить в мифах по пустынной Скифии, а его армия состояла из живых солдат и съедала за день около трёхсот тонн продовольствия и фуража, выпивала больше семисот тысяч литров воды...

И никакие хорезмийские посулы ничего не могли изменить в этой арифметике.

Появились в ставке Царя Азии и скифские послы.

Они объявили, что выступившие против македонян скифы являются разбойниками и грабителями, а потому, должно быть, памятуя о желании отца Александра Македонского, Филиппа II, породниться со скифами и стать сыном царя Атея, предложили в жены Царю Азии свою царевну.

«Скифским посланцам, – как сообщает Арриан, – Александр ответил ласково и так, как ему на то время было выгодно, но от скифских невест отказался.

Фарасмана он поблагодарил, заключил с ним дружественный союз, но сказал, что **идти к Понту для него сейчас несвоевременно**. Он поручил Фарасману персу Артабазу, которого поставил управлять Бактрией, и другим соседним сатрапам и отослал его обратно на родину. Мысли его, говорил он, заняты теперь Индией; покорив её, он овладеет всей Азией; овладев же Азией, **вернётся в Элладу и оттуда уже через Геллеспонт и Пропонтиду со всеми сухопутными и морскими силами ворвётся на Понт**. И он попросил Фарасмана отложить свою помощь, которую он предлагал сейчас».

Арриан, как мы видим, совершенно определённо пишет, что Александр Македонский отнюдь не отказался от завоевания Скифии, просто он считал, что сейчас идти к Понту для него несвоевременно, что ему нужно вернуться в Элладу и оттуда уже со всеми сухопутными и морскими силами ворваться на Понт.

Это, разумеется, не значит, что, если бы судьба судила ему вернуться живым и здоровым в Элладу из индийского похода, то он непременно устремился бы на завоевание Скифии.

Говорят, когда Александру Македонскому сказали, что он завоевал весь мир, он очень опечалился, что мир так мал и больше нечего в нём завоевывать...

Это, разумеется, легенда.

ИМПЕРСКОЕ ПОХМЕЛЬЕ

Эпилוג

Но вот, наконец, когда солнце стало спускаться к западу, степь, холмы и воздух не выдержали гнёта и, истощивши терпение, измучившись, попытались сбросить с себя иго. Из-за холмов неожиданно показалось пепельно-седое кудрявое облако. Оно переглянулось со степью – я, мол, готово – и нахмурилось. Вдруг в стоячем воздухе что-то порвалось, сильно рванул ветер и с шумом, со свистом закружился по степи. Тотчас же трава и прошлогодний бурьян подняли ропот, на дороге спирально закружилась пыль, побежала по степи и, увлекая за собой солому, стрекоз и перья, чёрным вертящимся столбом поднялась к небу и затуманила солнце. По степи, вдоль и поперёк, спотыкаясь и прыгая, побежали перекасти-поле, а одно из них попало в вихрь, завертелось, как птица, полетело к небу и, обратившись там в чёрную точку, исчезло из виду...

А. П. Чехов. Степь

Среди загадок, которыми богата история Скифии, едва ли не главная, отчего же погибла Скифия и куда исчезли сами скифы?

176

Некоторые историки считают, что началом распада её послужило поражение, нанесённое Филиппом II царю Атею.

Да, это было серьёзное потрясение, но ведь буквально через несколько лет скифы восстановили положение, разгромив македонскую армию Зопириона.

Парадоксально, но Скифия, как и другие империи, которым предстоит возникнуть на территории нашей страны, умерла в период своего расцвета...

Именно в последние десятилетия IV века до нашей эры были возведены десятки грандиозных курганов-исполинов с пышными гробницами скифских «царей». Именно в это время достигают максимального развития взаимовыгодные связи между греческими городами-колониями и Скифией.

«И вдруг, – как пишет археолог, доктор исторических наук Валерий Иванович Гуляев, – всё рухнуло, «кануло в Лету», исчезло, как дивный мираж в знойной пустыне. На рубеже IV и III веков до нашей эры или в самом начале III века до нашей эры великая Скифская держава навсегда уходит с исторической арены. Замирает жизнь на городищах и открытых поселениях. Не возводятся более курганы, как рядовые, так и «царские». Точного объяснения причин столь грандиозной катастрофы не найдено до сих пор».

Действительно, некоторые историки говорят о том, что в III веке до нашей эры возрасла конкуренция еги-

петской пшеницы, и нескольких засушливых десятилетий в причерноморской степи оказалось достаточно, чтобы Великая Скифия надломилась.

Другие, пытаясь объяснить необъяснимое, говорят о нашествии сарматов...

Кто такие сарматы?

Античные историки называли их «ящероголовыми», но это относится не к антропологии, а к обычаям. Сейчас совершенно определённо установлено, что удлинение задней части черепа сарматов связано с обычаем перетягивать повязкой голову новорождённому ребёнку, что и вызывало искусственную деформацию черепа.

Возможно, ребёнок с таким черепом легче усваивал сарматский язык, который был родственным древнему языку Авесты и принадлежал к северной, скифской ветви языков ираноязычной группы.

Схожим со скифским был и кочевой быт сарматов.

Столь же схожей со скифской была и одежда. Сарматы носили такие же длинные штаны, сапоги из мягкой кожи и остроконечные или закруглённые войлочные шапки.

Даже и гадали сарматы так же, как и скифы. Они собирали прямые ивовые прутья и раскладывали их, произнося тайные заклинания, пока не открывалось будущее.

И хотя сарматы, по словам Страбона, питали отвращение к земледелию, но и в их племенной среде, как и у скифов, тоже действовали жестокие экономические законы. Кочевая жизнь была удовольствием недешёвым, и семьи, которые не имели достаточного количества скота, сбрасывались на окраину сарматского мира. На лесостепной периферии (район Самары и Южного Урала) встречаются следы сарматских земледельческих поселений.

Некоторые исследователи говорят о «женоуправляемости» сарматов.

Действительно, число женских погребений с оружием у сарматов достигает двадцати процентов от общего числа могил с оружием, но это свидетельствует не о следах матриархата, а о том, что сарматским женщинам, как и скифским, приходилось в условиях кочевой жизни братья за оружие.

Изначальным домом сарматов считалась территория степей и пустынь к востоку от реки Урал и Каспийского моря.

Во времена Геродота савроматы-сарматы занимали уже территорию между Волгой и Доном, и это не вызывало никакого возмущения у скифов. Через территории, контролируемые сарматами, проходил скифский торговый путь на восток, связывавший степи Северного Причерноморья, лесостепные районы Поднепровья и Подонья с Южным Приуральем и Зауральем.

С лёгкой руки Диодора Сицилийского, заявившего в I веке до нашей эры, что савроматы «опустошили зна-

чительную часть Скифии и, поголовно истребляя побеждённых, превратили большую часть страны в пустыню», считается, что произошло это в результате некоей опустошительной сарматско-скифской войны...

Двести лет спустя Лукиан в рассказе «Токсарис, Или дружба» представил ещё более красочную картину сарматского нашествия:

«Вдруг напали на нашу землю сарматы в числе десяти тысяч всадников, а пеших, говорят, явилось втрое больше того, – рассказывает в его рассказе скиф Токсарис. – А так как их нападение было непредвиденно, то они всех обращают в бегство, многих храбрецов убивают, других уводят живыми... Тотчас же сарматы начали сгонять добычу, собирать толпой пленных, грабить шатры, овладели большим числом повозок со всеми, кто в них находился».

Сам рассказ Лукиана, разумеется, не о сарматско-скифской истории, а о силе человеческих чувств, об удивительной дружбе двух скифов. Сарматы захватили одного из них в плен, и тогда другой отправляется к ним в лагерь и просит освободить друга, у него требуют выкуп, но выкупа нет, и тогда он отдаёт сарматам – зачем они им? – собственные глаза...

Однако художественная убедительность Лукиана столь высока, что вместе с вырезанными глазами скифа читатель проглатывает и откровенный исторический вымысел. После прочтения этого рассказа как-то уже и неудобно становится сомневаться в том, была ли нет война сарматов со скифами...

Однако, если мы попытаемся опереться на факты, а не на художественный вымысел, сразу обнаружится, что движение сарматов на скифские территории, растянувшееся на два столетия, совершенно не похоже было на завоевательную войну, описанную Диодором или тем более Лукианом.

Почему?

Да потому, что, во-первых, сарматы неоднократно выступали со скифами заодно, как было, например, во время отражения агрессии Дария в годы Скифской Отечественной войны...

Во-вторых, непонятно, как сарматы, которые находились на значительно более низком организационно-военном уровне, могли одолеть непобедимых скифов...

В-третьих, не осталось никаких известий (кроме рассказа Лукиана) о сражениях, которые вели сарматы со скифами, захватывая их территорию...

В-четвёртых...

Можно и дальше приводить столь же убедительные доводы, но это совершенно бессмысленно, потому что в ходе археологических раскопок совершенно определённо выявился чёткий хронологический разрыв. Сарматы появились в междуречье Дона и Днепра не ранее II века до нашей эры, а самые поздние скифские памятники в степях Северного Причерноморья датируются первой третью III века до нашей эры.

Более полувека степи в междуречье Дона и Днепра просто пустовали...

Почему же отсюда ушли скифы, что же произошло?!

С чем связано исчезновение скифов, мы не знаем, но не может удивлять то, что история тут явно повторилась.

Пятьсот лет назад скифы пришли в причерноморские степи, когда киммерийцы уже покинули их. Теперь они ушли отсюда, когда сарматы и не думали ещё входить в междуречье Дона и Днепра...

Осмысление этой исторической рокировки не укладывается в рамки традиционного научного повествования, но это не опровергает самого факта существования неразрешённой загадки...

Главная, на наш взгляд, причина заключалась в самом устройстве Великой Скифии.

Царские скифы недаром назывались так.

Они скрепляли собою Великую Скифию и защищали её от внешних врагов, но от внутренних противоречий защитить не могли, потому что в каком-то смысле сами и были самым главным внутренним противоречием, построенной ими страны.

Год за годом, век за веком стоянки царских скифов наполнялись шедеврами греческого ремесла и искусства...

Легко перенимая греческий язык, обычаи и религию, они многое приобретали в своём развитии, но при этом перенимали и то, что христиане называли потом «эллинским зловерием», и ещё сильнее удалялись от того, что составляло существо Великой Скифии.

Знаменитый врач Гиппократ, род которого по отцу вёлся от древнегреческого бога медицины Асклепия, увидел скифов примерно в то же время, что и Геродот, но он смотрел на своих родственников (по матери род Гиппократа шёл от Геракла, считавшегося прародителем скифов) глазами врача и поэтому и видел их иначе...

«Что касается времён года и внешнего вида людей, то народ скифский во многом отличается от остальных людей, а сам на себя похож так же точно, как египетский. Он весьма мало плодовит, и страна очень мало питает животных, не отличающихся ни величиною, ни количеством.

В самом деле, она расположена под самыми Медведицами и Рипейскими горами, откуда дует северный ветер. Солнце, когда придёт к летнему стоянию, подходит ближе всего и тогда, конечно, на малое время согревает, и то не очень. И дующие от тёплых мест ветры сюда не достигают, разве только редко и слабо, но беспрерывно дуют ветры холодные с севера от снега, льда и многих вод, которые никогда не оставляют гор, вследствие чего последние только с трудом могут быть обитаемы.

Густой туман обнимает целый день поля, на которых живут скифы, так что у них почти непрерывная зима, а лето лишь в самые немногие дни, и в те не очень жар-

кое, ибо равнина у них возвышенная, голая и не опоясана горами, но наклонна со стороны севера.

Здесь и звери небольшие, но рождаются такими, что могут скрываться под землею, ибо зима и обнажённость земли препятствуют им иметь какое-либо убежище и кров.

Перемены времён года не велики и не сильны, но сходны и мало отличаются друг от друга; вследствие этого и люди имеют вид, схожий между собой. Они пользуются всегда одинаковой пищей, зимою и летом одеты в одну и ту же одежду, вдыхают воздух сырой и густой, пьют воды из снегов и льда и не пользуются никакими телесными упражнениями, ибо не могут ни тело, ни дух упражняться там, где не происходят сильные перемены...»

Понятно, что зрение Гиппократа – зрение врача, который все болезни привык объяснять нарушением движения жизненных соков, обусловленным в свою очередь природными факторами, плохим питанием, а также характером жизни человека.

Однако, понимая это, трудно совместить скифов, которых видит Гиппократ, с отчаянными номадами, перевернувшими Переднюю Азию, с героями, одержавшими победу над полчищами Кира и Дария, с воинами, остановившими на своих рубежах фаланги Александра Македонского.

178

«По внешнему виду скифы толсты, мясисты, нерасчленены, влажны и слабы; желудки у них наиболее влажные из всех; да и не может в самом деле живот осушиться в стране при такой природе и таком состоянии времён года.

Но вследствие тучности и гладкости тела по внешнему виду все похожи друг на друга: мужчины на мужчин и женщины на женщин, ибо, так как времена года почти одинаковы, никакие изменения или пороки не случаются при первоначальном образовании семени, разве бывает это по какому-нибудь насильственному случаю или болезни.

Великое доказательство их влажности я представляю: ты найдёшь большинство всех скифов, в особенности номадов, с прижиганиями на плечах, руках и на кистях рук, на грудях, на бедрах и на пояснице, и это только по причине влажности природы и слабости.

Действительно, они не могут вследствие влажности и слабосилия натянуть лук, ни бросить плечом дротик. Когда же они прижигаются, тогда из членов высыхает обилие влаги, и их тела делаются здоровее, способнее к питанию и более гибкими.

Они становятся обрюзглыми и широкими прежде всего потому, что не пеленаются, как это обыкновенно бывает в Египте, и не считают это нужным ради верховой езды, чтобы сидеть крепче на конях, а затем вследствие сидячей жизни.

Действительно, мальчики, пока ещё не могут ездить на конях, в продолжение долгого времени сидят на повозках и мало пользуются прогулкой, вследствие постоянной перемены мест и переселения; особенно девочки выглядят удивительно опухшими и слабы на вид. Скифский народ вследствие холода красно-жёлтого цвета, так как сильное солнце к нему не приближается.

От холода же белизна иссушается и переходит в желтизну.

Такая природа не может быть плодovитой. И, действительно, мужья не испытывают большого желания соития по причине влажности природы, мягкости и холодности живота, вследствие чего, естественно, весьма мало могут предаваться половой любви.

Да, кроме того, трясясь всё время на лошади, они делаются слабыми для соития: у мужчин – таковы причины бесплодия, у женщин же – ожирение и влажность. Именно матки у них не могут уже захватить мужское семя; месячного очищения у них не бывает как следует; оно слишком малое и через долгие промежутки времени, и самое устье матки, вследствие жира, закрывается и совсем не воспринимает мужского семени.

И сами они не занимаются совсем телесными упражнениями и весьма жирны, а животы их холодные и мягкие.

И вот вследствие этих причин народ скифский мало плодovит...»

Описание, данное Гиппократом, более походит на медицинское заключение, которое содержит в себе смертный приговор.

Как мы знаем, многие принципы, на которых выстраивал свою деятельность Гиппократ, многие послы, от которых он отталкивался, были ошибочными.

Более того, легендарный образ Гиппократа – врача, составившего знаменитую клятву, которую два с половиной тысячелетия повторяют врачи всего мира, не очень-то вяжется с некоторыми подробностями его собственной жизни.

Рассказывали при его жизни, что Гиппократ сжёг храм косской школы, чтобы уничтожить накопленные в нём медицинские знания и остаться, таким образом, единственным их обладателем...

Не столь и бескорыстен был великий врач.

Ходили слухи, что однажды, оказав больному первую помощь, Гиппократ поинтересовался у родственников, способны ли те заплатить за лечение больного. Услышав отрицательный ответ, он предложил «дать бедолаге яда, чтобы тот долго не мучился».

Гиппократ, как известно, создал своё учение о человеке.

Он считал, что общее поведение его зависит не столько от душевных качеств, сколько от соотношения

крови, желчи, чёрной желчи и слизи (флегмы и лимфы), циркулирующих в организме.

«Кроме того, – анализируя положение дел с рождённостью в Скифии, отмечал Гиппократ, – многие в Скифии становятся евнухами, исполняют женские обязанности и, как женщины, делают и говорят; называют их немужественными. Туземцы приписывают причину этого богу и людей этого рода почитают и уважают, боясь всякий за себя.

Мне и самому эти болезни кажутся божественными, как и все прочие, и одна из них не божественнее или человечнее другой, но все одинаковы и все божественны. Однако всякая из них имеет свою собственную природу, и ничто не делается вне природы.

И я расскажу, каким образом, по моему мнению, эта болезнь приключается: вследствие верховой езды наездников схватывают боли суставов, так как ноги их, конечно, всегда свешиваются с коней. Затем те, которые сильно болеют, делаются хромыми, и у них бёдра изъязвляются.

Лечат же они себя таким способом: когда начнут болеть, то открывают обе вены позади ушей, и когда кровь истечёт, то вследствие слабости охватываются сном и засыпают. Затем одни пробуждаются здоровыми, а другие нет.

И мне кажется, что от такого лечения пропадает способность рождения, ибо имеются около ушей вены такого рода, что если кто их надрежет, то подвергшиеся сечению становятся бесплодными.

Эти именно вены, мне кажется, они и рассекают.

После же, когда приближаются к жёнам и не могут с ними иметь дела, сначала, несколько не задумываясь, успокаиваются; когда же два-три раза или больше пытаются делать это и не успевают, тогда, воображая, что они оскорбили бога, на которого сваливают вину, надевают женскую одежду, открыто признавая свою потерю мужских свойств.

Они живут по-женски и исполняют вместе с женщинами их работы.

Такою болезнью страдают скифы не самого низшего сословия, а благороднейшие и те, которые посредством верховой езды достигли величайшего могущества; бедные же страдают меньше, ибо не ездят верхом, хотя должно было бы, если бы эта болезнь была божественнее прочих, чтобы она постигала не одних только благороднейших и богатейших скифов, но всех одинаково и более тех, которые владеют малыми средствами, если только боги довольны бывают служением и почитанием со стороны людей и соразмерно с этим посылают им благодеяния.

Ведь богатые, владея деньгами, конечно, часто приносят богам жертвы и дары и оказывают им почести; бедняки же не могут этого делать, не имея ничего, и даже порицают богов за то, что они не доставляют им

средств; поэтому те, которые владеют малым, скорее должны были бы терпеть наказание за подобные грехи, чем богатые.

Но, как я уже сказал, и эта болезнь так же божественна, как и все прочие; каждая из них происходит по природе. Эта болезнь случается у скифов по той причине, о которой я говорил; так же обстоит дело и у других людей. Где люди ездят верхом весьма много и часто, там на очень многих нападают болезни от истечения, ишиасы и подагры, и для половых сношений они совершенно не пригодны.

А всё это имеется у скифов, и по этой причине они ближе всех людей к евнухам, а также и потому, что всегда носят штаны и проводят большую часть времени на конях, так что им нельзя и прикоснуться рукою к детородной части, и вследствие холода и утомления они не чувствуют желания к соитию и не делают никаких попыток, прежде чем будут лишены мужской способности.

Вот как дело обстоит относительно племени скифов».

Наверное, можно было бы и не приводить эти слова Гиппократу, но диагноз, поставленный им, это тоже часть цены, которую помимо собственной крови и жизни платили царские скифы за отстаивание рубежей Страны Степей.

Сырой и густой воздух...

Снежная и ледяная вода...

Влажность, что проникает в тела, производя в них разрушительную работу...

Эти медицинские наблюдения Гиппократу легко смыкаются с загадочным процессом исчезновения скифов в пространстве Великой Степи...

Ещё более странно, что и многие столетия спустя ситуация эта снова и снова будет повторяться на территории Великой Скифии с новыми народами, с новыми империями.

«Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три. Даже «Новое Время» нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь! – воскликнет через два тысячелетия Василий Васильевич Розанов. – Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных дел. И собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая «Великого переселения народов». Там была – эпоха, «два или три века». Здесь – три дня, кажется, даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом – буквально ничего».

Похожие ощущения испытывали многие наши современники и в декабрьские дни 1991 года, когда исчез вдруг могучий и непобедимый Советский Союз...

И, наверное, ещё и потому нужно помнить историю Великой Скифии, что уроки её важны не только для скифологии, но и вообще для понимания процессов происходивших и происходящих на территории нашей Родины, когда для народов нашей страны уже невозможным становится путь назад, возвращение к первоистокам.

Санкт-Петербург

Владимир СУХАЦКИЙ

ГЕННАДИЙ ЮРОВ. КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ

Я не был близко знаком с Геннадием Юровым, о чём спустя год после кончины литератора очень жалею. Всего несколько встреч, телефонных разговоров, пара интервью для документальных фильмов. Как-то так получилось, что гражданский пафос его стихотворений меня абсолютно не впечатлял, хотя замечу, с превеликим удовольствием читал его журналистские очерки, особенно об экологии.

В 1980-е годы, когда я работал редактором литературно-драматических передач на областном радио и много общался с местными поэтами и прозаиками, Г. Юров в списке моих постоянных авторов не числился. Он никогда не приносил стихи на радиоозвучку, чтобы заработать пару червонцев. Не писал пафосные стихи к советским праздникам, эту нишу занимали другие поэты. И хотя Г. Е. Юров в то время являлся председателем кемеровского отделения Союза писателей, мне он был абсолютно не интересен. Хотя повторяюсь, практически не общался с ним. Это было обычное шапочное знакомство.

Мне было известно, что кузбасские прозаики всегда недолюбливали своих коллег – поэтов. Считалось, что стихотворцам было проще печатать книжки, получать те или иные льготы, становиться лауреатами литературных премий и тому подобное. Также прозаики были убеждены в том, что поэтам покровительствует самый главный кузбасский идеолог – секретарь Кемеровского обкома партии П. М. Дорофеев, который пописывал на досуге лирические стишки.

С начала 1990-х и до 2000-х годов наши пути с Г. Юровым не пересекались. Но однажды у меня в руках случайно оказались несколько номеров альманаха «Красная горка», о котором раньше я ничего не слышал. В советские годы в нашей области издавался только один альманах – «Огни Кузбасса», печатный орган кемеровской писательской организации.

Один из номеров альманаха сразу привлёк моё внимание. На обложке значилась главная тема выпуска: «Окно в Нидерланды». «Ничего себе, – поду-

мал я. – В кои-то веки кузбасским шахтёрам захотелось в Европу прорубить окно?!»

Открыв книжку, я увидел среди авторов имена голландских историков архитектуры, которых я очень хорошо знал. Это были Ян Молема, Иван Невзгодин, Рудольфина Еггинк. Последняя – доктор Еггинк – являлась другом нашей семьи. Наведываясь в Кемерово, Рудольфина останавливалась у меня дома. А голландского профессора Ивана Невзгодина я знал ещё тогда, когда он был студентом Новосибирской архитектурной академии.

Практически весь номер был посвящён деятельности голландских специалистов, которые работали в 1920-е годы в Кемерово, будучи членами Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» (АИК). В то время я уже был заядлым «аиковедом» и поэтому появление в местной печати статей голландских исследователей показалось мне событием знаковым и неординарным. Захотелось узнать, кто же решился на публикацию «иностранины», кто такой смелый, кто главный редактор альманаха?

Каково же было моё удивление, когда увидел фамилию – Юров!

Пролетело ещё несколько лет. Как-то раз во Дворце шахтёров проходило какое-то важное мероприятие, посвящённое истории АИКа. Среди приглашённых были главный редактор альманаха Геннадий Юров и автор этих строк. Поздоровались издавека, обменявшись кивками, а в перерыве вышли на улицу покурить. Поговорили ни о чём – то да сё.

Не знаю почему, но я вдруг спросил:

– А чего это вы вдруг про сибирских голландцев стали писать?

Поэт сразу насупился.

– А ты против Рутгерса что-то имеешь?

– Я – никогда! Для меня Рутгерс – святой человек. Я, можно сказать, его апологет.

– Кто-кто?

– Это тот, кто поклонник, защитник, приверженец...

– Ну тогда ладно, – снисходительно сказал литератор. – А вот если бы такое слово услышал Васяка, жил у нас один бандит на Красной горке, который не любил непонятных слов, – он бы тебя зарезал. Так что ты за базаром следи...

У Юрова было своеобразное чувство юмора. Его коллеги рассказывают, что бывший глава писательской организации Кузбасса, будучи «под турехом», то есть нетрезвым, любил похвастаться и пугать людей. Известный поэт Владимир Ширяев вспоминал: «Однажды Геннадий Юров, сидя на лавочке у гостиницы «Кузбасс», выпив с заслуженным

художником России Геннадием Степановым водки, схватил тёзку за грудки: «Я в кагэбэ служил, я полковник кагэбэ, я тебя арестую!». Художник угрозы не испугался. «Ты кагэбэшник?! – закричал он. – А я штрафбатовец!» – и отправил этим литературного «тяжеловеса» в глубокий нокаут».

Разумеется, никаким сотрудником госбезопасности Г. Юров не являлся.

В тот день наш перекур затянулся до вечера. Мы пропустили все пленарные заседания, болтая об истории Красной горки и её обитателях. Помнится, Г. Юров сказал: «Конечно, исторический центр земли Кузнецкой – Томская писаница. Но сакральным центром является Красная горка. Всё самое хорошее исходит от этого места».

Поэту нравилось, когда его называли «рождённый от доброго света». Он и сам пояснял, что в переводе с древнегреческого имя Геннадий происходит от слова «ген», то есть «рождённый». А имя Евлампий означает «несущий свет».

Г. Е. Юров родился и вырос на Красной горке, и безумно любил это место. Когда в Доме Рутгера появился музей истории города, Г. Юров предложил издавать краеведческий альманах. Он же и дал ему название – «Красная горка». И опять-таки он, Геннадий Евлампиевич Юров, стал главным редактором ежегодника и занимал этот пост 13 лет.

У меня было много претензий к этому изданию. Прежде всего я негодовал по поводу того, что краеведческий альманах лишь отчасти состоял из публикаций на исторические темы. А большей частью в нём печатались стихи и публицистические эссе самого Г. Юрова или его друзей-поэтов. Многие люди так и называли альманах – «юровский». К тому же он присвоил себе право единолично распоряжаться альманахом, и других членов редколлегии близко не подпускал.

В разные годы в составе руководства альманаха значились разные люди, но большинство из них никакого участия в подготовке номеров не принимали. Например, известный кузбасский историк Е. А. Кривошеева числилась в членах редколлегии 13 лет, но ни разу не участвовала в заседаниях редакции, поскольку таковых попросту не было.

Другие члены редколлегии – голландец Ян Молема и англичанин Саймон Фрэнсис, которые даже русского языка не знали (как, впрочем, Юров – иностранных), – значились только на бумаге. Эти люди, конечно, были осведомлены о том, что они занимают важное положение в руководстве краеведческого сборника, издающегося в столице шахтёрского края, но абсолютно не понимали, чем они там занимаются.

Иными словами, Г. Юров лукавил. Просто главному редактору хотелось придать альманаху солидность и «международное признание». Именитый поэт любил понты.

Но чего было у Юрова не отнять – так это умения править чужие тексты. Тонкий знаток русского языка, он редактировал материал так, что автор этого не замечал. Он никогда не правил стиль и не вписывал в авторский текст собственные фразы. Любой пишущий человек подтвердит, что таких высококлассных профессионалов в Кузбассе – раз два и обчёлся.

Правда, та деликатность, которую Г. Юров проявлял к авторским материалам, касалась только российских литераторов. Тексты иностранных авторов он вообще не правил и печатал всякую галиматью, которую ему подсовывали малограмотные переводчики.

Так в 2007 году на страницах альманаха появились главы из неопубликованного романа американской писательницы Рут Кеннелл «Кузбасс. Романтическая хроника». (Кстати сказать, это произведение самозванный «полковник кагэбэ» напечатал без разрешения правообладателя – Орегонского университета. Из-за чего у британского члена редколлегии Саймона Фрэнсиса, который передал музею рукопись только для ознакомления, возникли серьёзные проблемы.)

Вот несколько цитат из этого перевода:

«Мы делали уборку в доме, затем желудок Пола не выдержал атак со стороны кушаний...»

«Корнелия и Зиппи безуспешно пытались освободить Майкла и меня от наших, не по собственному желанию выполнявших эту роль компаньонов, так же, как и от них (Корнелии и Зиппи) самих».

«...чтоб была видна его широкая, покрытая волосами грудная клетка».

Почему главный редактор краеведческого издания напечатал подобную переводческую халтуру, можно только гадать. Лично я думаю, что делал это Г. Юров сознательно. Может быть, из патристических побуждений. Делал для того, чтобы унижить, нет, не кемеровского переводчика, а американскую писательницу, которая вроде как и писать-то не умела. Иного объяснения я не нахожу, потому что профессиональный лингвист умел работать с подстрочниками. Будучи студентом Томского университета, он сделал перевод старинной студенческой песни «Гаудеамус игитур», который был признан сибирскими латинистами эталоном.

За 13 лет Геннадий Юров издал 14 выпусков альманаха «Красная горка». (В 2001 году вышло два но-

мера.) Если поставить эти толстые и тяжёлые журналы в ряд, то они смотрятся как многотомное собрание сочинений. Я бы назвал эту коллекцию антологией историко-литературных произведений о Кемерове. Ну а если отбросить в сторону все мои претензии и придиры к «юровскому» альманаху, я вынужден признать, что Г. Е. Юров создал уникальный краеведческий труд, составленный из ярких публицистических статей, интереснейших мемуаров, умных очерков, исчерпывающих информационных материалов. И в этом его огромная заслуга. Я употребляю слово «огромная» потому, что никто из известных мне историков и литераторов не смог бы справиться с этой работой столь блестяще, как Г. Е. Юров.

Все издатели хорошо знают, что довольно просто составить сборник из ранее опубликованных работ тех или иных авторов. Полистал книжки, периодики, слепил дайджест – и альманах готов. Но самонадеянный поэт-редактор Геннадий Юров пошёл по другому, довольно сложному и непроторённому, пути. Он придумал нечто вроде штатного расписания, подобрал подходящих работников и предоставил им право писать любые материалы на краеведческие темы. Вместо гонорара Г. Е. Юров предложил своим «сотрудникам» творческую свободу и гарантированную публикацию их материалов.

Вот таким простым способом хитроумный редактор сформировал небольшой отряд постоянных авторов, которые открыли читателям удивительные и совершенно новые страницы истории Кемерова. Имена этих энтузиастов-краеведов до появления их статей в альманахе были малоизвестны. Они редко печатались, а некоторые никогда даже и не занимались сочинительством. Поэтому альманах стал для «юровских» авторов своего рода отдушиной или, если хотите, музейным фондом, куда повивавшие жизнь люди передавали на хранение свои воспоминания.

Вот несколько имён кемеровских мемуаристов – постоянных авторов альманаха «Красная горка»:

- Диана Балибалова – материалы о деятельности отца, кемеровского летописца И. Балибалова;
- Георгий Головацкий – воспоминания о Руднике;
- Фёдор Ягунов – материалы о жителях старинного села Щеглово и довоенного Кемерова;
- Юрий Зюльков – анализ кемеровской архитектуры XX века;
- Георгий Корницкий – воспоминания советского партийного работника.

Главная боль каждого главного редактора – какой материал поставить в номер. Г. Е. Юров отлично

понимал, что мемуары – это хоть и важная, но не основная часть краеведческого издания. Не мудрствуя лукаво, он воспользовался старой доброй традицией русских альманахов публиковать абсолютно всё, «от научных и фактических статей по части статистики и истории». Наподобие герценовской «Полярной звезды».

Так в альманахе появился раздел научных публикаций. Тематика – разнообразнейшая: география, топонимика, этнография, бонистика, историография, филология, биографии выдающихся деятелей, архитектурное наследие, искусствоведение и даже метеорология. Авторы – именитые кузбасские учёные: Е. Кривошеева, Н. Шуранов, А. Кулемзин, И. Усков, А. Зыков, А. Коновалов, И. Захарова; архивные и музейные работники: Н. Галкин, З. Волкова, Л. Смокотина, Л. Кузнецова; краеведы: Л. Соловьёв, С. Сергеев, Г. Рогов, А. Лопатин и другие.

Однажды главный редактор попросил меня написать исторический очерк о знаменитом кемеровском боре. Он пояснил, что в городе появились весьма влиятельные и богатые люди, которые хотят превратить лесной массив в рекреационную зону. «Надо спасти бор от нечестивцев», – изрёк мэтр кузбасской публицистики.

Моя статья, в которой рассказывалось о многолетней борьбе за сохранение бора, Г. Юрову понравилась. Он исправил в материале только название, заменив тривиальное «История бора», на образное «О чём расскажут годовые кольца».

Статья пришлась как нельзя кстати. На защиту бора поднялась общественность. Лес удалось спасти от бессовестных «нечестивцев». Но это была не моя заслуга, а Геннадия Юрова. Если бы я опубликовал свой очерк в другом издании, то, скорее всего, на него никто не обратил бы внимание. Но это был «юровский» альманах! А спорить с «самим Юровым», почётным гражданином города и области, чиновники попросту боялись.

После публикации очерка в альманахе редактор рассказал мне историю о том, как он в середине 1970-х годов напечатал в газете «Кузбасс» разгромную статью о парке Победы, который ретивые власти разместили в бору. «В чём меня только не обвиняли: и в кощунстве над памятью погибших, и в неуважении к ветеранам, – вспоминал Г. Юров. – Чуть с работы не уволили. А когда стихотворение «Прощай, сосновый бор» напечатал, тогда и вовсе из партии захотели турнуть».

Так мне открылся другой Юров, без позолоты и напускной самовлюблённости. Про себя я тогда подумал: «Поэтом можешь ты не быть, но гражда-

нином быть обязан». Это именно про него, про Юрова.

В другой раз я отправил литератору рукопись книги, которую мы написали совместно с супругой, «Питание кемеровчан в XX веке» (Огни Кузбасса. 2013. № 1–2). Отправил просто так, даже не на рецензию, а вроде как для ознакомления.

На следующий день, в семь утра, раздался телефонный звонок. «Говорит Юров, – услышал я силоватый голос. – Ночь не спал. Вкусная вещичка получилась. Я только название предлагаю изменить. Сделай «Чем богаты, тем и рады». Так точнее будет. Давай я тебе рекомендацию в Союз писателей напишу. Тебя в два счёта примут».

Название я поменял, а от рекомендации отказался. Я давно заметил, членство в каких-либо творческих союзах ума не прибавляет. Тем не менее я воспринял слова Г. Юрова как щедрый комплимент, о котором можно было только мечтать. Всем начинающим литераторам было хорошо известно: Г. Юров – человек щепетильный, скупой на похвалу, чрезмерно принципиальный в отношении пишущей братии.

Занимаясь составлением ежегодника, главный редактор придумал довольно необычный метод отбора и компоновки материалов, который я называю «концептуальный». Г. Юров смело объединял разнородные историко-литературные работы в некое тематическое целое. Каждый выпуск альманаха имел собственное название и являлся своего рода отдельной книгой. Вот несколько заглавий, придуманных Г. Юровым: «Центр мироздания», «Река родная», «Товарищеский круг», «Огонь, объединяющий нас», «Сибирский характер» и другие.

Главный редактор никогда не пытался превратить альманах в популярное чтение или глянцевого журнала для обывателя. Он упорно не желал идти в ногу со временем, придерживался принципов здорового консерватизма и считал, что содержание важнее формы. (Лично я тоже так считаю.) Юровское оформление, вёрстка и графика выглядели очень архаично, что придавало альманаху сходство с блёклыми советскими литературными журналами.

После выхода в свет альманахов, посвящённых культурному сотрудничеству Кузбасса и Нидерландов, голландцы предложили музею «Красная Горка» в качестве подарка мини-типографию. У иностран-

цев было только одно условие – кардинально изменить дизайн издания. Но упрямый Г. Юров ничего менять не захотел и отказался от подарка. А зря!

Между тем именно внешнее оформление альманаха стало главным поводом для упреков со стороны как коллег-музейщиков, так и некоторых чиновников, из числа людей амбициозных, но недалёких. Г. Юров по этому поводу сильно переживал, но упрямо стоял и ничего не предпринимал. Я думаю, что сопротивлялся он как раз потому, что нарекания звучали из уст начальничков, которые привыкли печатные издания смотреть, а не читать.

В последние годы своего редакторства Г. Юров несколько раз писал заявление об уходе с должности редактора музейного альманаха. Но получал отказ. Его успокаивали, уговаривали. Однако через месяц-другой обидчивый редактор опять клал заявление на стол. Даже музейные смотрительницы-старушки шутили по этому поводу: «Если Юров пришёл на Красную горку, значит опять увольняться будет».

Это было похоже на игру типа веришь – не веришь. Я лично думаю, что почётный гражданин города и области, автор гимна Кузбасса, замечательный поэт и публицист, опытный редактор был абсолютно уверен в том, что его заявление никогда не подпишут. Но он ошибся. Людям просто надоело его провокационные выходки. В один прекрасный день очередная просьба об увольнении была удовлетворена.

Лет пять назад после презентации очередного выпуска альманаха тогда ещё главный редактор отозвал меня в сторонку. Вроде как «покурить».

«Есть у меня голубая мечта. Собрать бы все опубликованные статьи об истории Кемерова воедино и составить что-то типа хрестоматии. Можно в двух-трёх томах. Я прям воочию вижу – это такие красивые-прекрасивые книжки. Ведь не один литератор или учёный-историк такую книжку не напишет, как написали сами кемеровчане. Я бы даже ради такого великого дела курить бы навсегда бросил, – сказал матёрый редактор и добавил: – Ну опять бы бросил».

Таким я и запомнил этого многоуважаемого человека, литератора и гражданина Геннадия Евлампиевича Юрова...

Кемерово

Ирина ВЕРБИЦКАЯ

РЫЦАРЬ ПЯТОГО ОКЕАНА

«Я люблю небо, люблю самую умную и красивую из всех машин – самолёт. И мне всё время хочется летать. Небо, ты, как никто, заставляешь жить полнее и содержательнее, ты, как никто, даёшь радость борьбы».

Эти слова принадлежат Владимиру Мартемьянову, автору книги «Я люблю тебя, небо», чемпиону мира по высшему пилотажу, четырёхкратному чемпиону СССР, обладателю 24 золотых, 7 серебряных и 3 бронзовых медалей и удивительному, отважному, обаятельному, красивому человеку, которого я знала. Каждый день я возвращаюсь домой по улице Мартемьянова, проезжаю мимо аэроклуба, названного его именем, смотрю на заросшее травой лётное поле, и память возвращает меня в детство, в легендарные советские 60-е годы. Мы жили в одном доме: семья Мартемьяновых на пятом этаже, а наша на четвёртом. Я дружила с его дочерью Мариной.

Вспоминаю один из Дней авиации и его празднование в нашем городе. Над стареньким аэродромом стремительно взлетел Владимир Мартемьянов. Он зачаровывал полётом. Он летел как птица, как будто слышал музыку своего полёта. Талант Мартемьянова проявлялся не только в авиаспорте. Он прекрасно писал картины маслом, заочно учился в Художественной академии в Москве. Хорошо пел и играл на аккордеоне. Заочно учился в высшей партийной школе на факультете журналистики.

13 апреля 1970 года в городе Ессентуки при подготовке к очередному чемпионату мира трагически оборвалась короткая, но замечательная жизнь лётчика. В 1988 году я была на месте его гибели. Там, в поле, установлен обелиск с надписью: «Здесь закончился путь в небо первого абсолютного чемпиона мира по высшему пилотажу, заслуженного мастера спорта СССР Владимира Мартемьянова».

Он родился 15 июня 1936 года в рабочей семье в Кемерово. В детстве Володя мечтал о большой, красивой жизни, похожей на полёт. Учился он в школе № 33. За хорошую учёбу был награждён путёвкой во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек» и

впервые летел в Москву самолётом. Вот тогда и зародилась его мечта – стать лётчиком. О своём детстве Мартемьянов писал:

«Детство проходило с неизменными мальчишескими занятиями и заботами. Летом – футбол. И постоянные конфликты с родителями из-за разбитых ботинок, купания в Томи до «гусиной кожи». Зимой – лыжи. Длинные зимние вечера, часто бессонные ночи за книгой «Два капитана». Утром, окрылённый мечтами и планами, уверенно печатал в морозном тумане свои шаги по дороге в школу». (Здесь и далее будут размещены выдержки из книги В. Мартемьянова «Я люблю тебя, небо».)

В школе Володя был признанным художником, оформлял сцену для драмкружка, для торжественных собраний. Активно занимался в секциях баскетбола, бокса и в гимнастической школе. С четырнадцати лет посещал занятия планерного отделения в кемеровском аэроклубе.

«Четырнадцатилетними мальчишками бегали на наш аэроклубный аэродром: сначала наблюдали, как самолёт набирает высоту. Завидовали счастливым, сидящим за штурвалами самолётов. Старались незаметно подойти ближе. Нас прогоняли. Но мы были терпеливы и настойчивы. Потом стали доверять чистить самолёты смоченной в бензине ветошью. Мы устраняли зазор – пыль и грязь – изо всех сил и были почти счастливы. Почти, потому что полным счастьем для нас были полёты».

И для Володи великий день настал. К нему подошёл Павел Петрович Косоков, выдавший виды лётчик, и, посадив его в старенький По-2, вместе с ним взлетел. Вот так началась авиационная жизнь паренька.

Осенью 1953 года Мартемьянова приняли в аэроклуб на отделение первоначального обучения пилотов. В 17 лет он был допущен к полётам на УТ-2. Его кумиром был Валерий Чкалов. От корки до корки проштудировал будущий чемпион капитальный труд Голубева «Вопросы методики лётного обучения», интересовался авиационной психологией. В 1954 году он с серебряной медалью окончил школу и одновременно завершил обучение в аэроклубе по курсу пилота УТ-2 на отлично. Инструктором к Мартемьянову определили М. Я. Чуликова, который раньше был инструктором у Алексея Маресьева, Героя Советского Союза.

Видя блестящие способности Мартемьянова, его сразу оставили в аэроклубе лётчиком-инструктором. Случай очень редкий в авиации.

С октября 1955 по март 1957 года он служил в ВВС на Дальнем Востоке. В 1959 году сдал экс-

терном экзамены за полный курс в Саранской лётной школе. С этого года стал заниматься спортивным пилотажем. В большой спорт он пришёл уже зрелым лётчиком.

В конце 1950-х зарождался советский акробатический пилотаж на спортивных самолётах. В Кузбассе его пионером стал мастер спорта Станислав Сущевич (позже заслуженный тренер России по самолётному спорту, командир эскадрильи Мартемьянова). Владимир наблюдал за его полётами и не мог оторвать глаз. И шаг за шагом сам овладевал спортивным лётным мастерством. При встрече со мной в 2010 году Сущевич сказал следующее: «Мартемьянов был лётчиком от Бога и человеком от Бога».

Крепкие нервы, острый глаз, смелость, хорошая физическая и волевая подготовка – всё это было у Мартемьянова, когда весной 1963 года в Кемерове впервые взлетел Як-18П.

«Я влюбился в эту машину с первого взгляда», – признался Владимир. И начались упорные тренировочные полёты. На первенстве Сибири в Омске в июле 1963 года кемеровская команда заняла второе место, Мартемьянов – третье место в личном зачёте. Выступление нашего земляка понравилось тренеру сборной СССР Борису Петровичу Порфирьеву, и он вызвал его на всесоюзные соревнования в Куйбышев.

«На чемпионате Союза мне снова повезло – дебютировал удачно. Три раза обладатель старенького, выцветшего свитера с надписью «Кузбасс» на груди поднимался на пьедестал почёта и получил одну серебряную и две бронзовые медали. От радости крепко стискиваю зубы, чтобы всё время не улыбаться, делал вид, что зарабатывать сразу по три медали для нас, сибиряков, – дело привычное».

*Когда он взмыл над Томью круто,
С зенитом самым по соседству,
Спросило небо: «Ты откуда?».
И он ответил: «Я из детства».*

*Когда достиг победы трудной
Полётом мирового класса,
Спросило небо: «Ты откуда?».
И он ответил: «Из Кузбасса!»*

(Г. Юров. «Поэма о старом цирке», глава «Полёт». Стихотворные строки, приводимые ниже, взяты из той же поэмы.)

Интерес к спортивным достижениям на самолёте возник с первых же шагов развития авиации.

С каждым годом высший пилотаж приобретал всё большую популярность. Немалую лепту в его развитие внёс великий Валерий Чкалов. Он сам разработал целый ряд сложных фигур и не раз утверждал, что высший пилотаж воспитывает у лётчика мужество и волю, быстроту реакции и выносливость, исключительную слитность человека и машины, умение пойти на риск. В августе 1960 года в Братиславе состоялся первый мировой чемпионат. Первым чемпионом мира по высшему пилотажу стал инженер из Праги Ладислав Безак.

Весной 1964 года Мартемьянов приехал в Ессентуки на тренировочные сборы команды СССР, чтобы готовиться к предстоящему чемпионату мира. С большим уважением он относился к старшему тренеру сборной страны Владимиру Евгеньевичу Шумилову, который сыграл в его жизни огромную роль. Шумилов был замечательным человеком, чутким педагогом, опытейшим лётчиком, очень требовательным на полётах и умевшим находить у спортсменов самые сильные их качества.

Невелик был опыт международных встреч у советских спортсменов-лётчиков. В сборную СССР отбирали жёстко. Из 25 кандидатов выбрали пять лучших, в том числе и Мартемьянова. Тренировался он до изнеможения: от перегрузок лопнули капилляры в глазах.

На первый свой чемпионат мира в Бильбао Мартемьянов приехал не в лучшей физической форме, однако не подкачал и достойно боролся за медали. При пятидесятиградусной жаре началась схватка в испанском небе. Многократные перегрузки вдавливали лётчиков в сиденья, не давали дышать. С тьмой в глазах Владимир выполнял свой комплекс и лишь по интуиции посадил самолёт.

9 сентября 1964 года советские лётчики завоевали первое командное место и кубок имени Петра Николаевича Нестерова. (Именно в этот день 1913 года выдающийся русский лётчик Нестеров выполнил свою петлю, положив начало высшему пилотажу.) Вся советская команда вышла в финал соревнований.

*Когда в Бильбао многолюдном
Стал лучшим лётчиком планеты,
Спросило небо: «Ты откуда?».
Ответил: «Из страны Советов!»*

*Мой взлёт трудом и кровью добыт.
Я представляю поколение.
Питает коллективный опыт
Моё свободное парение».*

На четвёртый день после возвращения из Бильбао Мартемьянов принял участие в 11-м первенстве СССР по высшему пилотажу, а затем выиграл титул абсолютного чемпиона мира 1964 года. Далее следовали победы на спартакиадах и в 12-м первенстве СССР.

Сибирская закалка! Секрет успеха заключался не только в чрезмерных по труду тренировках. Он, секрет, – в психологическом настрое, бойцовских качествах и творческом подходе к составлению своих лётных комплексов. Владимир мечтал летать под музыку. Под музыку Шопена.

«У каждого спортсмена в жизни есть своя лебединая песня. Лучшее, чего он добился. Ею был 4-й чемпионат мира в Москве, где мне удалось занять первое место».

Четвёртый чемпионат мира (1966 год) собрал 63 лучших лётчиков из 15 стран, в том числе приехали победители трёх предыдущих чемпионатов. Сборная СССР выступила триумфально, завоевав 24 медали и все 16 кубков.

Мартемьянов стал первым среди советских лётчиков-спортсменов абсолютным чемпионом мира по всем упражнениям. Его чеканное мастерство удивляло даже бывалых авиаторов. Бойцовский характер, трудолюбие, письма и телеграммы от кузбассовцев – всё это помогало ему. Он очень любил свой город и земляков и был им благодарен за поддержку. Высокие награды и титулы не изменили характера Владимира Давыдовича. Он оставался таким же скромным, простым в общении, открытым, душевным и добрым человеком, а также патриотом Кузбасса. В 1968 году после смерти В. Е. Шумилова Владимиру Давыдовичу предложили переехать в Москву и стать главным тренером сборной СССР, но он отказался, не захотев покидать Кузбасс.

В 1968 году в Магдебурге Мартемьянов сохранил звание абсолютного чемпиона. В 1967–1969 годах трижды подряд выигрывал чемпионаты страны.

В воздушной акробатике кузбасскому лётчику не было равных ни в СССР, ни в мире.

Однажды он совершил подвиг дружбы, которому нет аналогов: на первенстве СССР в Тушино в 1969 году Владимир Мартемьянов и Алексей Пименов набрали одинаковое количество очков. Судьи, посоветовавшись, присудили золото Мартемьянову, а серебро Пименову. Но Мартемьянов решил поделиться своей медалью с другом-новосибирцем. Они распилили медали и спаяли золото с серебром. Обладателем одной медали стал «Пименьянов», другой – «Мартенев». Дружба была важнее золота, важнее чемпионских амбиций.

За успехи в развитии самолётного спорта и кропотливую инструкторскую работу по подготовке молодых пилотов Владимир Мартемьянов был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

*Не верю в случай, верю в жребий,
Погибших поиск – мне в наследство.
В далёком, недоступном небе
Живёт тоска по совершенству.*

Детство моё давно ушло. Время неумолимо движется вперёд. Уже 47 лет нет с нами Владимира Давыдовича. Но он остался в моей памяти навсегда. И когда я вижу виртуозное выступление элитных пилотажных групп – «Русских витязей», «Стрижей», то сразу вспоминаю мартемьяновский акробатический пилотаж.

*Неправда, что года уходят.
Они пристанище находят
В народной памяти, и там
Подобны угольным пластам.*

*Когда заговорила память,
Не погасите это пламя:
Тепло событий, дат, имён
Мы ощутим как связь времён.*

Кемерово

«Я – ДОЧЬ, Я – ВЕТВЬ АБИНСКОГО НАРОДА»

Точное впечатление о стихах Тайаны Васильевны высказал поэт Геннадий Иванов: «Мне близки стихи Тудегешевой открытостью, искренностью, пронзительной энергетикой, мелодичностью, национальным колоритом. В них есть и ласка, и нежность, но есть и горячий порыв, и мужество, и есть «аскеза гор». Есть радость и горечь... Одним словом, нам явлена здесь талантом поэта живая жизнь. Без трафаретов и шаблонов».

Т. Тудегешеву по праву можно назвать старательным летописцем своего народа.

*Здесь, в Абинской степи, был мой предок сражён
Леденящей рукой чужестранца.
Бил о землю ногой старый конь боевой,
Но сражённому вновь не подняться...
Что же, ветер, поёшь песнь угасших времён?
Без того сердце грустью объято.
Спит Абинская степь, зарастая травой,
Свет багровый на западе бродит.
На курганных вершинах не спят ковыли
Даже в самую тихую полночь.*

С творчеством Т. Тудегешевой читатели знакомы по публикациям в местной периодике и таких изданиях, как газеты «Литературная Россия» и «Российский писатель», журналы «Наш современник», «Огни Кузбасса», «Литературный Кузбасс», коллективные сборники.

Она воспевает красоту гор и рек родной Шории, осмысливает историческое прошлое родины. И, как отмечают критики, в её творчестве постоянно присутствует тема фольклора. Тайана Васильевна хорошо изучила историю и традиции своей народности и делится знаниями со слушателями на авторских вечерах.

И как тут не вспомнить её рассказ о горе Ай-Каан (Хан-месяца), с которой связано много необъяснимых явлений, странного поведения в преддверии какого-либо несчастья. Гора как будто хочет предупредить жителей о надвигающейся беде: над её вершиной появляется образное открывание зеркальной двери.

*Где прохладный Ай-Каан всё о чём-то грустит
И в ночной тишине он с тайгой говорит.
Где Таскыл чутко спит под сияньем звёзд,
Он хранитель могил и несбывшихся грёз.
Там гортанная речь сердце мне исцелит,
Песен медленных стон душу мне оживит.*

Не все горы, среди которых главенствует красавец Пустаг, имеют положительные черты характера. У них, отмечает поэтесса, такие же взаимоотноше-

ния, как у людей: наряду с дружкой, любовью, пониманием соседствует соперничество.

Или, к примеру, взять другой момент. Шорский эпос намного богаче и разнообразней того, что мы слышали в хрестоматийных легендах и рассказах. Да и тех, как я убедился, очень мало. Вот, смотрите. Для того чтобы герою народного шорского сказания побывать у небесного владыки верхнего мира Ульгена, ему предстоит осилить 99 слоёв мифологического пространства!

А если вы научились общаться с духами, то в природе можно выжить. Попав в сложную ситуацию, скажем, в тайге, когда отсырели спички и нечем обогреться, стоит только обратиться за поддержкой к хозяину тайги, и всё уладится, как верили в старину шорцы-охотники.

Общеизвестно, что у шорцев с давних времён развивалось кузнечное ремесло. К ним приезжали купцы из Китая и обменивались товарами. Заказывали мечи и другое оружие монгольские воины. Поэтому неудивительно, что в наши дни археологи находят шорские печи, в которых плавился металл.

*Моя Родина там, где кузнечные люди веками
Мастерством будоражили буйный, дымящий Восток.
Жадный взор неотступно глядел на абинские дали,
Засылая бессчётных туменов незванный поток.*

Шорцы храбро защищали свою землю от пришельцев и грабителей. Поэтесса уважает воинские качества своих предков, посвящая им много произведений.

*По Абинской степи, над курганами в ночь
Дикий ветер поёт древний эпос:
В песне – топот коней, полыханье костров
И поющей стрелы долгий отзвук.
Слышу – вижу: клубится горячая пыль
Под ногами стотысячных конниц.
И звенят стремена, и сверкают мечи
В безымянных сраженьях жестоких.*

Тайана родилась в Усть-Анзасе в интеллигентной семье, где воспитывалось шестеро детей. Отец – Василий Васильевич Каныштаров – работал корректором в районной газете, также писал стихи, которые вошли в коллективный сборник молодых шорских поэтов. Но после ликвидации в конце 1930-х годов Горно-Шорского района занялся педагогической деятельностью, обучал грамоте земляков таёжных окраин города Таштагола.

Мать поэтессы Мария Михайловна, по профессии метеоролог, постепенно, с увеличением семьи, всё больше и больше погружалась в ведение домашнего хозяйства. В своём дневнике она записывала наблюдения, яркие события, интересные мысли (опубликовать бы эти записи, уверен, они заинтересовали бы не только историков, но и рядовых читателей).

С раннего детства Тайана приучалась к труду, выполняла все посильные домашние дела. Зато самым настоящим наслаждением для будущей поэтессы были долгие зимние вечера, когда, управившись по хозяйству, все члены семьи садились за длинный стол и при свете керосиновой лампы читали и обсуждали произведения любимых писателей. Родители выписывали много периодики, в том числе – специализированные детские издания.

Родительские черты характера передались и Тайане. Она хорошая хозяйка, мудрая жена. Вместе с мужем Николаем, инженером-металлургом, воспитала трёх замечательных сыновей. На Всероссийском смотре-конкурсе «Металлургическая семья – 99», проходившем в Видном и Москве, Тудегешевы стали лауреатами. А в следующем году при поддержке руководителей Западно-Сибирского металлургического комбината увидел свет поэтический одноместник Т. Тудегешевой «Поющие стрелы времён».

В период работы заместителем директора новокузнецкого городского Дворца культуры по поддержке и развитию коренных народов нашего края Тайана Васильевна много внимания уделяла творчеству своих земляков. Её усилиями было создано детско-юношеское этнографическое объединение «Тазыхан», это имя матери небесного властителя добрых духов Ульгёня.

Много сил приложила она и к открытию семейного музея шорской истории и культуры. Начинали с нуля. Приходилось всей семьёй ездить по отдалённым шорским селениям и обменивать одежду, украшения на музейные экспонаты. Где-то вещи-ценные памятники дарили, помня доброе имя отца поэтессы. И хотя от отпусков и большинства выходных пришлось отказаться, несколько лет жизни, посвящённых становлению музея, были потрачены не зря.

В результате этой кропотливой работы в музее появились десятки ценных исторических экспонатов. Вот несколько из них: чугунные кувшины (ра), ступы (сак), туеса, сёдла, старинные приспособления для ночной ловли рыбы (шашкын), предметы духовной и материальной культуры, сруб охотничьей избу.

Т. Тудегешева размышляет о нынешней жизни своих земляков. Её беспокоит, что подрастающее поколение стало меньше интересоваться национальной культурой, народными обычаями. Малыши не всегда умеют говорить на родном языке. Молодёжь покидает родительские дома и переезжает в города, ведь там значительно выше зарплата. Такое явление порождает ассимиляцию народа.

«Помню, как родители запрещали шумно вести себя в лесу, чтобы не потревожить покой Хозяина Тайги. Скашивать траву разрешалось, но рвать траву – запрещалось: нельзя рвать волосы Матери-Земли. Кедр у шорцев считался и считается священным деревом, отсюда к нему бережное отношение.

Все обычаи и обряды земляков, которые передавались из поколения в поколение, напоминают о том, что нужно бережно относиться к природе, ведь шорцы – это тот народ, который жил в полном слиянии и гармонии с ней...» – утверждает Тайана Васильевна. Вполне естественное беспокойство.

Но, несмотря на все опасения, шорская культура не исчезает, а наоборот, развивается. Администрацией Кемеровской области реализуется целевая программа по поддержке малых этносов региона.

Т. Тудегешева окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Горького. Ей повезло, что руководителем её творческого семинара был русский поэт Юрий Кузнецов, который помог ей по-новому взглянуть на литературу. В воспоминаниях воспитанников Юрия Поликарповича проскальзывает высказывание о том, что мэтр не то чтобы не признавал, а недооценивал женскую поэзию. На это, наверное, были разные причины.

Т. Тудегешевой запомнились слова Ю. Кузнецова о том, что она «ходит по золотому шорскому фольклору». «Сумей поднять это богатство», – советовал мастер. Юрий Кузнецов знал, о чём говорит: его поэзия также идёт от фольклора. К этой традиции он всё больше и больше возвращался в своём творчестве, об этом напоминал студентам на семинарских занятиях. Стихи не всякого поэта он переводил на русский язык, да это и понятно: настоящую поэзию трудно «пересадить» в грунт другого национального языка. Помимо знания культуры народа необходимо прочувствовать глубокие корни языковых оттенков текста, воедино влиться в одну образную струю. И мы рады, что в творчестве Тайаны Тудегешевой классик нашёл такие стихотворения, которые соответствуют высоким критериям, и перевёл их на русский язык.

Ю. Кузнецов ушёл из жизни в расцвете творческих сил. Не все замыслы успел осуществить. Тайана бережно хранит память об этой выдающейся личности, собирается написать воспоминания.

О творчестве Т. Тудегешевой высказывались многие российские критики. Например, Михаил Числов писал: «Она поразила редким, почти уже сейчас невозможным сочетанием эпоса и лирики. И если в эпосе её устами говорит древняя история, то в лирике осмыслен и пущен в работу психологический портрет нашего современника».

А другой известный российский поэт и публицист Николай Переяслов почувствовал, как со страниц её книг «щемяще-сладко повеяло запахами осенней тайги, дымом ночного костра, послышались удары шаманского бубна, колющий шорох февральской метели». Потому что поэтам такого масштаба, как Т. Тудегешева, «дано обладать тем неповторимым колоритом, которого, к сожалению, уже почти не осталось в русской поэзии». «В стихах Тайаны Тудегешевой входишь, как в какое-то волшебное царство», – признавался он.

Строки Т. Тудегешевой мелодичны, легко ложатся на музыку. Кузбасские композиторы на её лирические произведения написали ряд песен, которые завоевали популярность у земляков. Это – «Благословляю», «Возвращение шамана», «Гимн Шории», «Кунягаш», «Куу-куш, алтын куш», «Эжегей», «Разговор с сыном» и другие. На её литературных вечерах всегда много слушателей. Как правило, они просят поэтессу сыграть на тебир-комусе. И она просящим не отказывает. Как только Тайана прикасается к инструменту, в зале оживает шум деревьев, виднеются вдаль седые горы, слышится пение таёжных птиц.

Так воспевать красоту родного края может только настоящая дочь шорского народа:

*Когда во мне угаснет дух горенья,
Когда не будет сил на гордое движенье
Моей судьбе-судьбинушке наперекор,
То я найду душе приют, отдохновенье
Среди твоих лесов и вечных синих гор.*

Примечательно, что Тайана пишет как на русском, так и на шорском языках. Поэтому мне было интересно узнать, как она оценивает нынешнее состояние национальных литератур, состояние переводческой школы.

– Считаю, что за последние десятилетия полностью утрачена школа переводчиков наших национальных литератур, и не только бывшего Советского Союза, но и российских автономных республик и национальных округов. Если где-то и можно встретить качественные переводы, то это редкость. Эти издания выходят очень маленькими тиражами.

– Вспоминаю, как в советские времена, когда журнал «Дружба народов» при Сергее Баруздине регулярно публиковал произведения из всех союзных и автономных республик страны. Ежегодно в серии этого журнала выходила 15-томная библиотека лучших произведений писателей СССР.

– Да. Это были лучшие времена для наших писателей. Сейчас нет такой заботы государства о литераторах, какая была раньше. Эти функции переложены на региональные власти, у которых порой не хватает финансовых возможностей оказывать поддержку.

– Ты, наверное, знаешь, Тайана, что издательский концерн «Литературной России» выпустил целую библиотеку книг по национальным литературам северных народов?

– Конечно знаю. Сама вам привозила такие книги из Москвы от В. В. Огрызко, когда училась на Высших литературных курсах. И в поезде за трое суток пути с ними досконально знакомилась. Хорошо, что «Литроссия» взяла на себя функции такого масштаба. Эти книги соответствуют тем образцам и стандартам, которые диктует нам время. Была бы только надлежащая поддержка.

– Думаю, что шорская литература тоже достойна такого внимания на всероссийском уровне...

– Конечно. Ведь в шорской культуре есть литераторы, ушедшие из жизни, но оставившие добрую память о себе, есть и ныне здравствующие.

– Помню, как пять-семь лет назад ты пыталась оживить ассоциацию шорских писателей.

– Была попытка... Дело в том, что сначала нас не поняли и посчитали, что планируется регистрация новой писательской организации в регионе. А их тогда было в избытке. Кроме Кемеровской областной писательской организации, в Новокузнецке Борисом Рахмановым была зарегистрирована еще и Южная организация. Набирал обороты, а теперь развалился Региональный союз российских писателей. Заактивничал самодеятельный союз кузбасских писателей. Произошла такая путаница, что читателям тяжело было разобраться, где, кто, что и как. Мы решили повременить. А сейчас, думаю, может быть, уже и потеряно время. Посмотрим на результаты предстоящего съезда Союза писателей России. Хочется, чтобы на нём был поставлен вопрос и о национальных литературах страны.

В последние годы судьба преподнесла писательнице нелёгкие испытания. Её жизнь находилась между двумя несовместимыми полюсами. И только мужество, стойкость, вера в победу дали возможность осилить тяжёлый недуг. Тайана Васильевна вернулась к активной творческой деятельности.

160

Не так давно в кузбасском издательстве ООО «Примула» вышел в свет солидный однотомник лирики Тайаны Тудегешевой «Элимай». Сюда вошёл и цикл стихотворений для детей.

Надо отметить, что в шорской культуре мы раньше не встречали стихов, написанных специально для детей. И эта вековая несправедливость устранена произведениями Тайаны Васильевны. Стихотворения для детей отражают природную красоту каждого животного, птицы, их характеры. Взять, например, Волка. В народных сказках он отрицательный персонаж, злой, кругом его бьют, обижают, а Тудегешева, наоборот, раскрывает его качества охотника, находчивость и смекалку.

Мать-лосиха – мифологическая родоначальница многих коренных народов Сибири, в том числе шорцев. Она символ природы.

*Мать-Лосиха есть природа,
Мать всего людского рода.
Забываем год от года,
Что такое Мать-Природа.
Не будите, люди, лихо,
Где-то ходит Мать-Лосиха.*

Написание этого стихотворения совпало с созданием таштагольским скульптором Д. Намдаковым образа Горной Шории. Он представляет собой лосиху, на которой сидит девушка-красавица.

Прекрасно показана в стихах ус, то есть рысь:

*Звать по-шорски её ус,
Очень я её боюсь...
С ней знакомиться пора:
Ус, как молния, быстра.
Уши кисточкой, торчком,
Каждый шорох ей знаком...*

Литературная и общественная деятельность писательницы отмечена областными наградами. Она лауреат премии Кузбасса. Удостоена региональных медалей «За веру и добро» и «За служение Кузбассу», а также в память 200-летия со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Недавно Т. Тудегешева награждена почётным знаком «Золотая Шория» и медалью «За развитие Таштагольского района».

Тайана Васильевна является дипломантом Международной литературной премии имени П. П. Ершова. Стала победителем областной литературной премии «Энергия творчества» и журнала «Огни Кузбасса», а также литературного конкурса «Образ» (I место).

Николай НИЧИК,
Новокузнецк

ЛИТЕРАТУРНАЯ «СОЛЯНКА», ДОСТОЙНАЯ ПРОБЫ

Весёлая книга Марка Демидова «Солянка, сэр!...» вышла по месту проживания автора – в Иркутске. Она рассчитана, с его слов, «на русскоязычного, русско-английского, англо-русского и англоязычного читателя». Таким образом, будет полезной для родителей, школьников и студентов, преподавателей, переводчиков, людей, изучающих либо знающих «по-аглицки». Как водится, тираж – современный: всего-навсего 500 экземпляров.

Весёлый автор, рассказав о себе на обложке, заключает самопрезентацию разъяснением: «Солянка – русское кушанье из кусочков разнообразнейших продуктов, приготовленных на крепком бульоне».

Понимай, читатель: в текст набросано всякого-разного, а ты вкушай то одно – «солёненькое», то другое – совсем за эстетико-вкусовым краем.

Книжная часть первая: «Афоризмы и эссе». Когда читал авторские хлёсткие короткие выражения – некоторые даже заставляли останавливаться, осмысливать и, удивительное дело, смеяться вслух или выражаться односложными междометиями, всё-таки какое-то сомнение подтачивало: «Ну зачем подписываться, будто часть этих мыслей принадлежит младшему брату Козьмы Пруtkова?». Студенческий фольклор, подаваемый с долей самолюбования и выпендривания?.. А потом ещё и страничка сделанных по японским образцам хокку... И тут же поздрав-

ление на русском и английском, с нарочито-вольным британским переводом.

Ну, думаю, вляпался в остряка-самоучку, хорошо, книга невелика, быстро просмотрю.

А вот начались «Эссе» с 27-й страницы, тогда и пошёл процесс улетучивания критических «крючков» из головы, улыбка всё более стала лепиться к лицу, чувство радости от общения с «юморным» собеседником разлилось по внутреннему естеству.

Ну кто из авторов поделится рецептом изготовления в домашних условиях «вполне себе ничего» столового вина? А здесь пожалуйста!

Нет, совсем не зря автором книги сочинён один из афоризмов, а именно: «У него три тихих радости в жизни: книги, вино, жена...». В одном из эссе как живой нарисован один из друзей-писателей Демидова с этими главными тремя радостями. Возникает острое желание реально потрогать-посмотреть внимательно на такую жизнь-бытие. Разве может хладнокровное перо в небольшом тексте так жизнеутверждающе и тепло написать? Автор рассказывает о встречах в Иркутске (конечно же, со «смешными» подробностями) с Грэмом Грином – великим английским писателем, о Валентине Распутине, с которым говорил неоднократно, целых два эссе – одно на русском, другое – на английском языке.

Или эссе о покойном друге-поэте, в котором описывается памятный вечер в его честь с чтением стихов, и среди прочего автором нашей книжки сделано обобщение: «Жизнь сложнее поэзии, но только поэзия может передать восторг или стон переживаемой жизни. И надо ещё суметь её прожить, достойно и не ропща. А лучше талантливо... Истинный талант обрастает, как дерево, прочими достоинствами, и вырастает огромное древо, каждая ветвь которого – особый дар». Хорошо же сказано!

Значит, стоит читать далее. Вот и листаю страницу за страницей. Часть вторая называется «Переводы». На странице в две колонки даётся русский оригинальный текст слева, а справа – английский перевод. Здесь переводы иркутских писателей с русского языка на английский: Александра Вампилова («Успех», «Ревность», «Конец романа»), Анатолия Байбородина (до чего же прекрасно «Озеро моего детства» – настоящая поэтическая проза, заставляющая ностальгировать по собственному озеру детства, с которым связано невероятно многое, прежде всего рождение красоты в мальчишеской душе). В такую прозу надо обязательно почувствовать, медленно смакуя при чтении: «Озеро – смирное, податливо-тёплое, напарившее свои обильные телеса в солнечной бане и теперь, широко растележившись, ласково и дремотно глядящее в линияное небо зазеленевшими глазами, на которые млело осыпаются белёсые ресницы; озеро, нежно щекощящее ребятишек заалевшей на закате игривой рябью, а с бывалых и усталых смывающее прохладными, придонными струями тоску и уныние...» Разве это не прекрас-

но?! Попробовал почитать по-английски и пожалел английского читателя, которому вряд ли ощутить даже по художественному «демидовскому» переводу все нюансы, мерцание флюидов бытия, замечательно переданные на родном русском языке.

В этой же части рассказы Александра Лаптева и Виталия Диксона, а также воспоминания о детстве Татьяны Ларёвой с отрывками из её же монографии «Пётр Андреевич Турчанинов (1932–2009)» – это о «сибирском гении» живописи.

Заканчивается часть озорными частушками, ну вы, конечно, понимаете, что это могут быть за языковые перлы, родственные устному народному творчеству, которые по-русски даются с отточиями (все, безусловно, тут же заполняют их мысленно народными оригиналами), а вот в английских переводах нет никаких отточий и пропусков, наверное, потому, что у англичан отсутствует закон о защите их языка.

Сделаем передых, потому что в третьей части книги – это переписка – явлены письма Марка Демидова писателю Майклу Майлэму (my american friend, уточняет иркутянин), профессору и знатоку русской истории, философии, литературы и музыки, который умудрился в своё время поработать в нашей стране по языковой специальности. Я по диагонали посмотрел: там о писателях, знакомых адресатам, о друзьях-товарищах, о событиях в иркутском Доме творчества. Главный герой писем – Сергей-Селифан, гогаевский характер, таковых ни в каких америках не сыщешь. Зарубежный друг, наверно, был доволен: в письмах-то никаких отточий в словах не употребляется, чешет так, как оно есть и как говорится в устной речи, то вдруг отчего-то всё-таки оставляются пропуски букв в «острых» английских словечках – здесь систему трудно узреть. Впрочем, Марк Сибирский – так он определяет себя (а то и шуточно по-иному на величивает) – пишет-разговаривает и о политике, и о творчестве, да много о чём, например, вдруг мелькнёт в строке «самогонка», или о танцах, выпивках, праздниках в европейских городах. И заканчивается часть англоязычным эссе о Валентине Распутине.

Почему «сделаем передых»? А потому, что большинству не захочется разбираться в англоязычных сплетениях, кому-то из-за лени, кому-то просто от незнания языка – сразу перекочают в четвёртую часть, «сказочную». Это «Лизин уголок», то есть дочкино хозяйство. На этих страницах автор собрал русские прибаутки, детские песенки, стишки и сказки, всё опять-таки с параллельными переводами, включая сценарии нескольких русских сказок на основных европейских языках. Здесь же перевод недавно вышедшей сказки Анатолия Байбородина «Косопят – борода до пят». В семье Демидова, как представляется, с Lizzi-daughter много разговаривали по-английски, использовались и иные европейские языки, воспитывая на самых известных сказочных героях, определяя жизнь и судьбу родного чада. До чего любопытно вчитаться в выражения таких из-

вестных персонажей, которые сидят в подсознании каждого русского человека – Колобка, Красной Шапочки, Буратино, но по-английски. Есть такое слово – «шалость». Марк Демидов шалит вместе с детьми по полной.

А ведь ещё в книге есть страничка «Немного о своей семье...», и её стоит внимательно прочитать, ведь фактически фамилия автор должна быть Тарасов, а у него – другая. И следом целый раздел фото «Из личного архива», которые не менее интересно разглядывать-разбираться.

...Теперь окончательное резюме. Книжка сия может принести пользу не только хорошо уложенным, настоящим русским языком – иногда о читателях таких текстов чуть пренебрежительно и совсем неправильно говорят, растягивая слово «эс-те-ты»; но и для изучающих английский язык. А это вполне приличная часть моих соотечественников.

Вопрос, как говорится, на засыпку: может, автор, не думая о том, сложил из кусочков мозаики играющую красками картину абсурда жизни, когда всё кончается одинаково – небытием, поэтому веселись, смейся до упаду, радуйся, пока длится твоё «я»?..

И всё-таки по большому счёту эта книга о чуде. Русском чуде. И ещё. Она написана-собрана счастливым человеком.

Валерий ПЛЮЩЕВ,
Кемерово

162

ПОЭТ ИЗ ТЕМИРТАУ

Поэт Ольга Хапилова стала для меня открытием фестиваля «Юго-Александровский родник» в 2014 году. Высокое жюри распорядилось по-своему, но в моём личном рейтинге Ольге безоговорочно досталось первое место по глубине и силе прозвучавших стихов.

Книга Ольги Хапиловой «Заповедное русское слово» вышла в 2017 году в авторской редакции. К сожалению, без предисловия, и мне не совсем понятно, почему никто из старших товарищей по поэтическому цеху не изыскал возможности представить читателям несомненно талантливого и самобытного кузбасского автора.

Хапилова – сибирячка, плоть от плоти родной земли сибирской, и это во многом определяет её литературное творчество. Для сравнения: в альманахе сибирской актуальной поэзии «Между» (Новосибирск, 2015), представившем вниманию читателей около полусотни авторов из девяти городов Сибири (от Абакана до Томска), в том числе из Кемерово и Новокузнецка, есть и классическая силлаботоника, и верлибр, и стихи, написанные в формате А4, вот только Сибири я в нём практически не обнаружила. А в книге Ольги Хапиловой – настоящая Сибирь, просторная, обширная, со своими хлебозорами, с «нагромождением пихтовых сопков, взрытым карьерами

чревом земли», Сибирь, где «лежит тайга угрюмо-черневая, напоминая девственных лесов», где, «гудя в конопатых лучах, над своим разнотравьем летают шмели-медуницы».

Остаётся мудрёным словам верить:
Хлебозоры парят облаков выше,
Будто кто-то на миг распахнул двери –
И алтайскую рожь наяву вижу.

До неё, до родимой, – в пыли вёрсты;
Ястреб-птица и тот долетит редко.
И, каким б ни казалось сухим, чёрствым,
Откликается сердце на зов предков.
(«Хлебозоры»)

О мой тучный Алтай, словно пёстрое стадо коров!
(«Алтай»)

Стирает всплеск безудержной волны
Из памяти слова «руда», «горняк»
В моём краю, где воздух проморожен,
Где сопки стонут, бременем полны –
И может быть, последний товарняк
Уже при нас отправится порожним.

Как новый век в моих глазах нелеп!
Как мало надо, только и всего –
Не покорять Юпитер, Марс, Плутон и... –
Ковать железо, сеять в поле хлеб,
И чтоб всегда в величии его
Лежал подземный камень на ладони.
(«Таштагол»)

Мощно прозвучавшая в сборнике О. Хапиловой тема Родины, Сибири, Кузбасса весомо поддержана пластом пейзажной лирики, выписанной сочным языком и населённой живописными образами.

И ещё не сидит детвора в классе,
Но, сорвавшись на землю с вершин склона,
Так запуталась радуга, лист крася,
Будто в неводе щука, в ветвях клёна.
(«Август»)

Вновь нежданная осень. Сварливый завистник –
Суетливо и тщетно – деревьям, кустам
Ветер в небо взметнёт облетевшие листья,
Будто силась развесить по прежним местам.
Будто не было вовсе порывов намерен
И тревожного гула в двенадцать гитар,
Чтоб узнать, как к утру пятаками из меди
С редким серым просветом покрыт тротуар.
Всё своим чередом... Но на память отметкой,
Трепеща на ветру, лобызая исток,
На подломленной снегом безжизненной ветке
Прикипевший подножкой повиснет листок.
(«Вновь нежданная осень»)

Неразрывно спаяны с Сибирью и воспоминания детства.

Подрастёшь, не вспомнишь про долг сыновий –
Лишь река промёрзнет до дна и устья,
Ты в тайге заветной найдёшь зимовье,
Как шагнуть чуть дальше, чем мать отпустит...

На морозе пихты стояли, съежась,
Километров было с пятнадцать ходу –
И, ты знаешь, как-то ходили всё же,
И сейчас чудно – не боялись сроду.

Там рубили луки – малы для ружей –
И пером гусиным чинили стрелы,
Чтоб в мечтах безумных, покой нарушив,
Приносить из леса вязанки белок,

Как старик-охотник, хозяин хворый,
Что чуть свет на лыжах своей дорогой
Уходил. Мы в топке палили хворост:
Здесь закон – без дела дрова не трогай!

И другим законом – возьми, что нужно.
От тепла и чая брала истому...
И съедая наспех остывший ужин,
Мы с тобой, где были, не скажем дома.
(«Зимовье»)

Ольга – медицинский работник. Многие медики внесли свой вклад в русскую литературу, от Антона Павловича Чехова, Михаила Афанасьевича Булгакова и Викентия Викентьевича Вересаева до современного поэта из города Каменск-Уральский Веры Кузьминой. Вспоминая исторические события и выступая от имени коллег, Ольга выступает в защиту своей профессии:

Так и слышен вдогонку в последние дни,
Впрочем, что ж, предсказуем, не нов –
«Медицину – ату! Медицину распни!»,
Дикий ор подсадных крикунов.

А зеваки скоры на расправу и суд,
И какой-нибудь новый Пилат
Опускает персты в позлащённый сосуд...
О, наденьте мне белый халат!
(«Белый халат»)

Нас помянет добром поколение,
Справедливее вас, человечнее!
(«Дело врачей. Сон»)

Творчество поэта многогранно: в иных стихах явно слышны глубоко народные, почти былинные мотивы («Богатыри», «Беловодье»), в иных – православные, евангельские («Пусть на сонном маршруте»).

Завершается сборник авторским переводом памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», и это показатель смелости Ольги Хапиловой.

На мой взгляд, не все произведения книги одинаково хороши, автору есть над чем поработать. Но неравнодушному читателю и патриоту рекомендую обратить внимание на творчество самобытного поэта из кузбасского посёлка Темиртау Ольги Хапиловой.

Ю. СЫЧЁВА,
Кемерово

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

22 сентября в областной библиотеке им. В. Фёдорова состоялся юбилейный вечер поэта Сергея Донбая. Юбилея поздравляли представители администрации, читатели, библиотекари, художники, архитекторы, филологи, собраты по перу, питомцы областной литературной студии «Притомье». Поэт читал стихи из своих книг. С приветствием в адрес виновника торжества выступили: Н. Хижняк, О. Соковина, В. Никулина, Г. Карпова, А. Каптарь, М. Брюзгина, Ю. Тотыш, В. Иванов, Д. Мурзин, В. Плющев, В. Коврижных, В. Феданов, С. Уланова, Л. Чидилян, Л. Ерёменко, В. Громов. В музыкальных паузах пели внучки юбиляра Вероника и Василиса. Вёл вечер Борис Бурмистров.

23 сентября в Прокопьевске состоялся IV открытый поэтический фестиваль «Осеннее многоцветье». Он прошёл в ДК «Ясная поляна». Мероприятие собрало авторов-исполнителей и поэтов от 18 лет из Междуреченска, Мысков, Новокузнецка, Киселёвска, Кемерово, Ленинска-Кузнецкого, Осинников, Белово, Калтана и других городов и посёлков Кузбасса. Во время фестиваля «Осеннее многоцветье» поэты из разных городов передали свои книги в библиотеки Прокопьевска. Работала выставка, посвящённая памяти Николая Нагорнова, и выставка книг поэтов Кузбасса.

28 сентября поэт С. Донбай выступил в библиотеке им. А. Береснева перед учениками 48-й школы. На встрече библиотекари и дети поздравили поэта с юбилеем и вручили благодарственное письмо.

3 октября, в день рождения С. Есенина, поэт Ю. Дубатов принял участие в поэтических чтениях у могилы поэта на Ваганьковском кладбище.

4 октября в областной библиотеке им. В. Фёдорова прошла творческая встреча с барнаульскими писателями Анатолием Кирилиным и Александром Карповым. Писатели рассказали о своём творческом пути и связях алтайской и кузбасской литературы. Александр Карпов пел песни на свои стихи.

6 и 7 октября 2017 года в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области прошли вторые литературные чтения «Кольчугинская осень». Символизм чтений особенный, так как они проходят в связи с выходом нового номера литературного альманаха «Кольчугинская осень». Номер альманаха – пятый, первый юбилей. И география авторов обширная. От Москвы до Улан-Удэ. Введены новые рубрики «Интервью», «Фестиваль поэзии имени Алексея Бельмасова».

После презентации нового номера прошла творческая встреча с юбиляром, поэтом, членом Союза писателей России, главным редактором журнала писателей России «Огни Кузбасса» Сергеем Донбаем.

Собравшиеся зрители, гости и участники чтений поздравили Сергея Лаврентьевича с 75-летием.

Чтения «Кольчугинская осень» также не забыли и про школьников. И в школе № 7 выступили Анастасия Губайдуллина и Елена Клименко из Томска, и Юрий Татаренко из Новосибирска.

Далее состоялся семинар поэзии и прозы. Руководителями семинара были такие мастера, как Нина Ягодинцева (Челябинск), Анатолий Байборodin (Иркутск), Сергей Донбай (Кемерово), Дмитрий Мурзин (Кемерово), Анатолий Шалин (Новосибирск), Татьяна Ильдиминова (Кемерово), Ирина Тюнина (Кемерово), Галина Золотаина (Ленинск-Кузнецкий).

Лучшие работы были рекомендованы для публикаций в журнале писателей России «Огни Кузбасса» и альманахе «Образ».

Также состоялось открытие фотовыставки «Поэту по портрету», посвящённой Пятому Всероссийскому фестивалю поэзии имени Алексея Бельмасова. Презентацию выставки провела автор проекта Екатерина Скабардина.

Состоялся в рамках чтений ежегодный конкурс, посвящённый дню рождения С. А. Есенина, по итогам которого первое место занял Айса Абушаев из Полысаево.

Второй день чтений открылся творческой встречей с поэтом из Челябинска Ниной Ягодинцевой. Далее день продолжился встречей с писателем из Иркутска Анатолием Байбородиным.

А завершились чтения презентацией журнала «Начало века», Томск. Журнал представила Елена Клименко.

Дмитрий Филиппенко, член Союза писателей России, принял участие в 5-м Всероссийском фестивале имени Михаила Анищенко, Самара. Дмитрий был руководителем одной из секций семинара поэзии вместе с Александром Ананичевым и Алексеем Портнягиным.

19–21 октября в Братске прошли Третьи Костроминские чтения. В них приняли участие поэты из Кемерово Наталья и Дмитрий Мурзины. Программа чтений вобрала в себя вечер памяти поэта В. Костромина, мастер-класс для авторов Братска (руководители О. Гуляева (Красноярск), Р. Днепровский (Иркутск), Д. Мурзин), выступления поэтов в школах, университете и библиотеках, встречу поэтов О. Гуляевой и Н. Мурзиной с детским литобъединением «Камбулька» (руководитель Г. Кравец). Организатор чтений – вдова поэта Василия Костромина – Оксана Костромина.

Поэт Владимир Шумилов провёл серию встреч со школьниками. 18 октября – в школе № 78 г. Кемерово, 24 октября – в школе пос. Кузбасский Кемеровского района, 14 ноября – в школе с. Березово Кемеровского района.

1 ноября в коммунально-строительном колледже состоялась встреча, посвящённая Дню народного единства, организованная преподавателем литературы Л. Виноградовой. Поэт А. Катков рассказал об исторических и трагичных предпосылках этого праздника.

Вера Лаврина стала призёром IX Международного конкурса русскоязычных хайку в номинации «Выбор жюри».

14 ноября в помещении театра «Ложа» прошёл вечер «Разговор с Достоевским». Координатор народного проекта «Достоевский в Сибири» Э. Вистерман рассказал об истории венчания Достоевского в Кузнецке, поэты С. Донбай, Д. Мурзин, И. Фролова, Б. Бурмистров рассказали о своём понимании значения Достоевского в современном мире. Ученики 46-й школы искусств выступили с музыкальными номерами эпохи Фёдора Михайловича. Вечер вёл Борис Бурмистров.

22 ноября в Кузбасском центре искусств литературный клуб «Слово» провёл замечательную встречу самобытных поэтов земли Кузнецкой.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

Сентябрьский номер журнала «Наш современник» напечатал юбилейную подборку поэта **Сергея Донбая** «Мы путники из детства, из природы...» с предисловием В. Лютого. В поздравлении редакция скостила пять лет юбиляру, поздравив 75-летнего поэта с 70-летием.

В 9-м номере журнала «Казань» опубликованы стихи победителей и некоторых финалистов конкурса имени Гавриила Каменева «Хижицы», в том числе кемеровского поэта **Д. Мурзина**.

Вестник Кемеровского государственного университета в № 3 (71) за 2017 год напечатал материал **А. Ярошук** «Египет. Дашур. Спутница Ломаной пирамиды Снефру. Открыта её функция – проверка канатов на прочность».

Журнал «Плавучий мост» (Германия – Россия) в № 2 за 2017 год напечатал отзыв **С. Ивкина** «Сомнительная любовь» на стихи **Дмитрий Мурзина**.

ВЫШЛИ КНИГИ:

Кирчик Л. Записки кадровика. Юрга: ООО «Медиа-сфера», 2017. 84 с.

Анохин М. Мерцающая аритмия. Кемерово: ООО «Технопринт», 2017. 408 с.

Арнаутов В. Этюды на предлагаемые обстоятельства: повести. Кемерово, 2017. 413 с.

Тудегешева Т. Медногривое солнце встаёт: Стихи. 2017.

Егоров В. Н. Дорогая Родина моя! Песни на стихи Василия Фёдоровна. Воспоминания / Нотная запись песен С. А. Григорьева, А. Г. Сбитнева. Новокузнецк, 2017. 128 с.

Егоров В. Н. Песни без нот: Стихотворения, воспоминания, очерки. Новокузнецк, 2016. 112 с.

Союз писателей Кузбасса с глубоким прискорбием извещает, что на 69-м году после тяжёлой, продолжительной болезни ушёл из жизни замечательный писатель, человек огромной души, гражданин с большой буквы, член Союза писателей России Валерий Андреевич Плющев.

Большую часть своей жизни он посвятил Кузбассу. Она всегда у него наполнялась любовью к русской литературе, к людям, живущим рядом.

Он умел дружить, и мы гордимся, что дружили с ним!

Честь и достоинство, эрудированность в вопросах искусства и литературы были присущи писателю Валерию Плющеву. Он автор четырёх книг публицистики, критики, член редколлегии и постоянный автор журнала «Огни Кузбасса». Из-под его пера вышли десятки и десятки статей о современной литературе.

Валерий Андреевич – лауреат литературных премий.

Мы потеряли прекрасного писателя, друга, товарища.

Скорбим вместе с родными и близкими.

Писатели Кузбасса

22 октября 2017 года на 78-м году жизни после продолжительной болезни ушёл из жизни удивительный человек – член Союза писателей России Татьяна Константиновна Яковлева.

Добрый светлый человек со сложной судьбой. Нелёгкое военное детство, эвакуация из блокадного Ленинграда, гибель отца на фронте, разрушенный войной дом... Счастье дарили ей книги. Любимый писатель Александр Грин научил мечтать и верить в мечту.

В 1998 году Татьяна Яковлева волей обстоятельств приехала жить в Новокузнецк. В 2000 году она выпустила первую книжечку, которая называлась «Сказки бабушки Татьяны». Затем вышли в свет ещё две книги: «Почему танцуют журавли», «Почему лягушонок стал зелёным» (издана при поддержке губернатора Кемеровской области Амана Гумировича Тулеева). Анна Александровна Назаренко посодействовала созданию последнего сборника сказок под названием «Про бабушку и внуку», который вышел в 2014 году. Татьяну Константиновну в её творчестве поддерживали коллеги: бывший редактор газеты «Инвалид» Зинаида Черновол, известная художница Альбертина Фомченко, Эльвира Бабаева и Татьяна Бабашкина.

«Сказки бабушки Татьяны» печатались в альманахе «Кузнецкая крепость», газете «Кузнецкий рабочий». В Доме творческих союзов и библиотеке им. Гоголя проходили творческие вечера писательницы.

Татьяна Константиновна была награждена медалями «За веру и добро» и «За служение Кузбассу».

Чудесной сказочницы и замечательного человека Татьяны Яковлевой уже нет с нами, но остались её светлые и добрые сказки как напоминание о чуде.

20 ноября 2017 года ушла из жизни Екатерина Михайловна Лукашок, старейший учитель Кузбасса, удивительный человек, оставивший добрую память в сердцах многих людей.

Екатерина Михайловна Лукашок родилась 13 марта 1925 года. Из Белоруссии во время страшного голода 1930-х её семья переехала в Россию. До войны она окончила два курса педагогического техникума. В марте 1943 года была угнана в Германию с оккупированной немцами территории – из города Сураж Брянской области. После возвращения на родину получила педагогическое образование в Брянске, стала учителем, вышла замуж за офицера-фронтовика, родила и воспитала троих детей. Кемерово – последнее место военной службы её мужа. Здесь Екатерина Михайловна работала учителем в школе № 10. Сложный и трагический жизненный опыт, полученный в детстве и юности, испытания молодости, годы активной учительской деятельности сформировали уникальный характер, поражавший всех, кто встречал Екатерину Михайловну. Полная открытость жизненным впечатлениям, жажда познания мира, стремление во всём дойти до самой сути, искренняя заинтересованность в человеке, желание помочь, поддержать, просветить, харизматическое умение войти с любым в резонанс и раскрыть то лучшее, что в нём есть. Все эти качества не

угасали с годами, а словно укрупнялись при осознании того, как мало остаётся времени впереди. В 92 года Екатерина Михайловна читала с юношеским нетерпением, словно торопилась понять происходящие реформы, состояние современной литературы, ход пережитой войны... Часто она говорила: «Наконец я поняла...» – и начинала с увлечением говорить то о Жукове, то о современном кузбасском поэте. Это была радость открытия, которой она всегда хотела поделиться. Однако при этом вечном поиске истины, при молодой вовлечённости в жизнь было в сознании Екатерины Михайловны то, в чём не сомневалась она никогда, ни в войну, ни на пороге смерти. Это – помощь и милосердие Бога.

Ушёл из жизни мудрый старший товарищ, искренний патриот, человек, энциклопедически образованный, сердечный, мужественный, с самостоятельным, свободным мышлением, с активной жизненной позицией. Прожита длинная прекрасная трудная жизнь. Мы будем помнить о Вас, дорогая Екатерина Михайловна, добрый друг и учитель!

Друзья и ученики

В ПОИСКЕ НОВОГО СЛОВА

Совсем недавно писатели проводили в последний путь Валерия Плющева. Эрудированный историк, страстный книголюб, литературный критик и публицист, он оставил о себе неумирающую память...

До выхода на заслуженный отдых Валерий Андреевич работал в Сибирской генерирующей компании (СГК). В 2006 году руководство кузбасского филиала энергохолдинга поддержало его идею о проведении литературного конкурса с символическим названием «Энергия творчества».

– Конкурс «Энергия творчества» был одним из первых, который я выиграла, – высказалась как-то кемеровский прозаик Татьяна Ильдемирлова. – Мне сразу показалось интересным желание крупной энергетической компании поддерживать местных авторов в том числе материально: не часто такое встретишь. И, конечно, он оказался для меня полезным. Круг моих читателей стал шире, коллеги теперь воспринимают моё творчество иначе, серьезнее, я бы сказала. А кроме того, что победы укрепляют веру в себя, конкурс познакомил меня со многими интересными людьми, которыми, как и мне, небезразлична литература.

Последний раз Валерий Андреевич сидел за одним столом со свежими лауреатами конкурса год назад. Тогда «Энергия творчества» вышла на круглое число – 10-й год проведения.

Конкурс стал привычным и неотъемлемым от жизни пишущих. В нём участвуют никому доселе не известные любители и относительно известные профессионалы. Прозаические темы и жанры совершенно произвольны, что и неплохо. В одной стопке соседствуют и «женский роман», и мистическая сказка, и рассказ о любви, и роман-исследование о Жанне д'Арк.

Произведений присылается много, жюри при оценке приходится тщательно всё взвешивать.

Привожу первую попавшуюся строфу:

*Это август. И сочная зелень его тяжелее,
Чем кольчуги ярмо на древесных могучих плечах,
И гиганты под бременем листьев гибнут, млея
В пряно-жгучих, слепящих, ещё не остывших
лучах*

В 2016 году появились новшества, внесённые в честь 10-летнего юбилея. В название до-

бавили «Новое кузбасское слово». Расширили состав жюри. В него вошли не только члены Союза писателей России и самой Сибирской генерирующей компании, но и представители творческих, научных кругов города Кемерово.

На специальном интернет-сайте читатели познакомились с произведениями и голосовали. Приз читательских симпатий 2016 года заслужил Сергей Адодин за сборник рассказов «Ворваться в рай». Всего в голосовании приняли участие 860 человек.

– Хочется привлечь к проекту как можно больше людей, чтобы в нём поучаствовали и те, кто пишет в стол, для себя, для семьи, – приоткрыла дверь в организационную «кухню» координатор конкурса Анастасия Андронович. – Мы широко объявили о конкурсе, запустили рекламу. И в 2016-м он родился заново. В состав жюри вошли филологи, представители культурной сферы города. Мы перешли на балльную систему оценки и спрятали участников за номерами, чтобы фамилии известных писателей не давили на жюри».

Нововведения не повлияли на главную цель. Она осталась прежней – выявление и поддержка одарённых авторов Кузбасса, развитие литературы в регионе, повышение интереса жителей области к чтению.

Осмысливая опыт проведения конкурса, организаторы изменили его формат и в 2017 году. Теперь это – литературная премия «Новое кузбасское слово». Ее проводит Сибирская генерирующая компания при поддержке Общественной палаты Кемеровской области. У премии есть свой логотип и своя площадка в сети – группа «ВКонтакте».

Приятно, что организаторы подходят к «Новому кузбасскому слову» с душой, придавая ему самую светлую значимость.

– Произведения, присланные на конкурс, особенно произведения-победители – это настоящая литература, которая родилась на нашей кузбасской земле, – не скрывает удовлетворения Анастасия Андронович. – Мы находим авторов, о них узнают читатели, их читают, отмечают. С каждым годом открывается всё больше новых имён. Мы всё это делаем от души и для души.

В ушедшем году соискателями премий СГК стал 71 конкурсант.

Работы двух лауреатов конкурса публикуются в этом номере. С другими победителями конкурса читатели смогут познакомиться в 2018 году.

ЖЮРИ КОНКУРСА

– **Дмитрий ГОЛОФАСТ**, заместитель директора Кузбасского филиала СГК по административным вопросам, председатель жюри;

– **Сергей ДОНБАЙ**, главный редактор журнала «Огни Кузбасса», поэт, член Союза писателей России;

– **Вера НИКУЛИНА**, директор Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Федорова, председатель комиссии по культуре, искусству, творческому и культурно-историческому наследию Общественной палаты Кемеровской области;

– **Ирина АЩЕУЛОВА**, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций КемГУ;

– **Анастасия АНДРОНОВИЧ**, специалист отдела по связям с общественностью Кузбасского филиала СГК, администратор премии.

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ «НОВОЕ КУЗБАССКОЕ СЛОВО»

НОМИНАЦИЯ «КРУПНАЯ ПРОЗА»

Первая премия

Ирина Тюнина за повесть «Сказка по слогам».

Ирина Тюнина – член Союза писателей России, автор трёх поэтических сборников. Её повесть – сказочный канон про Машу-дурочку, оказавшуюся мудрой и счастливой. Члены жюри отметили замечательный сказовый стиль, живой язык.

Вторая премия

Татьяна Ильдиминова за повесть «Замри!».

Татьяна Ильдиминова – член Союза писателей России, автор многих повестей и рассказов. Уже несколько лет подряд её произведения становятся победителями данного конкурса. Повесть «Замри!» отличается глубоким проникновением в подростковую психологию. Для Т. Ильдиминовой характерны живой язык, ритмика и особый темп текста.

НОМИНАЦИЯ «МАЛАЯ ПРОЗА»

Первая премия

Евгения Борисова за цикл рассказов «Пять чувств».

Евгения Борисова – популярный в Кузбассе блогер, победитель областных конкурсов поэтов и про-

заиков «Свой голос», «Новая книга. «Пять чувств» – рассказы про любовь, любовь многообразную, такую же, как и в жизни. Жюри отметило современность тематики, прекрасный слог.

Вторая премия

Екатерина Тюшина за рассказ «Агези – снежный человек».

Екатерина Тюшина – главный библиотекарь детской библиотеки им. А. М. Береснева (Кемерово). Автор нескольких книг, публикуется в журналах, сборниках. Рассказ читается легко, занимательно, насыщен кузбасской спецификой.

НОМИНАЦИЯ «ПРИРОДЕ СВОИ СТРОКИ ПОСВЯЩАЮ»

Первая премия

Ольга Графт за цикл эссе «Шестым чувством о природе».

Ольга Графт – преподаватель, кандидат филологических наук, прозаик, публицист, публиковалась в журналах Москвы, Кемерово и других городов страны. Для её текста характерна особая эмоциональность, некая даже импрессионистичность, уникальная ритмика, поэтичность.

Вторая премия

Виктор Горшков за стихотворения о природе.

Виктор Горшков (Новокузнецк) – композитор, член Российского авторского общества. В его стихах отмечаются оригинальные рифмы и новые подходы к теме природы.

НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ»

Первая премия

Алина Карелина за цикл стихотворений «В сумерках головы».

Алина Карелина (Прокопьевск) – лауреат различных поэтических конкурсов и фестивалей, автор стихотворного сборника «Вопреки». На суд жюри она представила именно цикл стихотворений с общим сюжетом, интересными интертекстуальными отсылками.

Вторая премия

Юлия Сычёва за стихотворения.

Юлия Сычёва – участник литературной студии «Притомье», публикуется в различных журналах, коллективных сборниках. По оценке жюри, Юлия выдвинула философскую тему, поднимаясь на уровень высокой поэзии.

*Я – дерево, густо поросшее мхом
с северной стороны,
и в нашем лесу мне каждый знаком,
мне все с высоты видны:
под старой корягой ожил родник,
сбегает сосняк с холма,
усыпал опушку цветов кандык,
сиреневый, как туман.*

*В густой моей кроне птицы начнут
вить гнёзда, растить птенцов –
всё будет, как было и год тому,
и триста лет, и пятьсот...
Я стар, шевелю ветвями с трудом,
но слышу стук топора.
Не страшно! Пусть срубят, построят дом,
а может быть, и корабль,
И может, в далёкой стране малец,
романтик и обормот,
изучит узор годовых колец
и всё для себя поймёт.*

ПРИЗ ЧИТАТЕЛЬСКИХ СИМПАТИЙ

В 2016 году проголосовало 860 человек, а сейчас – почти 5 тысяч из 47 стран мира и нескольких десятков российских городов.

Судьбу приза решали жители Европы, США, стран ближнего зарубежья, Африки, Аргентины, Панамы, Бразилии, Китая, Египта, Турции, Колумбии, Австралии. На всём протяжении голосования в лидерах оставались сборник рассказов и эссе Сергея Адодина «Быть попом. Нежалобная книга» и повесть «Замри!» Татьяны Ильдимировой.

В итоге оба участника конкурса набрали свыше 1 300 голосов читателей. Разрыв был несущественным и составил чуть более 10 голосов. Жюри приняло решение присудить приз читательских симпатий каждому автору.

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ ПРЕМИИ

– **Нина Лучкина.**

Журналист, поэт, переводчик.
Интересные стихи для детей.

– **Ольга Комарова** (Новокузнецк).

Подборка стихотворений. Большой словарный запас, богатая образная система, хорошая ритмическая организация и рифмовка.

– **Оксана Колмакова** (Прокопьевск). Сказка «Скрипка».

– **Инна Ким** (Новокузнецк).

Инна Ким – известный в городе журналист. Её повесть «Здравствуй, Настя!» была первым произведением, поступившим на премию, и, так сказать, задавала тон всему проекту. Интересный сюжет, воплощённый в исповедальной форме дневника, посвящён осознанию человеком самого себя, проблемам взаимоотношений близких людей из разных поколений.

– **Игорь Назаров** (Киселёвск). Рассказы «Три были».

Художественная проза с ироническим и трагедийным пафосом, злободневная и одновременно несущая философское содержание.

– **Екатерина Краснова.** Стихотворения о природе.

– **Наталья Монастырёва.**

Её рассказ «Тополь в синицах» жюри оценило высоко, лишь немного баллов не хватило до победы в номинации.

В ТОМ ЧИСЛЕ НАГРАДЫ ПОЛУЧИЛИ ЭНЕРГЕТИКИ:

– ветеран-энергетик, постоянный участник премии **Геннадий Зенков**, автор патриотических стихотворений;

– начальник службы анализа на ОРЭМ и сопровождения торговли мощностью дирекции по работе на энергорынках Кузбасского филиала СГК **Станислав Лень** за рассказ «Коламэн»;

– ведущий специалист отдела по работе с договорами и дебиторской задолженностью дирекции по работе на энергорынках Кузбасского филиала СГК **Яна Румянцева** за произведение «Доза любви»;

– ведущий специалист отдела по работе с персоналом АО «Кемеровская генерация» **Татьяна Точилкина** за стихотворения о природе.

За плодотворное сотрудничество СГК выразила благодарность председателю правления Союза писателей Кузбасса Борису Бурмистрову и в его лице всему творческому объединению, передав подарок для обновления материально-технической базы Союза.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» за 2017 год

ПОЭЗИЯ

Башев Николай. Басни и пародии	V-102
Берсенёва Елена. Размышления моего kota	I-75
Брюховецкий Виктор. Грустная правда	IV-3
Бурмистров Борис. Сколько нежности в русском народе	III-47
Дмитриев Валерий. Заставушка	IV-97
Донбай Сергей. Долетает Слово сквозь слова	V-3
Дубиковская Мария. Жить без тяжести!	I-102
Тюленев Игорь. За Уралом вынырнет Алтай	I-3
Елистратова Елена. Реальное зыбко	I-23
Еранов Владимир. Снег идёт – как к себе домой!	III-74
Ерошин Алексей. Демарш	II-48
Жамбалова Елена. Не равняй меня с остальными	V-87
Ибрагимов Александр. Беловское море	II-18
Иленко Анатолий. Родной деревни нужен гражданин	II-51
Каганов Владимир. Путь к далёкой радуге	II-36
Казаков Евгений. Хочется стать временем	IV-107
Кармалита Кристина. Уносят дни настенные часы	III-58
Кекова Светлана. Крестный ход	VI-3
Клёстов Дмитрий. Поэтическое взвесить умом	II-33
Коврижных Виктор. Ангел труда	VI-81
Колач Татьяна. Потемневшие аллеи	V-94
Колесник Любовь. Где-то в Ржевской земле	II-21
Костромин Василий. Дни против шерсти	IV-61
Малофеева Екатерина. Дом стоит	IV-104
Матюков Пётр. Сверкает, гремит Афанасий Фет!	I-77
Мирошниченко Надежда. Продолжаю наущать	III-4
Могутин Юрий. Человек, зачем ты весь?	V-76
Нечипорук Иван. Донецкая Русь	V-44
Паксиваткин Александр. Ольховая серёжка.	
Предисловие В. Тихомирова-Тихвинского	VI-99
Попова Татьяна. Она спешила жить	VI-93
Раевский Александр. Открытка	III-40
Сагатава Тамара. Ангел над городом	III-89
Солодовникова Ольга. Чуть выше сердца – жгут	I-25
Сычёва Юлия. День-деньской	IV-59
Тихомиров-Тихвинский Виктор. И солнце над деревней дрожит	IV-95
Тудегешева Таяна. О чём бубны Шории строго молчат	VI-50
Федорищева Юлия. Март так красив, что я хочу заплакать	I-104
Чернопятнов Сергей. И весна в ручьях звенела	VI-91
Шамсутдинова Марина. Золотая Орда и донская весёлость	IV-80
Шемшученко Владимир. Капельки васильков	V-68
Юров Геннадий. От лица родной земли	II-3

ПРОЗА

Арбачакова Любовь. Чельбеген и Машморук.	
По мотивам шорского фольклора	III-42
Баженов Леонид. За жердями	III-76
Байбородин Анатолий. Купель. Рассказ	I-6
Богормистров Николай. Оха и Тимофей. Рассказ	III-68
Борисова Евгения. Пять чувств. Цикл рассказов	VI-53
Бохов Валерий. Два рассказа	V-90
Васильева Анна. Нехристи. Повесть	V-78
Воронин Дмитрий. Два рассказа	IV-99
Герман Игорь. Два рассказа	II-61
Дубро Екатерина. Мой трудный путь	V-71
Дюкин Борис. Ностальгия. Рассказ	VI-68
Ильдишова Татьяна. Зами! Повесть	VI-6
Подгорнов Сергей. Ну – будем! Повесть	I-27
Чириков Евгений. Дни солнечных идей.	
Дьяков – легендарный и документальный. Окончание	I-79
Каденко Владимир. Ошибка отца Паисия	II-53
Казанцев Михаил. Здравствуй, жизнь солдатская. Рассказ	II-8

Козлов Василий. Никчёмное железо.	
Непридуманные рассказы	IV-83
Контукнов Никита. Колосок. Рассказ	V-96
Лаврина Вера. Сестра. Повесть	IV-6
Макарова-Гриценко Светлана. Два рассказа	III-49
Максимов Владимир. Живая душа	III-7
Морозова Эльрида. Аванс. Рассказ	III-60
Савченко Кирилл. Звёзды умирают по-разному	V-100
Сенчин Роман. Срыв. Повесть	V-6
Струкова Марина. Рассказы	IV-64
Танкова Людмила. Последний день его войны. Рассказ	II-14
Тертычный Иван. Два рассказа	II-23
Трухан Елена. Тальничина. Рассказ	II-28
Уткин Сергей. Прозаические миниатюры	III-84
Фролов Игорь. Ант. Рассказ	VI-84
Черемнов Сергей. Два рассказа	V-47
Черноскутова Марина. Металлолом. Рассказ	II-68
Шумилов Владимир. Два рассказа	II-38

СОЮЗУ ПИСТАЛЕЙ КУЗБАССА – 55 ЛЕТ

Борис Бурмистров. «Растут поэты на Руси»	III-3
---	-------

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Ерёменко Владимир. Святитель Иннокентий.	
Драматическая поэма (К 80-летию Валентина Распутина)	I-136
Злобин Денис (о. Дионисий). На реках Вавилонских.	
Фрагмент из романа	III-119
Кудрявцева-Кузнецова Надежда. Молитвы русских поэтов.	
Воздаяние – мои божественные встречи	IV-158

ПУБЛИЦИСТИКА

Анашкин Эдуард. Жить и помнить.	
(К 80-летию Валентина Распутина)	II-113
Арнаутов Виктор. Нам – 55!	III-91
Балибалова Диана. Празднование первого Дня шахтёра в Кузбассе	IV-121
Естамонова Зоя. «Беспощадное понимание»	VI-101
Зотов Станислав. Революция русского народа.	
Сто лет Февральской революции в России	IV-125
Мангазеев Игорь, Тихонова Елена. Ленком Кузбасса:	
ступени восхождения	III-106
Ничик Николай. Не стыдно ветеранам рассказать о прошлом	IV-118
Распутин Сергей. Замысел или умысел?	IV-131
Семёнова Валентина. Отстаивать культуру – дело нелёгкое, но ненеправильное	I-150
Ткаченко Пётр. Что было впереди?	III-100
Фокин Александр. К 100-летию заповедной системы России	VI-104
Цыпкайкина Марина. Есть ли жизнь в Пустом? (Тайны уникального озера Кузнецкого Алатау)	VI-105

КНИГА ПАМЯТИ

Кравченко Татьяна. Сыны Горной Шории – сыны России	II-92
Крылик Ольга. В блокадные дни	II-86
Кулиничева Лидия. Война не прошла мимо	II-82
Маурин Владимир. Второй фронт Шуры Ананьиной	II-88
Ничик Николай. «Я болью сердце выжег»	I-110
Николаевский Николай. Я видел край дождя	I-112
Письма отца. Предисловие и публикация	
Владимира Соколова	II-96
Поэты в воспоминаниях и письмах. Александр Береснев,	
Леонид Гержидович. Подготовила Елена Данилова	I-106
Шалакин Трофим. Записки шахтёра	I-114, II-100
Шураев Александр. Отчий дом на Орловской земле	III-128
«Я живу в 45-м» (о поэте Николае Суменкове).	
Подготовила Вера Лаврина	II-98

И БОЛЬШИМ, И ДЕТЯМ

- Протоиерей **Адодин Сергей**. Созвездие Большого Ежа.
ПовестьV-163
Ерошин Алексей. Самый лучший портрет. СтихиV-151
Козлова Зоя. Валенки для зайчатки. СтихиV-153

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОЧТА

- Голубева Ольга, Заболоцкая Мария, Катков Александр, Нагорнова Дина, Христенко Татьяна**II-79

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

- Вербицкая Ирина**. Рыцарь пятого океанаVI-155
Иванова Людмила. Владимир Михайлович Шабалин:
жизнь как подвигV-127
Лётчик Пётр Изосимович Карманов. Подготовил
Виктор АрнаутII-125
Матвеев Владимир. Некоторые примечательные факты
моей биографии в связи с моим 70-летиемIV-151
Милютина Наталья. «Ищите и обрящите»
(о Василии Дубском)I-154
Сушацкий Владимир. Геннадий Юров. Каким я его знал ...VI-151
Тотыш Юрий. «Пока живу, мечтаю». ОчеркV-120
Тюшина Екатерина. Заповедное пространство
Геннадия ЮроваII-120
Совет поэта выслушать спешите. Владимир МатвеевIV-154
Чурилов Виктор. Очеловеченная природаIII-153

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

- Елатов Вячеслав**. Поскриптим. Проблемы
с художественным методомV-137
Коняев Николай. Кочевые империиVI-110
Лютый Вячеслав. Недоразумение 2017 годаV-134
Поводырь. Статьи о Юрии КузнецовеII-137
Трухан Елена. «...Слушать лягушек и пить солнце!..»
(о последнем дневнике В. Ф. Булгакова)IV-141
Плющев Валерий. Книжная вселенная. ЭссеV-131
Чириков Евгений. Писатель любви и труда
(к 80-летию Виктора Чугунова)III-114

ЭССЕ

- Боченков Виктор**. Венгерский диптихV-104
Куралов Иосиф. Я зарастаю памятью.
Фрагменты из рукописиIV-109
Ляшева Руслана. Борьба за наследие Николая Гумилёва.
Почти военное эссеVI-95

СВЕТЛИЦА

- Голева Алёна**. «Ноты, спасающие жизнь...»
(Странички из дневника женщины, которая верила...)
Горбовская Анна. Стихи. **Митрофанова Каролина**.
Утро дремлет на ветках рябины. **Селеткова Анастасия**.
Салют победителям. **Столярова Настя**. Стихи.
Тартышина Дарья. Стихи. **Яковлева Светлана**.
Красавица-рябинка. СказкаII-150

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

- Кондрина Анастасия, Климанов Юрий, Рантович Михаил, Черепанова Агата, Шагиахметов Виктор, Фёдорова Марина**. СтихиIII-136

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

- Арнаут Виктор**. Пхукет – остров спасённыйIII-139

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

- Заболоцкая Мария**. Пращуры из Украины, Польши
и Беларуси – переселенцы Сибири. Отрывки из книги
«Дневник народной певицы»III-157

ШАХТЁРСКОЕ СЛОВО – КРЕПЬ РОССИИ

- Монастырёва Наталья**. Тополь в синицахIV-136
Ташев Иван. СтихиIV-140

ИСКУССТВО

- Лавренкова Галина**. «Путешествие с Достоевским».
Выставка иллюстраций по мотивам произведений
Ф. М. ДостоевскогоIV-163

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

- Комбу Сайлыкмаа**. Снова молюсь о тебе я, Тува. Стихи.
Перевод В. БерязеваV-149

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

- Виноградова Л. Н.** «Весна в Притомье»III-167

ЦИТАТА

- Дневник читателя. Сталинский грёзофарс. Подготовил
Сергей ДонбайI-158

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Деордиев Сергей**. Симфония книги
(о книге «Сибирский лад»)I-166
Волгин Игорь. С чуть заметной и невесёлой усмешкойIV-166
Елистратова Елена. От классики до авангарда
(о журнале поэзии «Плавучий мост»)IV-167
Инякина Нина. Отклик на книгу Василия Феданова
«Пасутся голуби в траве»III-166
Калинин Михаил. Учителство по призваниюIV-166
Карпова Галина. Шахтёр и плотник с душой поэта
(к 75-летию со Дня рождения Дмитрия Клёстова)II-166
Мурзин Дмитрий. Молодой шахтёрIII-165
Сладкий стартV-167
Налегац Наталья. Путиами встреч и обретений.
Поэзия Веры ЛавринойI-162
Ничик Николай. «...Возраст поля ещё впереди»V-164
«Я – дочь, я – ветвь абинского народа». К юбилею Тайаны
ТудегешевойVI-158
Сычёва Юлия. Отзыв на 3-й номер журнала
«Фантастическая среда»IV-168
Такое вот киноV-166
Поэт из ТемиртауVI-162
Плющев Валерий. Валентин Катаев – противоречивый
и непредсказуемыйII-166
Победное завершение Второй Мировой войны. Мысли
и факты по поводу альманаха «Победа над Японией»III-161
Что в имени тебе?.. (о книге В. Сушацкого «Странный
Кемерово»)I-164
Литературная «солянка», достойная пробыVI-161

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- Обсуждение журнала «Огни Кузбасса» за 2016 год:
Ляшева Руслана. Классика и народность – душа нашей
литературыII-158
Ничик Николай. Разновидности подснежников. Какие они
навеяли размышления?II-163
Сурина Нина. Слово о поэзииII-159
Чириков Евгений. Радует плюрализмII-161
Якобсон Даниэль. Письмо из ГерманииII-164
Яковлева Ольга. Заметки пародистаII-164
Поздравление Союза писателей с 55-летиемIV-169
Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин**I-170, II-170,
III-170, IV-168, V-170, VI-67, 164
Содержание журнала «Огни Кузбасса» за 2017 год.
Подготовил **Д. Мурзин**VI-170

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург)

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: **sp_kuzbass@mail.ru**.

Наш сайт: **www.ognikuzbassa.ru**.

**Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку
администрацию города Кемерово, ЗАО «Стройсервис», АО «Кемсоцинбанк».**

Журнал «Огни Кузбасса»
Главный редактор **С. Л. Донбай**
№ 6. Дата выхода в свет: 20.12.2017
Индекс 12234
Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 303. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.
Адрес издателя ГАУК КО «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.
Адрес типографии ООО «АИ Кузбассвуиздат»: 650043, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 60Б. Тел. 8 (3842) 36-36-00

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное учреждение культуры Кемеровской области «Кузбасский центр искусств» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),
Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректура и компьютерная верстка выполнены ООО «АИ Кузбассвуиздат»
Корректор: **Е. В. Фефелова**
Компьютерная верстка: **П. Б. Исаков**